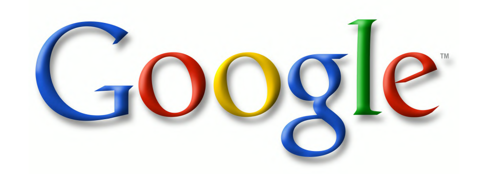
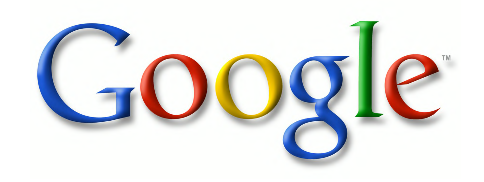

Google






STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

издаваемые

съ участіемъ: Архимандрита Амфилохія, Ф. К. Бруна, П. Буткова, В. М. Ведрова, В. Гейда, Д. И. Иловайскаго, М. А. Максимовича, И. Д. Мансветова, К. И. Невоструева, Ф. Пипера, фонъ-Прокишъ-Остена и В. Г. Тизенгаузена.

подъ редакціею

К. ГЕРЦА,

секретаря общества.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ,

съ 1 гравированнымъ, 1 литографированнымъ, и 1 фотолитографическимъ снимками и 13 политипажами.

МОСКВА.
1871.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ОМОФОРЪ.

И. Д. Мансветова.

Матеріалы для изученія омофора заключаются преимущественно въ истолковательныхъ литургическихъ сочиненіяхъ отцевъ восточной церкви, а также разсѣяны по мѣстамъ у древнихъ церковныхъ писателей. Но вообще литература этого предмета не богата. Древнѣйшія письменныя свидѣтельства кратки и отрывочны, а болѣе обстоятельныя—принадлежатъ временамъ позднѣйшимъ. О богослужебныхъ одеждахъ восточной Церкви писали толкователи литургіи: Софроній, патріахъ Іерусалимскій (Comment. liturg. fragm. Spicileg. Roman. T. IV. 1840), Германъ, патріархъ Константинопольскій (Rerum eccles. contempl.), и Симеонъ Солунскій (De templo et interpraetatio Liturg.).

Изъ свѣтскихъ писателей имѣютъ значеніе византійскіе историки: они представляютъ свѣдѣнія какъ для изученія придворнаго византійскаго костюма, такъ и церковныхъ облаченій. Таковы: Константинъ Порфирородный (De caeremoniis aulae Byzantinae), Кодинъ (De officiis curiae et eccles. Constantin.) и друг. По слѣдамъ этихъ писателей шли ихъ комментаторы и составители глоссъ и словарей. Сюда относятся: Рейске (Annotation. ad Constantin. Porphyrog.), Гоаръ (Notae ad Euchol. seu ritual. Graec.), Гретзеръ (Notae ad Euchol. Goar.) и др. Сводъ мѣстъ, относящихся къ исторіи церковныхъ одеждъ, представляютъ: Дюканжъ (Du-Cange, Glossar. mediae et infimae Graecit.) и Меурсій (Meursius, Glossar. Greaco-barbar). Въ новой археологической литературѣ видное мѣсто занимаетъ сочиненіе Вейсса: Kostümkunde oder Geschichte der Tracht. Stuttg. 1860—1864, въ которомъ особенное отдѣленіе посвящено исторіи облаченія западнаго и воточнаго,—также труды Гретзера и Бока.

При недостаткѣ ясныхъ указаній на внѣшній видъ и особенности той или другой церковной одежды у древнихъ писателей, также для исторіи измѣненій въ составѣ богослужебнаго облаченія, важны иллюстрированныя изданія. Мы имѣемъ въ виду: D' Agincourt; L'histoire de l'art, Salzenberg, Baudenkmale von Constantinopol vom V bis XII. Iahr 1854. Berl. снимки у Вейсса, Дюканжа и др. Другія сочиненія и пособія будутъ указаны далѣе въ нашемъ изслѣдованіи.

Первый вопросъ, который представляется при изученіи омофора, касается его вида и, такъ сказать, внѣшняго покроя. Рѣшеніе этого вопроса на основаніи нынѣ существующаго типа этой архіерейской одежды, конечно, не представляетъ трудности; но такое опредѣленіе не имѣло бы историческаго значенія и не объяснило бы, что̀ такое былъ омофоръ въ древности и какимъ измѣненіямъ подвергался онъ съ теченіемъ времени. Это заставляетъ обратиться къ древнѣйшимъ письменнымъ свидѣтельствамъ о видѣ омофора и къ древнимъ изображеніямъ епископскаго облаченія. Но что касается письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, то они, какъ мы уже замѣтили, и скудны, и не восходятъ ранѣе пятаго вѣка. Древнѣйшее изъ нихъ, принадлежащее Исидору Пелусіоту (436), ничего не говоритъ о видѣ этой священной одежды, а только указываетъ на ея символическое значеніе и на матеріалъ, изъ котораго она приготовлялась (τὸ δὲ Ἐπισκόπου ὠμοφόριον ἐξ ἐρέας ὂν, ἀλλ᾽ οὐ λίνου, τὴν τοῦ προβάτου δορὰν σημαίνει, ὅπερ πλανηθὲν ζητήσας ὁ Κύριος ἀνέλαβεν. Lib. 1 ep. 136).

Другое, болѣе полное и обстоятельное, идетъ отъ западнаго писателя Іоанна Діакона въ его біографіи Григорія Великаго (Двоеслова). Здѣсь говорится о Св. Григоріѣ, что онъ носилъ паллій (pallium—названіе одежды западныхъ епископовъ, соотвѣтствующей омофору восточныхъ), который, опускаясь съ праваго плеча ниже груди, поднимался на лѣвое и падалъ назади по спинѣ, а другой конецъ его точно также, но только съ обратной стороны (сзади), шелъ чрезъ лѣвое плечо и опускался сбоку. («Pallio mediocri utebatur a dextro videlicet humero sub pectore super stomachum circulatim deducto, deinde sursum per sinistrum humerum post tergum deposito, cujus pars altera super eundem humerum veniens, propria rectitudine non per medium corporis, sed a latere pendet». Joh. Diac. vit. Greg. l. IV. c. 84). Это свидѣтельство важно въ двухъ отношеніяхъ: оно, вопервыхъ, представляетъ довольно ясное описаніе внѣшняго вида паллія и показываетъ, какимъ образомъ его носили. Отсюда видно, что паллій, приписываемый Григорію, былъ не что иное какъ длинная полоса матеріи (орарь), обертывавшаяся вокругъ шеи, такъ что одинъ конецъ ея спускался чрезъ лѣвое плечо спереди, а другой сзади. Вовторыхъ, приведенное свидѣтельство даетъ ясное указаніе на то, что уже въ VI вѣкѣ pallium западныхъ епископовъ былъ въ главныхъ чертахъ тоже, что̀ и современный ему омофоръ восточныхъ, и что потому нѣтъ надобности настаивать на этимологическомъ значеніи имени pallium, какъ особеннаго вида тоги, чтобы въ этой одеждѣ видѣть прототипъ западнаго омофора. Судя по данному описанію, палліумъ епископскій утратилъ уже свое родство съ этою одеждою. Софроній, патріархъ Іерусалимскій, говоря объ омофорѣ, ограничивается замѣчаніемъ, что онъ былъ трехскладный, въ ознаменованіе служенія Св. Троицѣ (Лит. пос. Отц. Ч. 1. стр. 271). Не приводимъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ: Св. Германа (ibid. стр. 368), Симеона Солунскаго (ibid. ч. 3. стр. 23) и средневѣковыхъ писателей Гретзера (Observatt. in Georg. Codin. l. 1. c. XVI.), Гоара (Not. ad Ep. consecrat. p. 312 §. 8), которые или ограничиваются общими замѣчаніями о видѣ омофора, неимѣющими особеннаго интереса, или повторяютъ выраженія своихъ предшественниковъ. Болѣе значенія для объясненія нашего вопроса имѣютъ источники монументальные, или живописныя изображенія омофора въ произведеніяхъ древняго церковнаго искусства. Этотъ путь даетъ возможность наглядно ознакомиться съ древнѣйшими формами омофора и его измѣненіями въ составѣ архіерейскаго облаченія. Древнѣйшія изображенія омофора дошли до насъ отъ VI вѣка и встрѣчаются почти на одновременныхъ памятникахъ церковныхъ на Востокѣ и Западѣ. Такимъ образомъ они представляютъ данныя для сравненія внѣшняго вида восточныхъ омо-

форовъ съ современными имъ западными. Въ Равенской базиликѣ Св. Виталія, построенной Юстиніаномъ (547), сохранилось изображеніе императора, окруженнаго придворною свитою въ сопровожденіи трехъ духовныхъ лицъ. Одно изъ нихъ представляетъ Еп. Максиміана въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ. Онъ одѣтъ въ широкую длинною тунику (стихарь, tunica talaris), фелонь (paenula) и омофоръ.



(См. Weiss, Kostümkunde. Th. 2. Abschn. 1, fig. 43; ibid. fig. 64. Рисунки воспроизведены съ копіи, сдѣланной Ферстеромъ, по порученію Фридриха Вильгельма IV, на мѣстѣ нахожденія. D'Aginc. l'Hist. de l'Art. Peint. pl. XXI).

Омофоръ епископа положенъ на фелонь и имѣетъ видъ узкой полосы (орарія) съ крестомъ на концѣ. Этотъ орарь накинутъ на плечи совершенно такъ, какъ описывается у Іоанна Діакона: одинъ конецъ его спускается съ лѣваго плеча напереди, а другой долженъ лежать на спинѣ съ той же лѣвой стороны. Замѣчательна особенность въ положеніи омофора,—общая впрочемъ и другимъ древнимъ изображеніямъ омофора,—что онъ не плотно обвертывается около шеи, но низко падаетъ на грудь,—именно среднею частію опускается до той точки, которая обозначается біографомъ Григорія: «sub pectore super stomachum». Вообще положеніе омофора очень простое и естественное. Съ описаннымъ изображеніемъ совершенно сходно другое современное ему въ базиликѣ св. Аполлинарія въ Равеннѣ. Здѣсь представленъ еп.

Аполлинарій въ фелони и омофорѣ подобнаго же устройства (Marting, Diction. p. 639).

Обратимся къ памятникамъ современнаго Востока. Для нашей цѣли имѣютъ весьма важное значеніе снимки съ мозаикъ Софійскаго собора въ Константинополѣ, сдѣланные во время реставраціи этого храма архитекторомъ Фоссати и изданные по порученію прусскаго короля Фридриха Вильгельма IV въ великолѣпномъ изданіи Зальценберга: Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII J. Berl. 1854.



У епископовъ IV вѣка: Григорія Богослова, Василія Великаго, Николая Чудотворца и другихъ, здѣсь изображенныхъ, омофоръ представляется въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ на современныхъ софійскимъ мозаикамъ западныхъ изображеніяхъ равенскихъ Въ снимкахъ Зальценберга омофоръ значительно длиннѣе и шире, чѣмъ въ равенскихъ мозаикахъ. Омофоръ лежитъ на оконечностяхъ плечъ широкою полосою, которая перегибается на груди и продолжается отсюда широкимъ концомъ, достигающимъ до пола. Положеніе этого конца, какъ бы выходящаго изъ средины перегиба и висящаго ровно по срединѣ фигуры, составляетъ особенность софійскихъ омофоровъ сравнительно съ указанными выше. Омофоръ, положенный такимъ способомъ, носитъ слѣды искуственной отдѣлки: именно часть, составляющая его продолженіе спереди до полу, могла лежать такимъ образомъ и такъ относиться къ частямъ покрывающимъ плечи, лишь будучи пришитою или приколотою. Иначе она должна была опускаться къ сторонѣ, а не лежать по срединѣ (propria rectitudine a latere pendere). Г. Прохоровъ въ своемъ журналѣ: «Христіанскія Древности и Археологія» вы-

форовъ съ современными имъ западными. Въ Равенской базиликѣ Св. Виталія, построенной Юстиніаномъ (547), сохранилось изображеніе императора, окруженнаго придворною свитою въ сопровожденіи трехъ духовныхъ лицъ. Одно изъ нихъ представляетъ Еп. Максиміана въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ. Онъ одѣтъ въ широкую длинною тунику (стихарь, tunica talaris), фелонь (paenula) и омофоръ.



(См. Weiss, Kostümkunde. Th. 2. Abschn. 1, fig. 43; ibid. fig. 64. Рисунки воспроизведены съ копіи, сдѣланной Ферстеромъ, по порученію Фридриха Вильгельма IV, на мѣстѣ нахожденія. D'Aginc. l'Hist. de l'Art. Peint. pl. XXI).

Омофоръ епископа положенъ на фелонь и имѣетъ видъ узкой *полосы (оряря)* съ крестомъ на концѣ. Этотъ орарь накинутъ на плечи *совершенно* такъ, какъ описывается у Іоанна Діакона: одинъ конецъ *его спускается* съ лѣваго плеча напереди. а другой долженъ лежать *на* спинѣ съ той же лѣвой стороны. Замѣчательна особенность въ *положеніи омофора*, — общая впрочемъ и другимъ древнимъ изображеніямъ *омофора*, что онъ не плотно обвертывается около шеи, но низко *падаетъ на* грудь, именно среднею частію опускается до той точки, *которая обозначается* біографомъ Григорія: «sub pectore super stomachum». Вообще положеніе омофора очень простое и естественное. Съ *описаннымъ* изображеніемъ совершенно сходно другое современное *ему въ базиликѣ* св. Аполлинарія въ Равеннѣ. Здѣсь представленъ еп.

сказалъ предположеніе, что рисунки омофора, сдѣланные Зальценбергомъ, не вѣрны и составлены по образцу западныхъ палліевъ (1863 г., тетр. 3.). Но, сравнивая эти послѣдніе въ ихъ типической формѣ съ рисунками омофора на софійскихъ мозаикахъ, нельзя невидѣть между ними рѣзкаго различія, а въ омофорахъ по снимкамъ Зальценберга— типическихъ чертъ омофора древнехристіанскаго. Равенскія и константинопольскія мозаики имѣютъ между собою то общее, что у нихъ сгибъ омофора (спереди) лежитъ на одной линіи: super stomachum sub pectore. Этотъ сгибъ—покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ рисункахъ Зальценберга—обозначается совершенно явственно, только сдѣланъ изящнѣе и красивѣе, чѣмъ на современныхъ памятникахъ западныхъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи рисунокъ омофоровъ софійскихъ рѣзко отличается отъ позднѣйшей западной формы паллія. Къ этимъ изображеніямъ, снятымъ у Зальценберга, близко подходятъ миніатюры изъ рукописи, заключающей сочиненія Григорія Богослова (VIII—IX в.). Здѣсь омофоры, по внѣшнему виду, сходны съ софійскими (также три креста: два на плечахъ и одинъ на переднемъ концѣ омофора, такой же длины спускъ съ плечъ на грудь, та же длина и также передній конецъ омофора проходитъ по срединѣ), но сгибъ омофора обозначается очень замѣтно и не позволяетъ отожествлять данную форму омофора съ типомъ западнаго паллія IX-го и слѣдующихъ вѣковъ (см. снимки: Du Cange. Constant. Christ. lib. III. p. 77. Ibid. lib. IV. p. 125) *)

Дальнѣйшее измѣненіе омофора, судя по образцамъ, представляемымъ D'Аженкуромъ и въ другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: омофоръ имѣетъ видъ длинной

---

*) Вейссъ признаетъ снимки Зальценберга правильными и называетъ форму софійскихъ омофоровъ раздвоющеюся, вилкообразною (gabelförmig). Имѣя въ виду сообщеніе, сдѣланное изъ Петербурга, что восточный омофоръ всегда отличался отъ западнаго паллія, и что снимки Зальценберга не вѣрны, Вейссъ находитъ это мнѣніе голословнымъ, а самое недоумѣніе неразрѣшимымъ, такъ какъ стѣны Софійскаго храма вновь загрунтованы послѣ работъ Фоссати. Но желая въ то же время доказать, что рисунокъ Зальценберга вѣренъ, онъ высказываетъ слѣдующее, произвольное предположеніе—будто римская церковь навсегда удержала эту раздвоющуюся форму въ своихъ палліяхъ, а восточная очень скоро ее оставила и замѣнила прежде употреблявшимся омофоромъ въ видѣ простой повязки (Weiss Kostümk. S. 683). Пользуемся случаемъ замѣтить, какъ нерѣдко западные изслѣдователи, не имѣя возможности основательно познакомиться съ практикою восточнаго богослуженія, принимаютъ на вѣру показанія своихъ единоземцевъ и повторяютъ ихъ недосмотры и ошибки. Такъ Вейссъ, ссылаясь на авторитетъ Эльсснера, говоритъ, что греческіе архимандриты носятъ омофоръ, который отличается отъ епископскаго только тѣмъ, что короче его. (Здѣсь смѣшиваются большой и малый омофоръ). Weiss, S. 233. То же ошибочное мнѣніе раздѣляетъ и Зигель (Handbuch d. christlich. Alterth. B. III. S. 50).

повязки, которая обертывается вокругъ шеи и не представляетъ раздвоенія, какъ омофоры софійскіе; перегибъ большею частію лежитъ высоко, концы спереди и сзади длинные. Перечислимъ болѣе замѣчательныя изображенія омофора за этотъ періодъ времени для нагляднаго ознакомленія съ его формою. У Д' Аженкура на 32 и 33 таблицахъ представлены снимки съ изображеній, украшающихъ греческій менологій императора Василія (X в). Одинъ изъ рисунковъ представляетъ изображеніе седьмаго Вселенскаго собора. На полукругломъ возвышеніи, по обѣ стороны предсѣдательствующаго императора Ѳеодора, засѣдаютъ шесть епископовъ, въ полномъ облаченіи. Омофоръ у нихъ имѣетъ видъ длиннаго ораря, перегнутаго вокругъ шеи; одинъ конецъ его падаетъ спереди, другой долженъ опускаться назади. На другомъ рисункѣ изображенъ мученикъ Дорофей во время истязанія отъ язычниковъ; его положеніе позволяетъ видѣть задній конецъ омофора: онъ также длиненъ и достигаетъ до самыхъ пятъ. На 49-мъ листѣ Д'Аженкурова собранія представленъ снимокъ съ миніатюръ Паноплии, греческ. рукописи XII в. Здѣсь мы видимъ рядъ восточныхъ отцовъ IV—V в., которые подаютъ императору Алексѣю Комнину свитки своихъ сочиненій, послужившихъ основаніемъ Паноплии, догматическаго сочиненія, написаннаго по порученію этого государя. Омофоры у епископовъ такого же вида и устройства, какъ и въ предыдущихъ изображеніяхъ. Этотъ видъ омофора сохраняется и въ послѣдствіи; въ этой формѣ онъ перешелъ и въ нашу литургическую практику.

Палліумъ или омофоръ западныхъ архіереевъ подвергся также измѣненіямъ, и притомъ измѣненіямъ болѣе значительнымъ, чѣмъ омофоръ на Востокѣ, такъ что по внѣшнему виду замѣтно отклонился какъ отъ своей древнѣйшей формы (равенскія мозаики, описаніе паллія папы Григорія, сдѣланное Іоанномъ Діакономъ), такъ и отъ омофоровъ восточныхъ. Разность въ устройствѣ западнаго омофора мы можемъ изучать съ IX вѣка на основаніи живописныхъ изображеній. Къ этому времени уже успѣли обнаружиться обрядовыя разности между Западомъ и Востокомъ, выработались своеобразныя формы литургіи и особенности въ богослужебномъ облаченіи. Обращаемъ вниманіе на миніатюры Libri Pontificalis по редакціи IX вѣка. Здѣсь представлены, межу прочимъ, епископы въ полномъ облаченіи, въ моментъ посвященія клириковъ разныхъ степеней. Омофоръ имѣетъ ту особенность, что онъ не обертывается вокругъ шеи, но лежитъ на плечахъ двумя полосами, сходящимися на груди и продолжающимися длиннымъ концомъ до низу. Это уже сшивной омофоръ, напоминающій эпитрахиль въ облаченіи восточныхъ священниковъ, только уже ея. (D'Aginc. pl.

37. fig. 9). Здѣсь изображенъ епископъ, передающій чтецамъ церковныя книги; надпись: tradidit eis Eps. codices. (Ср. fig. 5. fig. 3). Форма паллія и въ этихъ и слѣдующихъ рисункахъ близко подходитъ къ той, которую Вейссъ называетъ раздвояющеюся (gabelförmig) и находитъ въ изображеніяхъ омофоровъ у Зальценберга. Но между этими послѣдними образцами и сейчасъ описанными существуетъ та ризница, что въ омофорахъ софійскихъ можно различать болѣе или менѣе ясно сгибъ спереди, а на западныхъ палліяхъ этого признака нѣтъ. Здѣсь просто двѣ полосы, лежащія на плечахъ, соединяются въ одну, а не перегибаются). Вейссъ приводитъ нѣсколько образцовъ паллія по миніатюрамъ одной латинской рукописи временъ Пипина



(Kostüm. Abschn. II. fig. 283). Эти образцы вполнѣ сходятся съ вышеописанными и съ изображеніями на латинской рукописи: «Exultet» того-же времени (D'Aginc. pl. 53. fig. 8—9). Рядомъ съ этою формою, и какъ дальнѣйшее ея развитіе, является видоизмѣненіе омофора, состоящее въ томъ, что верхняя часть его получаетъ видъ

круглой повязки, низко спущенной на плечи; отъ нея спереди и сзади спускаются два конца, (Weiss, Kostümk. fig. 284 a. ibid. fig. 68. D'Aginc. pl. 56. fig. 8. Otte, Handbuch der Kunstarch. Th. III. fig. 318. Marten, De ritib. eccles.).



Въ послѣдствіи прибавили къ паллію еще двѣ небольшія полоски, лежавшія на плечахъ. Бона говоритъ: «Est pallium fascia lanea candida, tribus circiter digitis lata et in modum circuli contexta, quae super humeros imponitur, ex quo circulo alia similis fascia ante pectus, alia deorsum ex opposito pendet; duae super humeros demittuntur. Jpsum autem pallium tribus aciculis sive spinulis alligatur».

Такъ какъ богослужебная практика въ Россіи опредѣлилась византійскимъ вліяніемъ, то и священныя одежды, вошедшія въ церковное употребленіе на Руси, устроивались по образцу греческихъ. Древнѣйшія изображенія святителей на мозаикахъ Кіево-Софійскаго собора, если сличить ихъ съ изображеніями греческими того же времени, представляютъ въ облаченіи полное сходство во всѣхъ частяхъ и между прочимъ въ омофорѣ (Закревск., Опис. Кіев. л. IX. ср. D'Aginc. pl. 58 и 91). Изъ древнихъ омофоровъ, сохранившихся и доселѣ, можно указать на омофоры епп. Новгородскихъ Никиты (†1107) и Моисея (†1329). (См. опис. въ Древн. Рос. Госуд. отд. 1, рис. 96—100). Въ Московской патріаршей ризницѣ, по опис. Пр. Саввы, находится семь омофоровъ, принадлежащихъ временамъ патріаршества, а одинъ сомнительной древности приписывается Алексадру, еписк. Александрійскому (опис. л. VII). Нѣкоторые изъ этихъ омофоровъ греческаго происхожденія и получены русскими іерархами въ подарокъ отъ гре-

ческихъ. Въ недавно изданномъ Строгоновскомъ лицевомъ иконописномъ подлинникѣ изображенія святителей греческихъ и отечественныхъ также представляютъ матеріалъ для опредѣленія формы омофора въ русской церкви XVI и XVII вв. Замѣчательно, что нашъ подлинникъ въ этомъ отношеніи удержалъ типичныя свойства греческаго омофора по образцамъ X и слѣдующихъ вѣковъ. Указываемъ на изображенія святителей въ древне-славянскихъ рукописяхъ по снимкамъ, находящимся въ Московскомъ художественно-промышленномъ музеумѣ: №№ 1, 2; изъ Изборника Святославова 1073 г., № 9 изъ словъ Григорія Назіанзина XIV в.; № 311 изъ пролога XIII в.

Другой вопросъ, представляющійся при изученіи омофора, касается его происхожденія или прототипа. При неопредѣленности технической терминологіи древняго костюма и при недостаткѣ ясныхъ историческихъ указаній, объясняющихъ процессъ образованія церковнаго облаченія, конечно нельзя разсчитывать на категорическое рѣшеніе даннаго вопроса. Но и надлежащая оцѣнка существующихъ данныхъ можетъ привести къ заключеніямъ, далеко не безъинтересснымъ для исторіи церковнаго облаченія, и выяснить хотя нѣкоторыя стороны этой, еще мало освѣщенной области. Надобно замѣтить, что названіе омофоръ (ὦμος-φέρω) не есть исключительно литургическое, но употреблялось и въ области обыкновеннаго житейскаго костюма. Такъ ὠμοφόριον называлось покрывало или платокъ, носимый женщинами на головѣ и опускавшійся на плечи (Du Cang. sub voce: ὠμοφόριον). Въ этомъ значеніи мы встрѣчаемъ слово «ὠμοφόριον», иногда «μαφόριον, maphorte», у лексикографовъ и нѣкоторыхъ древнихъ писателей. Палладій въ Лавзаикѣ упоминаетъ объ омофорѣ одной дѣвицы (с. 138). Меурсій приводитъ свидѣтельство средневѣковаго писателя Ахмеса (Achmes), который, объясняя разныя суевѣрныя примѣты, между прочимъ даетъ объясненіе и на то: если бы замужней женщинѣ приснилось, что «μαφόριον ἀυτῆς ἤρθη ἀπ, ἀυτῆς βία παρὰ τινός». (Meurs. Glossar. p. 335). Преданіе объ омофорахъ Богородицы (*) и св. Анны, сохранявшихся во Влахернскомъ монастырѣ, указываетъ именно на этотъ родъ одежды, бывшей въ употребленіи у женщинъ на востокѣ. Мы не знаемъ, какой видъ имѣли эти омофоры, но на существованіе ихъ указываютъ средневѣковые византійскіе писатели: напр. Левъ Грам-

(*) Въ позднѣйшей церковной иконописи, при изображеніи покрова Пр. Богородицы, Богоматерь представляется съ длиннымъ ораремъ, перекинутымъ на руки. Но эти изображенія не могутъ дать намъ вѣрнаго понятія о видѣ одежды, называемой омофоромъ Богородицы, и очевидно взяты изъ представленія объ омофорѣ архіерейскомъ. У Діонисія Фурнографіота въ числѣ иконописныхъ сюжетовъ не встрѣчается этого послѣдняго.

матикъ, когда говоритъ объ извѣстномъ чудѣ потопленія непріятельскихъ судовъ близь Константинополя послѣ того, какъ патріархъ Фотій погрузилъ въ море ризу Богородицы (Leo Gramm. in Michael. p. 463). Неизвѣстный писатель, приводимый у Бандури, говоритъ, что въ его время омофоръ Богородицы находился во Влахернскомъ храмѣ (Anonym. De Antiquitt. Constpl. p. 28). Тотъ же авторъ упоминаетъ и объ омофорѣ св. Анны (ibid. p. 38). То же названіе омофора имѣла верхняя одежда монаховъ. Это была, по словамъ Меурсія, одежда плотно облегавшая шею и плечи («Angustum pallium, quo utuntur monachi collum pariter et humeros tegens». Meurs. Glossar. sub voce: Μαφόριον).

Съ этимъ монашескимъ палліемъ имѣетъ общее названіе омофоръ или мафорій въ одеждѣ византійскихъ вельможъ. У Константина Порфиророднаго, при описаніи византійскаго придворнаго церемоніала и оффиціальнаго костюма разнаго рода придворныхъ чиновъ, μαφόριον ἄσπρον, maphorium album», считается принадлежностію патриціевъ и возлагается на нихъ при производствѣ въ это званіе (Const. Porphyr. p. 258 ed. Bon.). Онъ же упоминаетъ о мафоріѣ ректора. Это была, какъ видно, одежда въ родѣ большой тяжелой мантіи и покрывала все тѣло съ головы до ногъ. (Ibid. p. 529) (*). Изъ сравненія приведенныхъ мѣстъ, гдѣ говорится о различныхъ видахъ одежды, обозначенныхъ однимъ общимъ названіемъ омофора, видно, что самое это названіе еще не показываетъ ихъ внѣшняго тожества, ни необходимой генетической связи. Омофоръ, какъ головной и плечной платокъ женщинъ, и омофоръ въ значеніи монашеской одежды, покрывавшей шею и плечи, представляютъ одежду родственную и имѣютъ близкое назначеніе; но омофоръ или мафорій византійскихъ вельможъ уже отклоняется отъ этого типа и представляетъ одежду покрывающую все тѣло. Далѣе, если сравнить пречисленные виды одеждъ съ омофоромъ архіерейскимъ, то окажется, что послѣдній имѣетъ съ ними очень отдален-

(*) У византійскихъ церковныхъ и свѣтскихъ писателей названія: «μαφόριον и ὠμοφόριον» иногда употребляются безразлично для обозначенія одной и той же одежды изъ общеупотребительнаго костюма, напр у Бандури (Anonym. De antiquitt. Constpl. p. 28—38), названія: «μαφόριον τῆς Θεοτόκȣ и μαφόριον ἁγίας Ἄννας» употребляются въ томъ же значеніи какъ и ὠμοφόριον у Кодина (Orig. Constpl. p. 49). Точно также безразлично употребляются оба эти названія и относительно омофора архіерейскаго. Кодинъ, описывая церемоніалъ коронованія византійскихъ императоровъ, говоритъ, что во время великаго входа діаконъ въ лѣвой рукѣ держитъ омофоръ, въ правой кадильницу (το λεγόμενον ὠμοφόριον. De offic. Constpl. c. XVIII. 38). Кантакузенъ, описывая порядокъ той же церемоніи, ту же одежду архіерея называетъ: μαφόριον Meurs. sub hac voce). Потому-то, говоря о разныхъ видахъ одежды, извѣстной подъименемъ омофора, мы приводили и тѣ мѣста, гдѣ упоминается и объ мафоріѣ.

ческихъ. Въ недавно изданномъ Строгоновскомъ лицевомъ иконописномъ подлинникѣ изображенія святителей греческихъ и отечественныхъ также представляютъ матеріалъ для опредѣленія формы омофора въ русской церкви XVI и XVII вв. Замѣчательно, что нашъ подлинникъ въ этомъ отношеніи удержалъ типичныя свойства греческаго омофора по образцамъ X и слѣдующихъ вѣковъ. Указываемъ на изображенія святителей въ древне-славянскихъ рукописяхъ по снимкамъ, находящимся въ Московскомъ художественно-промышленномъ музеумѣ: №№ 1, 2; изъ Изборника Святославова 1073 г., № 9 изъ словъ Григорія Назіанзина XIV в.; № 311 изъ пролога XIII в.

Другой вопросъ, представляющійся при изученіи омофора, касается его происхожденія или прототипа. При неопредѣленности технической терминологіи древняго костюма и при недостаткѣ ясныхъ историческихъ указаній, объясняющихъ процессъ образованія церковнаго облаченія, конечно нельзя разсчитывать на категорическое рѣшеніе даннаго вопроса. Но и надлежащая оцѣнка существующихъ данныхъ можетъ привести къ заключеніямъ, далеко не безъинтереснымъ для исторіи церковнаго облаченія, и выяснить хотя нѣкоторыя стороны этой, еще мало освѣщенной области. Надобно замѣтить, что названіе омофоръ (ὦμος-φέρω) не есть исключительно литургическое, но употреблялось и въ области обыкновеннаго житейскаго костюма. Такъ ὠμοφόριον называлось покрывало или платокъ, носимый женщинами на головѣ и опускавшійся на плечи (Du Cang. sub voce: ὠμοφόριον). Въ этомъ значеніи мы встрѣчаемъ слово «ὠμοφόριον», иногда «μαφόριον, maphorte», у лексикографовъ и нѣкоторыхъ древнихъ писателей. Палладій въ Лавзаикѣ упоминаетъ объ омофорѣ одной дѣвицы (с. 138). Меурсій приводитъ свидѣтельство средневѣковаго писателя Ахмеса (Achmes), который, объясняя разныя суевѣрныя примѣты, между прочимъ даетъ объясненіе и на то: если бы замужней женщинѣ приснилось, что «μαφόριον ἀυτῆς ἤρθη ἀπ, ἄυτῆς βία παρά τινός». (Meurs. Glossar. p. 335). Преданіе объ омофорахъ Богородицы (*) и св. Анны, сохранявшихся во Влахернскомъ монастырѣ, указываетъ именно на этотъ родъ одежды, бывшей въ употребленіи у женщинъ на востокѣ. Мы не знаемъ, какой видъ имѣли эти омофоры, но на существованіе ихъ указываютъ средневѣковые византійскіе писатели: напр. Левъ Грам-

---

(*) Въ позднѣйшей церковной иконописи, при изображеніи покрова Пр. Богородицы, Богоматерь представляется съ длиннымъ ораремъ, перекинутымъ на руки. Но эти изображенія не могутъ дать намъ вѣрнаго понятія о видѣ одежды, называемой омофоромъ Богородицы, и очевидно взяты изъ представленія объ омофорѣ архіерейскомъ. У Діонисія Фурнографіота въ числѣ иконописныхъ сюжетовъ не встрѣчается этого послѣдняго.

матикъ, когда говоритъ объ извѣстномъ чудѣ потопленія непріятельскихъ судовъ близь Константинополя послѣ того, какъ патріархъ Фотій погрузилъ въ море ризу Богородицы (Leo Gramm. in Michael. p. 463). Неизвѣстный писатель, приводимый у Бандури, говоритъ, что въ его время омофоръ Богородицы находился во Влахернскомъ храмѣ (Anonym. De Antiquitt. Constpl. p. 28). Тотъ же авторъ упоминаетъ и объ омофорѣ св. Анны (ibid. p. 38). То же названіе омофора имѣла верхняя одежда монаховъ. Это была, по словамъ Меурсія, одежда плотно облегавшая шею и плечи («Angustum pallium, quo utuntur monachi collum pariter et humeros tegens». Meurs. Glossar. sub voce: Μαφόριον).

Съ этимъ монашескимъ палліемъ имѣетъ общее названіе омофоръ или мафорій въ одеждѣ византійскихъ вельможъ. У Константина Порфиророднаго, при описаніи византійскаго придворнаго церемоніала и оффиціальнаго костюма разнаго рода придворныхъ чиновъ, μαφόριον ἄσπρον, maphorium album», считается принадлежностію патриціевъ и возлагается на нихъ при производствѣ въ это званіе (Const. Porphyr. p. 258 ed. Bon.). Онъ же упоминаетъ о мафоріѣ ректора. Это была, какъ видно, одежда въ родѣ большой тяжелой мантіи и покрывала все тѣло съ головы до ногъ. (Ibid. p. 529) (*). Изъ сравненія приведенныхъ мѣстъ, гдѣ говорится о различныхъ видахъ одежды, обозначенныхъ однимъ общимъ названіемъ омофора, видно, что самое это названіе еще не показываетъ ихъ внѣшняго тожества, ни необходимой генетической связи. Омофоръ, какъ головной и плечной платокъ женщинъ, и омофоръ въ значеніи монашеской одежды, покрывавшей шею и плечи, представляютъ одежду родственную и имѣютъ близкое назначеніе; но омофоръ или мафорій византійскихъ вельможъ уже отклоняется отъ этого типа и представляетъ одежду покрывающую все тѣло. Далѣе, если сравнить пречисленные виды одеждъ съ омофоромъ архіерейскимъ, то окажется, что послѣдній имѣетъ съ ними очень отдален-

(*) У византійскихъ церковныхъ и свѣтскихъ писателей названія: «μαφόριον и ὠμοφόριον» иногда употребляются безразлично для обозначенія одной и той же одежды изъ общеупотребительнаго костюма, напр у Бандури (Anonym. De antiquitt. Constpl. p. 28—38), названія: «μαφόριον τῆς Θεοτόκȣ и μαφόριον ἁγίας Ἄννας» употребляются въ томъ же значеніи какъ и ὠμοφόριον у Кодина (Orig. Constpl. p. 49). Точно также безразлично употребляются оба эти названія и относительно омофора архіерейскаго. Кодинъ, описывая церемоніалъ коронованія византійскихъ императоровъ, говоритъ, что во время великаго входа діаконъ въ лѣвой рукѣ держитъ омофоръ, въ правой кадильницу (τὸ λεγόμενον ὠμοφόριον. De offic. Constpl. c. XVIII. 38) Кантакузенъ, описывая порядокъ той же церемоніи, ту же одежду архіерея называетъ: μαφόριον Meurs. sub hac voce). Потому-то, говоря о разныхъ видахъ одежды, извѣстной подъ именемъ омофора, мы приводили и тѣ мѣста, гдѣ упоминается и объ мафоріѣ.

ное сходство и сходится лишь въ томъ общемъ признакѣ, что имѣетъ видъораря, носимаго на плечахъ, слѣдовательно покрывающаго плечи, на что указываетъ и самое этимологическое значеніе слова омофоръ. Довольно представить себѣ омофоръ въ его древнѣйшей и позднѣйшей формѣ, чтобы убѣдиться, что между этими одноименными одеждами нѣтъ общаго кромѣ имени (*). Притомъ, что касается до мофорія монашескаго и мафорія византійскихъ вельможъ, то кромѣ внѣшняго несходства, они не имѣютъ значенія въ вопросѣ о происхожденіи омофора архіерейскаго уже потому, что принадлежатъ позднѣйшему времени, когда внѣшній видъ омофора опредѣлился и получилъ устойчивую форму. Нельзя ли выводить омофоръ изъ богослужебныхъ одеждъ ветхозавѣтнаго священства,—именно изъ облаченія первосвященническаго? Въ пользу этого предположенія, повидимому, говоритъ самая аналогія трехъ степеней ветхозавѣтнаго священства съ тремя степенями новозавѣтной іерархіи и указанія, находимыя въ отеческихъ сочиненіяхъ. Замѣчательное свидѣтельство въ этомъ отношеніи представляетъ патріархъ Германъ въ своемъ таинственномъ объясненіи на литургію (Литург. пис. отц. ч. 1, стр. 368. Ср. Софр. ibid. стр. 273). «Омофоръ, говоритъ онъ, составляетъ принадлежность Архіерея и соотвѣтствуетъ той Аароновой одеждѣ, которую носили подзаконные архіереи, покрывая долгими полотенцами лѣвое плечо, въ знаменіе бремени заповѣдей Христовыхъ». Что разумѣетъ здѣсь подъ долгими полотенцами Св. Германъ—трудно опредѣлить со всею ясностію, потому что въ описаніи ветхозавѣтнаго первосвященническаго облаченія, по книгѣ Исхода, ничего не говорится о такихъ долгихъ полотенцахъ. Можно думать, что здѣсь разумѣются концы пояса, которые у еврейскихъ священниковъ были очень длинны, а потому для удобства при отправленіи жреческихъ обязанностей закидывались на лѣвое плечо и висѣли за спиною (Исход. XXVIII. 8, 40. Срав. Weiss, Kostümk. 1. Abth. s. 344. Saalschütz, Archäol. d. Hebr. Th. 1. s. 15). Болѣе общее и распространенное мнѣніе сближаетъ омофоръ съ ветхозавѣтнымъ эфодомъ. Но какъ далеко можетъ простираться это сближеніе, и можно ли въ эфодѣ дѣйствительно видѣть типъ омофора? Изъ описанія этой принадлежности первосвященническаго облаченія (Исх. XXIII, 6—29. XXXIX. 2—5, 20, 21) можно составить слѣдующее представленіе о внѣшнемъ видѣ эфода: онъ состоялъ изъ двухъ кусковъ разноцвѣтной ткани, лежавшихъ на спинѣ и на груди и соединявшихся на плечахъ нарамниками

(*) Такъ нѣкоторые изъ изслѣдователей думаютъ выводить омофоръ изъ древнегреческаго палліума, основываясь на тождествѣ названій этой послѣдней одежды и западнаго омофора или паллія (Gräser). Но древнѣйшая форма паллія архіерейскаго уже на столько отклоняется отъ паллія греческаго, что всякая аналогія между ними становится натянутою.

или двумя полосами той же матеріи. Снизу эфодъ подпоясывался и такимъ образомъ прилегалъ къ прочимъ одеждамъ (Библ. Истор. м. Филар. ср. изображ. эфода: Neumann, Die Stiftshütte in Bild und Wort. Pl. 3. Godard, Cours d'Archeol. sacr. p. 26. Pl. 2. fig. 1.). Но довольно взять во вниманіе главныя черты омофора и сравнить ихъ съ общимъ видомъ описанной одежды, чтобы видѣть все неудобство аналогіи между эфодомъ и омофоромъ.

Обратимся къ оффиціальному греко-римскому костюму и посмотримъ, какія аналогіи представляетъ онъ для объясненія прототипа разсматриваемой нами одежды. У Римлянъ, въ числѣ другихъ отличій, сенаторамъ и консуламъ предоставлено было право носить тунику съ широкими пурпуровыми полосами или нашивками, такъ называемую «tunicam laticlavam»; полосы эти назывались clavi и обыкновенно шли параллельно отъ ворота до подола туники спереди. Отсюда выраженіе: «latum clavum tribuere» означало то же, что «senatorem, consulem facere». Въ христіанской живописи эта особенность грекоримскаго костюма была перенесена на лица ветхозавѣтныя (напр. изображенія пророковъ въ храмѣ Софіи, Salzenb. Baudenk. Bl. XXX, fig. 30); такія полосы встрѣчаются на стихаряхъ священническихъ и епископскихъ. Иногда они идутъ по подолу туники, но чаще образуютъ широкую кайму по краямъ рукавовъ (Weiss, Kostümk. fig. 30. ibid. fig. 28, 10). Эти полосы, или нашивки, иногда отдѣлялись (*) и составляли, какъ въ одеждѣ консуловъ, особенную широкую повязку вокругъ шеи, падавшую на грудь, «lorum consulare». Мы не имѣемъ данныхъ прослѣдить это отдѣленіе clavi, какъ набивной полосы или нашивки, и переходъ ея въ шарфъ или повязку; но представимъ одинъ фактъ, относящійся къ исторіи церковныхъ одеждъ, изъ котораго видно, что это отдѣленіе имѣло и здѣсь свое мѣсто, и что полосы были первоосновою отдѣльныхъ, самостоятельныхъ частей облаченія, явившихся уже послѣ. Въ вынѣшнемъ облаченіи поручи (ἐπιμανίκια) составляютъ напр. отдѣльную часть, но въ древности ихъ не было, а были только нашивки или полосы на рукавахъ стихаря по краямъ ихъ. Кромѣ древнихъ изображеній стихаря (при этомъ особенно удобно обратить вниманіе на священническіе и епископскіе стихари съ узкими рукавами (Salzenb. Baudenkam. Bl. XXVIII. D'Aginc. pl. LVIII fig 1.), это предположеніе подтверждается и письменными свидѣтельствами. Такъ у св. Софронія и Германа въ перечисленіи одеждъ цер-

---

(*) Еще Горацій говорилъ: latum demisit pectore cla— [illegible] ч. 27, О значеніи словъ: clavus и lorum см. Lübker, Real [illegible]

ковныхъ не упоминается о поручахъ, а говорится только объ обшивкахъ на рукавахъ: Λωρια (Литур. пис. Отцевъ ч. 1, стр. 272; ibid. стр. 367), и этимъ обшивкамъ усвояется то же духовное значеніе, что и поручамъ, заступившимъ ихъ мѣсто (Ср. Сим. сол. Литург. пис. ч. III стр. 21. Balzam. respons. 37 ad Marc. Monach.). Такимъ же путемъ могло совершиться отдѣленіе нашивокъ или полосъ на другихъ частяхъ литургической одежды и образованіе изъ нихъ особенныхъ полосъ въ видѣ ораря въ различныхъ его формахъ. Впрочемъ это послѣднее отдѣленіе должно было произойти гораздо раньше, потому что и на самыхъ древнихъ изображеніяхъ мы видимъ уже омофоръ и орарь въ ихъ настоящемъ видѣ.

Что касается до омофора, то для объясненія его происхожденія особенно важно его отношеніе къ такъ называемому консульскому лору. На консульскихъ диптихахъ, на монетахъ, гдѣ консулы представляются въ своемъ оффиціальномъ одѣяніи, они изображаются съ широкою лентою или перевязью, вышитою разноцвѣтными узорами. Чтобы имѣть понятіе о видѣ и способѣ ношенія лора, довольно имѣть въ виду изображенія на слѣдующихъ консульскихъ диптихахъ: 1) Dypt. Flav. Felicis cons. an 511. Снимокъ съ него, приводимый здѣсь, находится у Banduri: Imper. orientale. Pars. IV, p. 492. cp. Weiss, Kostümk. 2 B. 1 Abschn. fig 51. 2) Dypt. Filoxeni 525 a. apud Banduri. p. 492. Cp. D'Aginc. t. IV. Pl. XII. fig. 6. Ibid. fig. 7, 8, 9, 11, 12, 13.—



Эту перевязь носили или такъ какъ ленту чрезъ плечо, причемъ концы этой ленты падали спереди и сзади (какъ на фигурѣ 6), или опоясывались



ею крестъ нá крестъ, причемъ длинный ея конецъ спускался спереди, какъ на фигурѣ *a*. Отъ консуловъ эта перевязь перешла и въ одежду императоровъ. Левъ Грамматикъ говоритъ объ императорѣ Василіѣ, что онъ, при освященіи церкви, устроенной имъ во дворцѣ, былъ облеченъ лоромъ «λῶρον βασιλέος φορέσαντος». Со временъ имперіи консульское достоинство стало все больше и больше падать, и существовало номинально, пока не было совершенно уничтожено. Вмѣстѣ съ правами консульской власти императоры сосредоточиваютъ на себѣ и внѣшніе знаки ихъ званія. Потому-то на монетахъ нерѣдко можно встрѣчать изображенія императоровъ въ консульской одеждѣ «habitu consulari» съ лоромъ или перевязью. Для изученія этой части императорскаго византійскаго костюма представляютъ богатый матеріалъ снимки съ монетъ у Дюканжа въ его сочиненіи: «Familiae Byzantinae». Отмѣтимъ важнѣйшіе изъ нихъ: монета съ изображеніемъ Валентиніана (pag. 67. nummus 1), Льва Великаго (p. 77, series 2, num. 2), Тиверія Констанція (p. 104. ser. 2, num. 3, ser. 4, num. 2, 3), Фоки (p. 109, ser. 2, num 4, ser. 3, num. 1), Михаила и Өеофила (p. 130), Никифора Вотоніата (p. 159 ser. 3 num. 2), Константина Порфиророднаго (p. 168, ser. 2, num. 2, ser. 3, num. 2); не перечисляемъ другихъ. Въ бóльшей части указанныхъ нами монетъ лоръ имѣетъ видъ широкой перевязи, которая держится на [illegible] ется на груди и своими концами простирается [illegible] состоитъ изъ двухъ, трехъ и болѣе поло[illegible] ротника,

покрывающаго плеча и грудь. Отъ этой послѣдней формы ведетъ начало новый видъ лора, очень употребительный въ одеждѣ византійскихъ императоровъ и еще болѣе подходящій къ епископскому омофору. Лоръ этого рода, подобно широкому воротнику, лежитъ на плечахъ поверхъ каввадія или саккоса; спереди отъ воротника идетъ широкая полоса, которая простирается до полу, другой конецъ съ противоположной стороны тянется по спинѣ. А такъ какъ онъ былъ очень дли-ненъ, то его перегибали напередъ и перекидывали на руку; отъ этого передній конецъ лора обыкновенно бываетъ до половины закрытъ. Эта одежда составляла принадлежность оффиціальнаго костюма какъ царей, такъ и царицъ византійскихъ. Епископы восточные занимали почетное положеніе и считались наравнѣ съ высшими сановниками имперіи. Очень естественно, что на нихъ перешли и отличія высшихъ придворныхъ чиновъ, а отчасти и insignia самихъ императоровъ. Разумѣется, сравнивая эту одежду съ омофоромъ епископскимъ, мы находимъ между ними нѣкоторыя разности; но эти разности не такъ велики, чтобы можно было, на основаніи ихъ, отрицать сходство въ существенномъ и не считать омофоръ по его виду одеждою однородною съ консульскимъ и императорскимъ лоромъ. Вотъ эти разности: лоръ перваго рода перевязывался на груди крестъ нá крестъ и надѣвался, какъ двѣ ленты, чрезъ плечо. Что же касается омофора, то его носили иначе, какъ можно судить по изображеніямъ, выше представленнымъ. Лоръ втораго рода представляетъ отличіе отъ омофора верхнею широкою частію, которая, подобно воротнику, покрываетъ плечи.

Укажемъ на замѣчательнѣйшіе образцы лора по древнимъ живописнымъ изображеніямъ:

1) Изображеніе св. Агнессы въ базиликѣ ея имени (перв. половины VII в.), снятое у Perret, Catacomb. de Rome, а отсюда заимствованное Вейсомъ въ его Kostümkunde (fig 476. Срав. D'Aginc. Peint. pl. XYII fig. 2). Лоръ широкою полосою лежитъ на плечахъ и продолжается спереди такою же широкою полосою съ драгоцѣнными камнями и богатыми украшеніями. 2) Изображеніе Евдокіи, супруги Василія Македонянина съ ея дѣтьми: Львомъ и Александромъ (Du Cange, Famil. Byzant. p. 139, cp. Weiss, Kostümk. fig. 49). Форма лора такая же, какъ и у Агнессы. Это изображеніе важно для насъ какъ подтвержденіе той мысли, что оффиціальный костюмъ византійскихъ царей и царицъ былъ вообще одинаковъ. Это можно видѣть изъ сравненія одежды Императрицы Евдокіи съ одеждою ея царственныхъ дѣтей Льва и Александра. 3) Изображеніе Константина Порфиророднаго на верхней доскѣ византійскаго ковчежья для храненія креста съ частію древа Гос-

подня. Лоръ, накинутый на Императора, имѣетъ большое сходство съ омофоромъ. Онъ не очень широкъ, падаетъ спереди длинною полосою, перегибается чрезъ плечо; задній конецъ подобранъ и перикинутъ на руку. По обѣ стороны фигуры надпись:

κ	τ
ω	αν
ν	τ
σ	νο

заключающая имя Императора Константина VII Порфиророднаго, которому принадлежалъ какъ самый крестъ, такъ и работы по устройству реликварія (Weerth, Siegeskreuz des Constant. VII Porphyrog. und Roman. Bonn. 1866. s. 13).

4. Къ изреченіямъ Императора Льва Мудраго (oracula imperatoris Leonis) присоединены его собственные пояснительные рисунки, между которыми находятся изображенія царя и епископа (Codin, De origg. Constpl. t. II. in append. p. 269—273). Лоръ Императора имѣетъ видъ длинной полосы, которая перекрещивается на груди и опоясываетъ саккосъ по срединѣ. Омофоръ рядомъ стоящаго епископа обвертывается около шеи и длиннымъ концомъ падаетъ спереди поверхъ фелони. Стóитъ сравнить на рисункѣ ту и другую форму орарія, чтобы видѣть взаимное родство обѣихъ одеждъ и ихъ сходство въ существенныхъ основныхъ признакахъ. Разница заключается въ способѣ ношенія.

5. Изображеніе Константина Великаго, предсѣдательствующаго на первомъ вселенскомъ соборѣ среди епископовъ, на греческомъ триптихѣ XIII в. (D'Agine. Peint. pl. XCI. fig. 7.)

6. Изображеніе Михаила Палеолога въ полномъ царскомъ одѣяніи (Goar. Evchol. p. 429).

7. Мануила Палеолога съ его супругою Еленою и тремя сыновьями (Du Cange. Famil. Byzant. p. 242.)

8. Въ заключеніе укажемъ на замѣчательный случай употребленія лора въ изображеніи ангеловъ. Въ Лимбурскомъ ковчежцѣ для храненія части креста Господня, на верхней доскѣ, находятся изображенія ангеловъ. Они представлены въ длинныхъ темноголубыхъ туникахъ, со скипетромъ въ одной и державою въ другой рукѣ, но поверхъ туникъ накинутъ у нихъ не орарь, съ какимъ они обыкновенно изображаются (Manuel d'Ikonogr. chr. p. 74), а лоръ, очень похожій на омофоръ (Weerth, Siegeskreuz d. Konst. Taf. 2). Ангелы расположены въ пять [redacted] обенно важны для нашей цѣли два средніе [redacted] омъ ряду. Ангелы двухъ первыхъ

ныхъ Недвиговскихъ [illegible] (1). Это [illegible] изъ сочиненія Барбаро сдѣлалъ, по мысли [illegible] П. П. Свиньинъ и напечаталъ оное въ 1826 году въ [illegible] (2). Этому Танаису въ Недвиговкѣ [illegible] въ 1827. 1830 [illegible] въ Труд. Общ. Ист. и Древн. Рос. ч. IV. кн. 1. [illegible] и ч. V. кн. 1. стр. 209.

Противъ [illegible] и Свиньина писано [illegible] въ книгѣ: «Об[illegible] Руси» [illegible] отъ навѣтовъ скептиков» (3). Н[illegible] и Свиньина на [illegible] въ Недвиговскомъ городищѣ [illegible] о которыхъ далѣе скажемъ, [illegible] Гаванецъ, италіянскій [illegible] того:

а) разсмотрѣть [illegible] Свиньинымъ изъ сочиненія Б[illegible];

б) представить [illegible] у азійскаго рукава Дона [illegible] отъ имени обитавшихъ на Дону [illegible];

в) показать, какой [illegible] городищѣ.

1. [illegible] Ба[illegible] мил. (87 верст.) отъ [illegible] сокровище въ курганѣ К[illegible] государя Индіана, [illegible] изготовленія для себя [illegible] купцами на раскопку [illegible] 120 работниковъ, [illegible] какія употребляются въ Р[illegible] 3 Декабря 1437 года по льду [illegible] на другой день, но по случаю [illegible] большой раскопки и возвратились [illegible] (1438 г., по вскрытіи льда) [illegible] 150 работниками; [illegible] пескахи. Ясно, что искатели [illegible] Дону, зимою на саняхъ, весною [illegible], до мѣстност

(1) Въ [illegible] Пропилеяхъ [illegible], кн. IV, стр. [illegible]
(2) Отечеств. [illegible] 18[illegible]
(3) Обозр. [illegible] Рус[illegible]
(4) С. Пет[illegible] 18[illegible]
(5) Русскіе [illegible] сборн. [illegible] Россію и въ журн. Сынъ Отеч. и С[illegible] и 51.

О МѢСТНОСТИ ГОРОДА ТАНАИСА

или

Азова, съ доказательствами, что онъ стоялъ всегда на азійской сторонѣ Дона, а не на европейской у Мертваго Донца, гдѣ село Недвиговка, какъ написали нѣкоторые Академики, по найденнымъ тамъ монетамъ.

Изъ рукописей пок. П. Буткова.

За 20 лѣтъ предъ симъ (въ 1824 г.) издано въ свѣтъ оглашеніе (на перекоръ общему мнѣнію ученыхъ), что греческій городъ Танаисъ, италіанскій Тана, стоялъ не на главномъ восточномъ рукавѣ Дона, близь устья его, гдѣ находится Азовъ, но на правомъ берегу западнаго рукава Дона, называемаго Мертвымъ Донцомъ, который, отдѣляясь справа отъ Дона, въ 5-ти верстахъ ниже крѣпости св. Димитрія, и протекши 30 верстъ, вливается въ Азовское море своимъ устьемъ. Тамъ существуетъ древній окопъ у слободы Недвиговки, въ 10 верстахъ отъ Азовскаго моря и въ 18 по прямой линіи отъ Азова. Таковое извѣстіе изложилъ пок. Стемпковскій въ статьѣ: «О мѣстоположеніи древняго города Танаиса», напечатанной въ Вѣстникѣ Европы 1824 года, сказывая, что Страбонъ и Птоломей, принявъ рѣку Донъ за предѣлъ Азіи и Европы, упоминаютъ о городѣ Танаисѣ при описаніи и Азіи и Европы; что англійскій путешественникъ Кларкъ тщетно искалъ слѣдовъ греческихъ поселеній по всему восточному рукаву Дона, и что [redacted] Стемпковскаго, можно также извлечь многія [redacted] ія въ Тану венеціанца Іосафата Бар[redacted]ъ 1435 года,—что городъ Тана, зам[redacted] стоялъ на мѣстѣ вышепоказан-

ныхъ Недвиговскихъ окоповъ (1). Это извлеченіе изъ сочиненія Барбаро сдѣлалъ, по мысли Стемпковскаго, П. П. Свиньинъ и напечаталъ оное въ 1826 году въ Отеч. Запискахъ (2). Этому Танаису въ Недвиговкѣ дана полная вѣра въ 1827, 1830 годахъ въ Труд. Общ. Ист. и Древн. Рос. ч. IV, кн. 1, стр. 13 и ч. V, кн. 1, стр. 209.

Противъ таковыхъ выводовъ Стемпковскаго и Свиньина писано слегка въ книгѣ: «Оборона лѣтописи Русской Несторовой отъ навѣтовъ скептиковъ» (3). Но какъ мнѣніе Стемпковскаго и Свиньина на дняхъ возобновлено по нѣкоторымъ найденнымъ въ Недвиговскомъ городищѣ камнямъ съ греческими надписями (4), о которыхъ далѣе скажемъ, то мы, твердо убѣжденные въ томъ, что греческій Танаисъ, италіанскій Тана, стоялъ тамъ, гдѣ Азовъ, рѣшились въ доказательство того:

а) разсмотрѣть въ подробности извлеченіе, сдѣланное Свиньинымъ изъ сочиненія Барбаро;

б) представить доводы, что Танаисъ или Тана стоялъ у азійскаго рукава Дона, и былъ тотъ же Азовъ, получившій названіе отъ имени обитавшихъ на Дону Ясовъ или Осетинцевъ, и

в) показать, какой городъ былъ въ Недвиговскомъ городищѣ.

I.

1. Іосафатъ Барбаро (5), по слухамъ, что въ 50 мил. (87 верст.) отъ г. Таны, въ прежней Аланской странѣ, скрыто сокровище въ курганѣ Контебе, насыпанномъ, по повелѣнію Аланскаго государя Индіаба, предъ нашествіемъ Монголовъ (1221 г.), подъ видомъ изготовленія для себя могилы, условился съ шестью другими купцами на раскопку того кургана. Это товарищество, взявъ съ собою 120 работниковъ, и положивъ хлѣбные запасы и орудія на сани, какія употребляются въ Россіи, отправилось туда изъ г. Таны 3 Декабря 1437 года по льду рѣки Таны. Оно прибыло къ Контебе на другой день, но по случаю сильныхъ морозовъ не могло произвесть большой раскопки и возвратилось въ г. Тану; а въ исходѣ марта (1438 г., по вскрытіи льда) поплыло къ Контебе на лодкахъ съ 150 работниками; занимались раскопкою 22 дня и не нашли того, чего искали. Ясно, что искатели клада ѣхали изъ г. Таны вверхъ по рѣкѣ Дону, зимою на саняхъ, весною на лодкахъ, и, судя по разстоянію, до мѣстностей

(1) Вѣстн. Евр. 1824 г., № 4 и 23. Оба эти письма перепечатаны въ Пропилеяхъ г. Леонтьева, кн. IV, стр. 387—395.

(2) Отечеств. Зап. 1826 года, № 70.

(3) Оборона Лѣтоп. Русс. стр.....

(4) С.-Петерб. Вѣд. 1842 года, № 20, стр. 293—294.

(5) Русскій переводъ путешествія І. Барбаро напечатанъ въ «Библ. [illegible] Россіи» и въ журн. Сынъ Отеч. и Сѣв. Арх. 1831 г. № 48, 49, 50 и 51.

теперешней Бесергеневской станицы. Но Свиньинъ слова италіанскаго текста Su'l glacio per la fiumare della Tana, перевелъ: «переправились по льду чрезъ рѣку Тану, какъ будто предлогъ per значитъ только чрезъ, а ни во, ни по, ни сквозь, и вообразилъ, что Барбаро ѣхалъ отъ Недвиговки чрезъ Мертвый Донецъ и чрезъ другіе рукава Дона на азійскій берегъ сей рѣки.

2. По лѣтописямъ нашимъ извѣстно, что Кичи-Магметъ-Ханъ, Тимуридъ, въ 1432 году вытѣснилъ изъ волжской орды Улу-Магметъ-Хана Чингизида, и сей удалился тогда на правую сторону Дона, въ Крымъ, и кочевалъ съ своею ордою на степяхъ, примыкавшихъ къ Россіи, а въ 1443 году татары его поплѣнили землю Русскую около Кіева и Чернигова (6). Барбаро сказываетъ, что Кичи Магметъ-Ханъ, предпринявъ снова воевать съ Улу-Магметъ-Ханомъ, выступилъ изъ-за Волги зимою 1438 года, и, пройдя подлѣ Астрахани чрезъ степи Тюменскія (Кизлярскія) и около границъ Черкесіи (Кубанской), приближался къ берегамъ моря Забахскаго (Азовскаго) и къ рѣкѣ Танаису. Море и рѣка покрыты были тогда льдомъ. Одно крыло Кичи-Магметова войска, слѣдовавшее вмѣстѣ съ нимъ, направлено было къ мѣсту, именуемому Палястра; другое, шедшее отъ Волги особо, подъ начальствомъ Наируса, Едигеева сына (Хази Наурузъ 3-й, сынъ Едигеевъ), съ Ногаями, направлено было къ Дону, къ мѣсту, именуемому Бозагачъ, гдѣ Барбаро и другіе Танаитцы имѣли рыболовныя тони, и которое отстояло отъ г. Таны на 40 миль (70 верстъ) и отъ Палястры на 120 миль (208 верстъ). Палястра находилась при устьѣ рѣки Калміуса, гдѣ нынѣ Маріуполь (7); туда войско Кичи-Магметово перешло, вѣроятно, по льду Азовскаго моря, а Бозагачъ тамъ, гдѣ нынѣ Манычская станица, при впаденіи въ Донъ рѣки Маныча (8). Самъ Кичи-Магметъ-Ханъ, прибывъ къ г. Танѣ, остановился на полетъ стрѣлы отъ него, въ одной старой мечети. Консулъ Таны немедленно отправилъ дары къ хану, его матери и къ полко-

(6) Никон. Л. V, Ш, 125, 126, 196; Царств. Л. стр. 180; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. II, 354; статья «о Ногаѣ и проч. ханахъ Монгольскихъ, напечат. въ Сѣверн. Архивѣ за 1824 годъ.

(7) Мѣсто Palastra, Palostra означено здѣсь на венец. картѣ XIII вѣка, съ коей копія, прилож. къ книжкѣ «Истор. генуэзск. посел. въ Крыму», составлена Н. Мурзакевичемъ; на картѣ Пиччиганія въ библ. Румянц. музея. Terrae marisque periegesis a Piziganio primo Venetis absoluta. M. CCC. LXVII, и на картѣ, составленной въ 1550 г. Жіакомомъ Гастальдомъ къ Описанію Московіи Барона Герберштейна.

(8) Бозагачъ на картѣ Гастальда показанъ при устьѣ рѣки Маныча, которое точно въ 70 верстахъ отъ Азова. Бозагачъ есть то самое мѣсто, которое въ путеописаніи Митрополита Пимена 1388 года (Древн. Лѣт. II, 123), въ грамотѣ турецкаго султана Мурата къ царю 1593 году (Ист. Росс. Кн. Щербатова) и въ донскихъ бумагахъ ...ѣ, названъ Бузукъ или Бужукъ рѣка и посадъ.

водцу Наурусу. Чрезъ нѣсколько дней по отшествіи хана въ предлежащій путь, Барбаро принялъ въ свой домъ на угощеніе родственника Ханова Эдельмугла, который и провелъ у Барбаро два дня. Барбаро, по убѣжденію Эдельмугла, рѣшился сопровождать его въ станъ Кичи-Магметъ-Хана. Они переѣхали по льду рѣку, которую Свиньинъ называетъ Таною, хотя Барбаро ея не именуетъ, и тамъ у незнакомыхъ людей переночевали, на другой день переѣхали по льду чрезъ другой рукавъ рѣки и, слѣдуя по пути татарскаго войска, достигли мѣстопребыванія Кичи-Магметъ-Хана. Свиньину вообразилось, якобы Барбаро и Эдельмуглъ производили переѣзды свои чрезъ рѣки съ запада на востокъ или съ Мертваго Донца на азійскую сторону главнаго рукава Дона; но могло ли это быть, когда Кичи-Магметъ-Ханъ, пришедши отъ Астрахани къ г. Танѣ, слѣдовалъ оттуда впередъ (къ западу), а не назадъ (къ востоку)? Улу-Магметъ-Ханъ, при наступленіи на него Кичи-Магметъ-Хана съ двухъ сторонъ: отъ Паластра (Маріуполь) и отъ Бозагача (Маныч. станицы), не рѣшился на битву, какъ пишетъ Барбаро, но бѣжалъ въ предѣлы Россіи и укрѣпился сперва въ г. Бѣлевѣ, Тульской губерніи, гдѣ онъ находился 5 Декабря того 1438 года (9), и чрезъ нѣкоторое потомъ время удалился въ старое городище Нижняго Новагорода, и тамъ утвердился (10).

3. Кичи-Магметъ-Ханъ, по побѣжденіи Улу-Магметъ-Хана, возвращаясь на Волгу, пришелъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ (1439 г.) къ рѣкѣ Тану и въ продолженіе почти двухъ дней переправлялся чрезъ нее выше города Тана на плотахъ, сдѣланныхъ изъ дерева—камыша, со всѣмъ своимъ народомъ. Свиньину и тутъ показалось, что городъ Тана стоялъ у Недвиговки, и потому онъ заставляетъ Барбаро говорить, якобы Ханъ переправился на ту сторону рѣки Таны, т. е. якобы съ западной стороны на восточную. Такъ Свиньинъ перевелъ въ италіанскомъ текстѣ слова: Passo circa giornate due di sopra dalla Tana, хотя sopra значитъ выше, противъ, и относится не къ рѣкѣ, а къ городу Танѣ.

4. Помянутый Эдельмуглъ, прибывъ тоже вмѣстѣ съ ордою къ рѣкѣ Танѣ, по переправѣ, зашелъ въ городъ Тану къ Барбаро, и, погостивъ у него два дня, подарилъ ему 8 русскихъ плѣнниковъ, приговаривая: «вотъ часть добычи, пріобрѣтенной мною въ Россіи». Свиньинъ говоритъ не то, что Эдельмуглъ зашелъ къ Барбаро по переправѣ чрезъ Донъ, а

(9) Никон. Л. V, 126; Царств. Лѣт. стр. 250, 251; Барбаро въ Сынѣ Отеч. и Сѣв. Арх. 1831 г. № 49, стр. 350. Онъ поставилъ себѣ городъ на рѣкѣ Бѣлевѣ, сплетя его изъ хвороста и посыпавъ снѣгомъ, полилъ водою, которая смерзлась крѣпко; хотѣлъ тутъ зимовать (Полн. Собр. Русс. лѣт. т. V, стр. 150).

(10) Никон. Лѣтоп. V, 194, 195, 196.

якобы онъ прибылъ къ Барбаро въ то время, какъ Ханъ чрезъ Донъ переправлялся и приходилъ для того, чтобы изъ города Таны переправиться чрезъ Донъ. Далѣе Свиньинъ замѣчаетъ, что Эдельмуглъ не могъ добыть русскихъ плѣнниковъ индѣ, какъ только на правой, западной сторонѣ Дона, а это, по заключенію Свиньина, показываетъ, что г. Тана стоялъ на правомъ берегу Дона отъ стороны Россіи. Напротивъ, это не представляетъ никакого доказательства въ пользу мнѣнія Свиньина въ отношеніи къ мѣстности г. Таны. Еслибъ и подлинно сей городъ стоялъ у Недвиговки, и татаринъ подарилъ бы тамъ Барбаро русскихъ плѣнниковъ, онъ могъ достать ихъ въ Россіи и на восточной сторонѣ Дона: въ Воронежѣ, Ельцѣ, Рязани и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ.

5. Барбаро пишетъ, что г. Тана окруженъ холмиками, и подлѣ него находится много рвовъ, въ окружности почти 10 миль (17 верстъ), гдѣ нѣкогда была древняя Тана. Свиньинъ замѣчаетъ: мѣсто это донынѣ замѣтно, согласно съ описаніемъ Барбаро, на берегу Мертваго Донца близь села Недвиговки, и что потому тутъ существовалъ древній греческій Танаисъ. Правда, Недвиговское древнее городище, въ видѣ четвероугольника, занимаетъ длины до 200 саженъ, и отъ него, позади, верстахъ въ $1^1/_2$, находится высокій земляной холмъ, съ коего видны Азовъ и Таганрогъ, но нѣтъ тѣхъ холмиковъ и рвовъ, занимающихъ 17 верстъ, коими окруженъ былъ г. Тана. [Сей же городъ, во время проѣзда чрезъ него въ Золотую орду Ибнъ-Батуты, между 1332 и 1341 г. былъ небольшой]. Верстахъ въ 7 выше Азова, на правой сторонѣ Дона, и теперь существуетъ 5 кургановъ, называемыхъ «пять братьевъ» ([11]). Холмики и рвы около г. Таны могли быть нечто иное, какъ слѣды бывшихъ тамъ и разрушенныхъ зданій греческаго Танаиса, и сдѣлались убѣжищемъ, какъ говоритъ Барбаро, дикимъ птицамъ.

Итакъ въ пользу превращенія въ г. Тану древняго Недвиговскаго городища ни одинъ доводъ Свиньина не годится. Свиньинъ не безъ намѣренія миновалъ еще одинъ разсказъ Барбаро, ясно свидѣтельствующій о положеніи г. Таны на восточ. берегу главнаго рукава Дона. Барбаро говоритъ, что нѣкогда, лѣтомъ, получено было въ городѣ Танѣ извѣстіе, что 100 конныхъ черкесовъ залегли въ лѣсу, отстоящемъ отъ г. Таны на 3 мили (5 верстъ) съ намѣреніемъ сдѣлать набѣгъ. Онъ, Барбаро, и нѣсколько друзей, въ сопровожденіи храбраго татарина, пустились верхомъ, а людямъ своимъ приказали плыть за собою на лодкахъ. Въ полдень напали на черкесовъ, изъ коихъ нѣкоторые спали,

(11) Урочище 5 кургановъ упоминается 1[illegible] Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ IV.

своихъ невольниковъ, звѣриныя кожи и другія вещи на одежды, вина и на разныя житейскія потребности. Во 100 стадіяхъ отъ г. Танаиса (17 в.) лежитъ островъ Алопекія, на которомъ обитаютъ пришлецы изъ разныхъ мѣстъ (коимъ не позволялось жить въ Танаисѣ). Изъ всѣхъ Меотовъ азійскихъ одни повинуются державцамъ гостиннаго двора Танаитскаго, другіе Боспорцамъ. Часто цари Боспорскіе овладѣвали всею страною до Танаиса, а наипаче: Фарнакъ (63—47 г. до Р. Х.), Асандръ (47—11 г.) и Полемонъ (11—10 г.), который недавно разорилъ его за ослушаніе его повелѣній (22)».

Здѣсь видимъ, что Страбону мертвый Донецъ былъ неизвѣстенъ, а судя по указанному имъ разстоянію, зналъ онъ только тотъ рукавъ Дона, который отдѣляется отъ сей рѣки съ правой стороны верстахъ въ 3-хъ выше Азова и называется нынѣ Кутюрмою; островъ Алопекія очевидно есть тотъ островъ, который лежитъ къ западу отъ Азова между Кутюрмою и Мертвымъ Донцомъ, дѣйствительно въ 17 верстахъ отъ Азова, тамъ, гдѣ въ новыя времена стояла турецкая крѣпость Лютикъ. Сказавъ, что одни изъ азійскихъ Меотовъ повинуются державцамъ торжища Танаитскаго, Страбонъ тѣмъ самымъ показалъ, что г. Тана стоялъ на азійской сторонѣ Дона.

Птолемей (138 г. по Р. Х.) зналъ также только два рукава Дона, т. е. собственно Донъ и Мертвый Донецъ, и означилъ устье восточнаго подъ 67° долг. и $54^1/_2$° шир., а устье западнаго подъ $66^1/_2$° долг. и 43° шир.; островъ Алопекію, который называли и Танаисомъ, поставилъ между тѣми устьями подъ $66^1/_2$° долг. и $53^1/_2$° шир. (сходно съ Страбономъ), а городъ Танаисъ подъ 67° долг. и $54^1/_2$° шир. (23). Ясно, что у Птолемея сей городъ занималъ отнюдь не Недвиговское городище, а оба берега восточнаго главнаго рукава Дона.

На картѣ Чернаго моря, составленной венеціанами въ XIII вѣкѣ, городъ Тана показанъ на лѣвомъ или восточномъ берегу Дона; на картѣ Пиччиганія, составленной въ 1367 году, г. Тана поставленъ также на лѣвомъ берегу Дона; на картѣ Фредюковой (Fréduce d'Ancone), приложенной къ книгѣ гр. Іоанна Потоцкаго (Mémoire sur un nouveau periple du Pont Euxin) и на картѣ, приложенной къ запискамъ о Московіи барона Герберштейна, городу Танѣ дано мѣсто на самомъ правомъ берегу главнаго рукава Дона, т. е. согласно съ показаніями Птолемея.

Вотъ свидѣтельства на существованіе г. Танаиса или Таны у главнаго восточнаго рукава Дона.

---

(22) Страбонъ, кн. XI, гл. 1, § 5, гл. 2, § 2, 3, 11.
(23) См. Bulletin scientif. T. X, № 7 и 8.

Азову учинили (16). Въ 1637 году, 18-го Іюня, казаки покорили Азовъ, разбили его и разорили до основанія (17); а въ 1642 году, выходя изъ сей крѣпости, подорвали всѣ башни и зажгли городскія строенія (18). При осадѣ Азова Петромъ Великимъ, городскія стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русскою артиллеріею разбиты такъ, что казалось, будто городъ уже за сто лѣтъ предъ тѣмъ развалился (19); по покореніи же его, велѣно было укрѣпить его лучше прежняго. Всѣ полки употреблены были къ чищенію города и его рва. Ровъ начали копать на 10 саж. въ глубину и на 20 въ ширину, а валъ насыпали въ 15 саж. широты и въ 8 саж. высоты (20). По Прутскомъ мирѣ съ Турками 1711 года Азовъ возвращенъ имъ по разореніи укрѣпленій. Въ 1736 году, 20-го Іюля, Азовъ снова завоеванъ русскими войсками; по Бѣлградскому мирному договору 1739 года, въ 1740 году совершенно срытъ и порохомъ подорванъ, 30 лѣтъ стоялъ пустъ, а въ 1768 году, при возобновившейся съ Турками войнѣ, Руссами занятъ, возникъ изъ своихъ развалинъ и укрѣпленъ; по Кайнарджійскому договору 10-го Іюня 1774 года удержанъ съ уѣздомъ своимъ въ вѣчной принадлежности Россіи (21). При таковыхъ событіяхъ могло ли что-либо уцѣлѣть древняго въ окрестностяхъ Азова, особливо отъ временъ греческихъ и италіанскихъ?

II.

Показавъ со словъ Іосафата Барбаро, что италіанскій Тана, занимавшій мѣсто греческаго Танаиса, стоялъ на азійскомъ, главномъ рукавѣ Дона, поищемъ на то удостовѣренія у писателей болѣе древнихъ. Страбонъ (14 г. по Р. Х.) упоминаетъ о городѣ Танаисѣ въ XI книгѣ, заключающей въ себѣ описаніе Азіи. Онъ пишетъ: «рѣка Танаисъ служитъ границею между Азіей и Европой; вливается въ Меотиду двумя устьями, между коими разстоянія (6 $^4/_5$ версты) 40 (въ другихъ изданіяхъ 60 и 70) стадій (отъ $10^1/_2$ до $12^1/_2$ верстъ) (21 [a]). Городъ Танаисъ лежитъ надъ рѣкою и близь озера Меотиды; названъ такъ по имени рѣки; созданъ Греками, обитающими въ Боспорѣ. Танаисъ есть общее торжище для европейскихъ и азійскихъ номадовъ и для плавающихъ изъ Боспора по Меотидѣ. Номады промѣниваютъ тамъ

(16) Изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ въ Москов. Архивѣ, статейные списки 7162 и 1635 г.

(17) Собр. Госуд. грамотъ и догов. Ш, 379 и 401.

(18) Описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, стр. 119.

(19) Тамъ—же, стр. 211.

(20) Въ оригинальной рукописи примѣчаніе опущено. *Ред.*

(21) Мирные договоры и реляціи.

(21 [a]) У Саллюста отъ 60 до 70 стадій.

всего 526 саж. (35). Вице-Адмиралъ Крюйсъ, по личномъ обозрѣніи Азова, въ 1696 году, написалъ, что въ Азовѣ видны еще были надписи генуэзскія и флорентійскія надъ воротами и церквами (36), и что Азовъ, взятый Турками у Генуэзцевъ, оставался въ неизмѣнномъ положеніи, въ какомъ былъ при Генуэзцахъ, до покоренія Азова казаками. Укрѣпленія его состояли изъ изрядной каменной стѣны со многими башнями: на берегу Дона стоялъ сдѣланный по древнему обыкновенію замокъ. Донъ протекалъ чрезъ городъ, и не малая часть строеній находилась на островѣ, на другомъ (правомъ) берегу (37), тамъ, гдѣ по повелѣнію Петра Великаго построено было въ 1697 году Петровское укрѣпленіе (38).

Итакъ, если по свидѣтельству Барбаро городъ Тана стоялъ на мѣстѣ греческаго Танаиса, если въ 1388 году Азовомъ владѣли живущіе тамъ Фрязи и Нѣмцы, если въ 1637 году тамъ были башни, сдѣланныя Фрянгинами, если Азовъ, покоренный Петромъ Великимъ, занималъ торговое мѣсто, которое находилось во владѣніи казаковъ 1637—1642 годовъ: то конечно никто не усомнится, что Азовъ есть то же самое мѣсто, какое занималъ италіанскій Тана, греческій Танаисъ.

III.

Читатели, безъ сомнѣнія, пожелаютъ знать, что же за городъ былъ тамъ, гдѣ Недвиговскіе окопы?

Эти остатки древняго города давно извѣстны. Ихъ осматривалъ нарочито, по порученію академика Палласа, пріятель его, таганрогскій помѣщикъ Григорій Ивановичъ Коваленскій, какъ самъ сказывалъ намъ въ 1812 году. Тамъ видимы были тогда каменные погреба и находимы были монеты золотыя, серебряныя и мѣдныя. Владѣлецъ слободы Недвиговки, генералъ лейтенантъ Андрей Дмитріевичъ Мартыновъ, изъ добытыхъ въ томъ городищѣ монетъ, удѣлилъ въ 1806 году въ кабинетъ Черкасской гимназіи: одну золотую, 14 серебряныхъ и 10 мѣдныхъ, какъ увѣдомилъ насъ, въ 1823 году, бывшій тогда директоръ той гимназіи, подполковникъ Поповъ, съ присылкою отпечатка. Золотая, величиною въ русскій полуимперіалъ, представляетъ Реметалка, царствовавшаго въ Боспорѣ 132—155 г. по Р. Х.; на серебряныхъ и мѣдныхъ замѣтны—на однихъ изображенія пѣшихъ и конныхъ воиновъ, на другихъ человѣческіе головы, гербы и арабскія буквы.

---

(35) Изъ донскихъ дѣлъ въ Москов. Архивѣ.
(36) Описаніе всѣхъ случаевъ, относ. до Азова, стр. 72.
(37) Тамъ-же, стр. 84.
(38) Тамъ-же, стр. 223 и походъ боярина Шеина къ Азову въ 1696 году, стр. 93.

Въ тожествѣ Танаиса или Таны и Азова нельзя сомнѣваться. Въ тѣ самыя времена, когда италіанцы называли древній греческій Танаисъ Таною, до самаго покоренія сего города Турками въ 1474 году ([24]), Монголы и Турки называли его Азакъ, какъ извѣстно изъ географіи Абульфеды, писанной въ 1321 году ([25]), изъ путешествія Ибнъ—Батуты, проѣзжавшаго чрезъ Крымъ, Азовъ и Маджары (большой и богатый городъ) въ Волжскую орду между 1332 и 1341 годами ([26]), изъ Шерефеддиновой (†1456) исторіи Тимуръ-бека подъ 1395 годомъ ([27]), изъ Шильтбергера, бывшаго въ плѣну у Монголовъ 1395—1427 года ([28]), и изъ монгольскихъ монетъ, чеканенныхъ въ Азовѣ 1338—1407 года ([29]). Въ нашихъ лѣтописяхъ имя города Азова или Озова и моря Азовскаго встрѣчается впервые съ 1388 года, причемъ, сказано, что въ Азовѣ живутъ Фрязове и Нѣмцы (въ иныхъ: Фрязове Нѣмцы), владѣющіе тѣмъ мѣстомъ ([30]). О положеніи Азова на лѣвомъ берегу Дона свидѣтельствуетъ: вопервыхъ Стрыйковскій, говоря, что Витовтъ, въ 1397 году собравъ войско, отправился въ Кіевъ и оттуда прошелъ за Донъ къ твердынямъ Азова ([31]); во вторыхъ большой чертежъ Россіи, составленный при государяхъ, предшествовавшихъ воцаренію дома Романова, гдѣ сказано: «вытекъ изъ Дону протокъ Мертвый Донецъ и палъ въ море себѣ устьемъ; а ниже (южнѣе) Мертваго Донца рѣка Донъ впала въ море подъ Азовомъ, а городъ Азовъ въ устьѣ Дону, съ лѣвыя стороны Дону» ([32]). Когда донскіе и запорожскіе казаки, 18 Іюля 1657 года, отняли Азовъ у Турокъ, сей городъ стоялъ по показанію, данному въ Москвѣ атаманомъ Иваномъ Катаржнымъ, на лѣвомъ берегу Дона, а на правомъ имѣлъ сады ([33]). Въ 1640 году казаки писали къ государю изъ Азова, что тамошнія башни сдѣланы издавна **Фрянгинами** (Италіанцами) и еще крѣпки ([34]), а въ 1642 году Азовъ заключалъ въ себѣ три города каменныхъ: собственно Азовъ, Ташъ-калу и Топра-калу, кругомъ

---

(24) Исторія Генуэзск. посел. въ Крыму.

(25) Меньшіе географы. Страна Азакъ у Гербелота, стр. 799.

(26) Въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1841 годъ № 2, стр. 464.

(27) Исторія Тимуръ-бека, II, 22, 365, 366, 367, 383.

(28) Шильтбергеръ.

(29) Numi Muhammed. qui in Mus. Asiat. asservantur.

(30) Древній Лѣтопис. съ 1254 по 1424 г., II, 124; Никон. лѣтоп. IV, 162, 163. Путешествіе митрополита Пимена, описанное чернецомъ Игнатіемъ въ 1389 году. Рукопись хранится въ Патріаршей Библіотекѣ въ Москвѣ.

(31) Хроника Литовская кн. XII, гл. 5.

(32) Больш. Чертежъ.

(33) Въ оригинальной рукописи примѣчаніе опущено. *Ред.*

(34) Изъ крымскихъ дѣлъ въ столбцахъ.

всего 526 саж. ([35]). Вице-Адмиралъ Крюйсъ, по личномъ обозрѣніи Азова, въ 1696 году, написалъ, что въ Азовѣ видны еще были надписи генуэзскія и флорентійскія надъ воротами и церквами ([36]), и что Азовъ, взятый Турками у Генуэзцевъ, оставался въ неизмѣнномъ положеніи, въ какомъ былъ при Генуэзцахъ, до покоренія Азова казаками. Укрѣпленія его состояли изъ изрядной каменной стѣны со многими башнями: на берегу Дона стоялъ сдѣланный по древнему обыкновенію замокъ. Донъ протекалъ чрезъ городъ, и не малая часть строеній находилась на островѣ, на другомъ (правомъ) берегу ([37]), тамъ, гдѣ по повелѣнію Петра Великаго построено было въ 1697 году Петровское укрѣпленіе ([38]).

Итакъ, если по свидѣтельству Барбаро городъ Тана стоялъ на мѣстѣ греческаго Танаиса, если въ 1388 году Азовомъ владѣли живущіе тамъ Фрязи и Нѣмцы, если въ 1637 году тамъ были башни, сдѣланныя Фрянгинами, если Азовъ, покоренный Петромъ Великимъ, занималъ торговое мѣсто, которое находилось во владѣніи казаковъ 1637—1642 годовъ: то конечно никто не усомнится, что Азовъ есть то же самое мѣсто, какое занималъ италіанскій Тана, греческій Танаисъ.

III.

Читатели, безъ сомнѣнія, пожелаютъ знать, что же за городъ былъ тамъ, гдѣ Недвиговскіе окопы?

Эти остатки древняго города давно извѣстны. Ихъ осматривалъ нарочито, по порученію академика Палласа, пріятель его, таганрогскій помѣщикъ Григорій Ивановичъ Коваленскій, какъ самъ сказывалъ намъ въ 1812 году. Тамъ видимы были тогда каменные погреба и находимы были монеты золотыя, серебряныя и мѣдныя. Владѣлецъ слободы Недвиговки, генералъ лейтенантъ Андрей Дмитріевичъ Мартыновъ, изъ добытыхъ въ томъ городищѣ монетъ, удѣлилъ въ 1806 году въ кабинетъ Черкасской гимназіи: одну золотую, 14 серебряныхъ и 10 мѣдныхъ, какъ увѣдомилъ насъ, въ 1823 году, бывшій тогда директоръ той гимназіи, подполковникъ Поповъ, съ присылкою отпечатка. Золотая, величиною въ русскій полуимперіалъ, представляетъ Реметалка, царствовавшаго въ Боспорѣ 132—155 г. по Р. Х.; на серебряныхъ и мѣдныхъ замѣтны—на однихъ изображенія пѣшихъ и конныхъ воиновъ, на другихъ человѣческіе головы, гербы и арабскія буквы.

(35) Изъ донскихъ дѣлъ въ Москов. Архивѣ.
(36) Описаніе всѣхъ случаевъ, относ. до Азова, стр. 72.
(37) Тамъ-же, стр. 84.
(38) Тамъ-же, стр. 223 и походъ боярина Шеина къ Азову въ 1696 году, стр. 93.

Новѣйшія находки въ Недвиговскомъ городищѣ состоятъ въ вырытыхъ изъ земли въ 1833 и 1836 годахъ двухъ каменныхъ плитахъ съ греческими надписями. На эти надписи далъ объясненіе академикъ Грефе, сказывая что на одной упоминается Кавонъ, архонтъ Танаитскій, и означенъ 194-й годъ по Р. Х.; на другой начертано, что въ 193 году по Р. Х. Еллины и Танаиты возстановили обрушившуюся въ въ городѣ (ἐμπόριον торжище, рынокъ) башню (πύργος) попеченіемъ Родона и другихъ поименованыхъ тамъ пяти грековъ. По симъ надписямъ сдѣлано заключеніе, въ подкрѣпленіе мнѣнія Стемпковскаго и Свиньина, что городъ Танаисъ точно стоялъ у Недвиговки (39); но мы думаемъ, основываясь на вышеприведенныхъ неоспоримыхъ доводахъ о существованіи Танаиса у азійскаго главнаго рукава Дона, что оныя надписи показываютъ только, что у Недвиговки стояло другое, греческое селеніе, зависѣвшее по близости своей отъ г. Танаиса (17 верстъ) и отъ его градоначальника и гражданъ, какъ при Генуэзцахъ Консулъ Кафы имѣлъ въ своемъ начальствѣ Солдаю, Чембало и другія мѣста въ Тавридѣ (40). Оно было, такъ сказать, пригородокъ танаитскій, гдѣ учрежденъ былъ рынокъ для торга съ народами, обитавшими на европейской сторонѣ Дона (въ сосѣдствѣ съ Алопекіею), дабы не затруднять ихъ переправой въ г. Танаисъ черезъ два или три рукава Дона.

Впрочемъ это поселеніе у Недвиговки, вѣроятно еллинское же, существовало ранѣе того, какъ Боспорскіе Греки основали торжище свое въ Азовѣ. Въ Иродотово время (род. около 484, ум. около 400 г.) Грековъ еще не было въ Азовѣ или Танаисѣ, и потому Иродотъ о семъ городѣ не упоминаетъ; но, описывая Скиѳію, онъ говоритъ, что жилища Царскихъ Скиѳовъ, т. е. господствующаго въ Кипчакахъ поколѣнія (41), простираются, со стороны Днѣпра на востокъ къ торжищу или къ торговому городу озера Меотиса, называемому Кримны, и къ рѣкѣ Танаису, а за сею рѣкою земля уже не Скиѳская, а Сауроматская (42). Положеніе Кримны яснѣе опредѣляется слѣдующею, хотя и баснословною, повѣстію, разсказанною Иродоту понтійскими Греками, но въ отношеніи мѣстности подтверждающею первое сказаніе его о Кримнѣ. Греки, побѣдивъ Амазонокъ при р. Ѳермодонтѣ (въ Натоліи), взяли ихъ столько на корабль свой, сколько могли помѣстить. Но

(39) Въ оригинальной рукописи примѣчаніе опущено. *Ред.*

(40) Истор. Генуэзск. поселеній въ Крыму, стр. 13.

(41) У восточныхъ народовъ то поколѣніе, къ которому принадлежали государи, было господствующимъ. Таково было въ ордѣ Ногайской Мангитское, у Паннонскихъ Угровъ Кабарское, нынѣ въ Персіи Каджарское.

(42) Иродотъ, кн. IV, гл. 20, 21, 57, 100. 10 [illegible] κρημνός покатость, крутизна, возвышенность.

шая существующіе нынѣ Недвиговскіе окопы, тотъ самый городъ Карея, о которомъ Халкондила, подъ 1369—1417 годомъ, написалъ, что Татары уводимыхъ ими въ плѣнъ людей и всякую другую добычу приводили или въ Боспоръ (въ Керчь), или къ Меотическому морю, въ городъ Карею (Καρεαν), и продавали по низкой цѣнѣ Венеціанамъ и Генуэзцамъ ([57]).

Читая въ духовной В. Кн. Владиміра Мономаха, что въ числѣ половецкихъ князей, взятыхъ въ плѣнъ въ 1111 году, въ битвѣ у рѣки Сальницы, т. е. у Тора, и по убіеніи поверженныхъ въ эту рѣку, находились Коксусъ съ сыномъ, Акланъ Бурчевичъ, и Таревскій Князь Азгулай ([58]), можемъ думать, что этотъ Азгулай названъ княземъ Таревскимъ по городу Карею.

Запустѣніе сего города началось вѣроятно послѣ того, какъ Турки возобладали Азовомъ. Станется также, что содѣйствовали тому и казаки, начавшіе утверждаться на тогдашнихъ пустыняхъ нижнихъ потоковъ Дона около 1550 года ([59]). Находя препятствіе отъ Азова (и отъ устроеннаго впереди его верстахъ въ.... по обоимъ берегамъ Дона двухъ каменныхъ каланчей, между коими протягивалась чрезъ Донъ желѣзная тройная цѣпь) проникать въ Азовское море по главнымъ рукавамъ Дона, они спускались на своихъ лодкахъ по Мертвому Донцу мимо Недвиговскаго города, и потому называли сей протокъ въ 1660 году проѣзднымъ ([60]). Турки еще съ 1618 года начали засыпать его устье ([61]); а въ 1660 году построили на лѣвомъ берегу сего протока, верстахъ въ 4-хъ выше Недвиговскаго городища, на островѣ Алопеки, каменную крѣпость, которую называли сначала, въ 1660 году, Сектясламъ или Сяктясламъ, а послѣ Лютикъ ([62]), попавшую въ руки Руссовъ 20-го Іюля 1696 года, чрезъ два дня по покореніи Азова ([63]).



(57) Memor. popul. II, 1033; III, 1146.

(58) Духовная Мономаха стр. 44. Лѣтописи наши не именуютъ Половецкихъ князей, сражавшихся съ Руссами въ 1111 году на потокѣ Делѣ и на рѣкѣ Сальницѣ.

(59) Продолж. Древн. Русской Вивліоѳ. VIII, 146—225, 265, 266; IX, 57.

(60) Въ Исторіи Войска Донскаго, Броневскаго, I, 211, эти каланчи поставлены въ двухъ верстахъ ниже Азова, вмѣсто выше.

(61) Изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ Москов. Архива, статейн. списокъ 1618 г. № 3.

(62) Изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ Моск. Архива, связка 5-я.

(63) Походъ боярина Шеина къ Азову въ 1696 году, стр. 146.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАМѢТКИ и ИЗВѢСТІЯ.

Описаніе развалинъ церкви Св. Георгія, открытой въ Кубанской области, между Бѣлорѣченской и Ханской станицами.

(Изъ оффиціальнаго донесенія.)

Развалины церкви св. Георгія, въ Кубанской области, между Бѣлорѣченской и Ханской станицами, представляли груду обтесанныхъ камней, покрытыхъ мусоромъ и поросшихъ травою. Онѣ едва замѣтно возвышались надъ поверхностью земли, и вовсе не обращали на себя вниманія мѣстныхъ жителей, занимавшихся въ окрестностяхъ полевыми работами. Ставропольскій мѣщанинъ Иванъ Середа былъ первый, увидѣвшій изъ-подъ земли обтесанный уголъ камня, годнаго къ постройкѣ, и съ этою цѣлью началъ свои роскопки. Въ числѣ многихъ камней, уже выкопанныхъ и приготовленныхъ къ перевозкѣ въ Майкопъ, онъ вдругъ замѣтилъ камень съ крестомъ и надписью; затѣмъ, продолжая работу, отыскалъ второй камень съ надписью и третій съ изображеніемъ св. великомученика Георгія. Верхняя часть послѣдняго камня была отбита. Иванъ Середа, прекративъ работу, донесъ о находкѣ Бѣлорѣченскому станичному правленію, вслѣдствіе чего и послѣдовало безотлагательное распоряженіе наказнаго атамана объ изслѣдованіи означенныхъ развалинъ.

16 іюля 1869 г. приступлено было къ изслѣдованію развалинъ, съ цѣлію опредѣлить точно планъ зданія. Въ то же время начата была раскопка близлежащаго коническаго кургана, который могъ, по пред-

шая существующіе нынѣ Недвиговскіе окопы, тотъ самый городъ Карея, о которомъ Халкондила, подъ 1369—1417 годомъ, написалъ, что Татары уводимыхъ ими въ плѣнъ людей и всякую другую добычу приводили или въ Боспоръ (въ Керчь), или къ Меотическому морю, въ городъ Карею (Καρεαν), и продавали по низкой цѣнѣ Венеціанамъ и Генуэзцамъ ([57]).

Читая въ духовной В. Кн. Владиміра Мономаха, что въ числѣ половецкихъ князей, взятыхъ въ плѣнъ въ 1111 году, въ битвѣ у рѣки Сальницы, т. е. у Тора, и по убіеніи поверженныхъ въ эту рѣку, находились Коксусъ съ сыномъ, Акланъ Бурчевичъ, и Таревскій Князь Азгулай ([58]), можемъ думать, что этотъ Азгулай названъ княземъ Таревскимъ по городу Карею.

Запустѣніе сего города началось вѣроятно послѣ того, какъ Турки возобладали Азовомъ. Станется также, что содѣйствовали тому и казаки, начавшіе утверждаться на тогдашнихъ пустыняхъ нижнихъ потоковъ Дона около 1550 года ([59]). Находя препятствіе отъ Азова (и отъ устроеннаго впереди его верстахъ въ.... по обоимъ берегамъ Дона двухъ каменныхъ каланчей, между коими протягивалась чрезъ Донъ желѣзная тройная цѣпь) проникать въ Азовское море по главнымъ рукавамъ Дона, они спускались на своихъ лодкахъ по Мертвому Донцу мимо Недвиговскаго города, и потому называли сей протокъ въ 1660 году проѣзднымъ ([60]). Турки еще съ 1618 года начали засыпать его устье ([61]); а въ 1660 году построили на лѣвомъ берегу сего протока, верстахъ въ 4-хъ выше Недвиговскаго городища, на островѣ Алопеки, каменную крѣпость, которую называли сначала, въ 1660 году, Сектясламъ или Сяктясламъ, а послѣ Лютикъ ([62]), попавшую въ руки Руссовъ 20-го Іюля 1696 года, чрезъ два дня по покореніи Азова ([63]).



(57) Memor. popul. II, 1033; III, 1146.

(58) Духовная Мономаха стр. 44. Лѣтописи наши не именуютъ Половецкихъ князей, сражавшихся съ Руссами въ 1111 году на потокѣ Делѣ и на рѣкѣ Сальницѣ.

(59) Продолж. Древн. Русской Вивліоѳ. VIII, 146—225, 265, 266; IX, 57.

(60) Въ Исторіи Войска Донскаго, Броневскаго, I, 211, эти каланчи поставлены въ двухъ верстахъ ниже Азова, вмѣсто выше.

(61) Изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ Москов. Архива, статейн. списокъ 1618 г. № 3.

(62) Изъ ногайскихъ дѣлъ въ столбцахъ Моск. Архива, связка 5-я.

(63) Походъ боярина Шеина къ Азову въ 1696 году, стр. 146.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ

ЗАМѢТКИ и ИЗВѢСТІЯ.

Описаніе развалинъ церкви Св. Георгія, открытой въ Кубанской области, между Бѣлорѣченской и Ханской станицами.

(Изъ оффиціальнаго донесенія.)

Развалины церкви св. Георгія, въ Кубанской области, между Бѣлорѣченской и Ханской станицами, представляли груду обтесанныхъ камней, покрытыхъ мусоромъ и поросшихъ травою. Онѣ едва замѣтно возвышались надъ поверхностью земли, и вовсе не обращали на себя вниманія мѣстныхъ жителей, занимавшихся въ окрестностяхъ полевыми работами. Ставропольскій мѣщанинъ Иванъ Середа былъ первый, увидѣвшій изъ-подъ земли обтесанный уголъ камня, годнаго къ постройкѣ, и съ этою цѣлью началъ свои роскопки. Въ числѣ многихъ камней, уже выкопанныхъ и приготовленныхъ къ перевозкѣ въ Майкопъ, онъ вдругъ замѣтилъ камень съ крестомъ и надписью; затѣмъ, продолжая работу, отыскалъ второй камень съ надписью и третій съ изображеніемъ св. великомученика Георгія. Верхняя часть послѣдняго камня была отбита. Иванъ Середа, прекративъ работу, донесъ о находкѣ Бѣлорѣченскому станичному правленію, вслѣдствіе чего и послѣдовало безотлагательное распоряженіе наказнаго атамана объ изслѣдованіи означенныхъ развалинъ.

16 іюля 1869 г. приступлено было къ изслѣдованію развалинъ, съ цѣлію опредѣлить точно планъ зданія. Въ то же время начата была рас- [illegible] о коническаго кургана, который могъ, по пред-

положенію, служить къ объясненію времени постройки церкви и прочихъ вопросовъ, связанныхъ съ ея прошлымъ существованіемъ. Къ вечеру 17 числа рабочіе отрыли фундаментъ, лежавшій на два аршина ниже поверхности земли. Планъ церкви—прямоугольный, съ полукруглою алтарною частью и квадратнымъ входомъ. Длина ея, безъ стѣнъ, 12, ширина—7 аршинъ. Фундаментъ прочно сложенъ изъ крупнаго булыжнаго камня, щедро залитаго известью; ширина его нѣсколько менѣе аршина, глубина до 3 аршинъ. На двухаршинной глубинѣ, въ правомъ углу отъ входа, обнаружилась плита, длиною въ 3 аршина, шириною нѣсколько болѣе одного. Плита была треснута и при постукиваніи издавала глухой звукъ, что̀ заставляло предполагать, что подъ нею находится склепъ. Камни, употребленные на постройку церкви, были добыты изъ Тубинскаго ущелья, въ 70 верстахъ отъ мѣста постройки; они чистой известковой породы, принимаютъ хорошо обтеску и высѣчку. На нихъ находимы были по два отверстія и желѣзныя скобы, которыя служили прочной связью при кладкѣ ихъ въ шахматномъ порядкѣ. Между камнями найдены были слѣдующіе архитектурные фрагменты: обломки капителей колоннъ, поддерживавшихъ сводъ алтарныхъ дверей, и обломки дверныхъ и оконныхъ наличниковъ, имѣвшихъ стрѣльчатую форму.

18 іюля была откопана и отодвинута треснувшая часть плиты. Подъ нею дѣйствительно оказался склепъ, тщательно выштукатуренный и въ немъ костякъ, лежавшій на востокъ. У костяка лобная кость была разбита осколкомъ отъ верхней плиты, пострадавшей при разрушеніи храма, а прочія части были покрыты толстымъ слоемъ земли, набравшейся въ склепъ, вслѣдствіе просачиванія воды чрезъ верхнюю трещину. По вынутіи земли, находившейся въ склепѣ, и промывкѣ ея, всѣ золотыя и серебряныя вещи, не исключая остатковъ парчи, были приведены въ извѣстность и взвѣшены. Вотъ перечень вещамъ: 1) дутаго золота, филигранной работы, пуговицы, числомъ 19, вѣсомъ 14 золотниковъ; 2) серебряный поясный приборъ съ рельефными вызолоченными украшеніями 47 штукъ, вѣсомъ 75 золотниковъ (*); 3) золотой перстень съ неграненымъ яхонтомъ, величиною въ небольшую фасоль, а на противоположной сторонѣ съ незначительной бирюзою; 4) перстень золотой, безъ камня; 5) кольцо изъ сплава золота и серебра; 6) золотой браслетъ въ видѣ плоскаго обруча, вѣсомъ $4^{1}/_{2}$ золотника; 7) два плоскихъ золотыхъ неспаянныхъ колечка, замѣнявшихъ въ верхней одеждѣ крючекъ и петельку, вѣсомъ $1^{1}/_{2}$ золотника; 8) серебряная, на трехъ такихъ же цѣпочкахъ, продолговатая чернильница, дно у ко-

(*) На поясномъ оконечникѣ находятся арабскія надписи съ изреченіями изъ Корана и именемъ мастера, до сихъ поръ непереведенныя.

торой служило для помѣщенія хлопка, напитаннаго чернилами, а отверстіе въ верхней части—для вкладыванія камышеваго пера, вѣсомъ $11^1/_2$ золотниковъ; 9) четыре незначительныхъ жемчужины; 10) кожаный бумажникъ, вышитый шелками: въ немъ въ одномъ отдѣленіи оказался деревянный двойной гребень, съ ажурной по срединѣ работой, а въ другомъ—неизвѣстное перегнившее вещество, близко схожее съ волосами; 11) золотая парча, вѣсомъ въ 50 золотниковъ. Изъ костей уцѣлѣли: черепъ, зубы и части ножныхъ костей.

Того же 18 числа приступлено было къ изслѣдованію разрытаго кургана. На глубинѣ 7 аршинъ отъ его вершины, найденъ былъ костякъ, лежащій по направленію отъ запада на востокъ и схороненный въ деревянномъ гробѣ, по всей вѣроятности кипарисномъ. Для предохраненія усопшаго отъ быстраго тлѣнія, гробъ засыпанъ былъ со всѣхъ сторонъ слоемъ угля, въ поларшина толщиною, и находился на глубинѣ 3 аршинъ ниже поверхности земли. На костякѣ найдены были: 1) остатки шелковой, тканой золотомъ одежды; 2) кривой мечь, величиною съ эфесомъ 7 четвертей и сломанный въ двухъ мѣстахъ давленіемъ насыпи; 3) наконечники стрѣлъ; 4) прямой ножъ; 5) серебряные филигранной работы пуговицы, числомъ 15; 6) два плоскихъ золотыхъ неспаянныхъ колечка, замѣнявшихъ крючекъ и петельку, и 7) связанный шелковымъ снуркомъ гаманецъ (кошелекъ) (*). Отъ костяка уцѣлѣли черепъ и нѣсколько ножныхъ костей.

Камень съ рельефнымъ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца, найденный на западной сторонѣ развалинъ, по всей вѣроятности находился надъ церковными дверями. Верхняя часть его отбита. На правой сторонѣ камня находится греческая надпись въ двѣ строки, во многихъ мѣстахъ сильно пострадавшая. Второй камень съ рельефнымъ изображеніемъ креста, открытый близь склепа, имѣетъ по обѣимъ сторонамъ креста греческую надпись въ девять строкъ и внизу креста три строки. Разбитый ломомъ рабочаго, онъ лишился съ лѣвой стороны первой части второй и послѣдней строки; съ правой—первыхъ трехъ строкъ и на крестѣ—первой и части второй строкъ. Сверхъ того надпись высѣчена съ ошибками въ правописаніи, что и затруднило переводъ, за точность котораго не ручаемся. Вотъ онъ: «въ память раба Божія Георгія Піуперти Владѣтеля (отецъ) Миниліи. Святому славному великомученику Георгію въ церкви»... Наконецъ третій камень, длиною нѣсколько болѣе аршина и шириною въ четверть, съ отбитымъ нижнимъ краемъ, имѣетъ хорошо сохранившуюся слѣдующую армянскую надпись:

кремень.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Въ переводѣ: «Соорудилъ церковь каменотесецъ изъ Кафы Крымбей».

Въ заключеніе остается сказать, что непереведенная строка на крестѣ, указывающая на время, если не постройки церкви, то время кончины лица, похороненнаго въ склепѣ, близь котораго найденъ камень съ крестомъ, лишаетъ насъ всякой возможности положительно опредѣлить значеніе сдѣланныхъ открытій. Приписывая окончательное разрушеніе церкви нашествію на западный Кавказъ крымскихъ хановъ, имѣвшихъ продолжительный привалъ въ ея окрестностяхъ, мы отказываемся строить гипотезы до окончательнаго изслѣдованія надписей спеціалистами.

О РУКОПИСИ

путешествіе Бертрандона дела Брокіера,

ХРАНЯЩЕЙСЯ ВЪ ПАРИЖСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

Въ Mémoires de l'Jnstitut national, Sciences morales et politiques, V, помѣщено описаніе путешествія, предпринятаго въ Палестину совѣтникомъ герцога Бургундскаго Филиппа Добраго, Бертрандономъ де ла Брокіеръ, по рукописи, хранящейся въ Парижской Императорской Библіотекѣ подъ заглавіемъ: Ci commence le voyage de Bertrandon de la Broiquière en la terre d'Oultremer, l'an de grâce mil quatre cents et trentedeux. Статья эта затѣмъ была перепечатана въ англійскомъ сборникѣ, изданномъ въ Лондонѣ въ 1812 году подъ заглавіемъ: A selection of Curious, Rare and Early Voyages und History of discoveries, chiefly published by Hakluyt or at his suggestion, but not included in his celebrated compilation, to which, to Purchas and other General Collections this is intended as a Supplement.

Описавъ вкратцѣ свое путешествіе изъ Гента въ Венецію и оттуда въ Палестину, равно какъ и тамошнія достопримѣчательности, Бертрандонъ въ подробности говоритъ о своихъ приключеніяхъ и наблюденіяхъ на обратномъ пути на родину, куда храбрый и любозна-

тельный рыцарь рѣшился отправиться сухимъ путемъ чрезъ Сирію и Малую Азію до города Скутари, гдѣ переправился въ Перу.

Подробное извлеченіе этой части его дневника помѣщено въ первомъ томѣ извѣстнаго сочиненія Вивіена де Сенъ—Мартена (De l' Asie Mineure), съ которымъ нельзя не согласиться, когда онъ говоритъ (p. 539): Les récits de Bertrandon ont entièrement le cachet d'une relation moderne, et bien des voyageurs des siècles qui vont suivre, sont loin de s'élever à son niveau.

Само собою разумѣется, что этотъ отзывъ относится и къ остальной части записокъ Бертрандона, для насъ особенно интересной, такъ какъ путь его пролегалъ чрезъ страны, сосѣдственныя съ нашимъ отечествомъ, да притомъ тѣсно съ нимъ связанныя народностью и вѣроисповѣданіемъ своихъ обитателей.

Прогостивъ въ Константинополѣ довольно долго, чтобы быть въ состояніи передать весьма любопытныя извѣстія о памятникахъ сего города и объ отношеніяхъ императорскаго двора къ султану, тогда уже владѣвшему всею „Греціею", кромѣ столицы съ ближайшими ея окрестностями, нашъ путешественникъ отправился въ свитѣ посланника Герцога Миланскаго Бенедикта де Фурмисо на встрѣчу Амурату II, въ деревню Gamgbatzar (Енибизаръ), недалеко отъ Аѳонской горы и оставилъ намъ болѣе или менѣе важныя замѣтки о разныхъ мѣстностяхъ, чрезъ которыя проѣзжалъ, а именно: Rigory, Thiras, Salubrie, Chorleu, Misterio, Pirgasa, Zambry, Andrenopoly, Dymodique, Jpsala, Ayne и Caumissin.

Не принятый султаномъ, посланникъ долженъ былъ возвратиться въ Адріанополь, чтобы тамъ ему представиться, и вмѣстѣ съ нимъ туда опять поѣхалъ Бертрандонъ, хотя уже не прежнимъ путемъ, но мимо разореннаго замка Coulony, городовъ Trajanopoly и Vyra, гдѣ встрѣтились съ губернаторомъ „Греціи", болгарскимъ уроженцемъ, обязаннымъ своимъ возвышеніемъ таланту „de bien boire" (p. 574), особенно чтимому султаномъ, который самъ выпивалъ отъ 6—7 квартъ (p. 577).

Послѣ многихъ замѣтокъ, знакомящихъ насъ еще съ другими хорошими и дурными качествами султана, съ составомъ его двора и съ церемоніаломъ, наблюдаемымъ при аудіенціи посланника, спутникъ его продолжаетъ изложеніе дальнѣйшаго ихъ путешествія чрезъ Филиппополь, Софію, мѣстечко „Pirotte" на Нисавѣ, Ниссу и „Corsebach" на Моравѣ, записывая, по прежнему, все что онъ въ нихъ нашелъ достопримѣчательнаго. За тѣмъ онъ такимъ же образомъ описываетъ свое путешествіе чрезъ владѣнія деспота Рашки и Сербіи, а именно мимо замка „Escalache" и любимой резиденціи деспота „Nicodem" до Бѣлграда, уступленнаго четыре года предъ тѣмъ королю Венгерскому изъ опасенія, чтобы Турки имъ не овладѣли, подобно тому какъ они

отняли у деспота замокъ ,, Coulombach", лежавшій на Дунаѣ, на двухдневномъ разстояніи отъ Бѣлграда внизъ по рѣкѣ.

Огорченный, въ интересахъ христіанства, этимъ страхомъ туземцевъ предъ могуществомъ Порты, Бертрандонъ поднимаетъ вопросъ, въ какой степени общее мнѣніе объ этомъ могуществѣ было основательно, и приходитъ къ тому заключенію, что 20 тысячное войско, состоящее изъ Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ могло бы безъ труда изгнать Турокъ изъ Европы и даже дойти сухимъ путемъ до Іерусалима ,,et je demanderai à Dieu la grâce de marcher avec eux".

Послѣднія страницы дневника, посвященныя описанію путешествія чрезъ Венгрію, Австрію, Баварію, и встрѣчи съ герцогомъ въ Дижонѣ для насъ менѣе важны, хотя и не лишены интереса для топографіи и исторіи приведенныхъ странъ.

Если нельзя не быть благодарнымъ г. Леграну д' Осси (Legrand d'Aussy) за обнародованіе записокъ Бертрандона, дотолѣ доступныхъ однимъ только посѣтителямъ парижской библіотеки, то съ другой стороны онъ заслуживаетъ порицанія за то, что позволилъ себѣ, вмѣсто собственныхъ словъ Бертрандона, надѣлить насъ ихъ переложеніемъ на нынѣшній французскій языкъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода ,,исправленіе" текста не рѣдко заставляетъ автора говорить то, что̀ онъ вовсе не хотѣлъ сказать, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ насъ возможности ручаться за точность выводовъ, которые мы желали бы извлечь изъ его показаній.

Это обстоятельство заставляетъ меня обратиться къ Московскому Археологическому Обществу съ покорнѣйшею просьбою—хлопотать о доставленіи къ намъ изъ Парижа вѣрной копіи самой рукописи, если бы, послѣ предварительнаго запроса, оказалось, что снятіе подобной копіи не обошлось слишкомъ дорого, что̀ впрочемъ невѣроятно, такъ какъ вся рукопись занимаетъ не болѣе 168 печатанныхъ крупнымъ шрифтомъ страницъ in 4°.

Если же просьба оказалась бы неудобо-исполнимой, то я покрайней мѣрѣ желалъ бы, при посредничествѣ Общества, получить копію небольшаго отрывка рукописи, въ которомъ авторъ передаетъ подробности о землѣ ,,Пресвитера Іоанна", сообщенныя ему однимъ Неаполитанцемъ, съ которымъ онъ познакомился въ Перѣ.

Попавъ, если не ошибаюсь, на слѣдъ этой загадочной личности, которую донынѣ повсюду отыскивали и нигдѣ не находили, для меня было бы важно свидѣтельство упомянутаго Неаполитанца, который даже оставилъ свою жену въ землѣ сего владыки. Но какъ будто на зло, французскій академикъ—„citoyen"—отрывокъ этотъ не только не передѣлалъ по своему, но совершенно опустилъ, замѣнивъ его въ са-

момъ текстѣ своемъ слѣдующею подчеркнутою замѣткою: Nota: La manière, dont notre voyageur annonce ici la relation du Napolitain, annonce combien peu il y croyait; et en cela le bon sens qu' il a montré jusqu' apresent ne se dément pas. Ce récit n' est en effet qu'un amas de fables absurdes et de merveilles revoltantes, qui ne meritent pas d'être citées quoiqu'on les trouve également dans certains auteurs du temps.

Laissons l'auteur reprendre son discour" и проч.

Москва, Марта 1869 г. **Ф. Брунъ.**

НАХОДКА ЗОЛОТО-ОРДЫНСКИХЪ МОНЕТЪ.

Въ концѣ 1867 года, близь Астрахани, въ обрывѣ такъ-называемаго Жаренаго Бугра, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ селенія Карантиннаго, найденъ глиняный кувшинъ, заключавшій въ себѣ болѣе 4000 серебряныхъ монетъ 1380—1419 годовъ, чеканенныхъ Ханомъ Золотой Орды Тохтамышемъ, Бекъ-Пуладомъ, Тимуръ-Кутлукомъ, Шадибекомъ, Пуладомъ, Тимуромъ, Джелаль-эдъ-диномъ, Керимъ-Бирдіемъ Кибякомъ, Чекреемъ, Дервишемъ, Мухаммедомъ и Ташъ-Тимуромъ. Мѣста чеканки ихъ: Сарай, Орда, Астрахань, Булгаръ, Харезмъ, Азакъ, Крымъ, Ордубазаръ, Бинбазаръ (?) и Сарайчукъ. Въ числѣ этихъ монетъ есть нѣсколько новыхъ типовъ.

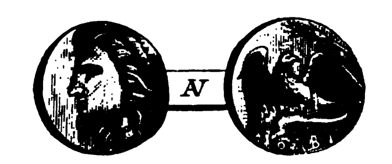
Въ 1868 году, близь того-же селенія Карантиннаго, случайно открыто до $7^{1}/_{2}$ сотъ серебряныхъ монетъ, чеканенныхъ съ 1330 до 1392 года ханами: Узбекомъ, Джанибекомъ, Бирдибекомъ, Наурузомъ, Хызромъ, Азизъ-Шейхомъ, Абдуллахомъ, Мухаммедъ-Булякомъ, Тохтамышемъ, Бекъ-Пуладомъ и Тимуромъ, въ Сараѣ, Гюлистанѣ, Ордѣ, Маджарѣ, Астрахани, Харезмѣ, Азовѣ и Крымѣ.

Сотня серебряныхъ джучидскихъ монетъ, найденныя въ 1868 году въ Сызранскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, въ селѣ Старые Костычи, обнимаетъ періодъ времени отъ 1317 до 1363 года. Онѣ чеканены въ Сараѣ, Гюлистанѣ и Азакѣ при ханахъ Узбекѣ, Джанибекѣ, Бирдибекѣ, Кульнѣ, Наурузѣ, Хызрѣ, Орду-Меликѣ, Гильдибекѣ и Мюридѣ.

Къ тому-же времени относятся до тысячи серебряныхъ монетъ, выпаханныхъ въ 1868 году въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, при деревнѣ Петровыхъ Будъ. Позднѣйшая изъ нихъ 1365—6 года, древнѣйшая 1310—1311. Сверхъ монетъ хановъ, упомянутыхъ въ Сызранскомъ кладѣ, тутъ встрѣтились еще монеты Токтогу, одна монета Тимуръ-Ходжи, монета Хайръ-Пулада и монеты Абдуллаха. Изъ послѣднихъ нѣкоторыя биты въ Янг ... эгрѣ-эль-Джедидѣ; къ числу рѣдкихъ монетъ ... чибека, чеканен-

ную въ Тебризѣ въ 757-1356 году (Frähn, Rec. p. 247, №-71). Остальныя монеты, принадлежащія къ самымъ обыкновеннымъ, биты въ Сараѣ, Гюлистанѣ, Азакѣ и Ордѣ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ этотъ кладъ потому, что въ немъ заключалось также пять продолговатыхъ серебряныхъ слитковъ, обращавшихся въ то время какъ монета подъ названіемъ соумовъ.

В. Тизенгаузенъ.



Золотая Ольвійская монета
изъ собранія г. Лемме въ Одессѣ.
Описана на стр. 61.

Норманскій мечь.

Въ Трубчевскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, крестьяне Юровской волости, деревни Монастырища, при рытіи рва нашли желѣзный мечь, рукоятка котораго, къ сожалѣнію сильно поврежденная, украшена узорчатою серебряною, мѣстами позолоченною, насѣчкою, представляющею сплетеніе какихъ-то фантастическихъ животныхъ и отзывающеюся норманскимъ стилемъ (ср. Сѣверныя древности корол. музея въ Копенгагенѣ. Спб. 1861. стр. 99, № 417; стр. 162, № 569 и стр. 164. № 574). Мечь этотъ поступилъ въ Императорскій Эрмитажъ.

В. Тизенгаузенъ.



О ДРЕВНЕЙ ГРИВНѢ.



Древняя мѣдная гривна (1), представляемая въ политипажѣ, вѣсу имѣетъ около 27 золотниковъ. На лицевой ея сторонѣ изображена Божія Матерь съ превѣчнымъ младенцемъ Іисусомъ въ такомъ видѣ, въ какомъ обыкновенно изображаютъ икону Владимірской Божіей Матери. У младенца Іисуса въ вѣнцѣ въ двухъ мѣстахъ по двѣ продольныя линіи, въ срединѣ коихъ изображены украшенія въ родѣ буквы: О, а не О Ω. Съ такимъ украшеніемъ въ вѣнцѣ изображенъ Спаситель въ сборникѣ Святославовомъ 1073 г. и на другихъ древнихъ Греческихъ иконахъ. Противъ лика Божіей Матери сокращенныя слова: МР (МΗΤΗР) Матерь, а по другую сторону: ΘΟΥ (ΘΕΟΥ) Божія; подлѣ лика младенца Іисуса сокращенныя же слова подъ однимъ титломъ: ΙΣ ΧΣ (ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΙΣΤΟΣ) Іисусъ Христосъ.

Въ Древностяхъ Государства Россійскаго, въ 1 отдѣленіи № 23, подъ буквами: Т и Υ та же самая гривна и по величинѣ и по рисунку; но г. Солнцевъ во многомъ отступилъ отъ подлинника. У младенца Іисуса онъ изобразилъ лѣвую руку видною сзади лѣваго плеча Божіей Матери, чего здѣсь нѣтъ; правая ножка младенца Іисуса г. Солнцевымъ обнажена

---

(1) Эта гривна подарена мнѣ однимъ моск. купцомъ С. А. Н. 7-го сентября 1867 года; по его словамъ, она досталась ему между другими вещами цѣною въ 3. к. сер.; снимокъ сдѣланъ въ уменьшенномъ видѣ; мною подарена въ 187 вленіе Иконовѣдѣнія при Обществѣ любителей Духовнаго просвѣщені

до колѣна, а на сей гривнѣ обнажена только одна ступня; надъ сокращенными буквами: IΣ XP у Солнцева въ рисункѣ два титла вмѣсто одного, и буквы: MP также измѣнены противъ подлинника.

Вокругъ изображенія Божіей Матери съ превѣчнымъ младенцемъ Іисусомъ слѣдующая греческая подпись: ΘΕΟΤΩΚΕ ΣΚΕΠΕ ΚΕ (ΚΑΙ) ΒΟΗΘΗ (—ΘΕΙ) ΤΩΝ (ΤΟΝ) ΕΧΩΝΤΑ ΣΕ ΑΙ Υ, Богородице, покрой и помоги имѣющему тебе всегда...

Въ чтеніи сей подписи у Солнцева слѣдующія ошибки: 1-я буква B, а не Θ; послѣ H слѣдуетъ отдѣлить ΤΩΝ, а не ΤΩ; послѣ ZE слѣдуетъ буква A, а не Σ; далѣе I, а не крестикъ †. Послѣднія буквы: AI Υ видно формовщикомъ перебиты. По старинному правописанію первую букву A и послѣднюю Υ (EI) надобно бы рядомъ поставить для означенія «всегда». Но что значитъ между ними еще буква I—трудно отгадать. Такъ ли и мною прочтено—утвердительно не могу сказать.

Гривна съ лицевой стороны была позолочена, но позолота почти вся слиняла. Осталось ее немного на фонѣ и въ вѣнцѣ Божіей Матери.

Противъ буквъ: TA съ лѣвой стороны не много отломано. Ушко немного погнуто въ лицевую сторону; не отъ того ли у гривны, съ которой г. Солнцевъ дѣлалъ снимокъ, ушко нарисовано длиннѣе, что оно не было погнуто?

Съ оборотной стороны изображена въ срединѣ голова, окруженная со всѣхъ сторонъ 12-ю зміями съ разинутою пастью и высунутымъ жаломъ. Вверху кругомъ по краямъ слѣдующая Греческая надпись: ΑΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΙΡΟΥ (ΚΥΡΙΟΣ) ΣΛ(Α)ΒΛ(Α)ΟΘ Ο ΠΛΗΡΗΣ ΟΥΡΛ(Α)ΝΟΣ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо... Эта побѣдняя пѣснь силъ небесныхъ буквально заимствована не изъ пророка Исаіи VI. гл. ст. 3, какъ сказано въ описаніи Древностей Россійскаго Государства, а изъ церковной пѣсни, поемой во время Литургіи послѣ слѣдующаго возгласа священника: побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще. У Исаіи послѣ: исполнь слѣдующія слова: вся земля, въ церковной же пѣсни: небо и земля славы твоея. На нашей гривнѣ, по всей вѣроятности за недостаткомъ мѣста, дважды употреблено слово: ΑΓΙΟΣ, а не трижды, какъ слѣдовало бы и какъ отлито на другихъ гривнахъ, гдѣ и конецъ полнѣе: ΟΥΡΑΝΟΣ ΚΑΙ ΓΗ ΤΗΣ ΔΟȢΗΣ. Послѣ 2-го слова ΑΓΙΟΣ въ словѣ ΚΙΡΟΣ (ΚΥΡΙΟ) (Σ) буквы въ формѣ, по которой выливалась эта гривна, перемѣшаны. У первой буквы K нижняя поперечная линія лишняя, а вверху вторая боковая не доведена къ прямой линіи, гдѣ обѣ боковыя должны бы составить уголъ. Послѣ K слѣдуетъ Υ, но эта буква здѣсь послѣ K 5-я; далѣе слѣдуютъ буквы Ρ Ι Ο, а Σ пропущена. Г. Солнцевъ изъ 5-ти буквъ

въ своемъ рисункѣ оставилъ только 3 буквы: ΚΟΥ. Въ словѣ: ΣΛ(Α) ΒΛ(Α)ΟΘ обѣ буквы А ошибочно въ формѣ замѣнены буквою Λ, какъ и въ словѣ: ΟΥΡΛ(Α)ΝΟΣ. У г. Солнцева послѣдняя буква Σ нарисована какъ О. Всѣ буквы въ словѣ ΚΙΡΟΥ находятся на подобной же мѣдной гривнѣ въ собраніи христіанскихъ древностей г. Филимонова. По одной же формѣ отлита и буква К неправильная; но тамъ оборотная сторона гривны вышла грубѣе, чѣмъ здѣсь, гдѣ каждая буква какъ будто не вылита, а отчеканена. Въ рисункѣ г. Солнцева головы зміевъ совершенно иначе изображены, чѣмъ здѣсь, и безъ высунутаго жала.

По очертанію буквъ гривну эту можно отнести ко времени не ранѣе 2-й половины X вѣка и не позднѣе 1-й половины XI вѣка. Буквы: К. Р. В. встрѣчаются въ рукописи Моск. Сvнод. Библіотеки 899 года; а круглыя буквы: Θ.Ο.Σ. встрѣчаются въ рукописи 2-й половины X в. подъ № 266 (1) той же библіотеки.

Правописаніе на подписяхъ древнее. Такъ на лицевой сторонѣ ΚΕ вм. ΚΑΙ. Подобное ΚΕ есть въ дарственной св. Аѳанасія Аѳонскаго, въ 6-й подписи монаха Евстаѳія. Вмѣсто ΤΟΝ по древнему писалось ΤΩΝ, какъ и здѣсь, весьма часто.

Въ № 23-мъ снимковъ Древностей Росс. Государства находятся два снимка съ иконы св. Ѳеодора Тирона, гдѣ ниже головы, окруженной зміями, изображенъ означенный святый, поражающій копьемъ отдѣльно изображеннаго змія, древняго змія—діавола, какъ онъ называется въ Апокалипсисѣ, гл. XII, ст. 9. На этомъ основаніи можно предположить, что голова, окруженная зміями 7-ю, 9-ю и 12-ю, означаетъ окруженіе человѣка со всѣхъ сторонъ врагомъ невидимымъ. А чтобы врагъ не побѣдилъ человѣка, то нужно произнести краткую, но усердную молитву къ Божіей Матери съ ея превѣчнымъ Младенцемъ, и побѣдную пѣснь небесныхъ силъ: святъ, святъ... и онъ будетъ побѣжденъ (2).

Если, какъ замѣтилъ г. Солнцевъ, читаютъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея, во время грозы, то этою краткою молитвою не грозу только отвращаютъ, а и невидимаго врага діавола, какъ вѣритъ народъ.

Арх. Амфилохій.

---

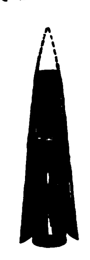
(1) Эта замѣчательнѣйшая рукопись по круглому уставному почерку Маттеемъ отнесена ко времени ранѣе VIII в., а преосв. Саввою къ концу VIII вѣка. Точно такими же буквами написано Евангеліе въ Императорской публичной Библіотекѣ съ изображеніемъ Евангелистовъ, копія съ которыхъ есть въ собраніи христіанскихъ древностей Г. Севастьянова. Титло перекрещенное и очертаніе буквъ въ рукописи—такія, какія встрѣчаются въ рукописяхъ Син. Библіотеки 2-й половины X вѣка.

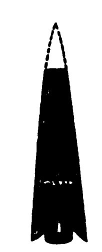
(2) Эту икону, какъ имѣющую ушко, могли носить во время путешествія и привѣшивать дома въ моленной, чтобы молитье видимыхъ и невидимыхъ враговъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ Украинскимъ древнимъ стрѣламъ мѣдянаго разряда.

Послѣ того какъ напечатана была въ Археологическомъ Вѣстникѣ 1867 года моя статья объ Украинскихъ стрѣлахъ, нашлись тутъ еще нѣкоторые виды и разности ихъ, какихъ прежде мнѣ не встрѣчалось. Вотъ описаніе трехъ стрѣлъ, которыя признаю за особые виды (species) и означаю слѣдующими именами.





1. Желобленая крещатая. Отъ другихъ узорныхъ стрѣлъ этого 4-го рода отличается она тѣмъ, что валокъ у нея, доходящій до половины желобка, имѣетъ на срединѣ своей два тонкіе выпуклые отростка, съ которыми вмѣстѣ составляетъ крестикъ; кромѣ того, на одномъ изъ трехъ боковъ есть поперечная выпуклая полоска надъ крестикомъ, отдѣляющая его отъ остальной части желобка.—Найдена въ пескахъ Михайлогорскихъ, въ неполномъ экземплярѣ.



2. Корытчатая крыжевая. У нея на всѣхъ трехъ бокахъ валокъ доходитъ до половины корытца, а далѣе, вмѣсто него, выпуклый крыжикъ X; корытце продолжается до половины боковъ.—Найдена въ пескахъ Михайлогорскихъ сохранившеюся въ совершенной цѣлости; цвѣта стальнаго; вѣсомъ 1 драхма и 5 гранъ.



3. Гладкая увѣсистая. Она отличается отъ другихъ двухъ видовъ этого 8-го рода—во-1-хъ, своимъ вѣсомъ: 1 драхма и 23 грана; во 2-хъ, тѣмъ, что всѣ три бока головки ничѣмъ не отдѣлены отъ шейки, но слиты съ нею въ одну непрерывную плоскость, а къ концу они не много спущены или сточены. Хорошо уцѣлѣвшій экземпляръ этой стрѣлы найденъ при устьѣ р. Сулы близъ м. Жовнина и сообщенъ мнѣ тамошнимъ жителемъ г. Порываемъ.—

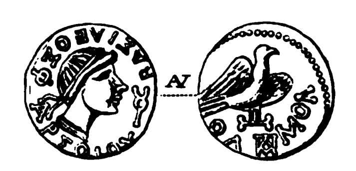
1870 г. 10 Февр. М. Г.

М. Максимовичъ.



ФАРЦОЙ, ЦАРЬ СКИѲОВЪ.

Статья г. Фонъ Прокешъ-Остена.



Баронъ Б. В. фонъ Кёне, въ превосходномъ своемъ описаніи Музея Князя В. В. Кочубея (С. Петербургъ, 1857 г., томъ I, стр. 27), по золотой монетѣ, которую онъ считаетъ единственною и въ высшей степени интересною, доказываетъ, что во второмъ столѣтіи до Р. Х. у Скиѳовъ былъ царь, по имени Фарцой. Около этого времени Скиѳы владѣли Крымомъ и обширными приднѣстровскими странами и распространяли свое покровительство на милетскую колонію Ольвію, которой тогда угрожали Геты и другіе сосѣдніе народы. Онъ описываетъ эту монету слѣдующимъ образомъ:

Лицевая сторона. Голова Зевса въ діадимѣ, обращенная на право.

Оборотная сторона. (Β)ΑΣΙΛΕΟ(Σ) ΦΑΡΣΟΙΟΥ. Стоитъ орелъ съ полураспущенными крыльями, обращенный направо. Передъ нимъ ΟΛ; вензель ⩚. За орломъ повыше, въ овальномъ клеймѣ, небольшая рыба, обращенная налѣво. 4.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я получилъ съ нижняго Балкана изображенную выше золотую монету, несомнѣнно принадлежащую тому же царю. Голова почти та же, что и въ сочиненіи г. фонъ Кёне на табл. № 4. Плохая степень сохранности изданной имъ монеты можетъ объяснить, почему онъ принялъ ее за голову Зевса. На моемъ экземплярѣ ясно видно, что это голова самаго царя. Эту мысль подтверждаютъ ея выраженіе, развѣвающаяся діадема и надпись, окружаю-

щая голову, тогда какъ на петербургской монетѣ надпись находится на оборотной сторонѣ. Современные Фарцойю цари Понта и Босфора, даже и предки ихъ, имѣли обычай чеканить свои изображенія на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ.

Вѣсъ моей монеты приближается къ 7 грамамъ, а именно 6,97. Жезлъ Гермеса въ полѣ передъ изображеніемъ царя встрѣчается на мѣдныхъ монетахъ скиѳскихъ царей и монетахъ самой Ольвіи—доказательство союза, соединившаго борисѳенскій портъ съ окрестными Скиѳами. Орѳографія царскаго титула, въ которомъ стоитъ Oприческое вмѣсто Ω, монограмма и обозначеніе города ОΛ, фигура и положеніе орла, на обѣихъ монетахъ тожественны. Напротивъ, на моемъ экземплярѣ встрѣчается еще дальнѣйшее добавленіе: МОΛ. Если предположить, что ОΛ обозначаетъ городъ Ольвію, то МОΛ, можетъ быть, указываетъ на имя какой либо другой мѣстности или на имя какого либо скиѳскаго племени. Менѣе вѣроятно предположеніе, что эти буквы обозначаютъ цѣнность.

Ж есть вѣроятно монограмма городскаго сановника.

Скиѳы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, суть, вѣроятно тѣ, которые обозначаются именемъ царскихъ Скиѳовъ. Нѣкоторые цари ихъ извѣстны намъ по монетамъ. Изъ исторіи войны великаго Митридата извѣстно, что онъ изгналъ Скиѳовъ изъ Крыма и почти изъ всѣхъ областей, лежащихъ между Днѣстромъ и Дономъ. Тогдашній царь Скиѳовъ Скилуръ, знакомый намъ по монетамъ и надписямъ, поддерживаемый конницею Роксолановъ, до самой смерти противустоялъ понтійскимъ полководцамъ. Съ его именемъ связанъ прекрасный разсказъ о стрѣлахъ, которыя въ связкѣ не ломаются, а врозь—очень хрупки.

По мнѣнію г. фонъ Кёне, Фарцой былъ непосредственнымъ предшественникомъ Скилура и жилъ около 160 году до Р. Х.

Константинополь, 15 Декабря 1869.

Изъ Numismatische Zeitschrift von Hube und Karabacek, Jahrgang 1869. стр. 392.



ЕЛАБУЖСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Въ минувшемъ іюлѣ 1870 года, по просвѣщенному и весьма для меня обязательному приглашенію Вятской губерніи, города Елабуги извѣстныхъ граждан, Дмитрія Ивановича Стахѣева и сына его Ивана Дмитріевича, и по давнему желанію моему, былъ я на родинѣ своей, въ означенномъ городѣ Елабугѣ,—для осмотра тамошнихъ древностей, давно меня занимавшихъ.—Предварительно замѣчу, что городъ Елабуга входилъ прежде въ составъ древняго Волжско-Болгарскаго, а потомъ Казанскаго царства, а самое построеніе его, по Татарскимъ лѣтописямъ, относится ко времени несравненно еще древнѣйшему. Въ Булгарской лѣтописи Шерифъ-Уддина, писателя XVI в., основаніе Елабуги приписывается Искандеръ-зуль-Карнейну, то есть Александру Македонскому, извѣстному подъ этимъ именемъ на Востокѣ. (См. Березина: Булгаръ на Волгѣ, Казань, 1853, стр. 82, и въ Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества, т. XIII. Спб. 1859, статью Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, стр. 270). Отъ временъ Болгарскихъ и Казанскихъ, верстахъ въ двухъ или менѣе отъ Елабуги, на высокой и крутой горѣ при Камѣ находятся остатки древняго укрѣпленія или города, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Чортова городища. Почти съ достовѣрностію можно полагать, что здѣсь былъ извѣстный и славный по Русскимъ лѣтописямъ Болгарскій городъ Бряхимовъ, въ 1164 г. разоренный Андреемъ Боголюбскимъ въ знаменитый походъ его на Болгарію, въ память коего и установлено церковное торжество и крестный ходъ 1 августа. Но прямо и опредѣленно говоритъ о Елабужскомъ Чортовомъ городищѣ, какъ о древнемъ Болгарскомъ городѣ, вошедшемъ потомъ въ составъ Казанскаго царства, лѣтопись о взятіи города Казани современнаго священника Іоанна Глазатаго или кого иного, отпечатанная въ Спб. 1791 г. Здѣсь въ 34

ся торжественное посольство, отправленное извѣстною Казанскою царицей Суюнбекой «въ нѣкоемъ улусѣ Казанскомъ въ градецъ малый на брезѣ высоцѣ Камы рѣки, именуемый Бѣсовское городище, вопросить отъ старыхъ еще Болгаръ живущее тамъ прорицалище» объ исходѣ войны ея съ Московскимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ. По взятіи Казани, въ зданіяхъ бывшаго здѣсь укрѣпленія, около 1614 г., учрежденъ былъ мужескій Троицкій монастырь, существовавшій до 1764 г. Елабужское Чортово городище посѣщали и болѣе или менѣе подробно и вѣрно описали и сдѣлали ему рисунки въ 1769 г. капитанъ Рычковъ (см. его Журналъ или дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Спб. 1770, стр. 50), а въ 1834 г. профессоръ Казанскаго университета Эрдманъ (см. Заволжскій Муравей, 1834 г. № 5). Нынѣ, въ бытность свою въ Елабугѣ, двукратно я ѣздилъ на это городище вмѣстѣ съ Елабужскимъ купцомъ, давнимъ своимъ знакомымъ, весьма любознательнымъ и съ давнихъ лѣтъ занимающимся Елаб. древностями, Иваномъ Васильевичемъ Шишкинымъ, котораго по лѣтамъ и общему уваженію можно назвать патріархомъ Елабужскимъ. Иванъ Васильевичъ, по письмамъ моимъ еще прежде, на основаніи открытаго имъ фундамента, сдѣлалъ планъ бывшаго здѣсь укрѣпленія, который теперь мы сообща и провѣрили и сдѣлали нѣкоторыя новыя соображенія. Планъ крѣпости оказывается весьма правильный и болѣе или менѣе сообразный съ прочими Татарскими городищами и укрѣпленіями: это была крѣпость въ 10 квадратныхъ саженъ, съ четырмя по угламъ круглыми башнями и съ четырмя же между ними полубашнями, выдающимися изъ стѣны полуциркуломъ. Съ югозападной стороны ее ограждаютъ три вала и рва, а съ прочихъ сторонъ обезопашиваютъ глубокіе овраги, рѣка Кама и крутизна высокой горы. Отъ всего прежняго укрѣпленія осталась теперь только часть одной башни, тщаніемъ Ивана же Васильевича предохраненная отъ конечнаго разрушенія. Башня сложена изъ большихъ необдѣланныхъ камней, скрѣпленныхъ цементомъ, внутри—мелкій щебень и доски, въ которыхъ, вѣроятно, онъ былъ заключенъ: такъ складены и древнія строенія въ столицѣ Болгарскаго царства—Булгарѣ на Волгѣ, судя по извѣстію г. Березина (Булгаръ на Волгѣ, стр. 14). Въ архивѣ бывшаго Елабужскаго Духовнаго Правленія, хранящемся въ градскомъ Спасскомъ соборѣ, нашелъ я нѣсколько документовъ о бывшемъ здѣсъ Троицкомъ монастырѣ, хотя XVIII в., равно и о градскихъ Елабужскихъ церквахъ. Архивъ, можно сказать, замѣчательный для исторіи не только Елабужскаго края, но и для всей Казанской епархіи, къ коей онъ принадлежалъ, а нѣкоторыя бумаги имѣютъ важность вообще для исторіи Русской Церкви. Между прочимъ попался

мнѣ интересный указъ 1767 г. просвѣщеннаго Казанскаго архіепископа, впослѣдствіи бывшаго митрополитомъ, Веніамина Пуцекъ-Григоровича, коимъ онъ требуетъ археологическихъ свѣдѣній отъ настоятелей этого Троицкаго Елабужскаго монастыря, да бывшаго въ зданіяхъ и на развалинахъ Булгара на Волгѣ Успенскаго Болгарскаго монастыря. Именно свѣдѣній: а) о имѣющихся въ томъ и другомъ монастырѣ древнихъ каменныхъ зданіяхъ; б) объ иновѣрческихъ древнихъ надписяхъ, какія встрѣтятся на камняхъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ чрезъ приглашенныхъ Татаръ или другихъ инородцевъ разобрать и перевести на Русскій языкъ; а если сіе будетъ невозможно, то снять facsimile; в) нѣтъ ли гдѣ курьезныхъ древнихъ вещей, какъ-то костей древнихъ людей или животныхъ и прочаго тому подобнаго? Неизвѣстно, что на это отвѣчалъ настоятель Болгарскаго Успенскаго монастыря; а изъ Елабужскаго Троицкаго по 1-му пункту составлена была опись древнему каменному зданію (къ сожалѣнію въ архивѣ несохранившаяся), а относительно надписей и помянутыхъ древнихъ курьезныхъ вещей отрепортовано, что таковыхъ въ монастырѣ и въ заказѣ (о чемъ и вопроса не было) нигдѣ не оказалось.—Но главнымъ образомъ меня привлекалъ въ Елабугу довольно уже извѣстный теперь Ананьинскій Могильникъ, отстоящій верстахъ въ пяти отъ Елабуги и такъ названный отъ близь лежащей Русской деревни Ананьиной. Могильникъ этотъ можетъ подтверждать сказаніе Татарскихъ лѣтописей о глубокой древности Елабуги. Онъ былъ открытъ или выведенъ на ученый свѣтъ по прежнимъ письмамъ моимъ къ тому же Ив. Вас. Шишкину въ 1856 г. (о чемъ говорить здѣсь излишне),—и по нѣкоторымъ присланнымъ мнѣ отъ него, здѣсь найденнымъ, большею частію бронзовымъ, вещамъ обратилъ еще тогда все мое вниманіе, такъ что я, снабдивъ Ивана Васильевича извѣстными у насъ по части раскопокъ сочиненіями, усильно просилъ его, достаточно по нимъ приготовясь, произвесть, если можно, раскопку Ананьинскаго кургана. Послѣ разныхъ препятствій и проволочекъ со стороны Удѣльнаго начальства, которому принадлежитъ эта мѣстность, наконецъ въ іюнѣ 1858 г. Вятская Удѣльная Контора отправила въ Елабугу своего чиновника г. Алабина, чтобы вмѣстѣ съ Ив. Вас. Шишкинымъ произвесть раскопку кургана. И надобно отдать честь тому и другому, что они, запасшись означенными руководствами по курганной части, тщательно и осторожно вели дѣло «съ Фундуклеемъ въ рукахъ», какъ писалъ мнѣ Ив. Вас., все наблюдали, записывали и соображали. Г. Алабинъ составилъ обстоятельную Записку объ этой раскопкѣ и найденныхъ вещахъ въ Вѣстникѣ Гео[illegible] [illegible]60 № 6. Найденныя тамъ вещи, большею [illegible] [illegible]зы-

ваемые Кельтскіе топорики, копья, стрѣлы, шейные круги или жгуты, кольца, бляхи и другая мелочь, признаки сожженія сложенныхъ тамъ труповъ, разные горшечки, служащіе пепельницами и слезницами, тутъ же найденныя конскія кости и вещи отъ сбруи, все это совершенно убѣдило меня въ первоначальномъ предположеніи, что этотъ курганъ служилъ мѣстомъ погребенія, можетъ быть задолго еще до Рождества Христова жившихъ здѣсь Скиѳовъ. По концамъ кургана два круглыхъ каменныхъ вала, покрытые сверху плитами, и двѣ между ними таковыя же параллельныя стѣнки и камни свидѣтельствовали о значительности этого кладбища. Записка г. Алабина подала поводъ П. И. Лерху, въ 1865 г. командированному Императорскою Археологическою Коммиссіею въ Вятскую губернію для изслѣдованія древностей, посѣтить Ананьинъ Могильникъ и также сдѣлать въ немъ раскопку, а проф. Ейхвальдъ по ней сдѣлалъ ученыя соображенія относительно древности Могильника (см. помѣщенную въ Bulletin de la société impériale des naturalistes de Moscou 1860 № IV статью Ейхвальда: Über die Säugthierfauna der neueren Molasse des südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde von Ed. von Eichwald). Не сомнѣваясь отнести Могильникъ къ древнѣйшимъ временамъ, до Рождества Христова, Ейхвальдъ приписываетъ оный описаннымъ у Геродота и другихъ Скиѳамъ или Чуди. Вотъ подлинныя слова его (стр. 458. 459): «большой Ананьинской Могильникъ занимаетъ высокій холмъ ([1]), который большею частію взрытъ, и внутри обложенъ каменными плитами по валу: въ курганѣ подлѣ скелетовъ, отчасти сожженныхъ въ прахъ, найдено много мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей изъ оружія, разныхъ орудій и сосудовъ. Камскій Могильникъ въ этомъ отношеніи весьма сходствуетъ съ подобными могилами въ Кіевской губерніи, и, очевидно, происходитъ отъ того же народа Скиѳскаго племени, который на югѣ Россіи, находясь въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Греческими колоніями въ Понтѣ, поэтому въ своихъ гробницахъ представляетъ столь много Греческихъ, искусно расписанныхъ урнъ и вазъ. Построеніе Ананьинскаго Могильника и содержаніе его, кажется, весьма много имѣетъ сходства и съ Чудскими могилами на Алтаѣ, какъ онѣ прежде сего описаны Палласомъ и Сиверсомъ. Изъ разрытія и описанія Ананьинскаго Могильника у Алабина я хочу доказать, что народъ, отъ котораго остались эти гробницы, былъ древнее Скиѳское или Чудское племя, которое принадлежало до-историческому времени, т. е. желѣзному вѣку Россіи, такъ какъ мы такое же точно описаніе обычаевъ

(1) Это ошибка: не высокій, а напротивъ довольно низкій и какъ-бы сверху снятый холмъ, какъ и Кіевскія могилы 3 разряда, у Фундуклея.

Скиѳовъ находимъ у Геродота въ 4-й книгѣ его историческаго творенія. Можетъ быть погребенные тамъ, на Камѣ, Скиѳы были современники еще Персидскаго царя Дарія, и во всякомъ случаѣ это были предшественники изъ того же племени Гунновъ, которые подъ именемъ Угорской или Югорской Чуди занимали главныя долины сѣвернаго Урала, оттуда пошли на югъ и подъ именемъ Угровъ поселились на Дунаѣ». Найденныя гг. Алабинымъ и Лерхомъ въ Ананьинскомъ Могильникѣ вещи переданы въ Спб. Географическое Общество и Археологическую Коммиссію, а съ нихъ для Московскаго музея недавно сдѣланы слѣпки. По осмотрѣ моемъ въ прошедшемъ іюлѣ оказалось, что разрыта только средина Ананьинскаго кургана (по измѣренію моему 80 шаговъ въ длину, 35 поперекъ въ срединѣ и 220 въ окружности), а оба бока, обѣщающіе довольно еще открытій, не тронуты. Подлѣ него находится совершенно уже нетронутый, такой же формы, но поменьше, другой курганъ. У крестьянъ деревни Ананьиной пріобрѣлъ я довольно вещей изъ этого Могильника, большею частію бронзовыхъ, такихъ же, какія вырыты въ Кіевскихъ курганахъ Фундуклеемъ, въ Екатеринославскихъ, Владимірскихъ и Ярославскихъ П. С. Савельевымъ и гр. А. С. Уваровымъ и въ курганахъ разныхъ странъ Европы, отчасти же вещей, неизвѣстныхъ доселѣ, оригинальной, а нѣкоторыя и изящной формы. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи принадлежности простаго наряда или вооруженія положенныхъ здѣсь скелетовъ—разной величины стрѣлы съ зазубринками, орлиный клювъ, зміиная голова съ разверстымъ ртомъ, миніатюрный вертящійся пѣтушекъ, цѣльный бронзовый кинжалъ, въ 7 верш., двѣ каменныя просверленныя подвѣски, подобныя такъ называемому чортову пальцу и употреблявшіяся, вѣроятно, какъ нашъ оселокъ, для точенія топоровъ, ножей и т. д. Замѣтимъ здѣсь, что изображеніе орла, встрѣчающееся и въ Чудскихъ копяхъ при сожженныхъ скелетахъ, какъ это дѣлалось и въ Ананьиномъ Могильникѣ, означало вѣру въ перелетъ умершихъ въ другую жизнь. А зміиная голова съ разверстою пастью, также встрѣчающаяся и въ другихъ Скиѳскихъ могилахъ, могла имѣть отношеніе къ религіозному же вѣрованію или народному преданію Скиѳовъ: такъ какъ по свидѣтельству Геродота (въ Мелпоменѣ) родоначальникъ ихъ Скиѳъ, отъ коего они и имя свое получили, родился отъ дѣвы-зміи (слич. Ейхвальда тамъ же стр. 435. 443. 444). Сверхъ сего, тогда какъ П. И. Лерхъ нашелъ у здѣшнихъ крестьянъ каменный или кремневый ножъ, намъ удалось пріобрѣсть у нихъ же четыре кремневыя стрѣлы, слывущія въ народѣ громовыми. Присутствіе этихъ отъ каменнаго вѣка вещей, вмѣстѣ съ бронзовыми и желѣзными, въ Ананьиномъ Могильникѣ даетъ право си [illegible] чъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ древности,

когда не вышли еще совсѣмъ изъ употребленія вещи каменнаго вѣка, предшествовавшаго бронзовому и за нимъ желѣзному. Но главное— послѣ немалыхъ хлопотъ намъ удалось отыскать у тѣхъ же Ананьинскихъ крестьянъ вырытый изъ Могильника и ему современный, надгробный, опоковый камень, хотя раздробленный на нѣсколько частей, высоты 1 арш. 11 вершк., ширины внизу 9 вершк., а вверху, нѣсколько съуженномъ и сведенномъ аркою, 8 вер., толщины 1 четв. На выглаженной лицевой его сторонѣ неизвѣстнымъ орудіемъ вырѣзано въ глубь изображеніе тогдашняго человѣка—Скиѳа, какъ онъ облачался въ своемъ нарядѣ и вооруженіи, или, судя по полунаготѣ его и по скелетамъ, найденнымъ въ Могильникѣ, полагался въ могилу. Именно представленъ на камнѣ человѣкъ въ остроконечной Скиѳской шапкѣ, которой частнѣйшія очертанія, къ сожалѣнію, стесаны, съ двумя на шеѣ кругами, соединяющимися продольными между ними чертами: этимъ изображаются находимыя на шеѣ скелетовъ изъ толстой, витой мѣдной проволоки круги—жгуты, или лучше употребляемыя древнѣйшими народами шейныя цѣпи, по нашему гривны, съ разными украшеніями (1). Отъ шапки спускаются на плеча и ниже двѣ какія-то покромки. На поясѣ покойника продольными по немъ чертами показываются, видно, разныя его украшенія. Въ правой рукѣ человѣка—кинжалъ, такой точно величины и формы, какъ находили здѣсь, и орудіе въ родѣ кирки, насаженное на палку или древко, въ лѣвой что-то полукруглое съ продольными же чертами, можетъ быть щитъ. Глаза у человѣка большіе, что̀ можетъ указывать на не-монгольское его происхожденіе. Подобныхъ изображеній людей, какъ они полагались въ могилу въ такой глубокой древности, сколько намъ извѣстно, доселѣ еще нигдѣ не находили. Для ясности по вырѣзаннымъ чертамъ проведши чернилами, я снялъ все изображеніе, какъ оно есть, на промасленную тонкую бумагу, которую и представляю Археологическому Обществу. Сдѣланный съ этого снимка видъ памятника см. ниже на таблицѣ 15-й. Самый камень, на семь частей раздробленный, по неудобности везти его съ собою, оставленъ мною на сбереженіи у помянутаго соотечественника Димитрія Ивановича Стахѣева, который при удобномъ случаѣ хотѣлъ оный препроводить ко мнѣ въ Москву, а съ моей стороны онъ имѣетъ быть предложенъ въ Московское Археологическое Общество (2).

Въ верстахъ семи отъ Ананьина Могильника къ юго-востоку и въ двухъ отъ деревни Мальцовой, въ полуверстѣ отъ деревни (нынѣ село)

(1) У Бэра въ рисункахъ разрытыхъ въ Лифляндіи могилъ, которыя онъ признаетъ древними Финскими или Чудскими, скелеты имѣютъ такія же точно шейныя двойныя цѣпи съ украшеніями (Die Gräber der Liven, von K. Bähr, Dresden 1850, Taf. 1. fig. 6. 7).

(2) На дняхъ этотъ надгробный камень въ Москвѣ полученъ и поступилъ уже въ Московское Археологическое Общество.

Пустобаевой находятся еще два кургана, первый длины 250 шаговъ, ширины въ срединѣ кургана шаговъ 100, съуживающійся къ одной сторонѣ, высоты саженъ 5, онъ имѣетъ форму вдоль разрѣзаннаго и разрѣзомъ положеннаго огурца, такъ что конецъ, обращенный къ Пустобаеву, шире, круче и выше, чѣмъ противоположный. Что это курганъ насыпной, можно заключать изъ правильной формы, равно и изъ того, что вокругъ него—ямы и ложбина, отчасти наполнившіяся водою и показывающія, что отсюда заимствована земля для кургана. Другой курганъ въ четверти версты отъ предъидущаго совершенно такой же формы и такого же направленія, длины 150 шаговъ, ширины въ срединѣ 60 шаговъ, высоты около 4 саженъ. Запоздавъ въ дер. Ананьиной, мы были съ И. В. Шишкинымъ на этихъ курганахъ уже ночью, потому и ничего болѣе сказать о нихъ не могу. Замѣчу только, что ближайшая и старинная деревня Мальцова въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ 7156 (1648) года Семена Волынскаго названа иначе Салтановкой. Именно здѣсь описывается сперва дворцовое село Тресвятское, Елабуга тожъ, за нимъ деревня Качка, потомъ деревня Заборная, Поспѣловка тожъ, деревня Ананьина (близь коей извѣстный уже курганъ) и «деревня Мальцова, Салтановка тожъ». Названіе этой деревни Салтановкой не даетъ ли особенную важность какъ ей, такъ и близь нея находящимся двумъ большимъ курганамъ?

Въ заключеніе смѣю сказать, что болѣе полная посильная статья о Елабужскихъ древностяхъ, и въ особенности объ Ананьиномъ Могильникѣ, съ рисунками Чортова городища и изъ Ананьина Могильника означенныхъ и другихъ у меня имѣющихся вещей, приготовляется мною въ Сборникъ, по случаю перваго бывшаго въ Москвѣ Съѣда археологовъ.

К. Невоструевъ.



ЗАМѢТКИ ИЗЪ КЕРЧИ.

Недавно намъ случилось прочесть, въ 5-мъ № Иллюстрированной газеты 1870 года, «корреспонденцію изъ Керчи» г. П. Хицунова. Хотя съ появленія этой корреспонденціи прошло не малое время, но въ интересахъ науки и истины никогда не поздно давать отчетъ о томъ, чтò пріобрѣтается наукою или чтò извращается поверхностными и болѣе чѣмъ легкими наблюденіями въ ея области.

Въ этой корреспонденціи, исполненной разными историческими и археологическими несообразностями, авторъ, между прочимъ, глумится надъ однимъ нумизматомъ, принявшимъ будто бы образокъ съ надписью: «Господи цомози Михаилу» за монету Тмутороканскаго князя Олега-Михаила. Вотъ подлинныя слова г. Хицунова: «Относительно предметовъ древности замѣчу, что имъ въ Керчи знаетъ цѣну даже простой народъ, а на все падкіе евреи уже завели ими торговлю открыто на базарѣ; въ лавочкахъ, у мѣнялъ, тоже найдется всегда много древнихъ монетъ, не рѣдко такого свойства, что ослѣпленнаго страстнымъ увлеченіемъ нумизмата бросаетъ въ жаръ и бредъ, а тутъ-то и попадаются они въ разставленные имъ силки, дѣлаютъ жалкіе промахи, покупая поддѣлку за настоящее. Такъ одинъ изъ нихъ недавно купилъ камей съ затѣйливымъ сюжетомъ, довольно хорошо выполненнымъ, за цѣну сравнительно недорогую, а вышелъ грѣхъ: по увѣренію настоящихъ знатоковъ—это чистая поддѣлка (1). Другой, при мнѣ, въ Тамани скупалъ всѣ попадавшіяся ему монетки, иногда сомнительнаго достоинства. Онъ купилъ однажды у мелочника базарнаго маленькій серебряный образокъ, величиною въ полтинникъ, какой обыкновенно восточные

---

(1) Это не камей и не поддѣлка, а просто нà просто рѣзной камень (интал...
именемъ извѣстнаго художника XVII вѣка Пихлера, за что онъ и былъ купленъ...
изображены: сидящая Психея съ амфорою въ рукахъ и амуръ, играющій на двухъ...

наши набожные христіане носили на грудяхъ (!), какъ теперь у насъ носятъ крестики. На этомъ образкѣ или медалькѣ съ одной стороны—неясное изображеніе, кажется, Божіей Матери, съ воздѣтыми руками, а на другой сокращеніе славянской надписи Г-ди помози Михаилу. На верхнемъ краѣ медальки колечко для вдѣванія шнурка или ленточки. По разспросамъ, продавцомъ она куплена недавно у одного болгарина, переселяющагося съ семьею на Кавказъ, слѣдовательно завезена изъ Болгаріи и принадлежитъ имя рекъ-рабу Божію Михаилу, а какому—это отгадать едва ли кому удастся, да и не для чего. Почтенному же покупщику, увлекшемуся нумизмату, вообразилось и не вѣсть что: онъ убѣжденъ, что эта монета одного изъ тмутороканскихъ князей! Правда, что слова князь на монетѣ не значится, а изъ тмутороканскихъ князей Олегъ-Михаилъ едва ли княжилъ (2), занимаясь лишь ссорами съ братьями, усобицами, безпрестанно перебѣгая отъ одного къ другому и заслуживъ у пѣвца (Слово о полку Игоря) названіе коварнаго (3). Впрочемъ на послѣдяхъ и ему пришлось будто-бы княжить въ Тмуторокани. Но объ этомъ извѣстія чрезвычайно смутны и сбивчивы. Кромѣ весьма рѣдкаго Ярославля серебра, въ видѣ грубой монеты, на Руси въ то время очень мало чеканилось денегъ и еще не было примѣра, чтобы отъ періода русскаго княженія въ Тмуторокани дошла одна монетка или надпись, кромѣ извѣстнаго тмутороканскаго камня, на который многіе изъ новѣйшихъ историковъ еще бросаютъ скептическіе, недовѣрчивые взгляды.»

Читая эти строки, невольно удивляешься автору, умудрившемуся, въ немногихъ словахъ, сдѣлать столько ошибокъ. Увѣряя публично, что увлекшійся нумизматъ убѣжденъ въ принадлежности помянутой монеты князю Олегу-Михаилу Тмутороканскому, онъ взводитъ на него совершенную напраслину: нумизматъ въ простомъ разговорѣ съ г. Хицуновымъ, основываясь отчасти на историческихъ и отчасти на палеографическихъ данныхъ, имѣлъ неосторожность выразить ему свое личное мнѣніе, что означенную монету не слѣдуетъ ли отнести къ XI или XII вѣку, и, если это такъ, то не принадлежитъ ли она Олегу-Михаилу, который въ началѣ XII столѣтія княжилъ въ Тмуторокани,

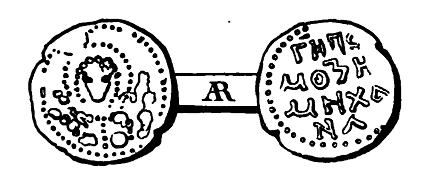
(2) Отвергать княженіе Олега-Михаила въ Тмуторокани, болѣе нежели смѣшно. Объ этомъ положительно говорятъ наши лѣтописи. Трудно понять, что хотѣлъ выразить авторъ, говоря, „что на монетѣ этой слова князь не значится“. Онъ вѣроятно не знаетъ, что на Русскихъ монетахъ этого отдаленнаго времени чеканилось одно имя князя, безъ его титула.

(3) Авторъ очень одолжилъ бы насъ, указавъ гдѣ пѣвецъ Слова о полку Игоря называетъ Олега коварнымъ.

предоставляя впрочемъ судить объ ея историческомъ значеніи болѣе его свѣдущимъ людямъ въ палеографіи и нумизматикѣ. Конечно, онъ не думалъ, чтобы это предположительное его мнѣніе было тотчасъ же принято къ свѣдѣнію и опубликовано въ печати, съ прибавленіемъ разныхъ неумѣстныхъ шуточекъ о его личности. Но удивительнѣе всего то, что авторъ, присутствовавшій самъ при покупкѣ этой монеты и нѣсколько разъ ее разсматривавшій, рѣшается писать, что будто бы она имѣетъ, въ верхней своей части, колечко, для вдѣванія шнурка, какія бываютъ на образкахъ, носимыхъ на шеѣ, и что будто бы на ней изображена Божія Матерь, съ поднятыми къ верху руками!? Это чистая выдумка, какъ и все, что̀ онъ толкуетъ, начиная съ керченскихъ нумизматовъ и кончая небывалыми босфорскими монетами. «Увлекшійся нумизматъ», о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, не новичекъ въ этомъ дѣлѣ: онъ, да и всякій другой, мало-мальски знакомый съ нумизматикой, никогда не назоветъ образкомъ—небольшой, неровно обрѣзанный металлическій кружокъ, съ надписью, вырѣзанной на оборотной его сторонѣ въ обратную сторону къ лицевому изображенію. Видимо, что г. Хицуновъ или вовсе неопытенъ по этой части, или намѣренно извращаетъ дѣло, дабы только кстати поглумиться надъ археологами, какъ онъ поглумился по поводу купленнаго камея и надъ другимъ лицемъ, извѣстнымъ въ археологическомъ мірѣ замѣчательными открытіями по части древняго греческаго искусства. Г. Хицунову очень хорошо извѣстно, что этотъ камей, какъ онъ его называетъ, пріобрѣтенъ былъ тѣмъ лицемъ какъ изящное произведеніе знаменитаго рѣзчика Пихлера, причемъ небыло и рѣчи о его древнемъ происхожденіи. Достойно ли увѣрять, что археологъ былъ обманутъ, зная при этомъ, что чрезъ руки его перешелъ не одинъ десятокъ рѣзныхъ камней и камеевъ, найденныхъ имъ въ древнихъ греческихъ гробницахъ?...

Но возвратимся къ «образку». Дѣло было такъ: 18-го августа 1869 года «увлекшійся нумизматъ», возвращаясь въ Тамань съ г. Хицуновымъ, производившимъ къ югу отъ этой станицы небольшія раскопки, купилъ, на дорогѣ, по указанію надсмотрщика Керченскаго музеума древностей, у крестьянина Курской губерніи, бочарнаго мастера Фанагорійскаго нефтянаго завода, Алексѣя Шведова, четыре старинныя монеты, изъ коихъ были: двѣ серебряныя татарскія, одна мѣдная Босфорскаго Царя Ѳоѳорсеса, съ годомъ ВЧФ (592 Босфорской эры, или 296 г. по Р. Х.), и сверхъ того та серебряная, о которой идетъ рѣчь. При этомъ находился, кромѣ г. Хицунова и означеннаго надсмотрщика, г. Докторъ Ѳ. Ѳ. Л., временно проживавшій въ Тамани. Всѣ вышеупомянутыя монеты, по показанію крестьянина

Шведова, найдены имъ, въ разное время, около колодца, что на берегу моря, гдѣ была старая Турецкая крѣпость. (Хункала—на томъ же мѣстѣ, гдѣ, по предположеніямъ, была Тмуторокань). Вотъ описаніе этой монеты:



Лицо: въ кружкѣ изъ точекъ поясное изображеніе человѣка впрямь, въ одеждѣ, повидимому, княжеской; голова его окружена нимбомъ, тоже изъ точекъ; въ правой рукѣ онъ держитъ, кажется, жезлъ, а въ лѣвой—какой-то предметъ, похожій на шаръ; справа и слѣва замѣтны боковыя ручки престола.—**Оборотъ**: въ кружкѣ изъ точекъ: ГNПО—МОꙋN—МNХА—NΛ... (Господи помози Михаилу), въ четырехъ строчкахъ; буквы, по величинѣ, не соразмѣрны съ полемъ монеты и расположены не совсѣмъ ровно. 48 долей ($^1/_2$ золотн. обыкновеннаго русскаго вѣса), $5^1/_2$ величины, по Міоне AR

Монета эта, довольно хорошо сохранившаяся, покрыта коричневою, съ прозеленью, ржавчиною, на выпуклостяхъ штемпеля нѣсколько отчищенною, вѣроятно тѣмъ, кто ее нашелъ. Ржавчина препятствуетъ видѣть, на лицевой ея сторонѣ, подробности одежды изображенной фигуры, и тѣ предметы, которые она держитъ въ рукахъ.

Судя по лицевому изображенію описанной монеты, нѣсколько похожему, по стилю своему, на такія же изображенія, встрѣчаемыя уже на извѣстныхъ монетахъ кіевскихъ великихъ князей Владиміра Равноапостольнаго и Ярослава Мудраго, а также по нѣкоторымъ палеографическимъ особенностямъ славянской ея надписи ([4]), нумизматъ осмѣлился вывести заключеніе, что она относится къ XI или XII столѣтію. А какъ въ этотъ періодъ времени, въ Южной Россіи, княжили только два Михаила: одинъ—Святополкъ въ Кіевѣ, а другой—Олегъ въ Тмуторокани, изъ коихъ первому, по многимъ нумизматическимъ соображеніямъ, означенная монета не можетъ быть пріурочена, то оставалось предполагать: не принадлежитъ ли она Олегу-Михаилу, о которомъ, какъ о князѣ Тмутороканскомъ, упоминаетъ въ 1114 году игуменъ Даніилъ въ своемъ Странникѣ ([5]). Предположеніе подтверж-

(4). Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вѣковъ Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями, выписанными изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ, И. Срезневскаго. С. Петербургъ, 1863 г.

(5) Изданъ И. П. Сахаровымъ—въ Путешествіяхъ русскихъ людей 1, стр. 1—90.

дается и мѣстомъ находки монеты въ Тамани, древней Тмуторокани, гдѣ вѣроятно Олегъ имѣлъ свое пребываніе. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о царѣ Борисѣ-Михаилѣ, принявшемъ въ 861 году православіе и царствовавшемъ въ IX вѣкѣ въ Болгаріи. Эти соображенія, вмѣстѣ съ фотографическимъ снимкомъ означенной монеты, были представляемы на усмотрѣніе извѣстнаго въ Россіи знатока отечественныхъ древностей, Графа А. С. Уварова, который въ письмѣ своемъ отъ 11 марта 1870 года къ нумизмату, сравнивая надпись этой монеты съ современными ей памятниками, какъ-то: записью князя Глѣба 1068 года, Изборникомъ Святослава 1073 года, Евангеліемъ Мстислава 1117 года и Антиминсомъ 1149 года и проч., нашелъ его предположеніе достаточно основательнымъ, и подтверждающимся какъ типомъ монеты, такъ и палеографіею. Однако окончательныя сужденія объ этой находкѣ пока преждевременны; подождемъ, что̀ скажутъ о ней другіе знатоки русскихъ древностей.

II

Теперь перейдемъ къ самой сути «Корреспонденціи изъ Керчи» г. Хицунова, т. е. «къ извлеченію изъ журнала работъ близь Керчи по части археологическихъ разысканій съ 1-го сентября по 7-е октября прошлаго года, произведенныхъ на Темиръ-горѣ въ древнихъ пепелищахъ и большомъ курганѣ, на вершинѣ ея». Описывая мѣстность, гдѣ находится Темиръ-гора, онъ говоритъ: «изъ предварительнаго, глазомѣрнаго и барометрическаго частнаго измѣренія, высота этой мѣстности (возвышенія, гдѣ находится Темиръ-гора), считая отъ морскаго берега Керчи (6), оказывается болѣе 37 саженъ, отъ подошвы же до вершины около 23 саженъ. Самый курганъ высотою около 4 саженъ, а въ окружности у подошвы до 42 саженъ.... Такъ какъ давно замѣчено практическими разыскателями, что въ южной сторонѣ или полѣ, говоря по здѣшнему, кургановъ чаще попадаются не разграбленныя древнія гробницы, кромѣ главныхъ центральныхъ склеповъ или погребовъ, то я и рѣшился начать раскопки съ юга».... Далѣе: «въ окрестностяхъ Темиръ-горы, при Ашикѣ, одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ разслѣдователей древностей (7), найденъ

---

(6) Что за удивительное измѣреніе—и предварительное и глазомѣрное и барометрическое и частное!? да еще въ добавокъ, считая отъ морскаго берега Керчи!? Какое же изъ сихъ измѣреній вѣрно? Вѣроятно ни какое, потому что высота Темиръ-горы до сихъ поръ съ точностію не опредѣлена.

(7) Извѣстно, что г. Ашикъ производилъ только раскопки въ Керченскомъ Градоначальствѣ и на Таманскомъ полуостровѣ.

былъ пьедесталъ отъ статуи богу-Пану, поставленный, какъ охранителю царскихъ стадъ и табуновъ, тутъ пасшихся» ..... Говоря же о пепелищахъ означенной горы, онъ пишетъ: «между обломками черепковъ найдена одна глиняная ручка отъ урны, съ неясно вытиснутою греческою надписью: ΑΣΤΙΝΟΜΟΥ... ΣΛΚΙΝΙΟΥ..... ΤΟΥΥΙΟΥ... Не важно это само по себѣ, потому что оно встрѣчается здѣсь не рѣдко на глиняныхъ ручкахъ, но важно въ тѣмъ отношеніи, что опредѣляетъ мѣстность. На монеткѣ (найденной въ сдѣланномъ разрѣзѣ на южной покатости Темиръ-горы) послѣ выварки ея въ коноплянникѣ ([8]), выяснился на одной сторонѣ лукъ со стрѣлою, на другой буквы ΠΑΝ. Эти данныя подтверждаютъ предположеніе, что въ отдаленной древности, именно за 200—300 лѣтъ до Р. Х., здѣсь была колонія, и именно греческая, можетъ быть одна изъ тѣхъ, положеніе которой древними писателями опредѣляется въ нѣсколькихъ стадіяхъ къ сѣверу отъ Партеніона ([9]), нынѣшняго Эникале, именно Гераклеи».

Курганъ на Темиръ-горѣ, имѣетъ въ окружности, по подошвѣ, не 42 сажени, а 60 и даже болѣе—до 75 саж.; самая же наибольшая его высота не 4 сажени, а всего только $2^{2}/_{3}$ сажени. Извинительно ошибиться въ размѣрахъ какого нибудь холма, особливо измѣряя его посредствомъ барометра, который, какъ извѣстно, употребляется съ пользою только при измѣреніи значительныхъ горныхъ высотъ; но не съумѣть, съ саженью въ рукахъ, вымѣрить такого небольшаго кургана—это непонятно. Выраженная г. Хицуновымъ мысль, что въ южныхъ частяхъ или полахъ кургановъ чаще встрѣчаются неразграбленныя гробницы—лишена всякаго разумнаго основанія. Грабители, какъ показываютъ наблюденія, никогда не брезгали ни южными, ни другими сторонами кургановъ, если замѣчали, что въ нихъ предвидится пожива. Практическіе разыскатели, на которыхъ онъ ссылается, замѣчали не это, а то обстоятельство, истекающее можетъ быть изъ религіозныхъ воззрѣній тогдашнихъ грековъ на обрядъ погребенія, что вообще гробницы чаще попадаются въ пологихъ частяхъ кургановъ, которыя почти всегда бываютъ обращены на западъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ на югъ; но расхищены ли онѣ или нѣтъ—это другое дѣло. Что же касается до мраморнаго пьедестала отъ статуи, посвященной богу-Пану, какъ охранителю царскихъ стадъ и табуновъ, найденнаго будто бы въ окрестностяхъ Темиръ-горы, то это чистая выдумка.

---

(8) Любопытно знать, какъ авторъ вывариваетъ подобныя монеты въ коноплянникѣ? Нумизматамъ полезно было бы знать самый процессъ такого вывариванія..

(9) Не Партеніонъ, а Парѳеніонъ или Порѳміонъ, слѣды котораго находятся въ 200 саженяхъ къ востоку отъ Еникальскаго маяка. Дюбрюксъ, также Дюбуа-де-Монпере, Т. 5, стр. 137.

Дѣйствительно же въ $3^1/_2$ верстахъ отъ этой горы, по направленію къ Азовскому морю, найдена была въ 1864 году, близь селенія Осовино, въ урочищѣ «Кутъ-Ергаковъ», мраморная плита съ надписью, гласящею, что въ царствованіе Тиверія Юлія Рескупориса, въ 226 году по Р. Х., поставлена была на томъ мѣстѣ башня какимъ-то Юліемъ Эротомъ, управляющимъ царскими пастбищами ([10]). Тутъ нѣтъ и помину о богѣ-Панѣ, являющемся ни съ того ни съ сего на вымышленномъ камнѣ г. Хицунова. Такимъ образомъ искажать факты едва ли позволительно даже въ какой-нибудь «Корреспонденціи изъ Керчи», хотя и предназначенной для легкаго чтенія, но конечно не для мороченія ея читателей. То же должно сказать и о найденной имъ въ насыпяхъ означенной горы глиняной амфорной ручкѣ (отъ урны, пишетъ онъ), съ приведенною выше надписью: «ΑΣΤΙΝΟΜΟΥ... ΣΛΚΙΝΙΟΥ... ΤΟΥΥΙΟΥ....» Послѣднее слово въ этой надписи ΥΙΟΥ сына—болѣе нежели сомнительно: по крайней мѣрѣ надписей на амфорныхъ ручкахъ съ такимъ словомъ никогда здѣсь не встрѣчалось. Не говоримъ уже о томъ, что тутъ авторъ смѣшалъ два различные древніе сосуда, назвавъ урною обыкновенную амфору. Первая изъ нихъ имѣла у древнихъ погребальное значеніе и употреблялась только для храненія праха сожженныхъ на кострѣ покойниковъ; но чтобы на ручкахъ такихъ урнъ были штемпеля (вытиснутыя надписи), намъ никогда не случалось слышать; вторыя, въ древности, служили для храненія разныхъ жидкостей—вина, воды, масла и проч., и, кажется, сыпучихъ тѣлъ. Изготовляемыя во многихъ городахъ, онѣ развозились по всѣмъ странамъ тогдашней Греціи, и въ черепкахъ или цѣлыя понынѣ въ большомъ количествѣ попадаются въ древнихъ насыпяхъ Керченскаго и Таманскаго полуострововъ. Нелѣпо думать, чтобы какая нибудь ручка, найденная въ этихъ насыпяхъ, могла опредѣлить древнее названіе того мѣста, которое подверглось археологическому разслѣдованію; но г. Хицуновъ, не смущается ничѣмъ, и, на основаніи мнѣнія какихъ-то будто бы древнихъ писателей, вымышленнаго имъ камня, помянутой ручки и автономной пантикапейской монеты ([11]), которую онъ даже не умѣлъ порядочно описать, смѣло говоритъ, что на Темиръ-горѣ была древняя Гераклея, между тѣмъ, какъ давно доказано извѣстнымъ археологомъ Дюбрюксомъ и другими, что Гераклеонъ, или памятникъ Геркулеса, есть круглое зданіе, слѣды котораго видны и теперь въ концѣ небольшаго акрополиса Мирмикіона (новаго ка-

(10) Царь Рескупорисъ III царствовалъ на Босфорѣ съ 212 по 229 годъ Р. Х.

11) Такой монеты, которую онъ описываетъ, вовсе нѣтъ въ Босфорской нумизматикѣ. Найденная имъ монета имѣетъ съ одной стороны—изображеніе влѣво Пана, съ бород— а на другой—лука, стрѣлы и буквъ Г—А—N.

рантина). Г. Хицуновъ, желая похвалиться своимъ мнимымъ пониманіемъ древней топографіи Босфора и вмѣстѣ съ тѣмъ придать особый интересъ произведеннымъ имъ раскопкамъ, вздумалъ перетащить бѣдный Гераклеонъ за 4 $^1/_2$ версты отъ моря на Темиръ-гору, увѣряя, якобы Милетцы поселились здѣсь за 200—300 лѣтъ до Р. Х. (12)

Говоря о встрѣченной въ раскопкѣ кургана Темиръ-горы оградной стѣнѣ, г. Хицуновъ, пишетъ: «таковаго рода стѣны, окружающія центральную часть кургановъ, извѣстны здѣсь подъ именемъ завалов ъ, которые, по общему мнѣнію, были слагаемы для устойчивости земляной насыпи кургана» ..... Далѣе: «при разборѣ точка, найдены въ золѣ куски разбитаго мраморнаго алавастрида» .... Далѣе: «по снятіи массивныхъ камней завала (т. е. правильнѣе: по разборкѣ камней стѣны) продолжили работу еще саженей 6—7 до центра, углубясь въ курганъ до $3^1/_2$ саженей (13). У юго-западной стороны открылся на материкѣ жженый точекъ съ множествомъ золы и небольшимъ количествомъ деревяннаго угля. Кстати сказать, что на нѣкоторыхъ другихъ точкахъ около Керчи и Фанагоріи, на Таманскомъ полуостровѣ, оказывалось непонятное множество крупнаго древеснаго угля отъ сгорѣвшихъ тамъ погребальныхъ костровъ; случалось также вмѣсто угля находить сапуху и остатки отъ сгорѣвшаго большаго количества бурьяна» ...... Наконецъ: «При дальнѣйшемъ раскопѣ захваченъ—правда совершенно безполезно—и самый центръ кургана, давно снаружи доказывавшій, что онъ разоренъ въ незапамятныя времена. Теперь чрезъ этотъ излишекъ пріобрѣтенъ одинъ скудный результатъ, что середина кургана заключала въ себѣ погребъ или склепъ» .....

Смѣемъ увѣрить г. Хицунова, что стѣны, окружающія центральную часть кургановъ и служащія къ большей устойчивости земляной ихъ насыпи, никогда не называются здѣсь завалами. Стѣны имѣютъ одно назначеніе, а завалы другое. Первыя сложены нерѣдко изъ правильно обтесаныхъ плитъ известняка, сверхъ объясненной уже цѣли, служатъ также и для затрудненія подступа къ погребамъ и гробницамъ, заключающимся въ центрѣ кургана; вторыя есть нечто иное какъ груда каменьевъ, неравной величины, приваленная къ курганнымъ постройкамъ, или покрывающая какую-либо гробницу, а иногда составляющая и самую насыпь кургана. Алавастры, или алавастриды, постоянно находимые въ древнихъ керченскихъ и фанаго-

12) Здѣшнія греческія поселенія были основаны Милетцами около 4 года 59 Олимпіады (511 г. до Р. Х.). Описаніе Музея покойнаго князя В. В. Кочубея; Кёне, 1857 г., Т. 1, стр. 327.

13) Въ курганѣ, имѣющемъ $2^1/_2$ сажени высоты, нельзя углубиться на $3^1/_2$ сажени. Это явная несообразность.

рійскихъ гробницахъ, никогда не бываютъ мраморныя. Они вытачивались изъ обыкновеннаго или египетскаго алебастра (порода гипса), и служили для храненія благовонныхъ жидкостей, которыми, при обрядѣ погребенія, вспрыскивались трупы умершихъ. Нерѣдко ихъ находятъ сдѣланными изъ особой стекловидной пестрой массы, а также изъ глины, хорошо обожженой. Трудно понять, почему г. Хицуновъ назвалъ найденную имъ алавастру мраморною, и что онъ подразумѣваетъ подъ непонятнымъ множествомъ крупнаго древеснаго угля, будто бы видѣннаго имъ на жженыхъ точкахъ около Керчи и Фанагоріи? Уголь отъ большихъ костровъ, на которыхъ жгли покойниковъ, потушенный наваленною на него землею, какъ продуктъ, неподвергающійся гніенію, остался до нашихъ временъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, и если онъ встрѣчается въ большомъ количествѣ, то это зависѣло отъ величины костра, изготовленнаго для сожженія покойника. Что же тутъ непонятнаго? Но вотъ что, въ самомъ дѣлѣ, непонятно, это—упоминаемая г. Хицуновымъ какая-то сапуха, которую ему будто бы случилось видѣть на точкахъ, вмѣсто угля. Простонародное слово сапуха значитъ печная сажа. Какимъ же образомъ сія послѣдняя могла находиться на точкахъ при сожженіи дерева, бурьяна и проч., когда она образуется только отъ дыма, при слабой тягѣ воздуха и, слѣдовательно, въ закрытомъ пространствѣ. Г. Хицуновъ, намекая на раскопки, произведенныя послѣ его отъѣзда изъ Керчи, признаетъ ихъ излишними и говоритъ, что будто бы дальнѣйшимъ продолженіемъ работъ къ центру кургана, пріобрѣтенъ одинъ скудный результатъ, что средина его заключала въ себѣ погребъ, или склепъ, разграбленный въ давнія уже времена. Довольствоваться такими разсужденіями можно только человѣку незнакомому съ керченскими курганами и вообще непонимающему главной цѣли всякаго осмысленнаго археологическаго разслѣдованія. Въ томъ-то и дѣло, что здѣшніе курганы именно тѣмъ и отличаются, что имѣютъ, кромѣ центральныхъ склеповъ, въ разныхъ частяхъ своихъ, еще другія гробницы, урны, со жженымъ прахомъ умершихъ, тризны и проч. и потому въ Керчи принято за правило прорѣзывать ихъ продольными раскопами, крестъ на̀ крестъ, и даже въ оставшихся боковыхъ частяхъ дѣлать пріемки (раскопы дополнительные), если есть показанія (т. е. отески строительнаго камня), ведущія къ гробницамъ. Не слѣдовать этой системѣ, основанной на продолжительномъ опытѣ, по мнѣнію многихъ, значитъ пересыпать землю съ одного мѣста на другое и только портить курганы, не достигая благопріятныхъ результатовъ. Въ настоящемъ случаѣ тѣмъ болѣе слѣдовало придержат помянутаго правила, что въ описанномъ г. Хицуновымъ рас

видна была уже обысканная, центральная гробница, построенная не на материкѣ, а въ насыпи на $1^1/_2$ аршина выше его, подъ которой могла встрѣтиться другая, нетронутая гробница, чему примѣры часто бывали при разрытіи керченскихъ кургановъ. Послѣдствія не оправдали послѣдняго предположенія; но когда курганъ на Темиръ-горѣ былъ прорѣзанъ почти по всему поперечнику съ юга на сѣверъ и съ запада на востокъ, продольными раскопами, то около центра его подъ завалами изъ дикарныхъ камней обнаружены были на поверхности скалистаго материка три гробницы, сложенныя также изъ дикарныхъ камней и наполненныя человѣческими остовами, въ самомъ же материкѣ—углубленіе съ однимъ человѣческимъ остовомъ, при которомъ найденъ чрезвычайно интересный древній сосудъ, расписанный по бѣлому полю изображеніями разныхъ животныхъ; затѣмъ вправо отъ раскопа г. Хицуновымъ въ нижнемъ слоѣ курганной насыпи открыто значительное число черепковъ отъ большой расписной вазы, а влѣво на материкѣ—остатки тризны со множествомъ черепковъ отъ разной перегорѣлой посуды, изъ части которыхъ составилась почти цѣлая верхняя крышка патеры, съ весьма замѣчательнымъ рисункомъ. Раскопки эти, какъ въ курганѣ, такъ и въ прилегающей къ нему съ западной стороны площадкѣ, гдѣ открыты какія-то стѣны, повидимому древняго укрѣпленія, съ восходящею къ нимъ каменною лѣстницей, теперь уже окончены. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ порицать дѣйствія другихъ, не лучше ли было г. Хицунову припомнить кое-что, о чемъ онъ не упоминаетъ въ своемъ археологическомъ журналѣ, именно: что, идя описаннымъ раскопомъ къ центру кургана, онъ коснулся, съ лѣвой стороны, жженаго точка; при чемъ, непонятно почему, не счелъ нужнымъ обнаружить его вполнѣ небольшою пріемкою, а подкопался немного подъ завалъ, покрывающій этотъ точекъ и, разчистивъ только часть его, рѣшилъ, что это дѣтская гробница, тогда какъ найденныя золотыя вещи, ясно свидѣтельствовали, что онѣ принадлежатъ къ большой жженой гробницѣ, здѣсь находящейся. Такая ошибка не могла не возбудить въ томъ лицѣ, которое имѣло право наблюдать за работами г. Хицунова, нѣкотораго сомнѣнія относительно вѣрности взгляда его на археологическія разслѣдованія.

Г. Хицуновъ, описывая золотыя вещи, изъ коихъ главныя не имъ найдены, хотя изъ словъ его этого и не видно, говоритъ: «недоумѣваемъ, какъ могъ древній художникъ работать подобныя мелочи, безъ помощи увеличительнаго стекла. А извѣстно, что ихъ въ древности не знали. Вѣрно, если такъ, у нихъ(?) зрѣніе было далеко острѣе нашего. Древніе не знали ни телескопа, ни микроскопа и даже зажигательнаго нынѣшняго стекла» .... «Весною настоящаго года (собствен-

но 1869 г). близь Керчи, въ такъ называемой части города—Глинище, при разборѣ одной жженой гробницы, (потому что и каменныя или глиняныя гробницы ([14]) бываютъ жженыя, т. е. въ нихъ сожигались трупы покойниковъ),—найденъ вѣнокъ изъ листоваго золота, повидимому брошенный въ закрытую камнемъ гробницу, послѣ сожженія покойника, потому что на вѣнкѣ не замѣтно было ни малѣйшихъ признаковъ дѣйствія огня» .....«Въ другой земляной гробницѣ, тоже нынѣшнею весною (1869 г)., открытой въ южной полѣ большаго кургана, между прочимъ, найденъ попорченный ржавчиною бронзовый шлемъ фригійской формы, множество бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и цѣлые пучки деревянныхъ древковъ, на которыя накладывались стрѣлы. Древки эти были гибки, ломки и похожи на сердцевину бузиноваго дерева» ... ([15]). Далѣе г. Хицуновъ обѣщаетъ: «сдѣлать обзоръ о находкахъ близь Керчи и Тамани въ прежнее время, начиная съ достопамятнаго періода управленія Керчью Стемпковскаго» ..., а въ заключеніе, говоря о какихъ-то новѣйшихъ скептическихъ историкахъ, пишетъ: «отъ древнѣйшаго періода—Фанагорійскаго и Босфорскаго владычества, тутъ, на Таманскомъ полуостровѣ, находятъ множество всѣхъ сортовъ монетъ, и въ числѣ ихъ одна бронзовая замѣчательна чрезвычайною малостію, далеко мельче рыбьей шелухи и никакъ не болѣе сплюснутой дробинки или горошинки, а тоже съ буквами и своего рода типомъ, греческаго, языческаго, далеко до-христіанскаго времени» ...([16]).

Напрасно г. Хицуновъ думаетъ, что древніе греки незнали зажигательнаго стекла. Стóитъ только развернуть любое сочиненіе, относящееся къ сему предмету, чтобы разувѣриться въ такомъ мнѣніи. Такъ, напримѣръ Дагенъ (Daguin) въ своей Физикѣ ([17]) пишетъ, что свойство зажигательнаго стекла было извѣстно древнимъ, пользовавшимся имъ для произведенія воспламененія. Это доказываетъ одно мѣсто въ комедіи Аристофана «Облака». Тамъ одно лице говоритъ: «Видали ли вы у москотильниковъ прекрасный прозрачный камень, который служитъ имъ для добыванія огня?—Ты говоришь о стеклѣ?—

---

(14) Глиняныхъ гробницъ не бываетъ, а есть гробницы изъ сырцоваго кирпича; да и къ чему тутъ или, которое смѣшиваетъ два совершенно разнородные предмета.

(15) Чтобы древки, пролежавшія въ гробницѣ около 2000 лѣтъ и похожія, какъ говоритъ авторъ, на сердцевину бузиноваго дерева, сохранили свою гибкость—это совершенно противно здравому смыслу.

(16) Непостижимо, гдѣ г. Хицуновъ видѣлъ упоминаемую имъ бронзовою монету, похожую на рыбью шелуху? и въ добавокъ какого Фанагорійскаго владычества.? Такая монета можетъ существовать только въ его воображеніи. Въ послѣднее время находимы были въ Тамани очень маленькія автономныя монеты: Пантикапеи, Фанагоріи и Синдона, но онѣ всѣ серебряныя.

(17) Теорія теплоты изъ физики Дагена, стр. 129. С.П. 1861 года.

Да.—Ну, такъ чтожъ ты съ нимъ сдѣлаешь?—А вотъ что, я возьму это стекло и, поставя его, такимъ образомъ, на солнце, расплавлю издалека все, что̀ онъ писалъ». (Сцена 1-я, дѣйствіе 2-е). Если древніе знали его, то трудно предположить, чтобы имъ неизвѣстно было и увеличительное стекло, съ помощію котораго они и производили эти миніатюрныя, изящныя по исполненію и отчетливости, золотыя вещицы, находимыя въ гробницахъ. Чѣмъ выдумывать, вопреки обыкновеннымъ законамъ человѣческой природы, что зрѣніе древнихъ было гораздо острѣе нашего, и навязывать имъ такія физіологическія свойства, которыхъ доказать невозможно,—не лучше ли согласиться, что они, при производствѣ своихъ ювелирныхъ работъ, пользовались тѣми же вспомогательными средствами, какъ и мы. Но дѣйствительно надо удивляться не этому, а тому обстоятельству—какимъ образомъ они могли дѣлать означенныя золотыя вещи, украшенныя тончайшею филигранною работою, изъ чистаго, безъ всякой лигатуры, и слѣдовательно мягкаго золота? Это—секретъ, неизвѣстный новѣйшему времени. Нынѣшніе ювелиры отказываются работать изъ такого золота, хотя ихъ произведенія иногда не уступаютъ древнимъ по рисунку, изяществу и тонкости работы. Далѣе г. Хицуновъ, говоря о двухъ гробницахъ, открытыхъ весною 1869 года, къ западу отъ предмѣстія «Глинище», пишетъ, что въ одной изъ нихъ, и именно жженой гробницѣ, найденъ золотой вѣнокъ, совершенно нетронутый огнемъ; это неправда. Изъ журнала археологическихъ разысканій г. директора Керченскаго Музеума древностей, за 1869 годъ, видно, что 15-го марта того года, въ одномъ изъ кургановъ, лежащихъ въ степи, за вышеозначеннымъ предмѣстіемъ, открыта была, съ южной стороны его, по указанію бурава, гробница, построенная на поверхности материка, изъ тесаныхъ плитъ известковаго камня, и покрытая такими же тремя плитами, послѣ сожженія на этомъ мѣстѣ костра съ покойникомъ. Въ этой гробницѣ, вмѣстѣ съ другими вещами, найденъ, дѣйствительно, золотой лавровый вѣнокъ, вѣсомъ въ 28 золотн., но нѣсколько помятый и сильно поврежденный огнемъ, съ нѣкоторыми отдѣлившимися и сплавленными между собою листьями. Не понятно, что г. Хицуновъ, бывшій при самомъ вскрытіи означенной гробницы и нѣсколько разъ видѣвшій этотъ вѣнокъ въ Керченскомъ Музеумѣ древностей, гдѣ онъ хранится въ одной изъ витринъ, и гдѣ его можно видѣть во всякое время, увѣряетъ, что онъ будто бы былъ брошенъ въ гробницу послѣ сожженія трупа покойника и сохранился въ совершенной цѣлости. Это похоже на его мнѣніе о монетѣ Михаила, которую онъ снабдилъ такими принадлежностями, которыхъ въ дѣйствительности никогда на ней не имѣлось. Говоря о другой гробницѣ,

открытой въ той же мѣстности, онъ упоминаетъ о какомъ-то бронзовомъ фригійскомъ шлемѣ, будто бы тамъ найденномъ. Это опять-таки плодъ фантазіи г. Хицунова. Въ вышепомянутомъ журналѣ за 1869 годъ, между прочимъ, сказано, что въ другомъ курганѣ, лежащемъ немного сѣвернѣе отъ преждеописаннаго кургана, открыта 7-го апрѣля, тоже по указанію бурава, каменная гробница, въ которой стоялъ деревянный, обыкновенной конструкціи гробъ, съ полуистлѣвшимъ остовомъ, обращеннымъ лицемъ на западъ. При костяхъ этого остова найдены—у ногъ его—глиняный о двухъ ручкахъ сосудъ (Skyphos), съ рисункомъ желтаго цвѣта на черномъ полѣ, представляющимъ съ одной стороны двѣ обнаженныя мужскія фигуры, а съ другой вакханку и предъ нею сатира; одна глиняная чаша, безъ ручекъ, покрытая блестящею черною краскою, и одна такая же чашка, немного поменьше; на груди—три пучка камышевыхъ древокъ, въ разныхъ мѣстахъ гроба—значительное число бронзовыхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ, обыкновенной формы и проч. Здѣсь о фригійскомъ шлемѣ нѣтъ и помину. Ужъ не принялъ ли г. Хицуновъ, описанный въ журналѣ г. директора Музея сосудъ за головную принадлежность древняго фригійскаго воина, или припомня, что въ Керченскомъ Музеумѣ есть такой шлемъ, сильно поврежденный окисью мѣди, который найденъ былъ въ 1865 году въ одномъ изъ могильныхъ склеповъ большой Стеблеевской Близницы, пріурочилъ и его къ вышеозначенной гробницѣ. Если задуманный имъ и обѣщанный публикѣ «обзоръ о находкахъ близь Керчи и Тамани» будетъ имѣть такія же достоинства, какъ и настоящая его «корреспонденція», то мы не надѣемся, чтобы онъ былъ пріобрѣтеніемъ для отечественной Археологіи.

Извращеніе фактовъ и невѣрныя свѣдѣнія всегда много вредятъ наукѣ и распространяютъ въ обществѣ невыгодное мнѣніе о дѣятельности нашихъ археологовъ и ихъ пріемахъ при разысканіи древностей. Пока не будетъ у насъ хорошаго руководства о правилахъ и пріемахъ, употребляемыхъ нашими, болѣе опытными, разыскателями при разслѣдованіи кургановъ и другихъ мѣстностей, замѣчательныхъ въ какихъ-либо историческихъ или другихъ отношеніяхъ, русскому обществу почти невозможно судить о достоинствѣ, или недостаткахъ всякой статьи по этой спеціальности. Будучи нѣсколько близкими къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ пишетъ г. Хицуновъ, мы въ качествѣ любителей археологіи почли необходимымъ, для возстановленія истины, сдѣлать нѣсколько замѣчаній на его «Корреспонденцію изъ Керчи» и показать вообще съ какою осторожностью должно принимать факты и свѣдѣнія, сообщаемые авторомъ.

13 Ноября, 1870 г. Г. Керчь.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Hymnographie de l'Église grecque. Dissertation publiée par le Cardinal S. B. Pitra. Rome. 1867.

Въ Іюнѣ 1859 года, Питра, тогда еще аббатъ Бенедиктинскаго ордена, прибылъ изъ Рима въ Россію для изученія памятниковъ восточной литургической литературы и остановился въ католическомъ монастырѣ св. Екатерины въ С.-Петербургѣ. Здѣсь онъ нашелъ рукописное сказаніе объ иконѣ Иверской Божіей Матери, къ которому присоединенъ былъ и канонъ на праздникъ этой иконы. Манускриптъ, какъ значилось въ его надписи, былъ сдѣланъ рукою игумена Иверскаго монастыря Паисія, между 1678 и 1680 годами. Западнаго ученаго заинтересовало какъ самое содержаніе Аѳонскаго сказанія объ иконѣ, столь чествуемой въ Россіи, такъ еще болѣе содержаніе и составъ церковной службы, которая была помѣщена на концѣ рукописи. Здѣсь особенное его вниманіе привлекли красныя точки, которыми испещрена была часть рукописи, заключавшая въ себѣ канонъ, и которыя раздѣляли его составъ на множество мелкихъ отдѣленій или стиховъ. Всматриваясь ближе, Питра замѣтилъ, что въ расположеніи этихъ точекъ соблюдался опредѣленный планъ, что ими, съ замѣчательнымъ однообразіемъ, отдѣлялись строки и стихи канона, заключавшіе одинаковое число слоговъ. Далѣе онъ нашелъ, что ирмосъ или начальная пѣснь, стоящая во главѣ каждой изъ девяти частей канона, соотвѣтствовалъ по своему строенію послѣдующимъ

за нимъ тропарямъ и устанавливалъ ихъ размѣръ и способъ пѣнія. Эти наблюденія навели западнаго ученаго на мысль о ритмической системѣ восточныхъ церковныхъ пѣснопѣній и проложили путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ его на этомъ поприщѣ. Въ Петербургской публичной библіотекѣ древнія рукописи, привезенныя Тишендорфомъ съ Синая, дали новое подтвержденіе предположенію Питры, а найденный имъ въ Московской синодальной библіотекѣ другой экземпляръ Аѳонскаго сказанія объ Иверской иконѣ показалъ, что въ размѣщеніи этихъ раздѣлительныхъ точекъ и здѣсь соблюдался тотъ же самый порядокъ, какой былъ замѣченъ и въ рукописи Петербургской. Разница заключалась лишь въ томъ, что здѣсь вмѣсто красныхъ точекъ употреблены были, въ качествѣ раздѣлительныхъ знаковъ, золотыя звѣздочки, но мѣсто и значеніе ихъ оставалось то же самое (*). Съ этою руководящею мыслію Питра, продолжая работать въ Московскихъ библіотекахъ, перечиталъ болѣе двухъ сотъ манускриптовъ (Hymnogr. p. 18) и, находя всюду подтвержденіе своего мнѣнія, пришелъ наконецъ къ тому рѣшительному заключенію, что тайна гимнической просодіи греческой церкви заключается въ силлабическомъ размѣрѣ, и что, не смотря на различныя и часто очень прихотливыя количественныя комбинаціи стиха, этому закону слѣдуетъ бо́льшая часть произведеній греческой богослужебной гимнографіи. Кромѣ этого прямаго и непосредственнаго доказательства, основывавшагося на счетѣ слоговъ, Питра принялъ въ соображеніе еще два данныхъ, именно: значеніе ирмоса въ составѣ канона и употребленіе акростиха. Эти два данныхъ имѣютъ особенную важность въ вопросѣ о внѣшней технической сторонѣ греческихъ пѣснопѣній, а потому мы нѣсколько остановимся на объясненіи ихъ значенія.

Наши богослужебные каноны въ полномъ своемъ составѣ слагаются изъ девяти частей. Каждая изъ нихъ имѣетъ во главѣ своей особенную пѣснь, составленную на основаніи опредѣленнаго библейскаго образца. Эти пѣсни канона (въ числѣ девяти, а большею частію въ числѣ восьми) называются ирмосами (εἱρμός, tractus). За ними слѣдуетъ рядъ краткихъ пѣсенъ, называемыхъ тропарями (τροπάριον, modulus) до слѣдующаго ирмоса, которымъ начинается второе отдѣленіе канона и т. д. до конца. Опредѣляя отношеніе ирмоса къ тропарямъ, Питра справедливо замѣчаетъ, что первые служатъ для послѣднихъ образцомъ и опредѣляютъ не только содержаніе тропарей, но самый ритмическій ихъ

(*) Знаки эти съ рукописей перешли потомъ и въ печатныя изданія греческихъ богослужебныхъ книгъ; покрайней мѣрѣ первое изданіе Миней, сдѣланное въ Венеціи въ концѣ XVI вѣка, и о которомъ такъ невыгодно отзывается Питра (Hymnogr. p. 66, 67), удержало эти знаки со всею точностію.

размѣръ, ихъ мелодію, или способъ пѣнія. Эти ирмосы, часто болѣе древніе, чѣмъ самые каноны и соотвѣтствующіе имъ тропари, имѣли уже твердо установившійся напѣвъ и опредѣленное просодическое построеніе; а потому въ церковной практикѣ имѣли значеніе указателей пѣнія для тѣхъ или другихъ гимновъ, съ ними связанныхъ, и служили образцомъ, по которому эти послѣдніе составлялись. Эта общеизвѣстность ирмосовъ и ихъ обширное богослужебное употребленіе были причиною, почему они въ канонахъ не приводятся въ полномъ составѣ, а только обозначаются первыми словами (Eucholog. Goar. Paris. 1647. pp. 785 sqq. ibid. 566—). Такимъ образомъ внимательное изученіе ирмоса въ отношеніи къ подчиненнымъ ему тропарямъ уже даетъ точку опоры для заключенія о самомъ просодическомъ характерѣ этихъ пѣсенъ и объясняетъ ихъ взаимную техническую зависимость. На этомъ основаніи Питра усматриваетъ ясную просодическую параллель между первою пѣснію Богородичнаго канона «’αρματηλάτην φαραὼ ἐβύθισε» и послѣдующими за нею тропарями. Слѣдующіе ирмосы того же канона, составленные по другой силлабической системѣ, въ свою очередь опредѣляютъ способъ построенія къ нимъ относящихся тропарей. То же самое замѣчается и въ слѣдующихъ частяхъ канона.

Другимъ еще болѣе осязательнымъ способомъ для опредѣленія метрической системы греческихъ гимновъ служитъ для Питры изученіе акростиха. Греческіе пѣснописцы очень часто пользовались акростихомъ при составленіи своихъ каноновъ. Они, въ алфавитномъ порядкѣ, или въ порядкѣ буквъ какого нибудь условно принятаго стиха, располагали тропари канона, а иногда даже и самые стихи этихъ тропарей, такъ что порядокъ тропарей или стиховъ опредѣлялся порядкомъ буквъ, вошедшихъ въ составъ акростиха. Слѣдуя этой руководительной нити, позднѣйшему читателю канона уже легко было отдѣлить одинъ стихъ отъ другаго, и, сравнивъ ихъ взаимное отношеніе и способъ построенія, придти къ заключенію и о просодическихъ правилахъ, которымъ они подчинялись. Напр:

Ὡς ’εμψύχῳ ναῷ Θεȣ̃ κιβωτȣ̃
Ψαυέτω μηδαμῶς χεῖρ ἀμυήτων
Χείλη δὲ πιϛῶν τῆ Θεοτόκῳ ’ασιγήτως
Φωνήν τȣ̃ ’αγγέλȣ ’αναμέλποντα.....

Здѣсь послѣднія буквы греческаго алфавита опредѣляютъ совершенно ясно порядокъ стиховъ канона. Съ этимъ порядкомъ находится въ близкомъ соотвѣтствіи и раздѣленіе стиховъ въ принадлежащихъ этому

ирмосу тропаряхъ (*). Но надобно замѣтить, что акростихъ не всегда могъ оказать эту услугу, потому что въ большинствѣ случаевъ указывалъ только на порядокъ тропарей, а не на порядокъ стиховъ; и потому для отдѣленія послѣднихъ нуженъ былъ иной пріемъ, который и данъ былъ Питрѣ раздѣлительными знаками въ древнихъ рукописяхъ.

Таковы пріемы, съ помощію которыхъ Питра приходитъ къ своему заключенію о силлабическомъ размѣрѣ греческихъ богослужебныхъ пѣснопѣній. За этимъ заключеніемъ нельзя не признать осязательной справедливости въ виду тѣхъ данныхъ изъ области церковной гимнографіи, на которыя Питра указываетъ въ подтвержденіе своей мысли. Но высоко цѣня услугу, которая принадлежитъ трудолюбивому западному изслѣдователю въ рѣшеніи этого церковно-археологическаго вопроса, нельзя не замѣтить въ то же время, что Питра слишкомъ самоувѣренно присвояетъ себѣ честь открытія тайны греческой стихометріи, и не совсѣмъ справедливо относится къ трудамъ своихъ предшественниковъ по этому вопросу. Излагая въ началѣ своего сочиненія очеркъ работъ по этой части, вышедшихъ изъ-подъ пера греческихъ и латинскихъ писателей трехъ послѣднихъ столѣтій, онъ дѣлаетъ между ними выборъ въ свою пользу, а въ концѣ очерка сознается, что ими не сдѣлано ничего. «Греки потеряли преданія своей священной поэзіи» (p. 6), «проблема осталась ими неразрѣшимою», «ученѣйшій изъ грековъ не понимаетъ гимнографіи своей церкви» — вотъ образчикъ тѣхъ выраженій, которыя онъ расточаетъ на счетъ своихъ предшественниковъ. Но какъ бы ни малы были ихъ заслуги въ этомъ дѣлѣ, все же нельзя оставлять ихъ безъ вниманія; а что эти заслуги дѣйствительно были, что Гербертъ, Алляцій, Гоаръ положили свою долю трудовъ—и трудовъ замѣчательныхъ—этого не могъ отвергнуть и Питра. Только онъ приходитъ къ этому признанію не вдругъ, но указавъ напередъ, какъ мало сдѣлали ученые прежняго времени въ этомъ отношеніи и изложивъ результаты своихъ работъ по этому вопросу. «Неужели же, спрашиваетъ онъ, возможно было, чтобы фактъ до такой степени осязательный, простой и въ то же время важный остался незамѣченнымъ? Незамѣченный Латинянами, какъ онъ могъ остаться такимъ для Грековъ?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, Питра уже значительно измѣняетъ свой прежній взглядъ на историческую судьбу нашего вопроса, и изъ тѣхъ же самыхъ писателей доказываетъ,

---

(*) Говоримъ въ близкомъ отношеніи, потому что строгаго соотвѣтствія нѣтъ. Ср. девятый ирмосъ канона на Благовѣщеніе съ слѣдующими за нимъ тропарями. Въ ирмосѣ акростихъ отдѣляетъ стихи въ 9, 11, 14, 11, 9, 15, слоговъ; въ слѣдующемъ тропарѣ система нѣсколько иная, именно: 11, 11, 13, 11, 9, 15 слоговъ. Въ общемъ счетѣ разница въ одномъ слогѣ (Богосл. каноны, стр. 43, 44).

что имъ извѣстно было и значеніе раздѣлительныхъ точекъ и назначеніе ирмоса и силлабическое построеніе его стиховъ. Оказывается, что древніе Греки и Латиняне имѣли вѣрное понятіе о просодіи греческихъ богослужебныхъ пѣсенъ, и высказали объ этомъ предметѣ основныя положенія, послужившія точкою отправленія и для позднѣйшаго изслѣдователя богослужебной литературы Грековъ. Только они не возвели своихъ замѣчаній въ опредѣленный законъ, не обобщили ихъ, но дали основу для общихъ соображеній о техническомъ построеніи греческихъ церковныхъ гимновъ. Между предшественниками Питры на этомъ поприщѣ прежде всего слѣдуетъ назвать Гоара. За двѣсти слишкомъ лѣтъ до нашего времени, не смотря на совершенное невѣжество, господствовавшее въ то время на Западѣ относительно Востока и его богослужебной практики (Goar. Evcholog. Par. 1647. Proemium ad lector.), Гоаръ уже высказалъ такое ясное и точное понятіе объ ирмосѣ и его значеніи въ канонѣ, что оно и до сихъ поръ сохраняетъ полную силу и основательность. Издатель греческихъ службъ, онъ оставилъ къ нимъ много пояснительныхъ замѣчаній, составляющихъ очень почтенный историко-литургическій комментарій. Вотъ, напримѣръ, одно изъ этихъ замѣчаній, имѣющее непосредственное отношеніе къ вопросу о размѣрѣ греческихъ гимновъ: «Греки, говоритъ онъ, очень рѣдко употребляютъ для пѣнія книги нотныя, и не всегда даже имѣютъ ихъ; поэтому они затверживаютъ на память слова и напѣвы извѣстныхъ гимновъ, и по образцу этихъ послѣднихъ исполняютъ другіе, состоящіе изъ равнаго съ ними числа слоговъ (pari syllabarum numero constantes). Эти основныя пѣсни и называются ирмосами (Evchol. p. 434 not. XI). Какъ справедливо замѣчаетъ Питра, стóитъ только отдѣлить значеніе ирмоса для пѣнія изъ его метрическаго построенія, и обобщить послѣднее замѣчаніе, чтобы получить въ словахъ Гоара общее рѣшеніе вопроса о гимнической метрикѣ Грековъ. Зонара, греческій канонистъ XII вѣка, также ясно указываетъ на это значеніе ирмоса, какъ образца для мелодіи тропарей и ихъ просодическаго строенія (τροπάρια προς τὸ τῶν εἱρμῶν μέλος ρυθμίζονλαι ibid Goar p. 434). При этихъ готовыхъ основныхъ понятіяхъ уже не трудно было дойдти и до общаго заключенія о правилахъ построенія каждаго канона, что̀ и сдѣлалъ одинъ изъ древнихъ грамматистовъ (Θеодосій Александрійскій) въ слѣдующемъ замѣчаніи: «кто хочетъ составить канонъ, говоритъ онъ, долженъ сначала опредѣлить (ἐπαγάγειν) къ нему тропари, которые бы состояли изъ равнаго съ нимъ числа слоговъ (ἰσοσυλλάβοντα) и имѣли одинаковый напѣвъ. Поступая такимъ образомъ, достигнешь своей цѣли. (Himnogr. p. 32 not.1). Не было неизвѣстно прежнимъ писателямъ и значеніе раздѣлительныхъ

точекъ, которое разъяснило для Питры основной законъ гимнической просодіи Грековъ». «Употребленіе въ канонахъ и стихирахъ точекъ обнаруживаетъ скрытые стихи», говоритъ Тустенъ, а неизвѣстный комментаторъ исторіи Баронія прямо замѣчаетъ, что въ канонахъ на праздникъ Православія существуетъ пунктація совершенно своеобразная, часто нарушающая смыслъ текста и очевидно приспособленная къ отдѣленію стиховъ. (Annal eccles. t. IX a 842 n. 28). Выписываемъ нѣсколько строкъ и изъ сочиненія изданнаго у насъ, чтобы показать, что и въ нашей литературѣ силлабическій размѣръ греческихъ богослужебныхъ пѣснопѣній не былъ дѣломъ неизвѣстнымъ. «Октоихъ, говорится здѣсь, написанъ на греческомъ языкѣ слогомъ мѣрнымъ, приспособленнымъ къ пѣнію. Въ нашемъ октоихѣ этого видѣть нельзя, потому что, при переводѣ на славянскій языкъ, рѣчь его по необходимости должна была принять другую мѣру, нежели греческая.... Въ греческомъ же октоихѣ виденъ размѣръ, именно: члены, составляющіе одну пѣснь и цѣлыя пѣсни, относящіяся къ одному роду или напѣву, имѣютъ въ числѣ слоговъ очень близкое между собою сходство». (Историческое Обозрѣніе Богослужебныхъ книгъ. Кіевъ 1836. стр. 85, 86). Эти и подобныя соображенія, сдѣланныя въ свое время писателями разныхъ эпохъ относительно внѣшней стороны пѣснопской Восточной церкви, могли послужить и для Питры, и для каждаго, кто занялся бы изслѣдованіемъ этого предмета, не маловажнымъ пособіемъ, и могли дать надежную точку опоры для дальнѣйшихъ выводовъ и заключеній. Мы не думаемъ этимъ заключеніемъ отнимать заслуженную честь у любознательнаго пиллигрима береговъ Тибра, какъ называетъ себя Питра, и съ полнымъ уваженіемъ относимся къ его труду, въ которомъ такъ ясно поставлена на видъ и доказана отличительная особенность ритмической системы греческихъ пѣснопѣній.— Мы хотимъ только указать, что̀ было сдѣлано до Питры для рѣшенія этого вопроса, и сколько обязанъ былъ западный ученый своимъ предшественникамъ на этомъ полѣ изслѣдованій.

Переходимъ ко второй части сочиненія кардинала Питры, которую онъ посвящаетъ исторіи греческой гимнографіи. По тѣсной связи этого отдѣла съ вопросомъ о размѣрѣ греческихъ гимновъ, мы ожидали найдти въ немъ историческое рѣшеніе вопроса, какъ и какимъ путемъ установился такъ прочно силлабическій размѣръ для произведеній греческой церковной лирики и какія основанія лежатъ для этого въ судьбѣ восточнаго пѣснопѣнія отъ его зарожденія и до окончательнаго развитія въ VIII и IX вѣкѣ. Но эти вопросы, какъ видно, не лежали въ намѣреніяхъ нашего автора. Онъ совершенно опускаетъ ихъ изъ вида при изложеніи второй части своего труда и ограничивается нѣскольк-

кими замѣчаніями на этотъ счетъ лишь въ заключеніи перваго отдѣла. По его мнѣнію, церковь не приняла классическаго метра, а усвоила размѣръ силлабическій, чтобы лучше охранить свои пѣснопѣнія и заключающееся въ нихъ догматическое содержаніе отъ всякихъ прибавленій и измѣненій, какія могли быть сдѣланы въ нихъ позднѣйшею рукою. «Церковь, говоритъ онъ, хотѣла предупредить нововведенія и охранить догматы вѣры, давъ своимъ пѣснопѣніямъ такую устойчивую форму, при которой нельзя было ничего отнять у нихъ и ничего къ нимъ прибавить» (Hymnogr. p. 25—26). Но это соображеніе не исчерпываетъ сущности дѣла и беретъ за основаніе недоказанное предположеніе. Правда, что богослужебныя пѣснопѣнія заключаютъ обширное догматическое содержаніе и излагаютъ ясное ученіе о предметахъ вѣры, спорныхъ между еретиками и православными. Но надобно замѣтить, что бóльшая часть произведеній греческой церковной гимнографіи образовалась въ VIII и IX вѣкахъ, когда для церкви уже миновала опасность со стороны ересей, и когда ея ученіе было строго опредѣлено, раскрыто и утверждено на соборахъ. Далѣе, церковныя пѣснопѣнія имѣли главною своею цѣлію не проведеніе и раскрытіе извѣстныхъ догматическихъ истинъ, они не преслѣдовали полемическихъ задачь, но были выраженіемъ религіознаго чувства и назначались для богослужебнаго употребленія. Но еслибы даже церковь, дѣйствительно, имѣла въ виду своими гимнами противодѣйствовать вторженію еретическихъ понятій, и тогда не понятно, почему именно силлабическій, а не другой какой метръ, былъ избранъ для этой цѣли. Григорій Богословъ жилъ въ самый разгаръ аріанской ереси, когда, безъ сомнѣнія, всего нужнѣе была неприкосновенность догматическихъ формулъ, но это не помѣшало ему писать свои полемическіе гимны размѣромъ ямбическимъ. То же должно замѣтить и о произведеніяхъ Ефрема Сирина.

Что же касается до другаго замѣчанія Питры, будто классическій стиль, основывавшійся на различіи гласныхъ долгихъ и короткихъ, былъ недоступенъ пониманію позднѣйшихъ Грековъ и требовалъ строгаго музыкальнаго образованія, то оно могло бы имѣть силу лишь тогда, когда было бы болѣе развито и доказано, а не брошено вскользь, какъ дѣлаетъ Питра въ настоящемъ случаѣ. Далѣе Питра полагаетъ, что метрическій размѣръ не удержался въ церковной гимнографіи вслѣдствіе обширнаго употребленія, какое онъ имѣлъ въ народныхъ пѣсняхъ Грековъ и особенно на театрѣ. Но, высказывая это предположеніе, онъ прямо противорѣчитъ самъ себѣ, когда чрезъ нѣсколько главъ положительно утверждаетъ, что внѣшняя обстановка греческаго богослуженія, церковные напѣвы съ IV и V вѣка, самая богослужеб-

ная терминологія были заимствованы изъ греческаго театра и повторяли, приспособительно къ условіямъ церковнаго культа, то, что̀ давали драма и лирика свѣтская (Hymnogr p. 45).—Основаніе ритмической системы греческихъ богослужебныхъ пѣснопѣній слѣдуетъ искать въ условіяхъ самаго исполненія ихъ, въ ихъ отношеніи къ церковному пѣнію. Извѣстно, что произведенія церковной гимнографіи назначались для богослужебнаго употребленія и были приспособлены къ пѣнію. Церковь заботилась о томъ, чтобы ввести возможно однообразный и устойчивый способъ исполненія ихъ, предохранить его отъ произвола и ошибокъ личнаго вкуса. Поэтому составители церковныхъ пѣсенъ передавали свои произведенія не иначе какъ съ музыкою, или съ опредѣленною пѣвческою мелодіею (Церковное пѣніе въ Россіи Д. Разумовскаго, стр. 13). Нотный октоихъ Іоанна Дамаскина заключаетъ въ себѣ, напр., напѣвы воскресныхъ стихиръ и тропарей канона приспособительно къ осьми гласамъ или осьми напѣвамъ церковнымъ. Заботясь о единообразіи пѣвческой мелодіи и объ удобнѣйшемъ ея приложеніи къ исполненію тѣхъ или другихъ гимновъ, греческіе пѣснописцы полагали на ноты только одинъ основной гимнъ и уже по образцу его составляли другіе, однородные съ нимъ. Такимъ путемъ образовался силлабическій метръ основнаго гимна (ирмоса), послужившій нормою для размѣра подчиненныхъ ему тропарей. Въ силу этого правила наши богослужебныя книги заключаютъ въ себѣ гимны самогласные, имѣющіе свой собственный напѣвъ (ἰδιομέλα), и гимны, исполняемые по образцу другихъ (προσόμοια), съ которыми они согласуются въ раздѣленіи стиховъ и въ количествѣ слоговъ ([1]). Съ какою строгостію исполнялось это послѣднее условіе, видно изъ того, что пунктація въ древнихъ греческихъ изданіяхъ богослужебныхъ книгъ сдѣлана не на основаніи логическаго дѣленія мысли, а приспособлена къ отдѣленію равносложныхъ стиховъ; такъ иногда подлежащее отдѣляется отъ своего сказуемаго, зависящія и дополнительныя слова отъ своего главнаго и управляющаго. Эта пунктація замѣняетъ употребленіе раздѣлительныхъ точекъ и разбиваетъ тропарь или ирмосъ на опредѣленное число стиховъ, соотвѣтственно требованіямъ мелодіи.

(1). На языкѣ нашихъ богослужебныхъ книгъ эти основныя мелодіи заключаются въ такъ называемыхъ „подобныхъ". Подобны—это образцы, съ которыми сообразается пѣніе тропарей и стихиръ. Подобны содержатъ то же число слоговъ и то же раздѣленіе стиховъ (коммами или точками), что и относящіяся къ нимъ пѣсни одинаковой мелодіи. Вотъ для примѣра порядокъ стиховъ и ихъ силлабическій составъ для стихиръ, построенныхъ по образцу: „πανεύφημοι μαρτύρες") 11-го гласа): 9, 7, 9, 6, 7, 11, 6, 9, 1, или по образцу „ὡς γενναῖον" (4-го гласа) 8, 8, 7, 5, 9, 7, 7, 8, 5, 7, 4, 8, 9. Размѣръ и порядокъ стиховъ въ однородныхъ гимнахъ вездѣ одинъ и тотъ же и очевидно приспособленъ къ мелодіи напѣва.

Эту пунктацію мы нашли въ греческой печатной минеѣ 1775, въ новыхъ же изданіяхъ греческихъ стихиръ и каноновъ прежняя пѣвческая пунктація оставлена, а знаки размѣщены согласно требованіямъ словораздѣленія логическаго. Укажемъ на толкованіе каноновъ аѳонскаго монаха Никодима „Ἑορτοδρόμον ἥτις ἑρμηνεία εἰς τοῦς κανόνας ἐν Βενέτια" 1836, на изданіе богослужебныхъ каноновъ профессора Ловягина. С.Петербургъ, 2-е изданіе, 1861. Эта же пунктація удерживается въ изданіяхъ греческихъ службъ и каноновъ, сдѣланныхъ западными учеными. Ср. Adalb. Daniel. Thesaurus Hymnologic. t. III. Lipsiae. 1855. Вотъ, для образца, какъ раздѣляется запятыми второй тропарь первой пѣсни канона на Срѣтеніе по изданію греческихъ миней 1775 г. „Ισχύσατε χεῖρες Συμεῶν τῷ γήρᾳ, ᾽ανειμέναι καὶ κνῆμαι, παρειμέναι δέ πρεσβύτυ, ᾽ευθυβόλως κινῖθε, Χρισῦ προς ὑπάντην χορείαν, σὺν ἀσωμάτοις στήσατε, ἄσωμεν τῷ Κυρίῳ ἐνδόξως γάρ δεδόξασται". Раздѣленіе, какъ легко замѣтить, совершенно не логичное; но оно разсѣкаетъ составъ тропаря по 7 стиховъ въ 12-7-8-7-9-8-15 слоговъ, соотвѣтственно такому же раздѣленію перваго ирмоса канона (ср. Μηναίον φευρυάρ 1775. стр. 18. Богослуж. кан. на греч., слав. и русск. языкѣ, стр. 30, 2-е изд.).

Итакъ въ исторіи греческой гимнографіи Питры мы не находимъ основательнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи силлабическаго метра и о мотивахъ къ удержанію его въ церковномъ употребленіи. Ученый кардиналъ излагаетъ большею частію судьбу греческаго пѣснопѣнія съ ея внѣшней стороны, по руководству древнихъ церковныхъ писателей и на основаніи собственнаго знакомства съ богослужебными книгами Восточной церкви. Его очеркъ обнимаетъ судьбу восточнаго пѣснопѣнія въ его главнѣйшихъ историческихъ фазисахъ, и представляетъ картину развитія этой отрасли богослужебнаго дѣла отъ первыхъ временъ до XVI и XVII вѣка. Первыя страницы этой исторіи, совпадающія съ богослужебнымъ устройствомъ синагоги и первыми краткими богослужебными формулами первыхъ христіанъ, не имѣютъ большой важности въ изложеніи Питры. Здѣсь мы находимъ то же, что̀ собрано у Даніеля (Thesaurus hymnolog. t. III. p. 1—6), Бунзена, Hyppol. und seine Zeit. B. 2 и въ другихъ изложеніяхъ первохристіанской гимнографіи. Не понятно только, почему Питра совершенно опускаетъ знаменитый гимнъ Климента Александрійскаго «Παιδαγωγος», несомнѣнное произведеніе глубокой христіанской древности и очень важное въ отношеніи ритмическомъ (Piper. Evang. Kalend. 1868. S. 17, 39). Точно также нашъ авторъ не удостоиваетъ своего вниманія и гимническія произведенія разныхъ еретическихъ сектъ II и III вѣка. Онъ соглашается, что по своему построенію эти гимны имѣютъ свои техническія особенности, но не рѣшается оста-

навливаться «на этой нечистой гимнографіи, по своей странной формѣ и грубымъ заблужденіямъ такъ далеко уклоняющейся отъ духовныхъ пѣснопѣній первобытной церкви». (Hymnogr. p. 41). Замѣтимъ, что эта щекотливость религіознаго чувства вредитъ научнымъ достоинствамъ самаго изслѣдованія. Если въ свое время гимнологія еретиковъ дала побужденія отцамъ церкви противодѣйствовать ихъ заблужденіямъ ихъ же собственнымъ оружіемъ, тѣмъ больше эта гимнологія имѣетъ право разсчитывать на вниманіе позднѣйшаго изслѣдователя, какъ матеріалъ для научныхъ соображеній. Съ четвертаго и пятаго вѣка, когда церковь, дотолѣ гонимая въ предѣлахъ языческой имперіи, получила свободу въ отправленіи богослуженія, церковная гимнографія начинаетъ новую эпоху своего существованія. Къ внутренней потребности, устроить по возможности шире и торжественнѣе богослужебную обстановку, теперь присоединились для церкви и побужденія внѣшнія, лежавшія въ понятіяхъ и привычкахъ язычниковъ, переходившихъ въ лоно церкви. Греческая муза продолжала оказывать на нихъ свое вліяніе и по переходѣ въ христіанство: они не могли скоро отвыкнуть отъ музыки и пѣнія, какими наслаждались въ церемоніяхъ своего прежняго культа и на театральной сценѣ. Къ этому періоду относится составлеіе первыхъ богослужебныхъ тропарей и болѣе торжественное исполненіе ихъ въ церквахъ важнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ городовъ греческихъ. Къ этому же времени относятся и первыя церковныя произведенія, извѣстныя съ именемъ каноновъ. Но самою цвѣтущею порою въ исторіи пѣснопѣнія греческой церкви были VIII и IX вѣка, прославленные именами Іоанна Дамаскина, Козьмы Майюмскаго, Іосифа Пѣснопѣвца и другихъ. Они окончательно установили послѣдній родъ литургическихъ произведеній, получившій теперь такое широкое богослужебное употребленіе. А потому развитіе этого гимническаго типа, и вмѣстѣ съ тѣмъ установка богослужебнаго языка и технической стороны для произведеній церковной гимнографіи—вотъ главныя черты, составляющія особенность этого періода, столь важнаго въ исторіи богослужебныхъ пѣснопѣній Восточной церкви. Главныя ихъ формы были теперь выработаны, опредѣлены и заняли соотвѣтствующее положеніе въ составѣ богослуженія. Богослужебная литература обогатилась множествомъ образцовыхъ произведеній этого рода и заключила кругъ самостоятельнаго развитія. Дѣятельность слѣдующихъ вѣковъ на этомъ поприщѣ отличается подражательнымъ характеромъ, и не представляетъ уже такого богатства и разнообразія, такого интереса для изслѣдователя, какими отличается періодъ Дамаскина и близкихъ къ нему по времени пѣснопѣвцевъ. Авторъ церковной гимнографіи Грековъ относится къ этому періоду съ крайнимъ неуваженіемъ.

По его мнѣнію, это былъ періодъ варварства и всевозможныхъ искаженій въ области литургической практики. Церковно-богослужебная жизнь средневѣковаго Востока представляетъ въ его глазахъ печальную картину разрушенія древняго порядка вещей, и, что̀ особенно замѣчательно, лучшіе представители греческаго просвѣщенія того времени подвергаются особенно жестокому порицанію со стороны ученаго римскаго кардинала. Въ оцѣнкѣ этого періода и его представителей очень ясно выразились вѣроисповѣдныя предубѣжденія паписта противъ схизматическаго періода и противъ схизматиковъ Грековъ. Эта антипатія заставляетъ его смотрѣть на все вышедшее изъ Византіи сквозь темное стекло и видѣть все въ черномъ цвѣтѣ. «Филоѳей, одинъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ схизмы, Маркъ Ефесскій, тщеславный ораторъ Флорентинскаго собора, выступившій съ притязаніями занять мѣсто въ ряду пѣснопѣвцевъ» (p. 64—65),—вотъ образчикъ тѣхъ отношеній, съ какихъ нашъ авторъ опредѣляетъ значеніе церковныхъ дѣятелей Востока въ этотъ періодъ. Болѣе благосклонно смотритъ Питра на судьбу греческой гимнографіи въ славянскомъ мірѣ. Переводъ богослужебныхъ книгъ Кирилла и Меѳодія сдѣланъ былъ съ греческаго текста, еще не успѣвшаго оразнообразиться, а потому содержалъ греческія пѣснопѣнія въ ихъ подлинномъ, неповрежденномъ видѣ, хотя въ переводѣ утратилась метрика греческаго стиха, потеряли свой смыслъ акростихи, погибли сила и выразительность оригинальнаго языка. Питра заключаетъ свой очеркъ нѣсколькими замѣчаніями о судьбѣ богослужебныхъ книгъ въ нашемъ отечествѣ. По его мнѣнію, переводъ этотъ, сдѣланный съ древнихъ рукописей X и XI вѣка, долженъ былъ обнаружить много разностей съ греческими печатными изданіями, вышедшими изъ венеціанскихъ типографій. На эти разности не могли не обратить вниманія приходившіе изъ Греціи въ Россію епископы и монахи для сбора подаяній, и вотъ, по ихъ вліянію, Никонъ рѣшился исправить наши богослужебныя книги. Западнаго ученаго мало интересуетъ самое дѣло исправленія, о которомъ онъ говоритъ какъ бы мимоходомъ, а всего болѣе тѣ благопріятныя послѣдствія, какія онъ, съ своей условной точки зрѣнія, выводитъ отсюда для папства. Принявшись за дѣло исправленія книгъ, Никонъ, по словамъ Питры, «самъ того не сознавая, оказалъ двойную услугу истинной церкви» (veritable église, ibid. p. 69). Какія же это услуги? А вотъ какія: судьба Никона и его дѣло подорвали значеніе Московскаго патріаршества и возбудили горячую оппозицію старообрядческой партіи. Какую выгоду папскій престолъ могъ извлечь изъ этого потрясенія Московскаго патріарха—Питра не говоритъ ничего, но зато онъ яркими красками рисуетъ будущее обращеніе раскольниковъ къ рим-

скому первосвященнику и торжество папскаго престола, какъ хранителя древняго церковнаго порядка и древнихъ литургическихъ преданій (ibid. p. 70). Этою картиной римскій кардиналъ и заканчиваетъ свой очеркъ церковной гимнографіи Востока. Излишне прибавлять, что эта картина говоритъ сама за себя и не нуждается въ объясненіи. Но во всякомъ случаѣ ея мѣсто не на страницахъ ученаго изслѣдованія, а въ какомъ нибудь печатномъ ультрамонтанскомъ органѣ. Въ приложеніи Питра помѣщаетъ три греческихъ службы на память ап. Петра, извлеченныя имъ изъ рукописей, найденныхъ въ западныхъ и Русскихъ библіотекахъ. Текстъ этихъ службъ напечатанъ силлабическими стихами на основаніи раздѣлительныхъ знаковъ и сопровождается латинскимъ переводомъ.

По обстоятельствамъ мы не могли своевременно воспользоваться книгою Рейнольда Деніуса, важною для исторіи вопроса о просодіи греческихъ богослужебныхъ пѣсней. Теперь мы имѣемъ возможность пополнить этотъ пробѣлъ и изложить соображенія названнаго нами ученаго іезуита. Деніусъ болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ тому назадъ издалъ сочиненіе о жизни и мученичествѣ исповѣдниковъ Космы и Даміана (Syntagmatis historici seu veterum Graeciae monimentorum de tribus sanctorum Cosmae et Domiani nomine paribus partes duae. Viennae in Austria an. 1660), и въ заключеніи его между прочимъ коснулся вопроса о стихосложеніи греческихъ церковныхъ гимновъ. (Corallarium de legibus versuum in hymnis Ecclesiae Graecae. Append. p. 47—50). Такъ какъ Деніусъ писалъ свое изслѣдованіе по греческимъ источникамъ, то онъ обратилъ вниманіе и на богослужебные каноны греческіе, посвященные памяти этихъ святыхъ, и на ихъ просодическую конструкцію. Полемизируя противъ Гретзера, Деніусъ утверждаетъ, что гимны греческіе подчинены опредѣленнымъ просодическимъ законамъ и написаны размѣромъ силлабическимъ (a numero syllabarum). Не входя въ обзоръ его доводовъ въ пользу этой мысли, не представляющихъ впрочемъ ничего новаго противъ того, что̀ сказано нами выше, и не приводя изъ него новыхъ примѣровъ силлабической конструкціи греческихъ пѣснопѣній, мы замѣтимъ только, что въ сочиненіи Деніуса дано было общее рѣшеніе той проблеммы, которую, спустя 200 лѣтъ Кардиналъ Питра все еще считалъ нерѣшенною. Деніусъ практически доказалъ справедливость своего заключенія, раздѣливъ одинъ изъ приводимыхъ у него каноновъ на стихи и обозначивъ каждый стихъ въ текстѣ канона большою буквою (ibid p. 258—274).

И. Мановетовъ.

Photius, Patriarch von Constantinopel. Sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma. Nach handschriftlichen und gedruckten Quellen von D-r Hergenröther. Dritter Band. Regensburg. 1869. S. 887. Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia, quae ex variis codicibus manuscriptis collegit ediditque J. Hergenröther. Ratisbonae. 1869. p. 181.

Послѣднiй объемистый томъ замѣчательнаго сочиненія германскаго ученаго профессора церковной исторіи и каноническаго права въ Вюрцбургскомъ университетѣ касается преимущественно сочиненій Фотія, излагаетъ его богословское ученіе и находитъ въ послѣдующихъ событіяхъ церковнаго отдѣленія Востока отъ Запада продолжающееся вліяніе первоначальной мысли патріарха.

«Внутреннія смуты Византійской церкви, говоритъ авторъ въ концѣ своего сочиненія, обнаружившіяся въ ереси Арсеніанцевъ и въ Паламитскихъ спорахъ, входятъ также въ кругъ нашего изложенія вмѣстѣ съ попытками къ единенію церквей на соборахъ 1274 и 1439 годовъ. Мы указали, какъ наслѣдство, полученное отъ Фотія, съ теченіемъ времени утверждалось и укрѣплялось, какъ дисциплина, богословіе и жизнь у Грековъ съ его времени развивались въ упорномъ противодѣйствіи Западу, какъ его «дѣло» переходило все болѣе въ плоть и кровь народа. Фотій первый обозвалъ Латинянъ еретиками, его ученіе о Св. Духѣ спокойно развивалось въ X вѣкѣ, его полемическое окружное посланіе позднѣе было снова обновлено, имъ воспользовался Керуларій, оно было дополнено новыми жалобами. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ возвращаются снова къ сочиненіямъ Фотія, пріучаются приводить давно исчезнувшее, какъ авторитетъ; увеличиваютъ раздоры, сильнѣе нападаютъ на главенство Рима и развиваютъ бóльшую ненависть противъ еретическаго Запада. Въ то время, какъ очень немногіе защищаютъ общеніе съ Латинянами, хотя и съ многими ограниченіями, крестовые походы со своими послѣдствіями, латин [illegible] въ Константинополѣ, насильственные постуг [illegible] произвели

ухудшеніе во взаимныхъ отношеніяхъ, породили дикій фанатизмъ въ клирѣ, у монаховъ, въ народѣ, противъ котораго напрасно возставала политика императоровъ. Вызвавшій мысль о раздѣленіи былъ канонизованъ, боготворимъ, и ученіе Фотія (Photianismus) пріобрѣло такую силу, что человѣческія усилія не могли уже болѣе подавить расколъ. Одно только сознаніе высшихъ благъ, чрезъ это потерянныхъ, одна только правильная оцѣнка высоко-прославляемаго корифея, заслужившаго себѣ мѣсто между учеными, но не святыми, могутъ пробить широкую дорогу; только великія всемірныя событія и помощь божественнаго Промысла въ состояніи уничтожить эти послѣдствія» ([1]).

Такъ кончаетъ свое сочиненіе о Фотіѣ римско-католическій профессоръ и тѣмъ какъ бы указываетъ на свою задачу—представить единственнымъ виновникомъ раздѣленія церквей Фотія.

Какъ ни величественна личность константинопольскаго патріарха въ религіозной распрѣ Востока съ Западомъ, какъ ни велико его значеніе, какъ ни глубоко его всезнаніе, мы не рѣшаемся придавать его дѣйствіямъ такого обширнаго значенія и не полагаемъ, что вліяніе Фотія такъ глубоко проникло въ жизнь византійской націи. Весь раздоръ коренится въ особыхъ, историческихъ условіяхъ жизни Запада и Востока въ средніе вѣка.

Какъ ни важно сочиненіе Гергенрётера для жизнеописанія Фотія и его вѣка, но оно должно послужить еще пособіемъ для другой, болѣе безпристрасной оцѣнки непреклоннаго святителя византійской церкви.

Впрочемъ вліяніе образа мыслей автора, къ его удовольствію, отразилось у русскихъ ([2]) и греческихъ ученыхъ. Аѳинскій профессоръ Папарригопуло ([3]) вполнѣ согласенъ съ нѣмецкимъ профессоромъ, что прославленный Фотій носилъ въ себѣ какъ преимущества, такъ и слабости своего времени. Онъ сожалѣетъ, при описаніи полемики 867 года, что Фотій не остался вѣренъ основному пункту во второмъ своемъ письмѣ къ Папѣ Николаю въ 861 году; онъ находитъ недостойными для великаго человѣка неблагодарность къ Вардѣ и лесть Михаилу III и видитъ въ немъ представителя средневѣковаго гелленизма, подобно тому какъ Ѳемистоклъ былъ представителемъ древняго. Въ обоихъ мужахъ онъ видитъ поборниковъ народной свободы, въ обоихъ признаетъ высоко одаренныя личности съ значительными нравственными недостатками ([4]). Итакъ католическій ученый нашелъ даже сочувствіе въ

---

(1) S. 875 и др.

(2) Академикъ Куникъ сообщилъ почтенному автору о сочиненіи проф. Костомарова въ Вѣстникѣ Европы за 1868.

(3) Ἱστορία τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους. Τόμος τρίτος. Βιβλ. θ'καὶ Ἐν Ἀθήναις 1867, 1868 (2 Bd genröther III. § V.

(4) Ἱστορία βιβλ. ι. p. 805, 827, 837, 838, 845. Hergen. тамъ же.

греческомъ современномъ писателѣ, отличающемся объективнымъ своимъ сужденіемъ и свободнымъ изложеніемъ. Такъ обаятельны подавляющая ученость его трехъ объемистыхъ томовъ и добросовѣстное изученіе источниковъ, хотя и нельзя согласиться съ основнымъ характеромъ сочиненія.

Съ археологической точки зрѣнія особенно важенъ третій томъ сочиненія Гергенрётера и его приложеніе. Здѣсь разъяснены всѣ сочиненія ученаго патріарха съ изумительною подробностію, а въ приложеніи напечатаны рѣдкія и до сихъ поръ неизвѣстныя сочиненія Фотія и тѣ отрывки, которые разъясняютъ вражду Латинянъ съ Греками.

A. Photii de divina liturgia decretum. Декретъ Фотія о божественной литургіи извлеченъ изъ пяти кодексовъ. Доказательствомъ того, что онъ дѣйствительно былъ сочинителемъ этого декрета, служитъ упоминаніе имени Photii sanctissimi Patriarchae въ двухъ ватиканскихъ кодексахъ XIV и XV вѣковъ, а въ Монакскомъ декретъ помѣщенъ вмѣстѣ съ другими сочиненіями Фотія.

B. Fragmenta dialectica. Объясненія Фотія на Isagogen Порфирія и Аристотолевы категоріи изъ кодекса Монакскаго.

C. Fragmentum cujusdam homiliae Photii. Отрывокъ проповѣди, въ которой описывается послѣдній судъ и несчастная судьба осужденныхъ. Профессоръ предполагалъ, что этотъ отрывокъ составляетъ частицу проповѣдей, говоренныхъ патріархомъ при нападеніи Руссовъ въ 864 г., но эти проповѣди, открытыя стараніемъ Академика Куника и обнародованныя Академикомъ Наукомъ (5), заставили автора отказаться отъ своей мысли.

D. Gnomologia или увѣщаніе чрезъ краткія нравственныя изреченія.

E. Nicephori Photiique Patriarcharum atque Theodori Studitae adversus Iconoclastas argumenta. Большая часть лучшихъ кодексовъ удерживаютъ имя Фотія среди другихъ двухъ именъ. Конецъ напечатаннаго авторомъ экземпляра совершенно отличается отъ обнародованныхъ до сихъ поръ текстовъ.

F. Opusculum contra Francos. Этотъ отрывокъ, обязанный своимъ существованіемъ Ватиканскому кодексу 12-го вѣка и его переписчику Маркіану, требовалъ тщательнаго изслѣдованія со стороны автора. Однѣ обвиненія, направленныя противъ Франковъ и остальныхъ Латинянъ, совершенно подходятъ ко времени Фотія, между тѣмъ какъ другія совершенно противорѣчатъ духу того времени. Несмотря на неправильное употребленіе имени Фотія, авторъ напечаталъ и этотъ отрывокъ съ двойнымъ латинскимъ переводомъ для объясненія раздѣленія церквей.

---

(5) Lexicon Vindobonense recensuit et adnotatione critica instruxit Aug. Nauck. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens. Petropoli. 1867. p. 201—232.

G. Отрывокъ изъ рѣчи Никифора Григоры о св. Θеофаніи императрицѣ, супругѣ Льва Мудраго, касающійся времени Фотія.

H. Nicetae Bysantii philosophi capita Syllogistica XXIV. Главы эти изъ сочиненій Никиты, писателя 9-го вѣка, заключають употребительныя въ то время доказательства спора съ Латинянами о происхожденіи св. Духа и тѣмъ самымъ характеризують возраженіе Фотія.

J. Alterius Nicetae et quidem Studitae Caeralario synchroni, contra Armenios et Francos de azymis et enzymis tractatum. О прѣсномъ и кисломъ хлѣбѣ противъ Армянъ и Франковъ. Здѣсь, по обычаю того времени, повторяется все сказанное объ этомъ предметѣ изъ другихъ сочиненій.

K. Opuscula de schismatis origine. Три разныхъ греческихъ разсказа о началѣ раздѣленія церквей. Первый разсказъ заимствованъ изъ шести кодексовъ, два другіе, болѣе подробные, изъ кодексовъ Маркіана и Монакскаго. Содержаніе всѣхъ этихъ трехъ разсказовъ въ главныхъ чертахъ одно: Папа Формозъ—первый приверженецъ латинской ереси; Папа Христофоръ—первый высказалъ свои убѣжденія патріарху Константинопольскому Сергію и былъ имъ исключенъ изъ диптиховъ.

Русскій разсказъ о раздѣленіи церквей, помѣщенный въ Кормчей книгѣ, заимствованъ, какъ видно изъ напечатанныхъ трехъ выше приведенныхъ греческихъ разсказовъ, изъ греческихъ источниковъ (6). Копитаръ, приписывавшій недостатки русскаго разсказа невѣжеству русскаго сочинителя (7), не зналъ о существованіи греческихъ источниковъ, напечатанныхъ только теперь для всеобщаго свѣдѣнія авторомъ жизнеописанія Фотія.

Мы кончаемъ нашъ обзоръ сочиненія германскаго ученаго о Фотіѣ указаніемъ на необходимость подробнаго его изученія знатоками византійскихъ и русскихъ древностей.

Октября 26, 1869. **В. Вёдровъ.**

---

(6) «Vom römischen Abfalle wie sie abgestanden von dem wahren glauben und der morgenländischen Kirche». Kopitar der Wiener Jahrbüchern der Literatur. Bd. XXIII. S. 266—273: Извлеченіе у Шлоссера die morgenl. orthodoxe Kirche Russlands. Heidelberg. 1845 .S. 92—112. Hergenröther S. 862.

(7) Der unwissende Russe ahnte wohl nicht etc. Kopitar S. 272. Гергенрётеръ сожалѣетъ, что нѣтъ точнаго анализа двухъ древнѣйшихъ рукописей Кормчей книги. 1280 и 1283 годовъ, ст. 869.

Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа Константинопольскаго, и разсужденіе о нихъ Архимандрита Порфирія Успенскаго. С.-Петербургъ 1864. in 4.

Газеты [1] приносятъ намъ извѣстіе, что г-нъ Дриновъ, предсѣдатель литературнаго общества «Болгарско-Княжевно-Дружество», нашелъ въ неаполитанскихъ архивахъ, нѣсколько неизданныхъ писемъ патріарха Фотія, среди своихъ поисковъ источниковъ для болгарской исторіи.

Тотчасъ возникаютъ отрадныя надежды разъяснить до сихъ поръ еще темныя страницы византійской исторіи; личность великаго патріарха уже представляется обрисованною имъ самимъ, его собственноручной кистью!—При такомъ живомъ сочувствіи ко всему касающемуся дѣятельности знаменитаго византійца IX вѣка, сочувствіи, еще болѣе возбужденномъ въ современной Европѣ серьезнымъ сочиненіемъ католическаго ученаго Гергенрётера, мы считаемъ необходимымъ напомнить русскимъ ученымъ трудъ Архимандрита Порфирія Успенскаго, посѣтившаго сокровищницу византійскаго міра, аѳонскія обители, и извлекшаго оттуда четыре неизданныя бесѣды Фотія.

Двѣ бесѣды были говорены по случаю нашествія Россовъ: одна о возстановленіи иконопочитанія, а другая объ искорененіи всѣхъ ересей.

Для русскихъ археологовъ чрезвычайно важны первыя двѣ бесѣды. Всѣхъ бесѣдъ Фотія насчитываютъ болѣе двадцати [2]. Онѣ извѣстны только по отрывкамъ. Двѣ изъ нихъ озаглавлены εἰς τὴν ἔφοδον τῶν Ῥῶς. [3] На нихъ-то и сосредоточилось все вниманіе русскаго ученаго.

Дѣйствительно въ 864 году [4] окрестности Византіи огласились дикимъ крикомъ сѣверныхъ варваровъ, прибывшихъ подъ византійскія стѣны на 200 судахъ, и извѣстныхъ подъ именемъ Россовъ.

---

(1) Современныя Извѣстія. № 9. 1870.

(2) Hergenröther. Photius. Dritter Band. Regensburg 1869. S. 231.

(3) Hergenröther тамъ же S. 234. Успен. стр. 53. Nauck. Lexicon Vindobonense. Accedit appendix duas Photii homilias et alia opuscula complectens. Petropoli. 1867 p. 201—232.

(4) Правильность этого года мы охотно усвоиваемъ изъ разсужденія г-на Успенскаго, нашедшаго слѣды воспоминанія объ освобожденіи Константинополя отъ сѣверныхъ враговъ въ непечатномъ Синаксарѣ нѣкоего Петра, относящемся къ X вѣку, стр. 64-67. Muralt Essai de Chronographie Byzantine S. Pet. 1855, p. 440, на основаніи Nicet, относитъ это событіе ко времени между 859 и 865 годами; тамъ же ср. стр. 439 подъ 864 годомъ Michel. est rappelé par Orryphas, préfet de C. P. qui lui apprend que les Russes arrivaient sur 200 vaisseaux.

Императоръ Михаилъ съ войскомъ былъ вдали отъ столицы. Предмѣстье и монастыри были ограблены и сожжены, люди умерщвлены. Патріархъ Фотій обнесъ около стѣнъ города ризу Влахернской Божіей Матери: произошла буря и разрушила русскія суда.

Вотъ истинный фактъ, извлеченный изъ Византійскихъ историковъ.

Чтожъ новаго придаютъ къ его разъясненію переведенныя авторомъ рѣчи Фотія?

Мы находимся въ затрудненіи положительно отвѣтить на этотъ вопросъ, естественно возникающій при археологическо-историческомъ взглядѣ на рѣчи Фотія и нападеніе Россовъ на Константинополь. Почтенный авторъ не издалъ всего текста рѣчей, а только одинъ русскій переводъ, до такой степени напыщенный, что и самая цвѣтистая рѣчь ритора-византійца не превзойдетъ его перевода. Кромѣ того онъ не отдѣлилъ своего эстетическаго взгляда на проповѣди Фотія и сдѣланное будто бы ими впечатлѣніе на слушателей отъ историческаго изслѣдованія.

Можемъ ли мы видѣть напр. истинный тактъ автора въ слѣдующей оцѣнкѣ исторической личности?

«Тогда Фотій, исполненный негодованія на виновниковъ величайшаго несчастія, которые умертвили должниковъ своихъ, неукоризненныхъ Россовъ, и сдѣлали своими рабами немногихъ молотильщиковъ хлѣбнаго зерна ихъ, Фотій въ храмѣ Святой Софіи грянулъ какъ громъ, и засверкалъ какъ молнія. Читайте первую бесѣду его. Она громъ, она молнія, а не слово человѣка! Эта гроза его и общее несчастіе образумили злополучныхъ». ([5]).

Дѣйствительно, таковый отзывъ еще можетъ оказаться правдивымъ въ глазахъ энтузіаста проповѣдника, но никакъ не историка-археолога, «искавшаго многоцѣнныхъ перловъ на востокѣ», и нашедшаго «два брилліанта». ([6])

Образецъ риторическаго перевода, болѣе вымышленнаго авторомъ, нежели истиннаго, мы представимъ только въ двухъ важнѣйшихъ мѣстахъ, хотя ими полна вся книга.

Въ концѣ рѣчей авторъ помѣстилъ свои комментаріи, состоящіе изъ устарѣлаго обычая вопрошенія самого себя, и, разумѣется, положительнаго отвѣта задушевнымъ идеямъ.

На стр. 18 и 54 выраженія ἔθνος ἀφανές, ἔθνος ἀναρίθμιον—обыкновенно переводимые «народъ неизвѣстный, народъ безчисленный» переданы авторомъ, желавшимъ доказать, что Руссы были уже извѣстны

---

(5) Стр. 59. Успен.
(6) Успен. стр. 52.

Фотію и знакомы византійскимъ Грекамъ чрезъ какое-то описаніе, близко подходящее къ его мысли, «народъ ничѣмъ не заявившій себя, народъ не почетный».

Инстиктивно чувствуя и самъ неправильность перевода, авторъ какъ бы оправдывается слѣдующимъ образомъ: (7)

—«Къ Константинополю подступилъ народъ ничѣмъ не заявившій себя, ни науками, ни искусствами, ни изобрѣтеніями. Такъ точно. Однако онъ существовалъ и Греки знали, что онъ ничѣмъ не отличился.

—Подступилъ народъ непочетный. Такъ точно. Онъ не имѣлъ того политическаго почета, какой тогда имѣли Латины, Персы, Аравитяне, сами Греки, однако существовалъ и слылъ непочетнымъ».

Подобныя разсужденія совершенно излишни и нисколько не доказываютъ вѣрности перевода. Довольно одного лексикографическаго познанія словъ сличенія дальнѣйшей рѣчи того же Фотія, чтобы видѣть вѣрность обыкновеннаго перевода.

Далѣе Фотій продолжаетъ: ἄγνωστον μὲν, ἀλλ' ἀπὸ τῆς καθ' ἡμᾶς στρατείας ὄνομα λαβὸν—«неизвѣстный, но получившій имя со времени похода къ намъ»; русскій переводчикъ не доволенъ такою простотою, для него необходима давняя извѣстность Россовъ Византійцамъ и онъ то же мѣсто передаетъ иначе: «не именитый, но пріобрѣтшій себѣ славу со времени похода къ намъ».

Въ комментаріяхъ же поясняетъ: «къ Константинополю пришелъ народъ неименитый, но пріобрѣлъ себѣ славу со времени похода туда. Громко же оповѣстили себя Европѣ Россы, которыхъ презирала блестящая по виду и необозримая по силѣ Византія, и которыхъ прежде усмиряла самая молва о ней» (8).

Еще страннѣе объясненіе русскимъ комментаторомъ обыкновеннаго выраженія Фотія: βαρβάρων ἄπιστος δρόμος οὐκ ἔδωκε τῇ φήμῃ καιρὸν ἀγγελίας—«невѣроятный походъ варваровъ не далъ молвѣ случая возвѣстить объ немъ». Такой точный переводъ не соотвѣтствуетъ предвзятой идеѣ переводчика, что Россы были извѣстны Византійцамъ, и потому онъ вымышляетъ и событія, и самый переводъ, слѣдующимъ образомъ: «Выслушавъ это, всякій невольно спроситъ: какъ можно было утаить походъ многочисленнаго войска, посаженнаго на корабли и спустившагося по рѣкамъ изъ отдаленной страны? Какъ не узнали объ этомъ Греки, жившіе тогда въ городахъ Тавриды и Зикхіи, въ Херсонесѣ и т. д? Какъ не оповѣстили это Хазары, кочевавшіе на берегахъ Днѣпра?...... И я задавалъ себѣ эти вопросы и долго не умѣлъ отвѣчать

(7) Успен. стр. 54.
(8) Успен. тамъ же.

на нихъ. Наконецъ мнѣ помогло рѣшить ихъ выраженіе точнаго (!!!) Фотія: ἄπιστος δρόμος путь невѣрный, походъ схитренный. Россы плыли путемъ невѣрнымъ, то есть, не прямымъ, не однимъ, а въ разныхъ направленіяхъ. Таковъ смыслъ и такова сила этого выраженія! Посему я полагаю, что корабли съ вооруженными воинами, какъ это бывало прежде и послѣ, не всѣ, а по частямъ, спустились по Днѣпру къ Черному морю и отплыли, частію къ Трапезунту, частію къ Синопу, частію къ устьямъ Дуная, будто для торговли, и въ условленное время соединились и преспокойно вошли въ Константинопольскій проливъ, тогда ничѣмъ и никѣмъ не защищенный. Такъ я объясняю ἄπιστος δρόμος «схитренный походъ Россовъ». Здѣсь кстати замѣтить, что этимъ смѣлымъ морякамъ, видно, было хорошо знакомо Черное море и знакомо издавна. Знали они, какъ обмануть зоркость Грековъ, этихъ старыхъ Аргонавтовъ, куда плыть, какъ раздѣлиться, и какъ и когда соединиться при устьѣ Босфора. Audax Japeti genus— отважный родъ Япета!» (9).

Намъ кажется нечего прибавлять къ этой длинной выпискѣ, отлично характеризующей историческую фантазію автора. Для него недостаточно дѣйствительно точнаго языка Фотія, хотя и въ ораторской рѣчи указавшаго на внезапность нападеній Россовъ, ихъ неизвѣстность странѣ, отсутствіе государя и войска.

Мы взяли только то, что̀ не такъ ясно кидается въ глаза читателю; въ разбираемомъ же сочиненіи много такихъ предположеній переводчика, которыхъ справедливость, такъ сказать, провѣряется на мѣстѣ, при самомъ ихъ чтеніи.

Напр. (на стр. 63) по мнѣнію переводчика «Аскольда и Дира, послѣ бесѣдъ Фотія, нельзя считать удальцами, и надобно признать военачальниками Рюрика (одинъ изъ нихъ, вѣроятно, былъ адмиралъ sic!!!), умѣвшими правильно осаждать укрѣпленную столицу, и вмѣстѣ искусными переговорщиками, успѣвшими обаять Славянъ, Хазаровъ и Кумановъ напоминаніемъ о выгодахъ Варяжства и обѣщаніемъ несмѣтныхъ богатствъ въ Константинополѣ, котораго жителей предполагалось переселить, вѣроятно, въ глубь Россіи».

Мы бы желали, чтобы почтенный авторъ, среди современнаго увлеченія геніемъ и сочиненіями Фотія, издалъ вполнѣ находящіяся у него рѣчи этого патріарха въ подлинникѣ съ истинно критическими замѣчаніями и заимствованіями изъ другихъ авторовъ, какъ это имъ самимъ обѣщано (10), безъ той авторской самонадѣянной похвалы, которую расточаетъ себѣ переводчикъ на двухъ послѣднихъ страни-

---

(9) Успен. стр. 58.
(10) Стр. 64.

цахъ разсмотрѣннаго нами сочиненія. Самыя же бесѣды, изданныя авторомъ по-русски, могутъ служить образцомъ византійскаго слога, но едва ли будутъ полезны историку-археологу при его желаніи узнать Россовъ и ихъ первые подвиги подъ Константинополемъ. Даже переданныя мѣста изъ рѣчей, пригодныя для византійско-русскихъ древностей, и тѣ много теряютъ отъ мечтательнаго способа ихъ объясненія русскимъ переводчикомъ.

В. Вёдровъ.

17 Января 1870 года

Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Руссахъ. Д. А. Хвольсона. С.-Петрбургъ. 1869.

Г. Хвольсонъ обогатилъ нашу литературу о варяжскомъ вопросѣ новымъ, замѣчательнымъ изслѣдованіемъ. Въ 1866 году онъ нашелъ въ Лондонѣ, въ Британскомъ музеѣ, рукопись неизвѣстнаго дотолѣ арабскаго автора, именуемаго Абу-Али-Ахмедъ бенъ Омаръ Ибнъ-Даста. Онъ перевелъ изъ нея извѣстія, относящіяся къ выписаннымъ въ заглавіи народамъ, и снабдилъ ихъ обширными, весьма обстоятельными объясненіями. Эти извѣстія прибавляютъ нѣсколько важныхъ этнографическихъ свѣдѣній о народахъ, населявшихъ Восточную Европу въ ту эпоху, когда зараждалось наше государство. Для насъ главный интересъ конечно сосредоточивается на томъ, въ какое отношеніе становится настоящая монографія къ вопросу о Варягахъ и Руси? Нельзя не сознаться, что нѣкоторыя изъ объясненій и соображеній г. Хвольсона, послѣ г. Гедеонова, дѣлаютъ замѣтный шагъ впередъ въ ослабленіи того основанія, на которомъ трудами столькихъ замѣчательныхъ ученыхъ воздвигнуто зданіе такъ называемой Норманской теоріи. Обратимъ вниманіе читающей публики особенно на происхожденіе нашего народнаго имени, т. е. Руси. Уже и прежде противники норманизма указывали на разныя несообразности въ томъ положеніи, что названіе Руси принесено было варяжскою или скандинавскою дружиной во второй половинѣ IX вѣка и распространилось съ сѣвера. Напримѣръ: по лѣтописямъ имя Русь принадлежитъ преимущественно югу, т. е. Кіевской землѣ, а не Новгородской; скандинавскіе источники совсѣмъ не знаютъ у себя Руси, а знаютъ только нашу Русь. Г. Хвольсонъ перебираетъ всѣ извѣстныя арабскія свидѣтельства и показываетъ,

что у арабскихъ географовъ названіе Руси уже въ началѣ X вѣка встрѣчается и на берегахъ Чернаго моря, и на берегахъ Волги, и что въ такое короткое время, которое протекло со времени призванія Варяговъ, не могло это названіе распространиться отъ Новгорода на такое огромное пространство. Едвали можно не согласиться съ тѣмъ выводомъ г. Хвольсона, что названіе Русь есть не пришлое извнѣ, а наше туземное, существовавшее задолго до Рюрика и его братьевъ.

Д. Иловайскій.

Codice diplomatico delle colonie tauro—liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (1453—1475), ordinato ed illustrato dal P. Amedeo Vigna. Tom. I. Fase. 1. 1868. 2. 1869. 3. 1870. Genova.

Рецензія Вильгельма Гейда.

Въ настоящемъ году въ Генуѣ окончено изданіе перваго тома весьма важнаго собранія документовъ, касающихся исторіи генуэзскихъ поселеній въ Южной Россіи. Этотъ томъ, великолѣпно изданный, состоитъ изъ 980 страницъ и вышелъ въ свѣтъ въ трехъ выпускахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составляетъ шестой томъ Трудовъ Лигурійскаго Общества отечественной Исторіи (Atti della società ligure di storia patria). Это общество, основанное въ 1857 году въ Генуѣ, весьма счастливо начало свои занятія, издавъ впервые книгу Кафары de liberatione civitatum orientis (нынѣ отпечатана и у Перца SS. T. 18). Затѣмъ оно издало рядъ весьма замѣчательныхъ сочиненій для политической, церковной и культурной исторіи Генуи, напечатавъ въ первомъ томѣ своихъ Трудовъ Serie dei consoli del comune di Genova llustrata da Olivieri (Atti, Vol. I), Registrum curiae archiepiscopatus Januae, подъ редакціею Бельграно (Atti Vol. II), изслѣдованіе того же автора della vita privata dei Genovesi (Atli, Vol. IV). Пятый томъ Трудовъ Общества составляетъ изданіе Atlante Luxoro (Atti Vol. V), весьма основательно объясненнаго гг. Дезимони и Белограно. Издатели этого послѣдняго сочиненія оказали немалую услугу нетолько географіи среднихъ вѣковъ, но и памятникамъ древности и искусствъ, ими описаннымъ и обслѣдованнымъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ настоящее время въ Генуѣ много заботятся о собираніи документовъ, относящихся къ исторіи этого города, и объ отысканіи новыхъ источниковъ,

на которые до сихъ поръ не было обращено никакого вниманія. Особенно богатъ результатами для изслѣдователей будетъ, повидимому, архивъ Банка св. Георгія (Ufficio di S. Giorgio), который до сихъ поръ находился въ страшномъ запущеніи, но нынѣ приводится въ порядокъ. Уже одна внутренняя организація и управленіе столь значительнымъ акціонернымъ обществомъ, какъ банкъ св. Георгія, которому были заложены большая часть доходовъ республики Генуи, должны быть привлекательны тому, кто избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій финансы среднихъ вѣковъ. Но еще болѣе общій и высшій интерессъ этотъ банкъ пріобрѣтаетъ вслѣдствіе того, что генуэзская республика, при глубокомъ истощеніи и смутахъ, въ которыя она впала при концѣ среднихъ вѣковъ, не могла болѣе надѣяться собственными силами удержать въ своей власти свои чужеземныя владѣнія. Вотъ почему она уступила свои колоніи директорамъ банка Св. Георгія, которые, давно испытанные въ искусствѣ администраціи, распоряжались громадными денежными средствами. Такимъ образомъ, вслѣдъ за завоеваніемъ Константинополя Турками, банкъ св. Георгія пріобрѣлъ неограниченное господство надъ генуэзскими колоніями на Черномъ морѣ и управлялъ ими еще въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, пока и эти послѣдніе форпосты западной національности и цивилизаціи не были уничтожены побѣдоноснымъ оружіемъ магометанъ. Сохранившіеся документы банка Св. Георгія, касающіеся понтійскихъ его владѣній, собралъ въ изданіи, заглавіе котораго находится во главѣ этой статьи, Падре Винья, знакомый съ Левантомъ, вслѣдствіе личнаго тамъ пребыванія. Эти документы состоятъ изъ инструкцій директоровъ банка къ избираемымъ ими консуламъ, изъ донесеній послѣднихъ о состояніи ввѣренныхъ имъ городовъ и странъ, изъ декретовъ о назначеніи различныхъ колоніальныхъ чиновниковъ, и, наконецъ, изъ переписки между директорами и различными властелинами Востока и Запада, которые или уже чувствовали потребность въ сохраненіи этихъ колоній, или въ которыхъ слѣдовало пробудить къ тому интересъ. Кругъ городовъ, управляемыхъ консулами и другими чиновниками банка, изъ Каффы, центра правленія и главнаго города, тянулся съ одной стороны по береговымъ странамъ Азовскаго моря, Кавказа и сѣверной части Малой Азіи, съ другой—по южному берегу Крыма черезъ Судагъ (Солдайя), по странѣ, именуемой Готія, весьма интересной для нѣмецкихъ ученыхъ, до Балаклавы. Новымъ результатомъ труда Падре Винья является тотъ фактъ, что генуэзская фамилія Сенавега поселилась у устьевъ Днѣпра, но принадлежавшій ей замокъ (castrum Ilicis) должна была уступить гражданамъ Монкастро. Если давно изданные статуты такъ называемаго Officium Gazaria доставили достаточное количество свѣ-

дѣній о дѣлахъ и распространеніи Генуэзцевъ на Черномъ морѣ въ эпоху ихъ процвѣтанія, то документы, нынѣ изданные Падре Винья, распространяютъ давно намъ необходимый свѣтъ на періодъ упадка генуэзскихъ поселеній. Самымъ опаснымъ врагомъ были Турки, которые, властвуя тогда по обѣимъ сторонамъ Босфора, отрѣзывали имъ сообщеніе съ родиною, грозили рано или поздно покончить съ ними, напавъ со стороны моря въ то время, какъ съ сѣвера татарскій ханъ могъ неожиданно напасть на нихъ съ своимъ сухопутнымъ войскомъ. Къ несчастію, внутреннія бѣдствія шли на помощь внѣшнимъ врагамъ. Эти бѣдствія были: постоянная нужда, упадокъ торговли; несогласіе правителей, раздоры населенія, смѣшаннаго изъ Латинцевъ, Грековъ, Евреевъ и Армянъ. Что касается народонаселенія, то изъ документовъ этого изданія друзья древности съ удовольствіемъ увидятъ, съ какою жизненною силою удерживалась греческая національность въ Каффѣ и Солдайѣ, а въ югозападной части Крыма греческія государственныя формы подъ владычествомъ властителей города Теодора (Инкерманъ), родственныхъ съ царскою фамиліею въ Трапезунтѣ. Эти властители, не всегда находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Генуэзцами, отняли у нихъ часть Готіи, и, открывъ новую гавань въ Каламитѣ (недалеко отъ Севастополя), подготовили опасную конкурренцію генуэзской Каффѣ. Мы обращаемъ также вниманіе читателей на многочисленныя письма папъ, находящіяся въ этомъ собраніи, и на одинъ документъ Герцога Филиппа Бургундскаго. Они снова свидѣтельствуютъ о ревностномъ стремленіи этихъ лицъ помочь левантскимъ христіанамъ и повредить Туркамъ.—Падре Винья является въ этомъ трудѣ вездѣ добросовѣстнымъ издателемъ, только выборъ его могъ бы въ иныхъ мѣстахъ быть строже; пояснительныя примѣчанія также слишкомъ рѣдки, преимущественно относительно географіи. Документамъ каждаго года предпослано предисловіе издателя, въ которомъ онъ просто группируетъ содержаніе письменныхъ памятниковъ, такъ что эти статьи, сохраняя хронологическій порядокъ, нисколько не составляютъ исторіи генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ; трудъ, который еще предстоитъ будущему историку. Нельзя не пожелать, чтобы онъ появился вскорѣ по окончаніи настоящаго изданія. Но онъ долженъ будетъ получать свои матеріалы не изъ одной Италіи, но и изъ Россіи, гдѣ въ настоящее время гг. Брунъ и Юргевичь ревностно и успѣшно занимаются изслѣдованіемъ средневѣковой исторіи Крыма.

Съ нѣмецкаго.

ТРУДЫ

ИНОСТРАННЫХЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

О ВВЕДЕНІИ

ВЪ ГИМНАЗІАЛЬНЫЙ КУРСЪ ИЗУЧЕНІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ХРИСТІАНСКИХЪ.

Затрогивая здѣсь вопросъ о введеніи въ гимназіальный курсъ изученія памятниковъ искусства, мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобъ на изученіе такого рода тамъ не обращалось никакого вниманія. Но дѣло въ томъ, что оно не довольно еще распространено, тогда какъ мы съ своей стороны убѣждены, что оно должно быть всеобще, что это не только желательно, но и необходимо.

Но на первомъ же шагу мы сталкиваемся здѣсь съ общимъ и, конечно, не безосновательнымъ возраженіемъ, которое доходило и до меня лично со стороны уважаемыхъ и первостепенныхъ педагоговъ, когда я вздумалъ предложить эту тему на обсужденіе съѣзда филологовъ въ Ганноверѣ, въ сентябрѣ 1864 г. Учебный планъ, говорятъ они, и безъ того такъ обремененъ предметами, что ни одинъ практическій педагогъ не подумаетъ присоединять къ нимъ еще новые (1). Не стану ссылаться на то, что вѣдь вводятъ же подчасъ и теперь новые предметы (наприм. стенографію въ Баваріи); принимаю на себя пока всю тяжесть этого возраженія, и надѣюсь разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ, если читателю угодно будетъ подарить меня на короткое время снисходительнымъ вниманьемъ.

Въ вопросѣ объ изученіи памятниковъ, какъ о составной части гимназическаго курса, существенно важны три стороны: вопервыхъ, необходимость этого изученія въ организмѣ курса вообще; потомъ—

(1) Ту же самую мысль, только въ другой формѣ, выразилъ мнѣ ректоръ Экштейнъ въ Лейпцигѣ, въ письмѣ отъ 13 августа 1864 г. «Не жду отъ васъ, чтобъ вы захотѣли навязать школѣ что либо еще совсѣмъ новое; я думаю, вы имѣете въ виду навести насъ только на новую интересную отрасль исторической части вѣроученія».

мѣсто его въ учебномъ планѣ, наконецъ—условія выполненія. Эти три стороны и разсмотримъ мы по порядку.

I.

Убѣжденіе въ необходимости подобнаго изученія основано на томъ, что сама гимназія нуждается въ немъ для своихъ цѣлей, да потомъ и университетъ въ правѣ требовать для себя этой именно закладки. Тутъ сходятся вмѣстѣ и педагогическій и научный моментъ; а такая встрѣча служитъ надежною порукой за то, что такъ оно дѣйствительно и есть, что дѣло справедливо само въ себѣ.

Относительно правъ университета надобно сказать, что онъ долженъ требовать отъ гимназіи помянутой закладки, такъ какъ безъ нея не разрѣшитъ ему удовлетворительно и своей собственной задачи. Для этого нужны со стороны учащихся не столько предварительныя матеріальныя познанія, сколько именно пробужденіе и образованіе смысла къ искусству, понятливости къ его произведеніямъ; потому что это вѣдь особливая способность, которую надо рано будить и развивать. Поздно приниматься за это въ 18 или 19 лѣтъ, уже по выходѣ изъ школы (1). Пропускъ надлежащей поры ведетъ здѣсь притомъ и къ положительно-вредному послѣдствію: мало того, что не на что опереть занятій искусствомъ,—выходитъ, что противъ него зародилось уже какое-то роковое предубѣжденіе. И, надо сказать, это бываетъ гораздо сильнѣе на классической, чѣмъ на богословской почвѣ; потому что школа (разумѣется гимназія) обыкновенно вводитъ глубже въ классическую сферу, стремясь ко всевозможной полнотѣ классическаго образованія. Но если послѣднее все основано на памятникахъ слова, какъ будто бы ими одними исчерпывался вполнѣ весь предметъ, тогда памятники искусства, конечно, покажутся лишними и даже пожалуй совсѣмъ неидущими къ дѣлу. Такое сѣмя вскорѣ, разумѣется, даетъ и всходъ: кто въ школѣ былъ посвященъ въ поэзію Софокла, тотъ конечно займется еще и Эсхиломъ, перешедши въ университетъ; но кто на школьной скамьѣ никогда не слыхивалъ о художественныхъ произ-

---

(1) Отсюда требованіе Винкельмана въ его «Разсужденіи о способности чувствовать красоту въ искусствѣ и въ обученіи ему» (1763 г.): «Такъ какъ воображеніе (необходимое для ощущенія красоты въ искусствѣ) гораздо живѣе въ юности, нежели въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то должно заблаговременно упражнять эту способность и вести ее къ изящному прежде чѣмъ наступитъ тотъ возрастъ, когда мы дерзаемъ на признаніе, что уже потеряли къ нему чутье». Далѣе онъ говоритъ и объ отрочествѣ (см. ниже).

веденіяхъ, кто не свыкся съ ними тогда сердцемъ, тотъ пожалуй никогда въ жизни не заглянетъ ни въ одинъ музей (1).

Гораздо настоятельнѣе то требованіе, которое гимназія должна ставить въ этомъ смыслѣ самой себѣ, какъ очевидно изъ совокупной ея задачи. Послѣдняя, на мой взглядъ, опредѣляется тремя соображеніями.

1. Считаю себя въ правѣ пойдти отъ того начала, что всѣ высшія школы (не спеціальныя по какой-нибудь особой профессіи, а тѣ, которыя общеобразовательный элементъ существенно почерпаютъ изъ классической древности) имѣютъ въ виду цѣлаго человѣка, а не тѣ или другія отдѣльныя способности души; что задача ихъ состоитъ въ гармоническомъ развитіи, въ стройномъ образованіи всѣхъ способностей. Для этого, по самому свойству преподаванія, преимущественно употребляется въ дѣло разсудочный, аналитическій смыслъ: предметы разлагаются по частямъ и усвоиваются духомъ въ раздробъ, въ преемственной чередѣ своихъ составныхъ моментовъ. Давно ужь признано, что для возстановки нарушаемаго такимъ образомъ равновѣсія, въ противодѣйствіе этому разлагающему пріему, надо упражнять созерцательность. Это и дѣлается, наприм. въ сферѣ геометріи, построеніемъ фигуръ на плоскостяхъ, также наглядныкъ показываніемъ тѣлъ различной формы (разумѣется—правильныхъ, конуса съ его сѣченіями и т. д.); въ географіи—посредствомъ картъ, въ естественной исторіи—представленіемъ рисунковъ, чучелъ или же настоящихъ экземпляровъ. Но такого рода созерцаніе останавливается вѣдь на одномъ пространственномъ элементѣ, далѣе оно не идетъ. То высшее созерцаніе, которое отъ наглядной видимости переходитъ въ область духа, дается только художественными произведеніями.

На этотъ путь вступаетъ подчасъ и школьное обученіе, даже въ области языкознанья, стараясь вслѣдъ за разлагающимъ преподаваніемъ наглядно выставить и нѣчто цѣльное. Для этого въ среднихъ классахъ школы служитъ декламація поэтическихъ и прозаическихъ піэсъ, а на высшей ступени, какъ зрѣлый уже цвѣтъ,—чтеніе классиковъ, сценическое представленіе какой-нибудь греческой драмы (такъ бываетъ наприм. въ иныхъ берлинскихъ гимназіяхъ): для зрителей, и особенно для играющихъ на сценѣ, какъ бы освящается этимъ досточтимая ими древность. Но, по сознанію самихъ участниковъ, затѣя такого

(1) Какъ мы говоримъ здѣсь собственно въ интересѣ богословскаго и археологическаго преподаванія въ университетѣ, такъ точно профессоръ Шпрингеръ проводитъ ту же мысль во имя теоріи искусства вообще, которой нельзя съ пользою читать съ университетской каѳедры безъ соотвѣтственной подготовки слушателей въ гимназіи. См. статью его: Der Kunstunterricht auf gelehrten Schulen въ Recensionen und Mittheilungen über bildende Kunst, III, Jahrg. Wien 1864. № 22, стр. 169 и сл.

рода поглощаетъ иногда цѣлый семестръ, а это такая жертва, которую можно принести только въ видѣ изъятія. Да надо вѣдь сообразить и то: положимъ, затвердивъ напередъ стихъ за стихомъ, вы достигли общаго впечатлѣнія; дѣйствующія лица драмы стоятъ передъ вашимъ воображеніемъ, и ея идея является вамъ во всей простотѣ и полнотѣ. Но ужь таковъ неотразимый законъ всѣхъ поступательныхъ искусствъ, поэзіи, какъ и музыки,—что каждый слѣдующій моментъ застилаетъ собой предыдущій. Избѣжать этого нѣтъ другихъ средствъ, какъ держаться созданій изобразительнаго, пластическаго искусства.

Они постоянно остаются передъ взоромъ наблюдателя. Но они же постоянно и вызываютъ на переходъ отъ видимаго образа, отъ наглядной формы, къ лежащему въ основѣ помыслу, чтобы прослѣдить его какъ въ цѣломъ, такъ и въ малѣйшихъ частяхъ; такъ какъ тутъ всегда есть возможность повторительныхъ сравненій и соображеній. И этотъ путь—уразумѣть художественное произведеніе—есть вмѣстѣ и путь всякаго вообще познанія, съ тою только разницей, что его здѣсь всего яснѣе указать и всего вѣрнѣе всякому усвоить. А оно вѣдь неоцѣнимо въ методическомъ отношеніи. Но тутъ надо обратить вниманіе на два разныхъ момента.

На то, вопервыхъ, что подобно тому какъ въ поэзіи и музыкѣ необходимо искусство слушать, именно—различать и измѣрять ритмъ и звуки, такъ точно здѣсь требуется умѣнье различать и опредѣлять видимое. Это вовсе не бездѣлица, какъ легко ежедневно убѣдиться въ обиходной жизни, гдѣ о каждомъ происшествіи или случаѣ очевидцы даютъ разныя показанія. Показываютъ не только одностороннее или истинное лишь на половину, но нерѣдко даже и то, чего не бывало совсѣмъ. То же случается и съ памятниками искусства: мало того, что на нихъ смотрятъ невѣрно, неправильно; въ нихъ часто видятъ то, чего и вовсе нѣтъ. Такой примѣръ встрѣтился мнѣ самому въ Равеннѣ. На одной изъ составныхъ частей епископскаго престола (горняго мѣста?) въ соборной ризницѣ изображена женская фигура, верхомъ на ослѣ, ведомомъ ангеломъ, а обокъ съ ней идетъ пожилой мужчина, который ее поддерживаетъ и провожаетъ. По ходящему тамъ издавна толкованію, мнѣ сказали, что это—бѣгство въ Египетъ. На вопросъ мой, гдѣ младенецъ Іисусъ? сначала оторопѣли, а потомъ кто-то нашелся отвѣчать, что вѣроятно Онъ скрытъ подъ верхнею одеждой Матери. Скорѣе это—путешествіе въ Виѳлеемъ на податную запись, предшествовавшее рождеству Христову. (1) Чтобъ не впадать въ подобныя заблужденія, ис-

(1) Невѣрное объясненіе, и съ тою же самою оговоркой, идетъ отъ Бандини: In tabulam eburneam etc. observationes, стр. 39 (гдѣ приложенъ и рисунокъ этой доски). Настоящее же далъ еще Мюнтеръ, Sinnb. H. II, стр. 75 и слѣд.

кусство непремѣнно должно видѣть только то, что̀ есть, ни больше, да и не меньше.—Правда, авторъ «Лаокоона» даетъ намъ противоположное какъ будто бы наставленіе: «Чѣмъ болѣе мы видимъ, говоритъ Лессингъ (1), тѣмъ болѣе должны мы примышлять къ видимому. Чѣмъ болѣе примышляемъ, тѣмъ болѣе область видимаго должна расширяться передъ мысленнымъ нашимъ взоромъ». Но это относится уже къ иному, духовному прозрѣнію, къ умѣнью читать такъ-сказать между чертъ или строкъ. Объ немъ въ самомъ дѣлѣ можно утверждать, что чѣмъ внимательнѣе вглядываемся мы въ истинно-художественное созданіе, тѣмъ больше оно говоритъ намъ, тѣмъ становится краснорѣчивѣе. Это и ведетъ уже къ другому моменту пониманія художественныхъ произведеній,—къ искусству толковать ихъ.

Толкованію открыто обширное поприще, и, какъ въ герменевтикѣ письменныхъ памятниковъ, здѣсь существуютъ разные его роды, смотря по содержанію и цѣли памятниковъ искусства. Имѣя въ виду учебный интересъ, мы должны особенно вникнуть въ два рода толкованія—психологическое и религіозно-историческое. Первое приложимо вездѣ, гдѣ художникъ, возбужденный своимъ предметомъ, умѣлъ вдохнуть въ него то чувство, то настроеніе, которыя наполняли его душу. Они обнаруживаются въ тѣлодвиженіи и въ постановкѣ отдѣльныхъ фигуръ, въ соотношеніи ихъ между собою, въ цѣлой композиціи. Достопамятные примѣры изъ высокихъ сценъ ветхаго и новаго завѣта находимъ слѣдующіе: въ греческой рукописи Осьмикнижія Ватиканской библіотеки воспроизведено по одному древне-христіанскому подлиннику изображеніе Моисея, принимающаго скрижали закона, гдѣ, какъ бы ослѣпленный сіяніемъ Господней славы, онъ отвертывается отъ нея лицомъ; и на Экстерскомъ камнѣ, въ Вестфаліи, снятіе со креста, въ самый моментъ отрѣшенія тѣла Христова, когда Марія, держа въ обѣихъ рукахъ блѣдный ликъ божественнаго Сына, приникаетъ къ нему головою. Тамъ видимъ высокій, здѣсь—нѣжный, трогательный образъ истинно-человѣческаго чувства, сквозящаго изъ-за самыхъ благородныхъ формъ. Введеніе въ эту область искусства съ тѣмъ, чтобы пріучать къ оцѣнкѣ всего полнаго души, къ отличенію ложнаго паѳоса отъ настоящаго, можетъ составить даже родъ курса практической психологіи.—Но обокъ съ этимъ субъективнымъ направленіемъ идетъ толкованіе объективное, и притомъ, какъ высшій его видъ,—толкованіе религіозно-историческое и богословское, когда сюжетъ художественнаго произведенія данъ или миѳомъ, или откровеніемъ. Такъ въ послѣднемъ смыслѣ оно прилагается напримѣръ и къ сейчасъ названнымъ христіанскимъ памятни-

(1) Лессингъ, Laokoon, W. Bd. VI, стр. 389 Лахман. изд.

камъ. А въ образецъ примѣненія его къ миѳическому содержанію возьмемъ хоть монументъ Гарпій въ Ксанѳѣ, проливающій такой яркій свѣтъ на темныя стороны народнаго быта въ Ликіи (1). На башнеобразной подстройкѣ покоится самый памятникъ съ могильнымъ склепомъ, котораго отверстіе окружаетъ скульптурный фризъ. Надъ дверью склепа, обозначающею вмѣстѣ и входъ въ преисподнюю, представлена дойная корова, какъ символъ живительной силы и питанія; налѣво—богиня смерти, сидящая одиноко на престолѣ; съ другой стороны—богиня жизни, чествуемая тремя женщинами, изъ которыхъ одна подноситъ яйцо, другая—цвѣтъ и плодъ гранатнаго яблока. По боковымъ стѣнкамъ изображены четыре гарпіи, сверху женщинами, съ туловищемъ въ видѣ яйца, съ крыльями, хвостомъ и ногами птицы; у каждой изъ нихъ по ребенку, котораго онѣ держатъ, разумѣется, въ когтяхъ,—символъ неизбѣжнаго рока; но впрочемъ сами онѣ, кроткія на видъ, матерински-нѣжно обнимаютъ ребенка, и онъ обращается къ нимъ довѣрчиво,—образъ человѣческой души и судьбы ея при смерти. Во всемъ этомъ высказано то, что смерть только переходъ къ жизни же. Итакъ мы встрѣчаемъ здѣсь памятникъ вѣры въ безсмертіе, еще у самаго порога греческой поэзіи и греческаго искусства, и знаемъ, что послѣднія и позже не отступались отъ этого вѣрованія. Гарпіи, въ качествѣ геніевъ смерти, являются и у Гомера, только съ приниженнымъ уже значеніемъ; дойную корову находимъ на монетахъ греческихъ городовъ, а яйцо, которое одна изъ чествующихъ женъ подноситъ богинѣ жизни на Ксанѳскомъ памятникѣ (не говоря ужь о яйцеобразномъ тѣлѣ самихъ гарпій), занимаетъ свое мѣсто въ греко-римской гробовой символикѣ (2). Памятникъ этотъ—единственный въ своемъ родѣ; онъ имѣетъ можно-сказать коренное, основоположное значеніе, и, крòя въ себѣ глубокій смыслъ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ключь къ его уразумѣнію: не полезно ли ознакомить съ нимъ молодежь въ ученыхъ школахъ? раскрытіе его тайны передъ юной любознательностью не способно ли пробудить въ молодыхъ умахъ смыслъ къ пониманію языка искусства?

Но дидактическое употребленіе въ дѣло художественныхъ произведеній не ограничивается однимъ только упражненіемъ умственныхъ силъ и однимъ развитіемъ созерцательной способности. Нельзя воспринимать въ себя такіе образы, особенно въ молодыхъ лѣтахъ, безъ того чтобъ не затрогиваться, не завлекаться и самымъ дѣломъ, безъ того чтобъ не обогащать своего ума, не очищать чувства, не пріобрѣтать и не

---

(1) Держусь объясненія Курціуса въ Archäol. Zeitung 1855, № 73 съ рисункомъ.

(2) Какъ доказалъ потомъ Бахоѳенъ въ сочиненіи: Uber die Gräbersymbolik der Alten 1859. Сравни Гергарда Das Ei auf Kunstdenkmälern, въ Archäol. Anzeiger 1859, стр. 58.

укрѣплять душевныхъ убѣжденій. Это стало-быть въ необходимой, тѣсной связи и съ другою задачей школы.

2. Вѣдь если сначала мы выдвинули впередъ формальную задачу, стройную, гармоническую выработку душевныхъ силъ, то нельзя же однако на ней остановиться. Гимназія, очевидно, имѣетъ дѣло не съ одною лишь гимнастикою духа: она должна еще наполнить его содержаніемъ и озаботиться образованіемъ характера. А для этого нѣтъ иной дороги, кромѣ той, чтобы вывесть человѣка изъ природной его ограниченности и приблизить его къ тѣмъ первообразамъ, къ тому изящному, о которыхъ Платонъ говоритъ, что право не худо взглянуть на нихъ, освоиться и поводиться съ ними ближе ([1]). Но первообразы эти проявились въ созданіяхъ искусства, которое шло объруку съ мудростью, какъ Винкельманъ выразился объ искусствѣ Грековъ, находя, что «лучшія произведенія его можно распознать по благород-«ной простотѣ и тихому величію». «Какъ глубь морская, продолжаетъ «онъ, остается всегда спокойною, сколько бы ни ярилась поверхность, «такъ точно выраженіе греческихъ фигуръ, при всѣхъ возможныхъ «страстяхъ, обличаетъ вездѣ высокую и непоколебимую душу» ([2]). Если такого рода красота есть верховный законъ искусства, то не полезно ли созданіями его дѣйствовать на воспріимчивую юность? ([3]) Особенно нельзя лишать этого средства высшія учебныя заведенія тогда, когда воздѣлка изящнаго признается существенною составною частью гимназическаго образованія ([4]). Но доводъ въ пользу такого требованія, конечно, не удастся въ томъ случаѣ, если на основаніи новыхъ спекулативныхъ умозрѣній (Гегеля) мы станемъ смотрѣть на чувство изящнаго, какъ на нѣчто среднее, что, съ одной стороны, переходитъ за предѣлъ вѣры, а съ другой—подчинено познанію истины: какъ будто бы это были преемственныя ступени, изъ которыхъ каждая непремѣнно должна уступать мѣсто высшей ([5]). Напротивъ, всѣ три момента ищутъ другъ друга и сходятся во едино: такъ какъ въ созерцаніи

(1) Платонъ, Sympos, стр. 211.

(2) Винкельманъ въ первой статьѣ своей: О подражаніи греческимъ художественнымъ произведеніямъ (1756). W. Bd. I, стр. 32, 31.

(3) Уже Винкельманъ въ приведенномъ выше «Разсужденіи о способности чувствовать красоту въ искусствѣ» предлагаетъ для обученія дѣтей (стр. 399, 401): «сперва надо «расшевелить сердце ихъ объясненіемъ отборныхъ мѣстъ изъ древнихъ и новыхъ по-«этовъ и подготовить юные умы къ созерцанію прекраснаго во всѣхъ видахъ; вмѣстѣ съ «тѣмъ должно пріучать и глазъ къ подмѣтѣ прекраснаго въ искусствѣ». Въ послѣднемъ отношеніи указываетъ онъ на гравюры съ античныхъ рельефовъ и картинъ, также съ ветхозавѣтныхъ сценъ Рафаэля въ ложахъ Ватикана.

(4) Признаніе это высказано во множествѣ статей и школьныхъ программъ, начиная съ 1827 г.

(5) См. противъ этого Piper, Einleitung in die monumentale Theologie, стр. 44.

божественнаго, этомъ завершеніи всякой вѣры, дается вмѣстѣ понятіе и истины, и красоты. Такимъ образомъ искусство, представляя взору изящное и высокое, возвѣщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ первичную истину, изначальную правду. Взглядъ на одно изъ дивныхъ созданій христіанскаго зодчества и изреченіе о томъ поэта всего лучше подтвердятъ нашу мысль. При видѣ Страсбургскаго мюнстера, Гёте не только хочетъ, чтобъ мы постигли въ душѣ художника глубочайшее чувство истины и красоты пропорцій; онъ распознаетъ въ постройкѣ памятникъ вѣчной жизни, присущей самому мастеру, и говоритъ, что передъ этимъ созданіемъ, какъ передъ всякою великой творческой мыслью, въ душѣ зрителя шевелится присущая ему самому творческая сила (1).

Въ этомъ высказалась глубокая тайна искусства, что оно именно и есть реальное осуществленіе божественнаго. Намъ пришлось бы отступиться и отъ художественнаго произведенія, и отъ художника, не признай мы въ нихъ живаго свидѣтельства, самаго даже присутствія того, въ чью славу воздвигнутъ такой памятникъ. Подобнымъ же примѣромъ можетъ служить другое великое созданіе христіанскаго искусства, — Рафаэлева Сикстинская Мадонна, единственный въ своемъ родѣ образецъ по возвышенности явленія Пречистой Дѣвы и Матери, по неизслѣдимой глубинѣ во взорѣ Предвѣчнаго Младенца. Художникъ не написалъ бы этихъ типовъ, не витай они у него передъ душой; но они и не возникли бы въ его духѣ, не существуй они воистину.

Кажется, не мѣшаетъ знакомить юность съ такого рода творчествомъ: не мѣшаетъ представить ей Страсбургскій мюнстеръ, или какой-нибудь другой, Сикстинскую Мадонну, или какую-нибудь другую, чтобъ заранѣе насадить въ молодое сердце сѣмя неземной, высокой красоты.

3. Къ двумъ вышеизложеннымъ соображеніямъ привходитъ еще третье: въ силу лежащей на школѣ національной задачи или обязанности, не должна ли она возводить молодежь на уровень общаго образованія народа, принимая въ разсчетъ даже и особый сплавъ образовательныхъ его элементовъ? Никто не станетъ оспоривать положенія, что этотъ уровень зависитъ, говоря вообще, отъ той ступени образованія, какой достигаютъ при выходѣ изъ высшаго класса гимназій и соотвѣтственныхъ имъ реальныхъ школъ: всѣ образованные люди идутъ этою дорогой, многіе принимаются потомъ за какую-нибудь особую профессію, даже въ университетѣ большая часть избираетъ тотъ или другой спеціальный придметъ, такъ что приращеніе познаній ограничивается здѣсь сплошь какою-нибудь особенною сферой, не

(1) Goethe, Von Deutscher Baukunst, и Dritte Wallfahrt nach Erwins Grabe.

касаясь уже собственно общаго образованія. Съ его-то именно потребностями средняя школа и должна согласовать свою задачу. Такимъ образомъ недавно завоевали себѣ почетное мѣсто въ учебномъ планѣ гимназій естественныя науки, а вслѣдъ за тѣмъ новѣйшіе языки. Теперь, во всѣхъ образованныхъ странахъ, монументальный интересъ входитъ день ото дня болѣе въ составъ общаго образованія; произведенія древняго и современнаго искусства находятъ себѣ обширнѣйшій кругъ цѣнителей,—знатоковъ и дилеттантовъ. Монументальный интересъ заявляетъ себя также въ собраніяхъ древностей, въ учрежденіи художественныхъ музеевъ; при чемъ особенно дорожатъ національнымъ содержаніемъ и всенароднымъ употребленіемъ, стараясь дѣлать музеи доступными даже и для рабочихъ классовъ. Съ этой цѣлью устроенъ близь Лондона Кенсингтонскій музей, а въ Берлинѣ Королевскій музей открытъ и по воскресеньямъ; собственно въ національныхъ видахъ учреждены недавно Musée des Souverains въ Луврѣ, Баварскій Отечественный музей въ Мюнхенѣ, Вельфовскій—въ Ганноверѣ. Въ учрежденіяхъ такого рода частныя лица соревнуютъ государямъ. Извѣстно, что покойный Рихарцъ въ Кёльнѣ далъ денежныя средства на постройку, отдѣлку и постоянное содержаніе городскаго музея, который носитъ его имя вмѣстѣ съ именемъ прежняго основателя собранія. На ряду съ заботами о сохраненіи художественныхъ созданій, правда, встрѣчаются еще и теперь акты вандализма. Такъ еще въ 1850 г. разрушенъ въ Гильдесгеймѣ каменный мозаичный полъ 12-го вѣка, находившійся въ соборномъ пресвитерскомъ домѣ и представлявшій интересныя библейскія и аллегорическія фигуры (жертвоприношеніе Авраамово и Мельхиседеково, символическія изображенія евангелистовъ, олицетворенія стихій и добродѣтелей) (1). Подобныя вещи будутъ невозможны тогда, когда школьная молодежь воспитается въ благоговѣйномъ уваженіи къ остаткамъ прошлаго.

Такимъ образомъ школѣ нельзя уклониться отъ обязанности пробуждать и лелѣять смыслъ къ памятникамъ искусства, если отъ всякаго образованнаго человѣка станутъ требовать и ожидать, чтобъ онъ не былъ варваромъ въ этой сферѣ. Прилагая равную мѣру ко всему, вы конечно удивились бы, выйди изъ гимназіи воспитанникъ, который во весь учебный курсъ не слыхалъ бы ничего про Америку и ея открытіе. Но что̀ сказать, когда школа выпускаетъ питомцевъ, не слыхавшихъ ничего про другой міръ, который на глазахъ у всѣхъ и объемлетъ собой благороднѣйшія созданія генія за цѣлыя тысячелѣтія? или,

(1) Жалкіе остатки хранятся въ часовнѣ св. Лаврентія; сбереженіемъ ихъ обязаны доктору Кратцу въ Гильдесгеймѣ.

если они, положимъ, и затвердили имена Фидія, Эрвина и Рафаэля, но имъ невѣдомы по крайней мѣрѣ слѣды духа этихъ художниковъ?

Здѣсь наталкиваемся мы на возраженія: «Искусство, скажутъ намъ, христіанское, какъ и языческое, все равно,—предметъ такого рода, что имъ нельзя же вѣдь надѣлить всѣхъ сплошь, какъ надѣляютъ наприм. грамматикой,—его надо предоставить добровольной дѣятельности тѣхъ, кто чувствуетъ къ нему особое призваніе». Совершенно справедливо, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы сдѣлать того или другаго виртуозомъ въ разумѣніи и толкованіи художественныхъ произведеній. Но передъ общей мѣрою образованія, какой обязана достигать школа, разность въ дарованіяхъ отступаетъ на второй планъ,—точно такъ же, какъ и въ математикѣ она не мѣшаетъ проводить учебный курсъ до высшихъ частей науки. А между тѣмъ языкъ искусства несравненно понятнѣе: онъ далекъ отъ математической отвлеченности; духъ вездѣ просвѣчиваетъ въ немъ сквозь чувственную форму. Онъ понятенъ для всѣхъ вообще, какъ свидѣтельствуетъ исторія и какъ доказываетъ ежедневный опытъ. Вѣдь потому-то и выставлялись искони всенародно благороднѣйшія созданія художества, что они всякому были вразумительны, или по крайней мѣрѣ доступны общему чувству. Зевсъ Фидія существовалъ для всѣхъ; иначе не считали бы, по словамъ Эпиктета (1), несчастнымъ того Грека, который хоть разъ въ жизни не побывалъ въ Олимпіи, чтобъ только на него взглянуть; и даже теперь еще изображеніе чуждаго намъ миѳа, картина Ніобы, смогла расшевелить цѣлое населеніе такого торговаго города, какъ Гамбургъ, и это отозвалось даже въ публичныхъ чтеніяхъ одного достойнаго археолога (2). Съ другой стороны неоспоримо, что произведенія искусства способны давать пищу всякимъ возрастамъ, такъ какъ, смотря конечно по сюжету и его обдѣлкѣ, они могутъ быть усвоиваемы въ ранней молодости, да ставятъ потомъ все новыя и новыя задачи и въ зрѣлые уже года. Вотъ почему пригодны они служить образовательнымъ средствомъ не только на всѣхъ учебныхъ степеняхъ, но и далѣе. А это свойство ихъ еще болѣе даетъ права изученію художественныхъ памятниковъ внѣдриться органически въ учебный планъ, да вмѣстѣ и облегчаетъ выполненіе этого на дѣлѣ.

II.

Положимъ, мысль эта признана и допущена; тогда возникаетъ другой вопросъ, куда же именно пріурочить въ учебномъ курсѣ изученіе

(1) Appiанъ, Epictet. Diss. I, 6, 23. T. I, p. 35.

(2) См. Gerhards Archeolog. Zeit. 1858, Anzeiger №120, стр. 250. Чтеніе профессора Петерсена вышло особымъ оттискомъ изъ Hamburger Liter. und Kritische Blättern, подъ заглавіемъ Der Niobidenmythus und dessen Darstellung im Gemälde des Herrn Wraske. Hamburg 1859.

художественныхъ памятниковъ? Здѣсь опять мы повстрѣчаемся съ возраженіемъ, что гимназія и безъ того завалена учебными предметами, такъ что для новыхъ нѣтъ уже рѣшительно мѣста. Возраженіе это можно отстранить тѣмъ, что вовсе не имѣется въ виду ввести самостоятельную, отдѣльную вѣтвь познаній и требовать для того особыхъ часовъ: это, для изученія памятниковъ, пока еще рано, и допускается въ исключительныхъ развѣ случаяхъ. Надо, чтобы новый предметъ только примкнулъ со стороны къ общему плану: рѣчь идетъ стало-быть не о какомъ-либо самостоятельномъ содержаніи, а скорѣе о способѣ преподаванія вообще. Изученіе художественныхъ памятниковъ можно пріурочить ко всѣмъ главнымъ отраслямъ вѣдѣнія, кромѣ, разумѣется, естественныхъ наукъ, слѣдственно—къ преподаванію языковъ, исторіи и закона вѣры; но не въ видѣ добавочной статьи или упоминанія объ этихъ памятникахъ мимоходомъ, а въ силу того основнаго начала, что вышеуказанныя отрасли вѣдѣнія приводятъ къ тому по своей природѣ и сами методически завершаются только этимъ собственно изученіемъ.

1. Казалось бы всего ближе воспользоваться для этого классомъ живописи. Какая образовательная сила заключается въ этомъ искусствѣ, признано великими авторитетами и древняго и новаго міра. Аристотель именуетъ его въ числѣ четырехъ искусствъ, которымъ обыкновенно обучаютъ юношей, и требуетъ упражненія въ немъ не для одной лишь той пользы, чтобы умѣть вѣрнѣе судить о произведеніяхъ художниковъ и ограждать себя при покупкѣ работъ ихъ отъ убытковъ, но чтобы, какъ прилично свободнорожденнымъ людямъ, снискивать себѣ черезъ это искусство надлежащее уразумѣніе тѣлесной красоты. А для этого должно показывать молодымъ людямъ произведенія такого ваятеля или живописца, который хорошо выражаетъ оттѣнки нравственнаго характера, не работы какого-нибудь Павсона, а напримѣръ Полигнотовы (1). Гёте стоитъ за изреченіе учителя своего, Эзера, директора рисовальной академіи въ Лейпцигѣ, говоря объ немъ въ одномъ современномъ письмѣ (1770 г.): «преподаваніе его будетъ имѣть слѣдствія на всю мою жизнь; онъ внушалъ мнѣ, что идеалъ изящества—простота, соединенная съ сдержанностью, съ тишиною, откуда само собою ясно, что ни одинъ юноша не можетъ стать мастеромъ» (2). То же говорилъ и Винкельманъ, къ которому Эзеръ питалъ безпредѣльное уваженіе. Два эти изреченія, Аристотелево и послѣднее, обнимаютъ собой обѣ стороны, реальную и идеальную задачу искусства, объективный и субъективный моментъ обученія. Къ аристотелевскому возвращается опять и Фр. А. Вольфъ въ своемъ очеркѣ науки древностей (1807 г.):

(1) Aristotel. Polit. VIII, 3, 5, стр. 1380, 1340 ed. Bekker.
(2) Goethe Br. an Herrn Reich, при его письмахъ къ Лафатеру, изданныхъ Гирцелемъ, стр. 165.

налегая на необходимость собственной производительности для того, чтобы глубже понимать созданія искусствъ словесныхъ, онъ требуетъ элементарныхъ упражненій и изощреннаго умѣнья равно и для того, чтобы вѣрнѣе судить о произведеніяхъ начертательныхъ искусствъ и лучше наслаждаться ими (1). При этомъ онъ порицаетъ обычай, по которому они рѣдко вводятся, насколько слѣдуетъ, въ кругъ учебныхъ предметовъ, и высказываетъ увѣренность, что «современемъ, когда хорошій способъ преподаванія легче поведетъ къ основательному изученію древнихъ языковъ и когда преуспѣвшая молодежь увидитъ передъ собой крѣпче сомкнутый кругъ археологическихъ познаній, тогда научныя требованія и здѣсь станутъ тѣмъ болѣе удовлетворяться на самомъ дѣлѣ, чѣмъ чаще и настоятельнѣе будутъ ихъ предъявлять». Удовлетвореніе это съ тѣхъ поръ видимо подвинулось впередъ, и, надо сказать правду, значеніе и методика рисовальныхъ уроковъ въ гимназіяхъ многократно обсуждались, особенно въ послѣдніе годы (2). Конечно, если уроки эти не ограничиваются ознакомленіемъ учениковъ съ однѣми лишь чертами и абстрактными формами и развитіемъ ловкости выполнять ихъ, а отличаются научно-художественнымъ характеромъ, тогда широкое поле открыто передъ ними, и они живо содѣйствуютъ рѣшенію высшей задачи школъ вообще. Потому что тутъ дѣло будетъ состоять въ томъ, чтобы формы, предстоящія въ природѣ и въ жизни человѣческой, познать въ существенной связи ихъ съ тѣлеснымъ міромъ: какимъ образомъ на нижней ступени, напримѣръ въ кристаллахъ, проявляются онѣ какъ геометрическій законъ, далѣе, въ растеніи—какъ жизнь, въ животномъ—какъ характеръ, а на высшей еще ступени—какъ духъ; задача стало-быть такова, чтобъ, исходя отъ формы (видимой внѣшности), проникнуть въ то незримое содержаніе, которое выдастъ намъ ея тайну. Затѣмъ, отъ основныхъ формъ сотвореннаго бытія можно перейдти къ свободному, идеальному творчеству искусства, къ которому дѣйствительность вещей подходитъ только ассимптотически, только лишь приблизительно, никогда съ нимъ не совпадая. Такимъ пониманіемъ формы обусловится уже болѣе чѣмъ одно меха-

---

(1) Fr. A. Wolf, Darstellung der alterthums-Wissenschaft въ Museum der alterth. Weis. Bd. I. S. 67 и слѣд.

(2) Pax. Psychologische Andeutungen zur Würdigung der Zeichenstudien auf Gymnasien, Programme des Domgymn. zu Magdeburg von 1839. B. Stark Kunst und Schule zur deutschen Schulreform. Iena 1846, стр. 15—33. Bräuer Der Schul-Zeichenunterricht auf dem Gymnasium, Progr. des Gymn. zu St. Elisabeth in Breslau von 1863. Presler Der Zeichenunterricht in der Realschule, Progr. des Gymn. zu Dilleuburg von 1864. Wolf Der Zeichenunterricht an Gelehrten-Schulen, Progr. dee Gymn. zu Bruchsal von 1865. Gennerich Ueber den Gymnasialzeichnenunterricht und den darauf Bezug habenden Lehrplan vom 2 October 1863, въ Jahns №. Jahrb. der Philologie. Bd. 89, 90. Abth. 2, 1864, стр. 290 и сл. 363 и сл.

ническое воспроизведеніе. Наоборотъ, воспроизведеніе осмысленное непремѣнно введетъ глубже въ первообразъ или типъ. Вотъ почему крайне важенъ выборъ предметовъ для рисованія: надо чтобъ въ соотвѣтственной постепенности онъ давалъ учащемуся случаи все ближе подходить къ образовательнымъ силамъ и организму природы въ многоразличныхъ формахъ принадлежащихъ къ ней тѣлъ, но также и случаи знакомиться съ творческими мыслями и техникой великихъ мастеровъ по благороднѣйшимъ созданіямъ древняго и новаго искусства (1).

Нельзя однакожъ ни непризнать, ни тотчасъ устранить трудностей, препятствующихъ теперь такому развитію рисовальнаго класса. За этимъ способомъ, правда, остается та выгода, что онъ одинаково примѣнимъ на всѣхъ ступеняхъ школьной жизни; но его невозможно сдѣлать обязательнымъ для учениковъ, да и наставниками школа не вездѣ располагаетъ въ равной мѣрѣ. Это уже—существенное препятствіе. Притомъ для обученія, ставящаго себѣ подобную цѣль, потребны учителя съ такою художественною и научною подготовкой, какая рѣдко встрѣчается въ одномъ и томъ же лицѣ. Обыкновенно отъ рисовальныхъ учителей нельзя требовать основательнаго археологическаго образованія, такъ же какъ и отъ археологовъ, чтобы они учили рисовать. Да и самый ходъ развитія тутъ совершенно различный, какъ обнаруживается даже на высшихъ его степеняхъ: великіе художники, въ этомъ своемъ качествѣ, собственно вѣдь не критики искусства, да и не знатоки въ его исторіи. Тѣмъ болѣе должна удалять отъ художественнаго пониманія та чистая техника черченья, какая вообще только одна и доступна для гимназіи (2).

Но какъ бы высоко ни ставили потребность въ этомъ обученіи, какъ ни успѣшно удалось бы его провести; оно все-таки не будетъ ни исключительнымъ, ни преимущественнымъ даже средствомъ къ развитію дара цѣнить художественныя созданія (3). Напротивъ, обыч-

---

(1) См. прекрасныя замѣчанія и предложенія объ этомъ въ указанной сейчасъ книжкѣ Штарка Kunst und Schule, написанной имъ еще въ молодости, когда онъ только-что вернулся изъ Италіи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ художественнаго міра этой страны.

(2) Ср. приведенную выше статью Шпрингера: Der Kunstunterricht auf gelehrten Schulen, стр. 153 и сл.

(3) На съѣздѣ преподавателей среднерейнскихъ гимназій въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ 1865 г., профессоръ фонъ-деръ-Лауницъ совѣтовалъ обращать въ гимназіальномъ курсѣ вниманіе на произведенія античной пластики; и тамъ условились на томъ, «что изученіе памятниковъ въ школахъ слѣдуетъ главнымъ образомъ связать съ рисовальными уроками, не прибѣгая впрочемъ для толкованія къ какимъ бы то ни было стороннимъ пособіямъ, развѣ индивидуальность иного учителя сама представитъ для того благопріятныя условія». Однакожъ предложеніе профессора фонъ-деръ-Лауница шло въ сущности гораздо дальше; онъ хотѣлъ, чтобы дирекціями гимназій признано и высказано было слѣдующее: «при нынѣшнемъ состояніи образованія желательно, и даже необходимо, чтобы преподаваніе древней

ныя и главныя вѣтви научнаго преподаванія отнюдь не должны поступаться этимъ правомъ исключительно въ пользу рисованья.

2. Всматриваясь въ эти именно вѣтви, мы найдемъ, что на изученіе памятниковъ наводитъ прежде всего изученіе языковъ, какъ классическихъ, такъ и отечественнаго.

Преподаваніе первыхъ, хотя и начинаетъ съ грамматики, не останавливается же однако на одной формѣ языка: отборные писатели древности читаются потомъ ради ихъ содержанія, и притомъ не только ради однѣхъ мыслей, но и для того, чтобы ввести молодой умъ въ общій складъ древняго бытоpазвитія (культуры). А тутъ художественные памятники выступаютъ уже на равныхъ правахъ съ памятниками слова. И если первыхъ нельзя еще тогда разсматривать самостоятельно въ ихъ собственной связи, то именно послѣдніе требуютъ принимать ихъ въ соображеніе Правда, памятники литературные рѣдко наводятъ прямо на произведенія искусства, какъ наводятъ напримѣръ Цицероновы рѣчи противъ Верреса (1); потому что главные, писатели по этой части, Павсаній и Плиній, обыкновенно вѣдь не читаются въ гимназіяхъ. Но художественныя созданія идутъ въ параллель съ произведеніями поэзіи, которыя часто въ нихъ отражаются, иногда подвергаясь воздѣйствію, наоборотъ, и съ ихъ стороны. И все болѣе открывается теперь памятниковъ, доказывающихъ такое взаимнодѣйствіе.Не лучшій ли способъ для уразумѣнія Гомера и трагиковъ—слѣдить и распознавать вліяніе ихъ на искусство? (2).

Въ учебномъ употребленіи художественныхъ памятниковъ чуть ли не упредила насъ впрочемъ сама древность. Извѣстны вѣдь разные остатки такъ-называемыхъ иліакскихъ тавлей или плитъ, на которыхъ изображены сцены троянской войны, съ краткимъ обозначеніемъ соотвѣтственныхъ мѣстъ у Гомера. Лучшій и сохраннѣйшій памятникъ этого рода, заключающій въ себѣ гомеровскіе и по-гомеровскіе сюжеты,

---

исторіи, древнихъ языковъ и классическихъ писателей, подкрѣплялось нагляднымъ ознакомленіемъ учениковъ съ лучшими произведеніями античнаго искусства и интереснѣйшими предметами античной жизни вообще, и что для этого надо заводить при школахъ небольшія собранія, которыми учителя и могли бы тутъ же пользоваться при случаѣ». Но онъ думаетъ, что рисовальный классъ можетъ послужить сподручнѣйшимъ средствомъ къ составленію такого собранія при школѣ, помимо всякихъ денежныхъ расходовъ.

(1) Объ этомъ разсуждаетъ профессоръ Кёнигъ въ программѣ іеверской гимназіи: De Cicerone in verrinis artis operum aestimatore et judice. 1863.

(2) Взаимное уясненіе другъ другомъ произведеній искусства и писателей древности предпринималъ, относительно римскихъ поэтовъ, Спенсъ (Spence) въ своемъ Polymetis or an enquiry concerning the agreement between the works of the roman poets and the remains of the ancient artists. London 1747 и 1755. См. объ этомъ Лессингова Лаокоона, въ Лахман. изданія сочин. Лессинга, т. VI, стр. 421—430, гдѣ признается многократная успѣшность Спенсовыхъ изслѣдованій, но говорится объ немъ вообще нехорошо; за Спенса заступился

и между послѣдними на видномъ мѣстѣ отбытіе Энея на западъ, чѣмъ явно хотѣли возвеличить происхожденіе рода Юліевъ, найденъ близъ Бовиллъ, въ развалинахъ святилища, сооруженнаго въ честь императора Августа послѣ его кончины. Плита эта служила, пожалуй, для собственнаго его обученія (1), такъ какъ, по очень распространенному мнѣнію, подобныя доски вообще употреблялись для учебныхъ цѣлей (2). Тамъ же найдена апоѳеоза Гомера, хранящаяся теперь въ Британскомъ музеѣ: поэтъ представленъ на тронѣ, съ окружающею его населенною землей, которая славитъ его вѣчными хвалами, тогда какъ отъ него истекаютъ во всѣ стороны рѣки поэзіи. Памятникъ этотъ сдѣлался общедоступнымъ, благодаря размноженію гальванопластическихъ его снимковъ (Эмиль Браунъ издалъ его съ текстомъ въ Лейпцигѣ въ 1848 г.). Разсмотрѣніемъ обоихъ этихъ произведеній, кажется, хорошо бы было заканчивать чтеніе Гомера въ школахъ, тѣмъ болѣе, что первый изъ нихъ представляетъ еще и продолженія къ поэту изъ эпическаго цикла. Конечно, это позднія уже изображенія. Но главный памятникъ, при созданіи котораго передъ художникомъ, по собственному его свидѣтельству, витали поэтическія сказанія Гомера (3),—это Фидіевъ олимпійскій Зевсъ; и такъ какъ его всего болѣе напоминаютъ, хоть правда и очень издали, бюстъ Юпитера изъ Отриколи и одна помпеянская картина, которая представляетъ бога на престолѣ, вѣнчаемаго Побѣдою, то слѣпокъ и рисунокъ съ этихъ произведеній могутъ онаглядить идею поэта при чтеніи Гомеровскаго изображенія.

Также единственнымъ въ своемъ родѣ является то обратное обстоятельство у трагиковъ, что въ основаніи ихъ поэтическихъ картинъ лежитъ древнѣйшее изваяніе: это именно Ніоба, которую Софоклъ изображаетъ въ Антигонѣ (ст. 822 и сл.), приравнивая судьбу послѣд-

---

Гердеръ въ «Критикѣ на Лаокоона». Послѣ того Винкельманъ сталъ первый пользоваться памятниками для объясненія и поправокъ древнихъ писателей, какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи къ «Замѣчаніямъ объ исторіи искусства». Ср. Winckelmann, соч. Фридерихса 1862 г., стр. 14, гдѣ между прочимъ высказывается надежда, что мысль Винкельмана объ уясненіи многихъ мѣстъ древнихъ писателей нагляднымъ изученіемъ памятниковъ окажетъ дальнѣйшее свое вліяніе даже и на гимназіи.

(1) Franz Corp. Inscript. Gr. къ № 6125, T. III. 850, в.

(2) Мнѣніе это было господствующимъ со временъ Бартелеми и отстаивалось донынѣ Велькеромъ, О. Яномъ, Генценомъ и др. Противъ него возсталъ Стефани (Der Ausruhende Heracles 1854), а за него вступился Михаэлисъ въ Annali. archeol. Vol. XXX, 1858, p. 123 и сл.; новое опроверженіе его представляетъ статья Рейффершейда De usu tabularum Iliacarum et similium Vol. XXXIV, 1862, p. 104 и сл., изъ которой во всякомъ случаѣ выходитъ, что его должно по крайней мѣрѣ ограничить. Онъ думаетъ, что подобныя плиты служили украшеніемъ въ библіотекахъ, и выводитъ употребленіе ихъ изъ Александріи. Впрочемъ и самъ онъ отличаетъ вышеупомянутую плиту отъ нѣсколькихъ другихъ, къ которымъ и относятся главные его доводы.

(3) Страбонъ VIII, 3, стр. 354. Сравни Лаокоонъ Лессинга, стр. 505.

ней къ Ніобиной и напоминая, какъ оцѣпенѣвъ когда-то на горѣ Сипилѣ, Ніоба зрится еще и въ своемъ каменномъ гробу съ вѣчно-текущими изъ глазъ слезами. А изваяніе Ніобы на сѣверномъ склонѣ Сипила, описанное Павсаніемъ и узнанное новѣйшими путешественниками, высѣчено въ кряжѣ скалы сидячею женскою фигурой колосальныхъ размѣровъ, съ горестнымъ выраженіемъ, съ головою легко наклоненною въ сторону и поданною впередъ и съ сложенными на колѣняхъ руками (1): недавно снятая съ него фотографія не допускаетъ никакой мысли о томъ, чтобы это могла быть игра природы. Въ силу примкнувшаго къ нему сказанія, о которомъ именно упоминаетъ Софоклъ, памятникъ ведетъ къ источнику этой древней легенды и вмѣстѣ къ одному изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ религіозной исторіи. Съ этой же послѣдней стороны замѣчательны значеніе и наружность, приданныя Эсхиломъ Эринніямъ, когда онъ вздумалъ вывесть ихъ на сцену: онъ изображаетъ ихъ въ приступѣ къ своимъ Эвменидамъ (ст. 48 и сл.), какъ, преслѣдуя матереубійцу Ореста, онѣ расположились въ дельфійскомъ святилищѣ, и сравниваетъ видъ ихъ съ образомъ Горгонъ, у которыхъ беретъ онъ для Эринній змѣистые волосы, висящій изо рта языкъ и скрежещущіе зубы, а также и съ картиною Гарпій, похищающихъ у Финея его трапезу, оговаривая только, что послѣднія были съ крыльями, а первыя безкрылы. Изображеніе Горгонъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ созданіямъ греческаго искусства; какъ Горгоны, такъ и Гарпіи извѣстны намъ по уцѣлѣвшимъ еще античнымъ работамъ.— Но, помимо такого отношенія къ памятникамъ со стороны поэтовъ, для объясненія послѣднихъ мы встрѣчаемъ еще болѣе соотвѣтственныхъ художественныхъ представленій, выведенныхъ или изъ одного общаго сказанія, или же, наоборотъ, изъ поэтическихъ картинъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ изъ круга новооткрытыхъ или новообъясненныхъ памятниковъ. Большая Даріева ваза изъ Канозы, представляющая въ верхнемъ своемъ поясѣ соборъ боговъ съ фигурами Эллады и Азіи между ними, въ середнемъ—Дарія съ его вельможами, а въ нижнемъ—покорныхъ ему народовъ, обличаетъ отдаленное лишь сходство съ Эсхиловскими Персами; и было неоспоримою ошибкою выводить картины эти изъ драмы (2). Тѣмъ не менѣе могутъ онѣ существенно служить къ ея объясненію, наглядно представляя двѣ коренныя его мысли, вопервыхъ—фигурами Эллады и Азіи, изъ которыхъ послѣдняя

(1) Stark Niobe, стр. 42 и сл. 98 и сл. 442, со снимкомъ I.

(2) На чемъ настаивалъ Минервини и противъ чего вооружился Велькеръ въ Archäol. Zeit. 1857, стр. 53 со снимкомъ вазы (а потомъ и въ его Alten Denkmäler, часть V), тамъ же 1860 г., стр. 41 и сл. О. Янъ находилъ первый толчокъ къ изображеніямъ этой вазы во Фриниховыхъ Персахъ.



сидитъ у своего порога, готовясь наступить войной на первую (о чемъ и совѣщается собраніе Персовъ),—тогда какъ у Эсхила во снѣ Атоссы, на тѣхъ же самыхъ фигурахъ показаны уже слѣдствія Ксерксовой наступательной войны; вовторыхъ,—и преимущественно,—положеніемъ Эллады, которая, въ испугѣ при видѣ подымающейся на нее грозы, становится подъ защиту боговъ, прежде всего Зевса съ Побѣдою (Нике) и Аѳиной. Но это понятіе о покровительствѣ и непосредственномъ заступленіи свыше проходитъ и сквозь поэтическій и сквозь историческій памятникъ персидскихъ войнъ; а живопись величаво выразила его на Даріевой вазѣ (1). Напротивъ, прямое согласіе дознано между драмой Эврипида, Финикіанками, и рельефами одного саркофага Виллы Памфили, представляющаго три существенныя части піэсы въ той же самой послѣдовательности (2): встрѣчу братьевъ и тщетное посредничество Іокасты; битву, оканчивающуюся гибелью вождей, изъ которыхъ въ рельефѣ характерно обозначены карабкающійся вверхъ Капаней и спускающійся внизъ Амфіарай, подобно загубившимъ другъ друга братьямъ; наконецъ запрещеніе хоронить Полиника, вызывающее Антигону къ непокорству: только вмѣсто этого въ рельефѣ изображено само ночное погребеніе, согласно впрочемъ дальнѣйшей мысли Эврипида въ одной изъ его утраченныхъ для насъ драмъ.

Послѣ чтенія классическихъ писателей древности преподаваніе нѣмецкой литературы можетъ служить ближайшимъ поводомъ къ изученію памятниковъ древняго и новаго искусства. Въ этомъ отношеніи довольно указать на Лессинга и на Гёте, на Лаокоона, на Путешествіе по Италіи и т. д.

3. Второе мѣсто для нагляднаго знакомства съ памятниками принадлежитъ въ учебномъ планѣ историческимъ урокамъ, которые, простираясь по всѣмъ рѣшительно ступенямъ школьной жизни, подаютъ къ тому такую бездну случаевъ. Требованіе снабдить ихъ подобною обстановкой встрѣчаетъ всего менѣе противниковъ и всего охотнѣе выполняется, хотя въ прежнихъ обсужденіяхъ методики историческаго преподаванія взглядъ этотъ оставался обыкновенно на заднемъ планѣ (3). Но съ тѣхъ поръ значительно облегчено самое пріобрѣтеніе снимковъ съ памятниковъ; да появилось и немало изданій, представляющихъ исторію въ картинахъ, то-есть или въ изображеніяхъ

(1) Ср. Curtius въ Archäol. Zeit. 1857, стр. 116.

(2) Какъ показано Петерсеномъ въ Archäol. Zeit. 1861, стр. 195 и сл.

(3) Такъ, напримѣръ, у Лёбеля въ Grundzüge einer Methodik des geschichtlichen Unterrichts auf Gymnasien, Leipzig 1847. Входя подробнѣе въ учебную часть, Петеръ (Der Geschichtsunterricht auf Gymnasien, Halle 1849) замѣчаетъ уже положительно, что учитель долженъ сколько можно болѣе пользоваться всѣми видами чувственно-онагляживающихъ пособій.

цѣлаго ряда монументовъ, или въ историческихъ сценахъ, воспроизведенныхъ свободною художественною композиціей (1). Послѣднее, конечно, доставитъ много удовольствія и заинтересуетъ, пожалуй даже возбудитъ иногда къ серьезнымъ занятіямъ; но всего поучительнѣе первое. Дозволимъ себѣ указать для примѣра на нѣкоторыя только эпохи по первостепеннымъ памятникамъ, отчасти опознаннымъ ближе въ недавнее лишь время. Изъ эллинской древности особеннаго вниманія неоспоримо заслуживаютъ два монумента. Догомеровской эпохѣ принадлежитъ пластическое произведеніе у древняго входа въ Микену, упоминаемое Павсаніемъ; оно въ главныхъ частяхъ своихъ сохранилось вполнѣ и съ недавнихъ поръ (вслѣдствіе путешествія нѣмецкихъ ученыхъ по Греціи въ 1862 г.) сдѣлалось общедоступнымъ, благодаря слѣпку и потомъ отливкѣ, произведеннымъ для королевскаго Берлинскаго музея: два льва стоятъ поднявшись на входномъ порогѣ по бокамъ стержня колонны, которой абакъ поддерживаетъ два цилиндрическихъ ствола, вѣроятно представляющихъ деревянную покрышу: а все вмѣстѣ (2) изображаетъ оберегаемый львами царскій чертогъ. Это, стало-быть, достопочтенный остатокъ царскихъ построекъ и царскихъ помысловъ въ Элладѣ; но мало этого: если архитектуру его, родственную ликійскимъ памятникамъ, сообразить съ исконнымъ преданіемъ, то ясно обнаружится тотъ фактъ, что оттуда и перенесена въ Грецію древняя культура. Другой памятникъ идетъ изъ цвѣтущей поры эллинскаго образованія и могущества—стоячій свертокъ бронзовыхъ змѣй въ Константинополѣ, поддерживавшій прежде золотой сосудъ, который утраченъ еще въ древности: это—побѣдный памятникъ вопервыхъ платейской битвы, а потомъ и второй персидской войны вообще, какъ доказываютъ врѣзанныя по извивамъ имена всѣхъ греческихъ державъ, принимавшихъ въ ней участіе. Онъ уцѣлѣлъ вполнѣ, кромѣ трехъ головъ, которыми заканчивался кверху (впрочемъ отъ одной изъ нихъ сохранился еще обломокъ). Поставленный нѣкогда въ священнѣйшемъ мѣстѣ дельфійскаго храма, онъ при Константинѣ Великомъ перенесенъ въ Константинополь: объ немъ упоминаютъ уже Геродотъ и Ѳукидидъ, въ христіанской древности Евсевій и позднѣйшіе историки, а съ 16-го вѣка разные путешественники. Но онъ былъ весь почти засыпанъ,

---

(1) Таковы: L. Weisser Bilderatlas zum Studium der Weltgeschichte in 100 grossen Tafeln nach berühmten Kunstwerken alter und neuer Zeit, mit erläut. Text von H. Kurz und H. Merz. Stuttg. 1855 и сл.—Die Geschichte des deutschen Volks in 15 grossen Bildern von K. H. Hermann, mit erläut. Text von Fosz. Gotha 1852. Die deutsche Geschichte in Bildern nach Originalzeichnungen deutscher Künstler mit erläut. Text von Büla- 3 Bde mit 230 Holzschn. Dresden 1862.

(2) По объясненію Адлера въ Gerhards Archäol. Zeitung ... комъ CXCIII.

пока не откопали его въ 1856 г. по ходатайству Англичанъ. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ предметомъ тщательныхъ изслѣдованій и сдѣлался общеизвѣстнымъ посредствомъ изданныхъ съ него вѣрныхъ снимковъ (1).— Съ другой стороны, древняя столица міра, Римъ, можетъ указать на два монумента, какъ на великіе памятники поворота и во всеобщей и въ религіозной исторіи, ознаменованнаго паденіемъ іудейства и язычества: это арки Тита и Константина. Множество снятыхъ съ нихъ рисунковъ и фотографій (въ Христіанскомъ музеѣ въ Берлинѣ есть фотографіи, ни мало не выцвѣтшія через 12 слишкомъ лѣтъ) даютъ полную возможность внѣдрить представленіе этихъ замѣчательнѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ произведеній въ молодые умы воспитанниковъ.

Вслѣдъ за памятниками такого рода, вводящими такъ-сказать въ межевыя и главныя точки исторіи, и за тѣми, которые онагляживаютъ событія въ обычномъ ихъ ходѣ, историческое преподаваніе, чтобы стать ему живымъ, должно прибѣгнуть къ изображеніямъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ произошли событія, и тѣхъ лицъ, которыя въ нихъ дѣйствовали. Изображеній послѣдняго рода почти нѣтъ для среднихъ вѣковъ, но классическая древность, и особенно новое время, представляютъ ихъ во множествѣ, и слѣпки съ нихъ вообще легко доступны. Для передачи же мѣстностей можетъ оказать большія услуги фотографія. Объ этомъ шла рѣчь на гейдельбергскомъ съѣздѣ филологовъ въ 1865 г., и въ заключеніе предсѣдатель, профессоръ фонъ-Лангсдорфъ, отозвался слѣдующимъ живымъ словомъ: «когда педагогика возьметъ себѣ въ помощь фотографію, и цѣны на послѣднюю понизятся отъ большаго сбыта, можно достигнуть результатовъ необыкновенныхъ, совершить истинныя чудеса. Можно будетъ водить ученика по всѣмъ поприщамъ жизни, гдѣ двигались люди, образы, событія прошлаго. Откровенно говоря, когда я объ этомъ подумаю, картина школы и школьной дѣятельности открывается передо мной въ совсѣмъ новой красотѣ. Я увѣренъ, можно достигнуть этимъ великаго успѣха» (2).

4. Повидимому менѣе признано, но конечно еще важнѣе то, чего можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ преподаванія закона вѣры и священной исторіи (Religionsunterricht) (3), которому на всѣхъ

(1) Frick Das platäische Wehgeschenk zu Constantinopel въ Jahns Jahrb. für klass. Philol. Suppl. Bd. III, 1859, стр. 487—556 (и Welcker Griech. Götterlehre Bd. II, стр. 811 и сл.). Dethier und Mordtmann Epigraphik von Byzantion und Constantinopolis, въ Denkschr. der K. Akademie der Wissensch. Zu Wien, Bd. XIII 1864, Abth 2, S. 3 ff. Объ статьи съ рисункомъ; въ обѣихъ отстаивается подлинность памятника.

(2) Verhandlungen der XXIV Versamml. der Philologen zu Heidelberg, стр. 116 и сл.

(3) Способъ религіознаго преподаванія разсматривается въ двухъ замѣчательныхъ разсужденіяхъ недавняго времени: Michael Ueber die Reform des Religionsunterrichts auf den Gymnasien, Progr. des Vizthumschen Gymnas. in Dresden, Ostern 1863; и Hake Zu der

ступеняхъ школьнаго образованія (въ Германіи) посвящается обыкновенно по два часа въ недѣлю: въ Бернѣ, въ видѣ особаго исключенія, назначенъ только одинъ часъ. Но и двухчасовое время такъ дорого, что конечно не захотятъ допустить сокращенія его какимъ бы то ни было постороннимъ предметомъ. Однакожь произведенія христіанскаго искусства вѣдь не только не чужды этому предмету, но напротивъ тѣсно съ нимъ связаны, такъ какъ въ теченіе многихъ сряду вѣковъ они знаменуютъ собой дѣятельную силу первоначальнаго христіанскаго одушевленія. Они не только ничего не отнимутъ у религіозныхъ уроковъ, но еще придадутъ имъ болѣе живости и тѣмъ значительно облегчатъ отвѣтственность преподавателя.

А конечно отвѣтственность эта здѣсь тяжеле, чѣмъ въ какой-либо другой области. Основою преподаванія вездѣ должно служить библейское содержаніе: исторія и ученіе, или догма; на высшихъ степеняхъ оно перейдетъ въ исторію и ученіе Церкви. Можетъ ли наставникъ предполагать въ себѣ довольно силъ, чтобы усвоить молодежи великое это содержаніе? Конечно, это достижимо не одною лишь простою передачей, какъ затверживаются напримѣръ правила грамматики: да и тутъ мало отъ нихъ пользы, если не сопровождаетъ ихъ духъ языка, изъ котораго они произошли. Въ религіозной сферѣ то, чему надлежитъ проникнуть въ душу и постоянно будить жизнь, должно само быть одушевлено и пережито. Если наставникъ, ограничиваясь своими собственными силами и средствами, не надѣется удовлетворить религіозной потребности возрастающаго поколѣнія и рѣшительно подѣйствовать на всю жизнь его, то онъ прибѣгнетъ къ помощи даровъ Церкви, къ набожнымъ настроеніямъ и помысламъ творческихъ ея эпохъ. Это и теперь бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сообщаетъ напримѣръ ученикамъ благочестивыя произведенія ея лирики, пѣснопѣнія древнихъ героевъ вѣры. На ряду съ ними выступаютъ и созданія изобразительныхъ искусствъ, которыхъ поле впрочемъ гораздо обширнѣе: они объемлютъ въ безднѣ экземпляровъ всю библейскую исторію и доходятъ даже до всѣхъ главныхъ вопросовъ догмы, такъ-какъ искусство способно облекать въ чувственный образъ и эти высшія понятія. И какъ бы ни были различны художественныя средства, смотря по временамъ, всегда можно уловить въ созданіяхъ христіанскаго искусства благочестивую ревность ихъ создателей, которая не остается безъ тихаго, но устойчиваго вліянія на душу. Стóитъ ближе

Frage über die Bedeutung und Stellung der Religionslehre in dem Gesammtorganismus unseres Gymnasialunterrichts, progr. des Gymnas. zu Arnsberg, Michaelis 1863. Первое относится къ евангелическому, второе къ католическому преподаванію, и методы предлагаются противоположные, хотя, строго говоря, и не въ силу религіозныхъ различій.

обсудить, насколько это можетъ принесть пользы преподаванію. Теперь мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе читателя только на двѣ вещи, касающіяся коренныхъ основъ всякаго вообще вѣроученія, въ связи съ художественными памятниками древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ.

Вопервыхъ на то, что священная исторія и вѣроученіе тождественны, потому что вѣра совершенно примыкаетъ къ исторіи. Это обнаруживается, между прочимъ, на одномъ костяномъ ковчежцѣ, находящемся въ Королевской Кунсткамерѣ въ Берлинѣ и принадлежащемъ чуть ли не IV столѣтію ([1]): здѣсь Христосъ представленъ сидящимъ посреди дванадесяти апостолъ и, судя по Его собственной постановкѣ (Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ свитокъ, а правую поднялъ вверхъ) и по расположенію всей группы, представленъ въ видѣ Учителя;—но какое же именно содержаніе этого ученія? На противоположной сторонѣ цилиндрическаго сосуда изображено жертвоприношеніе Авраамово, которое по отношенію къ первопомянутой картинѣ представляетъ самый простой примѣръ геометрической символики: такъ-какъ въ кругу, принятомъ за поперечный разрѣзъ цилиндра, противостоящія точки окажутся и раздѣленными діаметромъ, и соединенными линіей окружности. Слѣдовательно приношеніе Исаака въ жертву Авраамомъ, различное въ качествѣ особаго прообразованія, но между тѣмъ и сродственное, указываетъ на искомое содержаніе проповѣди, именно на личность Искупителя и на предлежащій Ему подвигъ, по Евангелію отъ Іоанна 3, 16.—То, что обозначено здѣсь только типически, дѣйствительно и прямо предстаетъ намъ въ другомъ памятникѣ, бронзовомъ распятіи XII вѣка, отъ котораго уцѣлѣло одно подножіе, хранящееся въ Вельфовскомъ музеѣ, въ Ганноверѣ. Оно утверждено на четырехъ львахъ, кверху выгнуто сводомъ и, по надписи, знаменуетъ земной кругъ. На высотѣ его лежитъ въ гробу Адамъ; ангелы поднимаютъ крышку гроба. Это становится понятнымъ чрезъ распространенное въ христіанской древности и доселѣ общепринятое въ греческой церкви сказаніе, будто первый человѣкъ схороненъ на Голгоѳѣ, да искупится онъ кровію Христовой и пробудится отъ смерти къ воскресенію. Вотъ что выражено въ этомъ памятникѣ отношеніемъ распятаго Христа къ возстающему изъ гроба Адаму, какъ подтверждается и надписью: Adae morte novi redit Adae vita priori (смертію новаго Адама возвращается жизнь Адаму ветхому) ([1]). То же изображеніе и съ подобною этой надписью нашелъ я подъ однимъ распятіемъ въ Хурскомъ соборѣ. Но подъ пер-

---

(1) Гипсовый слѣпокъ съ него продается при Берлинскомъ музеѣ подъ знакомъ IV, с. №11.

(2) Подножіе это изображено у Фогеля Kunstarbeiten aus Niedersachsens Vorzeit, H. I, Bl. 3. 4. См. также мою статью: Adams Grab. auf Golgotha въ Evangel. Kalender für 1861, стр. 27.

вымъ человѣкомъ разумѣется весь людской родъ: оттого въ этихъ изображеніяхъ предстаютъ намъ главныя эпохи и событія жизни цѣлаго человѣчества, въ ихъ связи, началѣ и завершеніи, то-есть грѣхопаденіе, смерть и искупленіе.—Третій примѣръ найдемъ въ одномъ происшествіи изъ евангельской исторіи: Христосъ идетъ пò морю, а Петръ пускается на встрѣчу Ему изъ ладьи (Матѳ. 14, 28—31), какъ представлено на извѣстной новѣйшей гравюрѣ Р. Рихтера, съ которой есть много снимковъ въ любомъ размѣрѣ. Событіе это обильно само по себѣ психологическимъ, догматическимъ и нравственнымъ содержаніемъ. Вопервыхъ, какъ важный моментъ жизни Петра апостола, который съ полнымъ вѣры мужествомъ дерзаетъ на опасный путь, вскорѣ потомъ малодушно утопаетъ, но ищетъ помощи у Господа и выручается Имъ изъ бѣды. Христосъ протягиваетъ ему руку и схватываетъ утопавшаго (чтò именно и представлено на картинѣ), укоряя его въ то же время за сомнѣніе, тогда какъ при другомъ случаѣ Онъ однимъ взглядомъ караетъ его за явное отступничество. Это также и моментъ въ жизни другихъ учениковъ: они сперва испугались появленія Христа нà морѣ, но были Имъ успокоены, а затѣмъ, увидѣвъ случай съ Петромъ и выслушавъ упрекъ ему въ маловѣріи, пали передъ Христомъ ницъ, когда Онъ взошелъ на корабль къ нимъ, и сказали: «Воистину ты сынъ Божій». Здѣсь, въ самомъ историческомъ происшествіи раскрывается такой смыслъ, который прямо указуетъ на бытіе внѣисторическое, вѣчное. Вотъ двѣ стороны въ лицѣ и жизни Спасителя, выставленныя съ совсѣмъ неожиданной точки зрѣнія въ созданіяхъ искусства. Гёте, предлагая сюжеты для живописи, говоритъ: «Не знаю въ цѣломъ Евангеліи такого высокаго и выразительнаго предмета, какъ Христосъ, ходящій по морю и спѣшащій на помощь готовому утонуть Петру. Божественную и человѣческую природу Искупителя нельзя ни въ какомъ другомъ случаѣ такъ живо представить чувствамъ, да нельзя лучше выразить и весь смыслъ христіанской религіи въ столь немногихъ сравнительно чертахъ» (1). Можно идти еще далѣе, если примѣнять событіе не къ одному этому ученику, но взять его за типъ для всѣхъ, восклицающихъ съ Давидомъ: «Спаси мя Боже, яко внидоша воды до души моея» (Псал. 68, 2 и 3). Это будетъ видимый образъ всякихъ вообще бѣдъ, и притомъ не однѣхъ тѣлесныхъ; а на такой именно широкій смыслъ, кажется, и намекаетъ вышеприведенная картина.

Мнѣ хотѣлось бы, вовторыхъ, указать на то, что тождественны между собой также вѣроученіе и нравственность, по скольку

(1) Göthe W. Bd. XXV, стр 316.

они отпрыски одного и того же корня. Это наглядно представляется во многихъ изображеніяхъ распятаго Христа, окруженнаго или тремя богословскими добродѣтелями (Вѣрою, Любовью и Надеждой), или четырьмя такъ-называемыми главными, коренными, которыя къ Нему же опять отнесены.. Отсюда развилось изображеніе, встрѣчающееся на другомъ художественномъ издѣліи Вельфовскаго музея—дискосѣ листоваго золота, епископа Бернарда, принадлежащемъ стало-быть началу XI вѣка, обращенномъ послѣ въ дароносицу и покрытомъ рѣзными вглубь фигурами (1). Въ срединѣ виденъ Христосъ на радугѣ, показывающій прободенныя свои руки, съ надписью вокругъ: Huc spectate viri, sic vos moriendo redemi (Зрите семо, людіе: тако смертію искупихъ вы); около Него посмѣнной чередой размѣщены символы евангелистовъ и главныя добродѣтели въ видѣ женскихъ погрудій. И эти фигуры относятся ближайшимъ образомъ къ лицу Искупителя; но по назначенію сосуда для св. причастія относятся онѣ также и къ вѣрующимъ, которые, возвѣщая смерть Христову (1 Коринѳ., 11, 26), вѣруютъ въ слово Его, и вѣру свою должны претворить въ дѣло (Галат. 5, 6; Іак. 1, 22). Такъ и апостолъ Петръ увѣщеваетъ ихъ не подобиться противящимся слову, но возвѣщать добродѣтели призвавшаго ихъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ (1 Петр. 2, 8 и 9): мѣсто это должно считать темою сейчасъ приведеннаго художественнаго изображенія.—Напомнимъ здѣсь кстати одну знаменитую картину новой эпохи, которая по сюжету отчасти сродственна послѣднему: это «Се человѣкъ», выполненный рукой Корреджіо въ полроста, и находившійся прежде въ Дюссельдорфской галлереѣ, а нынѣ хранящійся въ Мюнхенѣ. Христосъ съ выраженіемъ глубочайшей страды, связанный по рукамъ и съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ; при этомъ надпись: Ego pro te haec passus sum, tu vero quid fecisti pro me? (Вотъ что претерпѣлъ Я за тебя; ты же что для Меня сдѣлалъ?). Здѣсь также предстаетъ намъ моментъ изъ жизни Іисусовой; но въ немъ слито воедино все искупительное страданіе, на которое указуетъ слово: «Вотъ что претерпѣлъ Я за тебя» (см. Матѳ. 20, 28; Марка 10, 45; Іоан. 15, 13), и которое, какъ говоритъ Лютеръ, требуетъ истинно-вѣрующихъ сердецъ. То же заключается и въ вопросѣ: «ты же что̀ для Меня сдѣлалъ?», на который отвѣтомъ можетъ быть одна лишь полнѣйшая сердечная преданность, но не страдательная только, а вмѣстѣ и дѣятельная; ибо, какъ объясняетъ апостолъ: «Христосъ же за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему» (2 Коринѳ. 5, 15), или, какъ опредѣляетъ онъ еще ближе: «да очистятъ себѣ люди избранны, рев-

(1) Снимокъ у Юнга въ Lipsanographia.

нители добрымъ дѣламъ» (Тит. 2, 14). Это именно тотъ самый образъ, который такъ сильно подѣйствовалъ на молодую душу Цинцендорфа, когда еще студентомъ въ 1719 г. онъ посѣтилъ Дюссельдорфъ. И вотъ кстати одно изъ живыхъ свидѣтельствъ того, какое важное мѣсто можетъ занять хорошая картина въ дѣлѣ религіознаго воспитанія и школьнаго образованія.

Возьмемъ ли наконецъ церковную исторію и монументальные ея источники, здѣсь обнаружится та же потребность онагляживать первую послѣдними, какъ и при обученіи всеобщей исторіи. Да притомъ не мало вѣдь и такихъ памятниковъ, что̀ равно относятся къ обѣимъ; двѣ вышеназванныя арки въ Римѣ знаменуютъ столько же церковно-историческую, сколько и всемірно-историческую эпоху. Рядомъ съ этими великими сооруженіями приведемъ еще небольшую германскую скульптуру, ознаменовавшую собой не конецъ прежняго развитія, а зачинъ новаго: памятникъ основанія Санктъ-Галленскаго монастыря въ нижнемъ полѣ костяной дски, принадлежащей 9-му вѣку (1). Въ срединѣ изображенъ крестъ съ мощами,—первый знакъ основанія монастыря; далѣе медвѣдь, приносящій дровъ по волѣ св. Галла, и наконецъ самъ Галлъ, дающій за это хлѣба звѣрю, съ приказаніемъ бѣжать тѣхъ мѣстъ и удалиться въ горы, какъ повѣствуетъ и ходячая въ Санктъ-Галленѣ очень милая легенда. Здѣсь видимъ мелкій на взглядъ зачинъ, кроющій въ себѣ однако зародышъ того міроваго факта, что гдѣ благочестивые монахи водружали крестъ, они въ то же время прогоняли дикихъ звѣрей, распахивали пустоши и ставили свои кельи разсадниками человѣческой культуры, изъ которыхъ выросли потомъ цвѣтущіе города.

III.

Мы указали теперь, куда пріурочить въ учебномъ планѣ наглядное ознакомленіе съ искусствомъ; остается сказать два слова о выполненіи, принимая въ разсчетъ зависимость его отъ учебныхъ средствъ, какъ матеріальныхъ, такъ и личныхъ. Гдѣ нѣтъ налицо необходимыхъ для того собраній, тамъ, разумѣется, придется составлять ихъ исподволь на самыхъ экономическихъ основаніяхъ; и при нынѣшнемъ, постоянно совершенствующемся, способѣ размноженія вѣрныхъ копій и снимковъ это потребуетъ сравнительно ничтожныхъ денежныхъ тратъ.

---

1) Въ Христіанскомъ музеѣ Берлинскаго университета есть слѣпокъ со всего этого диптиха. Рисунокъ съ него приложенъ къ Neujahrsheft der histor. gesellschaft von St. Gallen, 1863, а снимокъ и объясненіе одного вышеупомянутаго отдѣла костяной дски можно найти въ статьѣ моей. Die Herrschaft des Menschen über die Thiere, въ Evang. Kalender für 1860, стр. 35.

Далеко не такъ легко пріобрѣсть необходимыя личныя средства, то-есть способныхъ преподавателей, и конечно подготовка ихъ потребуетъ нѣкотораго времени и неизбѣжныхъ на первый разъ заботъ. Тутъ могутъ оказать значительную пользу особыя стипендіи, назначаемыя тѣмъ изъ преподавателей подходящихъ сюда предметовъ, которые примутъ на себя обязанность дополнить и завершить свои научныя свѣдѣнія основательнымъ нагляднымъ знакомствомъ съ памятниками искусства.

Главное—разшевелить спящую потребность, имѣя въ виду ту нравственно-образовательную цѣль, чтобы въ молодежи пробудилось глубокое уваженіе къ духовному міру, высказывающемуся въ художественныхъ созданіяхъ древняго и новаго времени, и вмѣстѣ искреннее желаніе усвоить себѣ таящееся въ нихъ добро; пусть спозаранку развивается благодатный этотъ зародышъ, чтобы найдти себѣ въ зрѣлыхъ лѣтахъ полное удовлетвореніе!

ТЕЗИСЫ

касательно введенія въ гимназіальный курсъ изученія художественныхъ памятниковъ, и въ особенности христіанскихъ.

(Предложены педагогическому отдѣлу съѣзда германскихъ филологовъ и педагоговъ въ Гейдельсбергѣ, въ сентябрѣ 1865 г.).

1.

Допущеніе этой отрасли въ гимназическій курсъ требуется какъ необходимая подготовка къ слушанію въ университетахъ лекцій по исторіи и теоріи художествъ вообще, особенно же по археологіи классическаго и христіанскаго искусства.

2.

Она необходима и для цѣли самаго гимназическаго образованія: вопервыхъ, съ формальной стороны, чтобы въ противень развитію разсудочнаго смысла развить также созерцательность и эстетическій смыслъ къ языку искусства.

3.

Она важна по содержанію, будучи способна дѣйствовать на образованіе нравственнаго и религіознаго характера силою прекраснѣйшихъ типовъ классическаго и христіанскаго искусства.

4.

Она нужна еще и для того, чтобы плоды школьной подготовки шли въ уровень съ потребностями общаго образованія, отъ которыхъ они теперь отстаютъ.

5.

При той мѣрѣ художественной подготовки, какой дозволительно требовать отъ школъ, разница въ способностяхъ учениковъ не можетъ быть помѣхою къ ея водворенію въ гимназіяхъ.

Произведенія искусства способны служить образовательнымъ средствомъ на всѣхъ ступеняхъ преподаванія.

6.

Занятіе искусствомъ въ гимназіяхъ не требуетъ отвода особыхъ часовъ, а единственно лишь того, чтобъ на него обращалось вниманіе при преподаваніи подходящихъ предметовъ. Оно войдетъ стало-быть не новымъ бременемъ для наставниковъ и учащихся, а только дополненіемъ и облегченіемъ учебнаго метода.

7.

Мѣсто ему, вопервыхъ, при чтеніи классическихъ писателей, особливо древнихъ поэтовъ (Гомера, Виргилія, трагиковъ); и здѣсь оно столько же служитъ къ пониманію послѣднихъ,—благодаря тѣмъ соотношеніямъ, въ какихъ литература стоитъ къ памятникамъ искусства,—сколько, заодно съ писателями, къ познанію всей древности вообще, для котораго одинаково важны оба источника.

8.

Второе для него мѣсто представляетъ преподаваніе Исторіи.

9.

И, наконецъ, преподаваніе закона вѣры, особенно въ историческихъ его частяхъ, какъ библейскихъ, такъ и церковно-христіанскихъ.

Употребленіе въ дѣло христіанскихъ художественныхъ памятниковъ полезно даже въ видѣ подготовки къ догматическому вѣроученію.

10.

Пользованіе для этой цѣли чужими собраніями не можетъ замѣнить для гимназій систематическаго составленія собственныхъ коллекцій снимковъ.

Но и обладая послѣдними, гимназія должна дорожить каждымъ случаемъ—показать своимъ питомцамъ то либо другое великое созданіе искусства въ подлинникѣ.

11.

Учрежденіе какъ классическихъ, такъ и христіанскихъ художественныхъ собраній при гимназіяхъ составляетъ, наравнѣ съ библіотеками, необходимую учебную потребность, которую должно удовлетворять по мѣрѣ силъ.

Въ виду тѣхъ жертвъ, которыя приносятся такъ щедро для надлежащей обстановки естествовѣдѣнія, справедливость требуетъ не отлагать далѣе издержекъ и для художественно-учебныхъ цѣлей въ гимназіяхъ.

12.

Главная прежде всего задача школы запастись пригодными наставниками, разумѣется тамъ, гдѣ ихъ недостаетъ.

Ф. Пиперъ.

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

№ 58. 1870 года, марта 31 дня. Протоколъ 36-го обыкновеннаго засѣданія членовъ Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдателя Д. П. Сонцева, въ присутствіи гг. Членовъ Архимандрита Амфилохія, А. Н. Афанасьева, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, А. Н. Веселовскаго, А. А. Гатцука, К. И. Невоструева, А. Н. Попова, В. Е. Румянцева, М. М. Фомина и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

а) снимками:

1. Отъ Д. М. Предтечевскаго въ Москвѣ: собранія рисунковъ, исполненныхъ перомъ, со старинныхъ русскихъ печатей.

в) книгами:

1. Отъ П. В. Бекера въ Дрезденѣ Über eine zweite Sammlung unedirter Henkel in schriften aus dem südlichen Russland. Leipzig. 1860. 8°

2. Отъ Мюнхенской Академіи Наукъ: a) Abhandlungen der philosophisch-philologischen Klasse der k. bayer. Akademie. IV Bandes 3-te abth. München. 1868. 4° и b) Ioseph Lauth, die geschichtlichen Ergebnisse der Aegyptologie. München. 1869. 4°

3. Отъ Императорской Академіи Художествъ: Д. Прозоровскаго, Приложеніе къ каталогу русскихъ и западно-европейскихъ медалей и монетъ. Спб. 1869. 8°.

4. Отъ Королевской Академіи Литературы, Исторія древностей въ Стокгольмѣ:

a) Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Handlingar. Ny Föld. Del. 1—5. 8°

b) Hildebrand, Minnespeningar. Stockholm. 1860. 8°.

c) „—„—Svenska Sigiller. 2 выпуска in 8°.

d) Antiquarisk Tidskrift. Stockholm. 1864. Töfta delen. 8°.

4. Отъ Кіевской Духовной Академіи: Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи, 28 Сентября 1869 года. Кіевъ. 1869. 8°.

5. Отъ Дѣйств. Чл. I. Е. Воцеля въ Прагѣ: Die Bedeutung der Stein und Bronzealterthümer für die Urgeschichte der Slaven. Prag. 1869. 4°.

6. Отъ Предсѣдателя Гр. А. С. Уварова: Международный съѣздъ въ Копенгагенѣ. Брошюра.

7. Отъ Дѣйств. Чл. Барона Б. фонъ-Кёне: Каталогъ картинной галлереи Императорскаго Эрмитажа: 2 изд. Первый томъ. Спб. 1869. 8°.

8. Отъ Императорскаго Казанскаго Университета: Извѣстія и ученыя записки Университета на 1869 годъ.

9. Отъ Донскаго Статистическаго Комитета: Статистическое Обозрѣніе Войска Донскаго за 1868 годъ. Новочеркаскъ 1869. 8°.

10. Отъ Астраханскаго Губернскаго статистическаго Комитета: Труды. Выпускъ 1. Астрахань. 1869. 8°.

11. Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета: Записки Университета. Годъ 3. Томъ III. Выпуски 2—6. Одесса 1869. 8°.

12. Отъ Южно-Славянской Академіи въ Загребѣ: a) Rad. Knjiga IX. V Zagrebu 1869. 8°.

b) V. Jagič, Podmladenjena Vokalizacija. V Zagrebu. 1869. 8°.

13. Отъ Археографической Коммиссіи въ С.-Петербургѣ:

a) Великія Минеи Четіи, собранныя Митрополитомъ Макаріемъ. Сентябрь дни 14—24 и Октябрь дни 1—3. Два тома in 4°.

b) Дополненіе къ актамъ историческимъ, XI томъ. 4°.

c) Акты Южной и Западной Россіи. Томъ VI. 4°.

d) 2-й выпускъ Указателя къ первымъ восьми томамъ Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей. 4°.

14. Отъ Кіевской Духовной Академіи: Труды Академіи на 1870 годъ. Январь.

15. Отъ Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Труды Комитета на 1870 г. Выпуски 1 и 2-й.

16. Отъ Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколы засѣданій 19 Декабря 1869 и 15 Февраля 1870 года.

17. Отъ Королевскаго Общества Сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ:

a) Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. 1867 г. 1868. Nouvelle serie. Copenhague. 8°. 2 тетради.

b) Aarboger. 1869. Tredie, Fierde Forste Hefte. Kjobenhaven. 8°

c) Om Betydningen. Ved I. I. Worsave. Kjobenhaven.

d) De quelques antiquités Norvégiennes, par I. I. A. Worsave. Copenhague. 1869. 8°.

e) Tillaeg. Aargang. 1868. Kjobenhaven. 1869. 8°.

f) Renseignements sur les premiers habitants de la côte occidentale du Groënland, par Rafn. Traduit en groënlandais par J. Kleinschmidt. 4°.

18. Отъ Чл. Кор. Іеромонаха Іосифа: Краткія свѣдѣнія о Московскихъ соборахъ и монастыряхъ, находящихся въ Кремлѣ. Москва. 1869.

19. Отъ г. Вальдемара Шмидта въ Копенгагенѣ: Le Danemark à l'Exposition universelle en 1867. Paris. 1867. 8°.

20. Отъ Чл. Кор. И. А. Голышева: Лубочныя старинныя народныя картинки. Владиміръ. 1870. 8°.

21. Отъ Священника Троицкой церкви въ городѣ Вязникахъ Константина Веселовскаго: Вязниковскій Благовѣщенскій монастырь. Изъ Влад. Губ. Вѣд. № 26 и 271. 867. 8°.

c) вещами:

1. Отъ М. П. Панченко, въ Никополѣ: 8 древнихъ мѣдныхъ монетъ, сильно окисшихъ и неразборчивыхъ, открытыхъ въ Никополѣ.

2. Отъ Ея Превосходительства А. М. Раевской въ С.-Петербургѣ:

a) Слѣпокъ гребня изъ кости (вѣроятно мамонтовой), найденной въ курганѣ на берегу Оби (Сибирь). Подлинникъ находится въ Дерптскомъ музеѣ.

b) Слѣпокъ бронзовой пластинки съ выпуклыми буквами, найденной съ другими могильными древностями въ 1837 году въ Ашераденскомъ пасторатѣ, на берегу Западной Двины въ Лифляндіи. Она изображена въ сочиненіи Крузе: Necrolivonica, Taf. XIV, fig. B. Подлинникъ хранится въ Ригѣ, въ Музеѣ соединенныхъ ученыхъ обществъ.

3. Отъ Чл. Кор. Петра Ильича Гундобина: десять мѣдныхъ складней и образковъ, отчасти эмальированныхъ.

4) Отъ Потомственнаго Почетнаго Гражданина Ильи Даниловича Ковригина въ Самарѣ: 23 бронзовыхъ и оловянныхъ новѣйшихъ медалей и игральныхъ марокъ.

Опредѣлили: выразить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ статей:

a) Отъ Чл. Кор. Ефима Ефимовича Люценко въ Керчи: Записка о русской монетѣ, найденной въ Тамани, станицѣ Кубанскаго войска, съ фотографическимъ снимкомъ.

b) Отъ В. М. Вёдрова: Разборъ четырехъ бесѣдъ Фотія, изданныхъ архимандритомъ Порфиріемъ Успенскимъ.

c) Отъ Д. Ч. М. Максимовича: Дополненіе къ его статьѣ объ украинскихъ стрѣлахъ, съ рисунками.

d) Отъ Чл. Кор. А. И. Свирѣлина: Описаніе Переславскаго Өедоровскаго монастыря.

e) Отъ И. Д. Мансветова въ Троицкой Лаврѣ: разборъ сочиненія Кардинала Питры; Гимнографія греческой церкви.

f) Отъ Чл. Кор. Р. Г. Игнатьева: Сосуды Преосвященнаго Корнилія Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго въ Невьянскомъ заводѣ.

4. Общество выслушало слѣдующій Высочайшій указъ, напечатанный въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1870 года, № 55:

Высочайшимъ указомъ отъ 28 ноября 1868 года Всемилостивѣйше пожалованъ Московскому Археологическому Обществу находящійся въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, Курьерскій домъ, съ тѣмъ, что Обществу не дозволяется ни закладывать, ни продавать, ни отчуждать инымъ образомъ въ постороннія руки вышеупомянутый домъ.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на залогъ въ Московскомъ Кредитномъ Обществѣ Археологическимъ Обществомъ означеннаго выше Курьерскаго дома, съ тѣмъ чтобы проценты по сему залогу выплачивались съ найма отдаваемыхъ въ означенномъ домѣ квартиръ; полученная же отъ Кредитнаго Общества сумма употреблена была на возобновленіе зданія.

Московское Археологическое Общество, выслушавъ Высочайшее разрѣшеніе о залогѣ принадлежащаго ему дома въ Московское Городское кредитное Общество, для пріобрѣтенія суммы, необходимой для передѣлки онаго дома, постановило: съ согласія г. Предсѣдателя, препоручить Предсѣдателю Общества Графу Алексѣю Сергіевичу Уварову принять на себя исполненіе этого дѣла съ правомъ входить куда слѣдуетъ съ надлежащими прошеніями и расписываться за Общество, какъ избранный имъ представитель. Отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ Графъ А. С. Уваровъ обязанъ представить въ ближайшемъ по возможности засѣданіи Общества.

5. Дѣст. Чл. К. Ив. Невоструевъ представилъ присутствующимъ гг. Членамъ Общества на разсмотрѣніе древне-русскій жженый изразецъ XVII вѣка, на которомъ изображенъ орелъ. По поводу этого изображенія нѣкоторыми членами были высказаны разныя соображенія о времени возникновенія разныхъ геральдическихъ изображеній, каковы: орелъ, единорогъ и т. д. въ русскомъ древнемъ искусствѣ.

6. Читана статья Члена Кор. Еѳ. Еѳ. Люценко въ Керчи подъ заглавіемъ: Записка о русской монетѣ, найденной въ Тамани, станицѣ Кубанскаго войска (съ приложеніемъ въ уменшенномъ видѣ фотографическаго снимка).

№ 59. 1870 года, апрѣля 26 дня. Протоколъ пятаго годоваго собранія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. Членовъ: Архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, А. Н. Аѳанасьева, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, А. А. Гатцука, Н. В. Калачева, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, К. И. Неустроева, А. Н. Попова, Н. А. Попова, В. Е. Румянцева, Д. П. Сонцева, М. М. Фомина, Д. О. Шёпинга и Секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Секретарь прочелъ отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Общества за истекшій годъ (напечатанъ въ приложеніи).

2. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

3. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній.

КНИГАМИ:

1. Отъ Священника Николая Розонова, въ Москвѣ:
a) Исторія Московскаго эпархіальнаго управленія. М. 1869. 2 части.
b) Объ архивѣ Московской Духовной Консисторіи.
c) О времени благовѣста при церквахъ въ Москвѣ.
d) Камилавка, пожалованная Наполеономъ I.
e) О крестныхъ ходахъ въ Москвѣ.
f) В. П. Рагузилъ.
g) О Московскихъ городскихъ кладбищахъ.
h) П. А. Алексѣевъ.
i) О мѣрахъ наказаній.
k) О церкви Спаса въ Барыковской богадельнѣ.
l) О Татіанинской церкви.
m) Саввинское подворье.

2. Отъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія: Schnitzler, l'empire de Tsars. Tome IV. Paris. 1869. 8°.

3. Отъ Ея Превосходительства А. М. Раевской въ С. Петербургѣ: a) Halland's Forminnes—Förennings Arsskrift. 1869. 1-sta Bandes edta häfte. Holmstad. 8°. 6) Masden, Afbildinger af Danske oldfager og mindesmaerker. 1 тетрадь in fol.

4. Отъ Чл. Кор. Алексѣя Н. Веселовскаго: Старинный театръ въ Европѣ. Москва. 1870. 8°.

5. Отъ Предсѣдателя Общества: Русскія гравюры и ихъ произведенія. Изслѣдованіе Д. Ровинскаго. Москва. 1870. 8°.

6. Отъ Чл. Кор. П. М. Ревякина въ Варшавѣ: Холмскій Греко-Уніатскій мѣсецесловъ, на 1870. Варшава. 1870. 8°.

7. Отъ Чл. К. Г. Евлентьева: Археологическая записка о Почанкиныхъ. Псковъ. 8°.

8. Отъ Одесскаго Общества Исторіи и древностей: отчетъ за 1869 г. Одесса, 1870. 8°.

9. Отъ Южно-Славянской Академіи Наукъ: Rad. Knjiga X. U Zagrebu. 1870. 8.

ВЕЩАМИ:

Отъ инженеръ-статскаго совѣтника Алексѣя Ивановича Бедряги, чрезъ посредство предсѣдателя Московскаго Сельскаго Хозяйственнаго Общества I. Н. Шатилова: 18 желѣзныхъ предметовъ, найденныхъ въ 12 верстахъ отъ Тамбова и отъ г. Шатилова 4 желѣзные предмета, найденные въ курганѣ въ Наровчатскомъ уѣздѣ, въ 3 верстахъ отъ имѣнія Казбекъ г. Мацнева.

Постановили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

4. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующей статьи:

Отъ Дѣйств. Чл. Н. А. Попова: Дополненіе въ литературѣ о курганахъ, напечатанной въ Матеріалахъ для Археологическаго Словаря.

Опредѣлили: передать статью въ редакціонный Комитетъ.

5. Г. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія гг. членовъ, что въ настоящемъ году назначены археологическіе съѣзды въ городахъ Базелѣ и Болоньѣ и второй съѣздъ русскихъ археологовъ Высочайше разрѣшенъ въ ноябрѣ 1871 года въ С. Петербургѣ.

6. Г. Предсѣдатель заявилъ, что открытіе подписки для сооруженія памятника первопечатнику Ивану Ѳеодоровичу будетъ объявлено во всѣхъ газетахъ. При томъ, онъ заявилъ желаніе, чтобы для успѣха подписки въ объявленіяхъ объ ней прилагаемы были біографическія свѣдѣнія объ этомъ лицѣ. При обсужденіи этого вопроса, присутствующіе гг. члены обратились къ Дѣйств. Чл. В. Е. Румянцеву съ просьбою—составить для этой цѣли біографію Ивана Ѳеодоровича, на что послѣдній и изъявилъ свое согласіе.

7. Г. Предсѣдатель представилъ 4 фотографическихъ снимка съ плащаницъ, доставленныхъ ему бывшимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ Румыніи, г. Одебеско въ Букарестѣ. Изъ нихъ первая, находящаяся въ Бухарестѣ, исполнена для Тихвинскаго монастыря въ 1601 году; двѣ другія тоже русскаго происхожденія, а 4-я греческаго, XVII вѣка.

8. Дѣйств. Чл. Архимандритъ Амфилохій сдѣлалъ устное сообщеніе о новооткрытыхъ имъ латинскихъ надписяхъ въ Даниловскомъ монастырѣ въ Москвѣ.

9. Г. Предсѣдатель, по поводу предстоящаго втораго Археологическаго съѣзда, заявилъ желаніе, чтобы изслѣдованы были памятники древности, находящіеся въ Тверской Кареліи и до сихъ поръ описанные только въ извѣстной статьѣ Ѳ. И. Глинки. Въ преніи, вызванномъ этимъ заявленіемъ, приняли особое участіе Н. А. Поповъ, Д. П. Сонцевъ, К. К. Гёрцъ и др.

10. Избраны должностныя лица Общества на 1870 годъ:

въ Предсѣдатели;

Графъ Алексѣй Серіевичъ Уваровъ.

въ Товарищи Предсѣдателя:

Дмитрій Петровичъ Сонцевъ.

въ Секретари:

Карлъ Карловичъ Гёрцъ.

въ Товарищи Секретаря:

Василій Егоровичъ Румянцевъ.

въ Казначеи:

Алексѣй Васильевичъ Брыкинъ.

въ Библіотекари:

(онъ же и хранитель Музея).

Баронъ Дмитрій Оттоновичъ Шёппингъ.

въ Члены Редакціонной Коммиссіи:

Графъ Алексѣй Сергіевичъ Уваровъ.

Карлъ Карловичъ Гёрцъ.

Нилъ Александровичъ Поповъ.

Александръ Николаевичъ Аѳанасьевъ.

Николай Васильевичъ Калачевъ.

№ 60. 1870 года, апрѣля 26 дня. По окончаніи годоваго собранія, въ тотъ же день, въ экстренномъ засѣданіи, въ присутствіи тѣхъ же гг. Членовъ, избраны:

въ Дѣйствительные Члены по § 7 устава:

1. Лавровскій, Петръ Алексѣевичъ, въ Варшавѣ.
2. Одобеско, въ Бухарестѣ.
3. Де Линасъ, въ Парижѣ.
4. Фирховъ, въ Берлинѣ.
5. Монтеліусъ, въ Стокгольмѣ.
6. Шмидтъ, Вальдемаръ, въ Копенгагенѣ.
7. Энгельгардтъ, тамъ же.
8. Демарси, въ Компьенѣ.

въ Дѣйствительные Члены:

1. Вёдровъ, Владиміръ Максимовичъ, въ Москвѣ.

въ Члены Корреспонденты:

1. Веселовскій, Александръ Николаевичъ, въ Москвѣ.
2. Виноградскій, Викторъ Николаевичъ, тоже.
3. Мансветовъ, Иванъ Давидовичъ, въ Троицкомъ Посадѣ.
4. Розановъ, Николай Павловичъ, въ Москвѣ.

въ Члены Редакціонной Коммиссіи:

Графъ Алексѣй Сергіевичъ Уваровъ.

Карлъ Карловичъ Гёрцъ.

Нилъ Александровичъ Поповъ.

Александръ Николаевичъ Аѳанасьевъ.

Николай Васильевичъ Калачевъ.

№ 60. 1870 года, апрѣля 26 дня. По окончаніи годоваго собранія, въ тотъ же день, въ экстренномъ засѣданіи, въ присутствіи тѣхъ же гг. Членовъ, избраны:

въ Дѣйствительные Члены по § 7 устава:

1. Лавровскій, Петръ Алексѣевичъ, въ Варшавѣ.
2. Одобеско, въ Бухарестѣ.
3. Де Линасъ, въ Парижѣ.
4. Фирховъ, въ Берлинѣ.
5. Монтеліусъ, въ Стокгольмѣ.
6. Шмидтъ, Вальдемаръ, въ Копенгагенѣ.
7. Энгельгардтъ, тамъ же.
8. Демарси, въ Компьенѣ.

въ Дѣйствительные Члены:

1. Вёдровъ, Владиміръ Максимовичъ, въ Москвѣ.

въ Члены Корреспонденты:

1. Веселовскій, Александръ Николаевичъ, въ Москвѣ.
2. Виноградскій, Викторъ Николаевичъ, тоже.
3. Мансветовъ, Иванъ Давидовичъ, въ Троицкомъ Посадѣ.
4. Розановъ, Николай Павловичъ, въ Москвѣ.

Николай Васильевичъ Калачевъ.
Сергій Михайловичъ Соловьевъ.

Редакторъ Трудовъ Ощества:

Карлъ Карловичъ Гёрцъ.

2.

Недвижимая собственность Общества.

Высочайшимъ указомъ отъ 28-го ноября 1868 года Всемилостивѣйше пожалованъ Московскому Археологическому Обществу находящійся въ Москвѣ, на Берсеневкѣ, Курьерскій домъ, съ тѣмъ, что Обществу не дозволяется ни продавать, ни закладывать, ни отчуждать инымъ образомъ въ постороннія руки вышеупомянутый домъ.

Нынѣ Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на залогъ въ Московскомъ кредитномъ Обществѣ Археологическимъ Обществомъ означеннаго выше Курьерскаго дома съ тѣмъ, чтобы проценты по сему залогу выплачивались изъ найма отдаваемыхъ въ означенномъ домѣ квартиръ, полученная же отъ Кредитнаго Общества сумма употреблена была на возобновленіе зданія.

Московскія Вѣдомости. 1870. № 55.

Московское Археологическое Общество, вслѣдствіе вышеозначеннаго Высочайшаго разрѣшенія, въ засѣданіи марта 31 дня 1870 года, постановило: съ согласія г. Предсѣдателя препоручить ему, Графу Алексѣю Сергіевичу Уварову, принять на себя залогъ дома, принадлежащаго Обществу, въ Московское Кредитное Общество для пріобрѣтенія суммы, необходимой для передѣлки онаго дома, съ правомъ входить куда слѣдуетъ съ надлежащими прошеніями и расписываться за Общество, какъ избранный имъ представитель.

3.

Засѣданія Общества.

Общество имѣло одно годовое собраніе, 4 обыкновенныхъ и одно экстраординарное засѣданіе. Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ Общества присутствовали и посторонніе посѣтители и любители археологіи.

4.

Изданія Общества.

Въ истекшемъ году Ощество издало второй томъ своихъ «Трудовъ», вышедшій въ трехъ выпускахъ, состоящихъ болѣе чѣмъ изъ 50 печатныхъ листовъ, съ 47 политипажами, съ 3 литографированными и 4 хромолитографическими снимками и одной хромолитографическою и 3 литографированными картами.

Слѣдующія учрежденія обмѣниваютъ свои изданія на изданія Общества:
Императорская Академія Наукъ.

13. 10 снимковъ съ штемпелей. . . . . . от А. М. Раевской.
14. Бронзовая статуэтка. . . . . отъ Самарскаго Вице-Губернатора.
15. 1 восковая печать . . . . отъ Князя В. А. Вадбольскаго.
16. 2 слѣпка. . . . . , . отъ Г-жи А. М. Раевской.
17. 10 мѣдныхъ складней и образковъ. . . . отъ П. И. Гундобина.
18. 1 золотая монета.
19. 39 серебряныхъ монетъ. } отъ разныхъ лицъ.
20. 123 мѣдныхъ монетъ.

7.

Первый археологическій съѣздъ въ Москвѣ.

Устроенный съ Высочайшаго соизволенія Московскимъ Археологическимъ Обществомъ первый съѣздъ русскихъ археологовъ въ Москвѣ открытъ былъ въ зданіи Голицынскаго Музея Г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, въ присутствіи многочисленнаго собранія представителей различныхъ ученыхъ русскихъ учрежденій членовъ Общества, и посторонней публики 16 марта 1869 года. Списокъ членовъ археологическаго съѣзда состоялъ изъ 111 лицъ. Съѣздъ имѣлъ 20 засѣданій, изъ которыхъ послѣднее происходило 28 марта. Труды съѣзда въ настоящее время приготовляются къ печати подъ редакціею Предсѣдателя Общества Графа А. С. Уварова.

8.

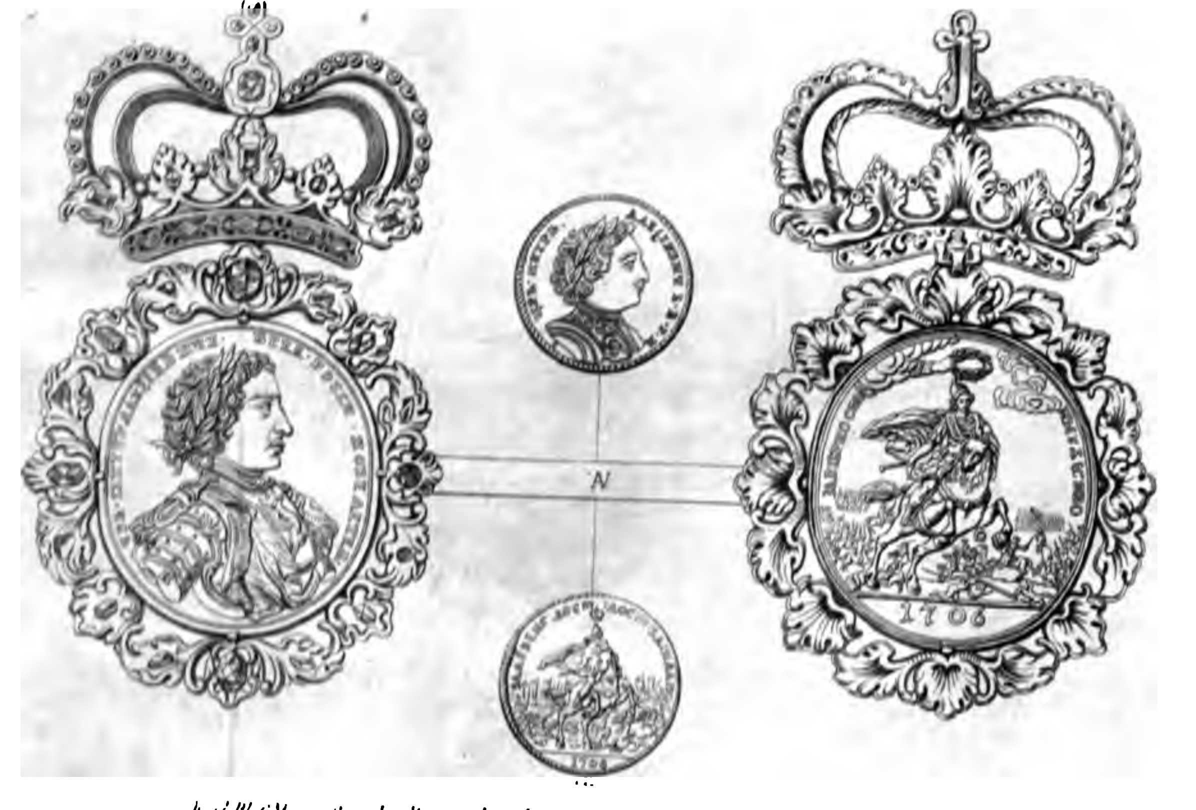
Торжественное собраніе въ память о первопечатникѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ.

4-го января 1870 года, въ залѣ Московской Городской Думы, происходило торжественное собраніе по случаю совершившагося трехсотлѣтія со времени напечатанія въ первый разъ московскими типографами, Иваномъ Ѳедоровичемъ и Петромъ Тимофеевичемъ Мстиславцемъ, Евангелія учительнаго въ Заблудовѣ. Въ засѣданіи прочитаны были гг. членами слѣдующія статьи: В. Е. Румянцевымъ: о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ и о первыхъ московскихъ печатникахъ; М. П. Погодинымъ, о дѣятельности московскихъ первопечатниковъ за границею и А. А. Гатцукомъ: о дальнѣйшемъ ходѣ московскаго книгопечатанія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Съ Высочайшаго соизволенія Обществу разрѣшено открыть подписку для сбора на сооруженіе памятника московскому первопечатнику Ивану Ѳедоровичу въ городѣ Острогѣ Волынскомъ.

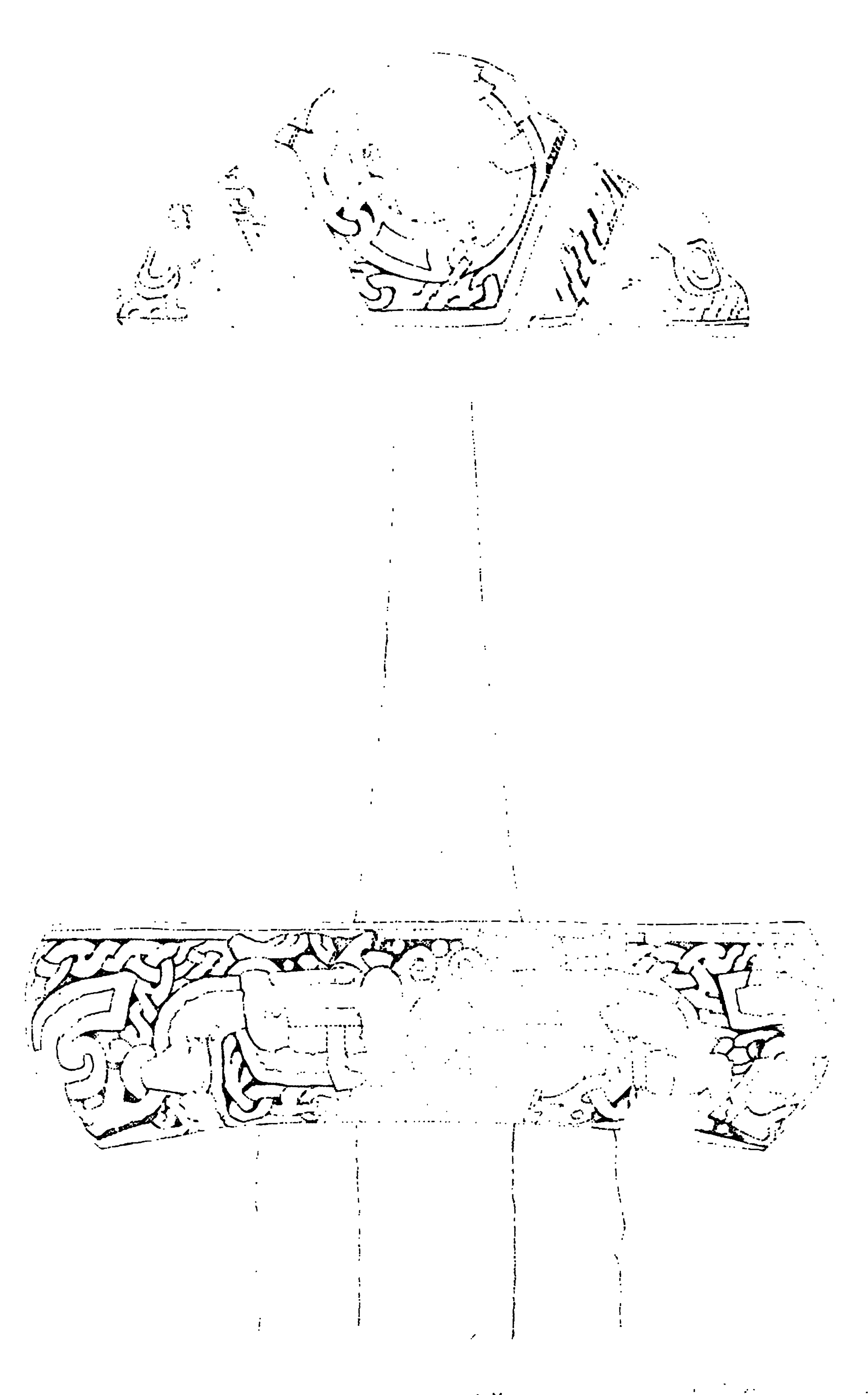
9.

Некрологъ.

Въ теченіи истекшаго года Общество лишилось слѣдующихъ членовъ:
Вельтмана, Александра Ѳомича, †12 Января, 1870 г.
Д-ръ І. Ганушъ, †19 (ст.) Мая, 1869.
Д-ръ О. Янъ, †9 (н. ст.) Сентября, 1869 г.



Наградныя медали Потра Великаго въ коллекціи г. Шролля въ С.-Петербургѣ.



НОРМАНСКІЙ МЕЧЬ.



Надгробный камень изъ АНАНЬИНА могильника
ВЯТСКОЙ губерніи, близь г. ЕЛАБУГИ.

РИСУНКИ.

Отвѣтственное лицо Гр. А. С. Уваровъ.

Третій томъ Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества выйдетъ въ 3-хъ выпускахъ, съ гравюрами и политипажами.

Цѣна втораго выпуска 2 руб. сер.

Продается въ Москвѣ, въ книжныхъ лавкахъ Соловьева и Глазунова и въ собственномъ домѣ Общества, на Берсеневкѣ, у большаго каменнаго моста.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія Общества:

1. Древности. Томъ I, выпускъ 1-й, цѣна 3 р. с.
2. — „ — „ Томъ I, выпускъ 2-й, цѣна 3 р. с.
3. — „ — „ Томъ II, выпускъ 1-й, цѣна 2 р. с.
4. — „ — „ Томъ II, выпускъ 2-й, цѣна 2 р. с.
5. — „ — „ Томъ II, выпускъ 3-й, цѣна 2 р. с.
6. — „ — „ Томъ III, выпускъ 1-й, цѣна 2 р. с.
7. Археологическій Вѣстникъ за 1867 г. 6 книжекъ. Цѣна 6 р. с.
8. Описаніе Кіева. Соч. Н. Закревскаго. 2 тома съ атласомъ. Цѣна 7 р. с.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.



ТРУДЫ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАННЫЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. Е. РУМЯНЦОВА,

СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ,

СЪ 2-МЯ ПОЛИТИПАЖАМИ.

МОСКВА.
1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отвѣтственное лицо Гр. А. С. Уваровъ.



ТРУДЫ МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ III, вып 3

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ К. К. ГЕРЦА, И В. Е. РУМЯНЦОВА.

МОСКВА.

Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

1873.

ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ III.

III. ВИБЛІОГРАФІЯ.

ОГЛАВЛЕНIЕ

III ТОМА ДРЕВНОСТЕЙ, ТРУДОВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

РИСУНКИ.

другому племени, но, къ сожалѣнію, всѣ эти попытки были или отрывочны, или не всегда удачны.

Профессоръ Крузе (Necrolivonica) обслѣдовалъ болѣе могилъ, чѣмъ многіе другіе ученые; но, къ сожалѣнію, не руководясь при описаніи ихъ однимъ опытомъ, добытымъ личнымъ воззрѣніемъ на могилы и на ихъ устройство, онъ слѣдовалъ предвзятой идеѣ о повсемѣстномъ скандинавскомъ вліяніи на Руси и получилъ выводы слишкомъ односторонніе. Для успѣшнаго и безпристрастнаго изученія характеристики могилъ, изслѣдователь долженъ сперва совершенно отречься отъ всякаго даже желанія немедленно пріурочивать или объяснять открываемыя имъ могилы, и на первое время долженъ ограничиться однимъ собираніемъ на мѣстѣ вѣрныхъ и точныхъ данныхъ для позднѣйшихъ своихъ изслѣдованій, не опуская изъ вида названія селеній и древнихъ урочищъ. Тогда только изслѣдователь не увлечется объясненіемъ отрываемыхъ имъ предметовъ и толкованіемъ погребальныхъ обрядовъ, подводя a priori сдѣланныя находки подъ свѣдѣнія, извѣстныя ему изъ прочитанныхъ источниковъ.

Второй трудъ въ этомъ родѣ послѣ проф. Крузе принадлежитъ дерптскому проф. Гревингу, издавшему въ 1870 году изслѣдованіе подъ названіемъ: «Ueber heidnische Gräber russisch. Litauens und einiger benachbarten Gegenden, insbesondere Lettlands und Weissrusslands».

Почтенное изслѣдованіе проф. Гревинга обнимаетъ еще большее количество разнородныхъ могилъ, чѣмъ Necrolivonica профессора Крузе, а потому встрѣчаетъ еще больше затрудненій для пріурочиванія ихъ. При этомъ главное затрудненіе заключается въ скудости матеріаловъ и въ разновидности отрытыхъ могилъ. Матеріалы, которыми пользовался пр. Гревингъ, не состоятъ изъ могилъ, лично обслѣдованныхъ имъ самимъ, а только изъ описаній, сдѣланныхъ иногда весьма неопытными археологами. Большею частью эти описанія неудовлетворительны не только по неясности и по неумѣнію изложенія, но даже по тому, что обнимаютъ слишкомъ незначительное количество разрытыхъ могилъ, изъ которыхъ нельзя сдѣлать общаго, положительнаго вывода. Не смотря однако же на такую недостаточность свѣдѣній, проф. Гревингъ попытался опредѣлить отличительные признаки разныхъ видовъ могилъ, и по этимъ признакамъ раздѣлить всѣ описанныя могилы на IV главные разряда съ многочисленными подраздѣленіями. Вообще, не входя въ подробную оцѣнку изслѣдованія проф. Гревинга, мы замѣтимъ только, что не можемъ вполнѣ раздѣлить его мнѣнія объ отличительныхъ признакахъ могилъ разныхъ народовъ, обитавшихъ на сѣверозападѣ Руси. Намъ кажется, что у него недостаточно ясно указано на существенную важность нѣкоторыхъ главныхъ признаковъ, отъ чего

и дорійскій отъ могилы и памятника пелазгійской эпохи. Недавно еще въ Римѣ, раскапывая подъ церковью св. Климента, нашли памятники самыхъ различныхъ эпохъ, и то же самое встрѣтилось при раскопкѣ Палатинской горы. Ни Римъ императорскій, ни Римъ христіанскій не могли совершенно изгладить слѣдовъ древнѣйшаго, первобытнаго Рима.

По этимъ двумъ причинамъ, преждевременно произносить отрицательный приговоръ надъ будущностью, которой мы вправѣ ожидать отъ археологическихъ раскопокъ въ Россіи. Напротивъ того, мы, кажется, напередъ можемъ ожидать важныхъ результатовъ отъ ученыхъ раскопокъ и вмѣстѣ надѣяться, что онѣ наконецъ разъяснятъ спорный вопросъ объ отличительныхъ признакахъ славянскихъ могилъ. Всѣ попытки, сдѣланныя по этому вопросу западными учеными, остаются неудачными попытками. Даже послѣдній трудъ знаменитаго Воцеля не разрѣшилъ этого вопроса. Изчисленные имъ признаки, повидимому, не довольно своеобразны и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отличны отъ признаковъ, встрѣчаемыхъ въ нашихъ курганахъ. Надо полагать, что Воцель имѣлъ слишкомъ мало свѣдѣній о разрытыхъ курганахъ, или разрытыя группы не были достаточно многочисленны, отъ чего выводы его остаются не довольно общими.

Возвращаясь къ раскопамъ въ Россіи, мы замѣтимъ, что у насъ, какъ и у всѣхъ народовъ, могилы служатъ всегда главнымъ и неоспоримымъ доказательствомъ древняго поселенія. Это признано не только теперь, но и въ древнія времена могилы всегда считались такимъ же вѣрнымъ и надежнымъ признакомъ осѣдлости народа. Подобная мысль встрѣчается и у Виргилія (Aen. VI, 327):

Prius quam sedibus, ossa quierunt.

Мы знаемъ также, что во всѣхъ странахъ и во всѣ времена живущіе народы провожали покойника по извѣстнымъ обрядамъ и хоронили прахъ его по принятымъ у нихъ обычаямъ. Эти обычаи выражались въ извѣстной формѣ могилы и въ извѣстномъ распредѣленіи внутренняго ея устройства. При этомъ, кромѣ основнаго обще-человѣческаго понятія о неприкосновенности и покоѣ праха усопшаго, каждый народъ и даже, вѣроятно, каждое отдѣльное племя, при совершеніи погребенія, видоизмѣняли самый обрядъ согласно съ своими религіозными вѣрованіями и согласно съ своимъ воззрѣніемъ на смерть. Отсюда и погребальные обряды получили у каждаго народа свой особый, своеобразный отпечатокъ, слѣды котораго сохранились въ самыхъ могилахъ.

Переходя теперь къ изслѣдованнымъ въ Россіи могиламъ, мы увидимъ, что многіе ученые старались пріурочивать ихъ къ тому или

видимъ, въ какія грубыя ошибки впали западные ученые, когда полагали возможнымъ опредѣлить народность могилы по одному изъ этихъ двухъ обрядовъ. Послѣ ученаго изслѣдованія А. А. Котляревскаго о погребальныхъ обрядахъ [1]), намъ ничего не остается прибавить новаго къ сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ; но мы должны обратить вниманіе на то, что лѣтописи подтверждаютъ встрѣчаемое при раскопкѣ кургановъ, т. е. совмѣстное употребленіе обоихъ обрядовъ, погребенія и сожиганія, у одного и того же народа. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ разсказывается (Пол. Собр. Л. I, 23, 6), что Древляне «убиша Игоря» и «погребенъ бысть... есть могила его у Изъкоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне». Слѣдовательно Древляне погребли тѣло убитаго Игоря, хотя немного выше, въ той же лѣтописи, сказано, что они сожигали своихъ покойниковъ: «аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику и възложахуть и на кладу мертвеца, сожьжаху».

3.—**Различныя названія могильныхъ насыпей** не **указываютъ ни на народъ, ни на время, когда онѣ были насыпаны.** Съ перваго взгляда можно подумать, что мѣстныя названія могильныхъ насыпей суть остатки древнѣйшихъ преданій, сохранившихся въ памяти народа при видѣ уцѣлѣвшихъ погребальныхъ холмовъ. Но если изслѣдовать эти названія и провѣрить ихъ раскопкою самыхъ могилъ, то мы скоро убѣдимся, что они даны совершенно случайно и большею частью подъ вліяніемъ позднѣйшихъ, совершенно чуждыхъ происшествій. Между всѣми различными названіями могильныхъ насыпей слово **курганъ** есть одно изъ менѣе древнихъ, потому что встрѣчается въ грамотахъ не прежде XVI вѣка [2]), а въ лѣтописи Новгородской въ первый разъ употребляется при описаніи происшествія 1224 года, и то не въ настоящемъ своемъ значеніи. «Тогда же Мьстиславь, перебродяся Днѣпръ, прейде съ 1000 вои на сторожи Татарскыя и побѣди я, а прокъ ихъ въбѣже съ воеводою своимъ Гемябекомъ въ **курганъ Половьчьскый**, и ту имъ не бы мочи» и пр. Ясно, что тутъ говорится не о могильной насыпи, а о городищѣ, и даже о довольно обширномъ городищѣ, если остатокъ разбитаго отряда могъ вбѣжать въ него и держаться въ немъ нѣкоторое время. Самое древнее названіе для курганныхъ насыпей есть, неоспоримо,

---

1) Котляревскій (l. c. стр. 161) перечисляетъ всѣ попытки и системы этого рода, созданныя нѣмецкими учеными, о могилахъ славянскихъ и германскихъ.

2) Мы не упоминаемъ здѣсь о поддѣльной грамотѣ, будто бы писанной Андреемъ Боголюбскимъ въ 1159 году, какъ сказано въ выписи изъ метрикъ Іеремія, патр. Константинопольскаго. Описаніе Кіево-печерской Лавры. Кіевъ, 1826 г. Приложенія.

видимъ, въ какія грубыя ошибки впали западные ученые, когда полагали возможнымъ опредѣлить народность могилы по одному изъ этихъ двухъ обрядовъ. Послѣ ученаго изслѣдованія А. А. Котляревскаго о погребальныхъ обрядахъ [1]), намъ ничего не остается прибавить новаго къ сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ; но мы должны обратить вниманіе на то, что лѣтописи подтверждаютъ встрѣчаемое при раскопкѣ кургановъ, т. е. совмѣстное употребленіе обоихъ обрядовъ, погребенія и сожиганія, у одного и того же народа. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ разсказывается (Пол. Собр. Л. I, 23, 6), что Древляне «убиша Игоря» и «погребенъ бысть... есть могила его у Изъкоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне». Слѣдовательно Древляне погребли тѣло убитаго Игоря, хотя немного выше, въ той же лѣтописи, сказано, что они сожигали своихъ покойниковъ: «аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику и възложахуть и на кладу мертвеца, сожижаху».

3.—**Различныя названія могильныхъ насыпей не указываютъ ни на народъ, ни на время, когда онѣ были насыпаны.** Съ перваго взгляда можно подумать, что мѣстныя названія могильныхъ насыпей суть остатки древнѣйшихъ преданій, сохранившихся въ памяти народа при видѣ уцѣлѣвшихъ погребальныхъ холмовъ. Но если изслѣдовать эти названія и провѣрить ихъ раскопкою самыхъ могилъ, то мы скоро убѣдимся, что они даны совершенно случайно и большею частью подъ вліяніемъ позднѣйшихъ, совершенно чуждыхъ происшествій. Между всѣми различными названіями могильныхъ насыпей слово **курганъ** есть одно изъ менѣе древнихъ, потому что встрѣчается въ грамотахъ не прежде XVI вѣка [2]), а въ лѣтописи Новгородской въ первый разъ употребляется при описаніи происшествія 1224 года, и то не въ настоящемъ своемъ значеніи. «Тогда же Мьстиславь, переброддся Днѣпръ, прейде съ 1000 вои на сторожи Татарскыя и побѣди я, а прокъ ихъ въбѣже съ воеводою своимъ Гемябекомъ въ **курганъ Половьчьскый**, и ту имъ не бы мочи» и пр. Ясно, что тутъ говорится не о могильной насыпи, а о городищѣ, и даже о довольно обширномъ городищѣ, если остатокъ разбитаго отряда могъ вбѣжать въ него и держаться въ немъ нѣкоторое время. Самое древнее названіе для курганныхъ насыпей есть, неоспоримо,

---

1) Котляревскій (l. c. стр. 161) перечисляетъ всѣ попытки и системы этого рода, созданныя нѣмецкими учеными, о могилахъ славянскихъ и германскихъ.

2) Мы не упоминаемъ здѣсь о поддѣльной грамотѣ, будто бы писанной Андреемъ Боголюбскимъ въ 1159 году, какъ сказано въ выписи изъ метрикъ Іеремія, патр. Константинопольскаго. Описаніе Кіево-печерской Лавры. Кіевъ, 1826 г. Приложенія.

Двину, и до самаго уѣзднаго города, могилами или волотовками [1]. Кеппенъ [2]) приводитъ названія: волотоуки или волотки для кургановъ около Витебска и Полоцка, между тѣмъ какъ то же самое прозваніе попадается и въ другихъ, самыхъ отдаленныхъ, мѣстностяхъ. Въ книгѣ Большаго Чертежа, напримѣръ, сказано: «А ниже Лебедяни верстъ съ 8 пала въ Донъ Быстрая Меча, на устьѣ Мечи съ вышнія страны волотова могила» [3]). Теперь еще въ Тамбовской губерніи, въ 8 старыхъ верстахъ или въ 11 нынѣшнихъ верстахъ между Лебедянью и устьемъ Красивой Мечи, находится селеніе Волотово. На сѣверѣ Россіи мы находимъ это прозвище сперва въ окрестностяхъ Новгорода: такъ называемая Гостомыслова могила извѣстна была также подъ названіемъ Волотовой могилы и находилась на Волотовомъ полѣ. Потомъ, еще далѣе на сѣверъ, на самой границѣ Лапландіи, близь рѣки Печени, встрѣчается то же самое прозвище, ибо въ книгѣ Большаго Чертежа сказано: «а отъ Таза рѣки, морскимъ берегомъ 20 верстъ, пали въ море рѣчка Денга, да рѣчка Воема. А промежъ ими берегомъ 30 верстъ. А промежъ тѣхъ рѣчекъ Волотово городище». То же прозваніе волотовой могилы переведено Киргизами словами: моктанъ—мезаръ, которыми они обозначаютъ курганы въ Сибири, лежащіе за Тоболомъ при озерѣ Улукаятатиръ-Куль [4]). Подобное же преданіе о волотахъ сохранилось также на Западѣ, въ Германіи, гдѣ и до сихъ поръ извѣстныя могилы называются Hünen-gräber.

Не останавливаясь на прозваніяхъ: батареи, западни, маяки, сланцы, капцы, пупки, кочи, бугры, ямы, горы, горицы, тоболки, которыя всѣ означаютъ курганныя насыпи, а также на народности племенъ, ихъ насыпавшихъ, мы въ особенности обратимъ вниманіе на три прозвища кургановъ, любопытныя особенно потому, что содержатъ отголосокъ историческихъ происшествій.

Первое изъ нихъ—Чудскія могилы,—какъ уже замѣчено было академикомъ Кеппеномъ, не относится вовсе къ такому отдаленному времени, какъ можно полагать, судя по одному прозванію этихъ кургановъ.

Второе—Батыевы могилы или курганы — также не принадлежитъ ко времени нашествія Татаръ. Напримѣръ въ Кіевскомъ уѣздѣ, на Паньковскомъ полѣ, извѣстныя Батыевы могилы были изслѣдованы въ 1862 году г. Волошинскимъ, и по находкамъ, въ нихъ сдѣланнымъ, убѣдились, что онѣ принадлежатъ къ гораздо болѣе древнему времени,

---

1) Сементовскій, Витебск. старина, стр. 5.—2) Списокъ извѣстныхъ кургановъ въ Россіи, СПБ. 1837.—3) Спасскій, стр. 44.—4) Кеппенъ, l. c. стр. 19.

чѣмъ нашествіе Батыя. То же самое явленіе подтвердилось и при разрытіи Батыева кургана около Суздали въ 1851 году.

Наконецъ, третье прозвище могильныхъ насыпей.—Во Владимірской и въ Ярославской губ. названія: паны, панки, пановы могилы даны многимъ курганамъ навѣрно по воспоминанію о страшныхъ разореніяхъ, произведенныхъ Поляками въ междуцарствіе, и весьма любопытно, что ни одинъ изъ кургановъ, обозначенныхъ такими прозваніями, не принадлежалъ къ XVII вѣку; всѣ эти паны, панки и пановы могилы были мерянскіе курганы, не новѣе XII вѣка.

4. Внѣшняя форма могильныхъ насыпей.

Внѣшняя форма курганныхъ насыпей постоянно завлекаетъ любителей старины, которые стараются по внѣшней формѣ или по величинѣ насыпи опредѣлить народность или значеніе погребеннаго тутъ лица. Но врядъ ли эти попытки могутъ быть успѣшны и врядъ ли онѣ приведутъ когда либо къ какому нибудь научному результату, потому что внѣшняя форма насыпей неоспоримо должна была измѣниться отъ времени, или отъ другихъ обстоятельствъ. Мы не знаемъ, напримѣръ, обкладывались ли могильныя насыпи дерномъ или нѣтъ, между тѣмъ теперь онѣ всѣ обросли густою травою и покрыты толстымъ слоемъ дерна. Даже тѣ курганы, которые обложены были снаружи камнями, находятся теперь подъ такимъ же толстымъ слоемъ дерна. Вовторыхъ, видоизмѣненіе внѣшней ихъ формы произошло также отъ растительности, ибо не только бо́льшая часть кургановъ обросла кустарниками, но даже весьма часто—большими деревьями, какъ сосны, ели, березы и пр. Эти деревья, при постоянномъ ростѣ, углубляясь корнями въ рыхлой насыпи, осадили ее постепенно и совершенно измѣнили ея внѣшній видъ. Наконецъ, могильныя насыпи повреждаются и отъ рукъ человѣческихъ: ближайшіе жители добываютъ камень изъ кургановъ, обложенныхъ камнями, распахиваютъ курганы, лежащіе на поляхъ, и срываютъ тѣ, которые находятся на дорогахъ. Поэтому мы полагаемъ, что теперь нельзя основывать никакихъ научныхъ выводовъ на внѣшней формѣ могильныхъ насыпей.

5. Вышина могильной насыпи.

Тѣ же причины, которыя видоизмѣняли внѣшнюю форму кургановъ, дѣйствовали также и на вышину этихъ насыпей. Сверхъ того, могильныя насыпи племенъ славянскихъ и неславянскихъ, населившихъ пространство нынѣшней Россіи послѣ VI вѣка, имѣютъ всѣ почти одну общую вышину. Если сравнить вышину кургановъ въ Кіевской губерніи съ вышиною мерянскихъ кургановъ, то мы не найдемъ между ними такого большаго различія, чтобы по одной ихъ внѣшности убѣдиться въ разнородности племенъ, ихъ насыпавшихъ. Если взглянемъ на

сравнительную таблицу вышины Мерянскихъ кургановъ [1]), то увидимъ, что отвѣсная вышина кургановъ древнѣйшей эпохи колеблется между $6\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ аршиномъ, отвѣсная вышина кургановъ второй эпохи—между 5 и $\frac{1}{2}$ арш. (два кургана близь села Каменскаго не могутъ быть причислены къ нормальнымъ насыпямъ). Въ книгѣ Фундуклея [2]) мы видимъ, что въ Звенигородскомъ уѣздѣ могилы имѣли отвѣсной вышины 6, 9 и 5 аршинъ; въ Васильковскомъ уѣздѣ курганъ Перепятиха имѣлъ до 5 саженъ вышины, но этотъ курганъ не принадлежитъ къ могиламъ славянскимъ. Наконецъ выпишемъ то, что Фундуклей говоритъ (стр. 61) о высотѣ могилъ: «Средняя высота могилъ, нераспаханныхъ, простирается отъ 2 до 3 саженъ въ отвѣсѣ; но есть много несравненно большихъ, напримѣръ: Сорока. Вообще предполагать должно, что могилы въ настоящее время гораздо ниже противъ того, какъ онѣ были въ самомъ началѣ».

6. Колоды.

Обыкновенно принято у насъ считать курганы, въ которыхъ встрѣчаются колоды или гробы, за могилы, менѣе древнія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ ихъ нѣтъ; между тѣмъ, судя по западнымъ изслѣдованіямъ, колоды употреблялись уже въ древнѣйшія времена. Первыя колоды, сдѣланныя изъ выдолбленнаго дерева и разрѣзанныя на двѣ, почти равныя, части, принадлежатъ къ бронзовому вѣку. Хотя въ Голштиніи нашли только одну могилу съ колодою, но зато въ сѣверномъ Шлезвигѣ, въ Ютландіи, Мекленбургѣ, Богеміи и въ особенности въ Англіи онѣ попадаются весьма часто. Вообще, какъ замѣчаетъ г. Маакъ [3]), могилы съ деревянными ящиками и съ колодами означаютъ конецъ бронзоваго вѣка. Если на Западѣ дознано, что колоды были употребляемы въ бронзовомъ вѣкѣ, то навѣрно и у насъ онѣ вошли въ употребленіе весьма рано. Подобно тому, какъ на Западѣ колоды находятся въ могилахъ и германскихъ, и чешскихъ, и британскихъ, такимъ же невѣрнымъ признакомъ народности онѣ являются и въ нашихъ курганахъ. Ихъ можно скорѣе принять (если раскопки это подтвердятъ) за признакъ извѣстнаго времени, напримѣръ XI вѣка, чѣмъ за признакъ бытоваго различія между племенами. Колоды не только находимы были иногда въ мерянскихъ курганахъ, но также, по свидѣтельству графа Тышкевича, и въ курганахъ Минской губерніи.

7. Положеніе лежачаго костяка на востокъ, или на югъ, или на западъ, и расположеніе рукъ.

---

1) Труды Перв. Арх. съѣзда, II, стр. 807—810.—2) LVI (см. перечень пособій). 3) Archiv. f. Anthropologie I, pag. 291—296.

Если мѣстные обычаи допускали въ одно и тоже время два совершенно различные обряда: погребеніе и сожиганіе, то тѣмъ болѣе допускали они извѣстный произволъ въ направленіи, въ которомъ полагалось тѣло, и въ расположеніи его рукъ. Мы указали въ нашемъ изслѣдованіи о Мерянахъ, что этотъ народъ не обращалъ вниманія ни на направленіе тѣла, ни на расположеніе рукъ. То же самое разнообразіе замѣчается и въ остальныхъ раскопкахъ, сдѣланныхъ въ Россіи, такъ что можно полагать, что ни направленіе, ни расположеніе рукъ не могутъ служить вѣрнымъ признакомъ извѣстной народности.

Эти семь разрядовъ признаковъ второстепенныхъ составляютъ тотъ выводъ, который мы получили изъ сравненія всѣхъ извѣстныхъ намъ раскопокъ. Могутъ встрѣтиться такія раскопки, которыя пополнять, или отчасти измѣнять, или увеличать число второстепенныхъ признаковъ, но вообще мы думаемъ, что и тогда ни одинъ изъ признаковъ, причисленныхъ нами къ второстепеннымъ, не будетъ въ состояніи представить намъ какія нибудь точныя и вѣрныя доказательства извѣстной народности. Всѣ эти признаки отдѣльно встрѣчаются въ различныхъ мѣстностяхъ, иногда до такой степени отдаленныхъ между собою, что явно должны принадлежать къ обычаямъ общепринятымъ почти у всѣхъ народовъ одного времени.

За тѣмъ мы перейдемъ къ признакамъ первой важности или существеннымъ, по которымъ, какъ намъ кажется, возможно будетъ со временемъ опредѣлить народность могилъ, въ которыхъ эти признаки встрѣчаются.

1. Постоянное и совокупное присутствіе въ могилахъ однихъ и тѣхъ же второстепенныхъ признаковъ составляетъ признакъ существенный. Такое постоянное присутствіе нѣсколькихъ второстепенныхъ признаковъ не можетъ считаться случайностію, а должно быть причислено къ бытовому отличію того народа, который насыпалъ эти курганы.

2. Устройство самой могилы, внутри насыпи, есть одинъ изъ тѣхъ отличительныхъ признаковъ, на которыхъ можно основыватѣ самые вѣрные выводы. Мы, напримѣръ, знаемъ, что своеобразное устройство скиѳскихъ могилъ въ Екатеринославской губерніи вовсе не походитъ на могилу Перепятиху въ Кіевской губерніи, хотя въ тѣхъ и другихъ найдены были золотыя украшенія почти одного и того же образца. Каменный склепъ, каменный ящикъ или могила, обложенная внутри плитами или камнями, принадлежатъ къ рѣзкимъ отличіямъ. Мы видѣли, что хотя, при раскопкахъ мерянскихъ кургановъ, найдены были три различныя видоизмѣненія внутренняго устройства могилы (или могила вырыта вглубь материка, или тѣло положено на поверх-

ности земли, или тѣло положено на особо насыпанномъ ложѣ, какъ на берегахъ Ростовскаго озера), но, все-таки, всѣ эти три различныя устройства составляютъ только видоизмѣненія одного и того же общаго устройства простой могилы, причемъ нигдѣ не попадались ни склепы, ни каменные ящики, ни могилы, обложенныя внутри каменными плитами.

3. Сидячее положеніе остава. Археологическія изслѣдованія доказали, что иногда ставили остовъ въ сидячемъ положеніи, но примѣры такого рода погребенія до такой степени еще рѣдки у насъ въ Россіи, что нельзя съ достовѣрностію сказать: принадлежитъ ли это положеніе остова къ признакамъ существеннымъ или нѣтъ?

4. Мѣстность.

Изслѣдователи, при раскопкѣ кургановъ, старались всегда пріурочивать мѣстность, на которой стояли эти курганы, но при этомъ не обращали достаточнаго вниманія на точность топографическихъ свѣдѣній о славянскихъ и неславянскихъ племенахъ, помѣщенныхъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Съ перваго взгляда эти свѣдѣнія покажутся отрывочными и неполными, но если прослѣдить ихъ по картѣ, то мы найдемъ противоположное: они—покрайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ племенъ—совершенно точны въ географическомъ отношеніи и указываютъ на первоначальныя поселенія племенъ.

Сверхъ того, для нашей отечественной археологіи въ особенности важно точное опредѣленіе именно тѣхъ мѣстностей, на которыя первоначально сѣли племена какъ славянскія, такъ и неславянскія, потому что на этихъ именно мѣстахъ первоначальныхъ поселеній могилы должны находиться во всей типичной своеобразности первобытнаго ихъ устройства, не измѣненнаго еще никакимъ постороннимъ вліяніемъ. Сперва, при каждомъ разселеніи, племена сидятъ болѣе разрозненно, болѣе отдѣльно одно отъ другаго и составляютъ, каждое особо, какъ бы одно замкнутое цѣлое. Оттого въ лѣтописи и говорится про Полянъ: «живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими.... и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Такое положеніе отдѣльныхъ племенъ, въ первоначальныя времена, въ послѣдствіи измѣняется, когда завязываются болѣе тѣсныя сношенія между племенами, сношенія дружескія, торговыя, или вызванныя какими-нибудь особыми обстоятельствами. Тогда племена постепенно сближаются между собою, и при этомъ сближеніи невольно сглаживаются тѣ угловатыя особенности въ обычаяхъ и нравахъ, которыя первоначально составляютъ рѣзкую своеобразность каждаго племени отдѣльно. Отсюда происходитъ, что на мѣстахъ, гдѣ племена сталкивались или сближались между собою, гдѣ они, по необходимости, начали жить какъ бы общею жизнію, на тѣхъ мѣстахъ родовое отличіе

каждаго изъ нихъ быстрѣе сглаживалось и исчезало. На этихъ мѣстахъ, такъ сказать общихъ или пограничныхъ, не только обычаи, но даже и стиль вещественныхъ памятниковъ теряетъ свои характеристическія особенности.

Для примѣра точности космографическихъ свѣдѣній въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, мы сошлемся на раскопки мерянскихъ кургановъ. Могилы на берегахъ обоихъ озеръ, Ростовскаго и Переславскаго, имѣли рѣзкіе признаки племеннаго своеобразія, но постепенно удаляясь отъ колыбели Мерянскаго народа, могилы болѣе и болѣе теряли рѣзкость этихъ признаковъ, а на пограничныхъ мѣстностяхъ общій характеръ могилъ до такой степени уже изгладился, что онѣ сами походили иногда болѣе на могилы сосѣднихъ народовъ, чѣмъ на чисто мерянскія. Такого же самаго явленія мы вправѣ ожидать и при раскопкѣ кургановъ остальныхъ племенъ, населявшихъ древнюю Русь.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, археологическія изысканія должны быть по преимуществу обращены на мѣста первоначальныхъ поселеній народовъ, при чемъ необходимо руководствоваться свѣдѣніями, находящимися въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и тѣми пополненіями, которыя встрѣчаются у Константина Багрянороднаго. И тѣ и другія свѣдѣнія были изслѣдованы Шафарикомъ въ его Славянскихъ Древностяхъ (Томъ II, книга 1), при чемъ и лѣтописи Константина онъ дополнилъ еще филологическими соображеніями и позднѣйшими указаніями лѣтописей. Такимъ образомъ Шафарикъ получилъ не только указанія на первоначальныя поселенія племенъ, но и на все пространство, которое они занимали при послѣдующемъ расширеніи этихъ поселеній. Для нашей же цѣли мы должны довольствоваться только двумя источниками: лѣтописью и Константиномъ, хотя на основаніи ихъ опредѣлятся не всѣ племена, населявшія Русь. Вначалѣ мы получимъ положительныя данныя для сравненія могилъ только нѣкоторыхъ народовъ, но впослѣдствіи можемъ дойти, тѣмъ же путемъ сравненія, и до опредѣленія народности могилъ остальныхъ племенъ.

Въ лѣтописи мы находимъ вполнѣ точныя свѣдѣнія о первоначальномъ мѣстѣ поселенія только слѣдующихъ Славянскихъ племенъ: Славянъ Ильменскихъ, Полочанъ, Кривичей, Сѣверянъ, Дреговичей, Древлянъ, Полянъ, Радимичей, Вятичей, Бужанъ и Дулебовъ; изъ племенъ Финскихъ—Веси, Мери и Муромы. О всѣхъ остальныхъ племенахъ свѣдѣнія не довольно точны для указанія съ достовѣрностію, на какихъ именно мѣстахъ слѣдуетъ искать курганы этихъ народовъ.

А.—Славяне Ильменскіе или Новгородскіе.—Во многихъ мѣстахъ лѣтописи ясно опредѣляется первое поселеніе Славянъ Ильменскихъ (П. С. Л. I. 3, 4, 5, 9), но главное указаніе слѣдующее:

«Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новгородъ». Такимъ образомъ главный центръ поселенія находился вокругъ Ильменскаго озера, а самое озеро, по географическому своему положенію, составляло въ древности перекрестье водяныхъ путей. На сѣверъ вытекаетъ изъ него Волховъ, впадающій въ Ладожское озеро; съ этой же стороны въ Ильменское озеро впадаетъ Мста, притекающая съ востока изъ Тверской губерніи. Съ юга—впадаютъ: Ловать, вытекающая изъ Витебской губерніи, и Пола,—изъ Псковской губерніи. Наконецъ, съ западной стороны впадаетъ рѣка Шелонь, также вытекающая изъ Псковской губерніи. Кромѣ того, берега озера представляютъ мѣстности весьма возвышенныя (Новгородъ лежитъ на 24, 56; Голино на 21, 5; Буреги на 21, 8; Новинкина 19, 6 саженъ—I. стр. 19 [1]), на которыхъ слѣдуетъ искать слѣды древнѣйшихъ поселеній Славянъ. Ходаковскій насчиталъ до 120 городищъ, и говоритъ, что курганы или сопки находятся также на берегахъ Волхова, Мсты, Полы, Ловати и Ильменскаго озера. Они имѣютъ вездѣ одинъ и тотъ же коническій видъ, и высота иныхъ доходитъ до 4 и 5 саженъ, въ поляхъ ихъ вовсе не видно, а только по берегамъ и изгибамъ рѣкъ и рѣчекъ (III. стр. 145, 160—173). Далѣе Ходаковскій, при разрытіи Гостомысловой могилы или сопки, замѣчаетъ, что она имѣла одинаковое устройство, какъ сопки подъ старою Ладогою, на берегу Волхова, и что вообще всѣ курганы насыпаны слѣдующимъ образомъ: на нетронутой поверхности земли положенъ сначала вѣнецъ изъ камней, и вся средина его обложена также крупными камнями; на нихъ уже насыпанъ песокъ и щебень, взятый у берега рѣки. Воздвигнувъ холмъ, по мнѣнію Ходаковскаго, обкладывали его дерномъ; но это мнѣніе можетъ считаться только произвольнымъ предположеніемъ, требующимъ прямыхъ доказательствъ. Такъ какъ подъ сопкою поверхность земли оставалась нетронутою, то для опредѣленія времени ихъ насыпки можно, кажется, примѣнить тутъ способъ, предложенный академикомъ Рупрехтомъ (XIX). Кромѣ сопокъ, въ этихъ мѣстностяхъ находятся другія еще могильныя насыпи, извѣстныя подъ именемъ жальниковъ, въ которыхъ тѣла погребались, но не сожигались. Не смотря на незначительность сдѣланныхъ Ходаковскимъ раскопокъ, любопытно замѣтить, что онѣ, все-таки, опредѣлили характеристическія черты сопокъ, и отличительные ихъ признаки оказались вполнѣ одинаковыми на обѣихъ оконечностяхъ рѣки Волхова, у Ладоги и у Новгорода; слѣдовательно, и тѣ и другія сопки принадлежатъ одному и тому же народу, населявшему эти мѣстности въ періодъ же-

1) См. римскія цифры въ Перечнѣ пособій.

лѣзнаго вѣка, т. е. въ тѣ времена, когда онѣ были уже заселены Славянами.

Подробныя свѣдѣнія о сопкахъ, жальникахъ и городищахъ въ уѣздахъ Старорусскомъ, Демьянскомъ, Крестецкомъ, Валдайскомъ, Боровичскомъ, Устюжскомъ и Бѣлозерскомъ собраны въ Извѣстіяхъ Имп. Арх. Общества (II, 149—160) и въ Запискахъ того же Общества (1854, IV, стр. 12—15).

В.—Полочане и Кривичи.—Изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ видно, что Полочане и Кривичи были одного племени: «Иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечетъ въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочяне... А другое на Полотѣ, иже Полочане. Отъ нихъ же Кривичи, иже сѣдятъ наверхъ Волги, наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленскъ, туда бо сѣдятъ Кривичи.... Въ Полотьски Кривичи суть перьвіи насельници» (П. С. Лѣт. I, 3, 5, 9.). Изъ лѣтописи намъ также извѣстно, что нравы и обычаи Кривичей были одинаковы съ нравами и обычаями Древлянъ, Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. Центромъ перваго поселенія Полочанъ былъ Полоцкъ, расположенный по обоимъ берегамъ Западной Двины и впадающей въ нее съ правой стороны рѣки Полоты. Замѣтимъ при этомъ, что рѣка Двина, въ предѣлахъ города, принимаетъ съ лѣвой стороны, за окопомъ, ручьи: Саловинъ и Свинецъ, среди города—ручей Кривцовъ-посадъ, а на востокъ—ручей Бѣльчицу (XXVII, стр. 146).

Въ замѣчательномъ трудѣ А. М. Сементовскаго о Памятникахъ старины Витебской губерніи (XXI, стр. 16) авторъ указываетъ на курганы, лежащіе въ Полоцкомъ уѣздѣ, на которые слѣдуетъ обратить особенное вниманіе по ихъ мѣстоположенію. Первая группа—36 кургановъ, въ 20 съ небольшимъ верстахъ отъ Полоцка; вторая—23 кургана, въ 50 верстахъ, на берегу рѣки Дриссы; третья—изъ 20 кургановъ, въ 54 верстахъ отъ Полоцка, на земляхъ казеннаго имѣнія Ситно, близъ самой рѣки Полоты; четвертая—изъ 33 кургановъ, въ 15 верстахъ, и въ четверти версты отъ деревни Владычиной, казеннаго Махировскаго имѣнія; пятая—изъ 7 кургановъ, въ урочищѣ Шитахъ, казенной Обольтуницкой дачи, близъ деревни Филиповки. Кромѣ этихъ группъ изъ отдѣльно лежащихъ кургановъ, Сементовскій упоминаетъ о двухъ могилахъ: одна, близъ деревни Горовой, имѣетъ 7 саженъ высоты при 200 саженяхъ въ окружности; другая—Рогнѣдинъ курганъ—имѣетъ 5½ саженъ вышины и 300 аршинъ въ окружности. Всѣ эти курганы не были доселѣ изслѣдованы научнымъ образомъ.

Полоцкіе Кривичи прошли, вѣроятно, по теченію Двины далѣе на востокъ и основали, по словамъ лѣтописи, поселенія въ треугольникѣ, образуемомъ верховьями Двины, Волги и Днѣпра. Эти верховья трехъ рѣкъ, на которыя указано въ лѣтописи, дѣйствительно образуютъ весьма рѣзко обозначенную естественную границу для первыхъ поселеній Кривичей (XXVIII, стр. 69, 72.—XXX, стр. 7). Верховья Западной Двины почти сходятся съ верховьями Волги въ Осташковскомъ уѣздѣ, на самой возвышенной части губерніи, изъ которой расходятся линіи горъ, служащихъ водоспускомъ Волги, Западной Двины и Мсты. На югѣ Днѣпръ беретъ начало въ Бѣльскомъ уѣздѣ, въ низменной мѣстности, изъ небольшаго болота Мшара, не очень далеко отъ границы Ржевскаго уѣзда. Любопытно, что весь этотъ треугольникъ раздѣляется между Двиною и Днѣпромъ рѣкою Межою, а при впаденіи Межы въ Двину, Двина дѣлается судоходною; итакъ спрашивается: не имѣла ли эта рѣка Межа какое-нибудь пограничное значеніе въ древнія времена? Жилища Кривичей доходили на западѣ, вдоль Днѣпра, до Смоленска, одинаковымъ образомъ, какъ на сѣверѣ, по Двинѣ, они доходили до Полоцка. Все пространство, замкнутое верховьями трехъ этихъ рѣкъ, содержитъ: отъ Смоленской губерніи—сѣверную часть Смоленскаго уѣзда, Духовщинскій уѣздъ, сѣверозападную часть Дорогобужскаго, Порѣцкій и Бѣльскій; отъ Тверской губерніи—западную часть уѣздовъ Ржевскаго и Осташковскаго; отъ Витебской—южную часть уѣздовъ Витебскаго, Суражскаго и Велижскаго и отъ Могилевской губерніи—крайнюю, восточную оконечность Оршанскаго уѣзда.

В.—Сѣверяне.—Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ находятся такія же точныя топографическія свѣдѣнія о поселеніяхъ Сѣверянъ, и сверхъ того добавляется, что они имѣли одинаковые нравы съ Кривичами, Радимичами и Вятичами. «А друзіи (Словѣни) сѣдоша на Деснѣ, и по Семи, и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверъ» (П. С. Л. I, 3, 5, 6). Всѣ три рѣки, тутъ обозначенныя, составляютъ, съ лѣвымъ берегомъ Днѣпра, естественныя границы, замыкающія пространство, занятое теперь слѣдующими уѣздами: по Деснѣ, въ Черниговской губерніи,—Остерскимъ, Борзнянскимъ, Кролевецкимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ; по лѣвому берегу Днѣпра, въ Полтавской губерніи,—Переяславскимъ и Золотоношскимъ; по Сеймѣ, въ Курской губерніи,—Старо-Оскольскимъ, южною частью Курскаго, Рыльскимъ, Суджанскимъ; въ Черниговской губерніи,—Путивльскимъ и Конотопскимъ; по Сулѣ, въ Полтавской губерніи,—Кременчугскимъ, Хорольскимъ, Лубенскимъ, Лохвицкимъ; въ губерніи Харьковской,—Роменскимъ и Сумскимъ. Эти свѣдѣнія еще точнѣе опредѣляются извѣстіями изъ лѣтописи и Константина

Багрянороднаго о древнѣйшихъ городахъ Сѣверянъ: о Любечѣ на Днѣпрѣ и о Черниговѣ на Деснѣ.

О курганахъ и городищахъ въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчаются свѣдѣнія у Шафонскаго (XXXI, стр. 234, 314, 333, 353, 368, 498, 413, 535, 506, 512, 563), у Дмитрюкова (XXXIII), въ запискахъ Русскаго Отдѣленія (XLIII), у Кеппена (Списокъ курганамъ, стр. 17) и въ Московскихъ вѣдомостяхъ (1848 г., № 157).

Г.— Дреговичи.—Точное опредѣленіе перваго поселенія Дреговичей довольно затруднительно, потому что въ лѣтописи ему отводится слишкомъ обширное пространство между рѣками Припетью и Западною Двиною: «А друзіи (Словяне) сѣдоша между Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи» (П. С. Л. I, 3, 5). Но эти слова лѣтописи слѣдуетъ, вѣроятно, понимать только какъ указаніе на направленіе, по которому тянулись первоначальныя жилища Дреговичей, т. е. на сѣверъ отъ Припети по направленію къ Западной Двинѣ. Сверхъ того, позднѣйшія указанія лѣтописи дополняютъ недостаточность этихъ первыхъ свѣдѣній о Дреговичахъ. Подъ 1116 годомъ сказано, что Глѣбъ Всеславичъ «бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ». Еще позднѣе, подъ 1148 годомъ, мы находимъ подтвержденіе тѣхъ же свѣдѣній. Когда Юрій вступилъ въ Кіевъ, тогда Святославъ Ольговичъ .... «вся Курскъ и съ Посемьемъ и Сновьскую тисячю у Изяслава, и Случескъ и Клъчьскъ и вси Дреговичи» (П. С. Л. II, 7, 45). Отсюда можно заключать, что Слуцкъ (уѣздный городъ Минской губерніи на рѣкѣ Случѣ) и Клъчьскъ или Клеческъ (мѣстечко Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, на югѣ отъ Несвижа), какъ древнѣйшіе города Дреговичей, указываютъ намъ, что первыя ихъ поселенія шли отъ сѣвернаго берега Припети до Слуцка и Клеческа. Такъ какъ намъ извѣстно, что долина рѣки Припети вообще низменна и болотиста, и только нѣкоторые отдѣльные пункты возвышенны и удобны для поселеній (XLIII, стр. 155—165), то пространства, на которыхъ слѣдуетъ искать курганы Дреговичей, довольно ограничены, а потому и удобны къ изслѣдованію.

Д.—Древляне.—Первоначальное мѣсто поселенія (П. С. Л. I, 3, 5, 6, 7) Древлянъ или Деревлянъ опредѣляется точнѣе только позднѣйшими свѣдѣніями о двухъ главныхъ ихъ городахъ: объ Изъкоръстѣни (подъ 946 г.—Искорость, село Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи, на рѣкѣ Ушѣ) и о Вручевѣ (подъ 977 годомъ. Вручай Вручій, Вручьи, Овручъ, уѣздный городъ Волынской губерніи, на рѣкѣ Норинѣ, съ лѣвой стороны впадающей въ Ушь). По положенію городовъ Искорости и Овруча видно, что Древляне первоначально поселились на рѣкѣ Ушѣ до впаденія ея въ Припеть и на притокѣ рѣки

Уши, на рѣчкѣ Норинѣ. Такимъ образомъ они заняли теперешній Овручскій уѣздъ Волынской губерніи и сѣверную часть Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи. Въ 1845 году г. Сивицкій сдѣлалъ попытку изслѣдовать мѣстность древней Искорости и разрылъ нѣсколько кургановъ; но розысканія эти далеко не доведены были до конца. Въ Овручѣ профессоръ Ставровскій въ 1846 году изслѣдовалъ однѣ развалины церкви св. Василія, не обративъ вниманія на курганы. Въ 1848 году г. Петровскій разрылъ въ Волынской губерніи могилу В. Кн. Олега Святославича, составилъ описаніе своей раскопки и снялъ рисунки съ найденныхъ вещей (см. свѣдѣнія, сообщенныя первому Археологическому съѣзду Кіевскимъ университетомъ). Подробное описаніе кургановъ (насчитано 993), городищъ и прочихъ насыпей находится у Фондуклея (LVI, стр. 39) и у Похилевича (LX, стр. 108—188). Изъ описанныхъ мѣстностей можемъ полагать, что къ древлянскимъ первоначальнымъ поселеніямъ принадлежали слѣдующія мѣстности по рѣкѣ Ушѣ и между Ушею и Припетью: Корогородъ, въ 10 верстахъ отъ Уши и въ 15 отъ Припети; въ трехъ верстахъ отъ села на равнинѣ возвышается по срединѣ искусственная насыпь (LX, стр. 148); Новосёлки, на возвышенномъ лѣвомъ берегу Уши; нѣсколько кургановъ и древняя переправа черезъ рѣку въ урочище Утренне (стр 148); Шепеличи, на правомъ берегу Припети; древнее городище, почти въ 2 десятины, со рвомъ и валомъ. (жители не сохранили о немъ никакихъ преданій; стр. 132); Чернобыль, мѣстечко на возвышенномъ берегу Припети, въ 20 верстахъ выше впаденія ея въ Днѣпръ. При самомъ мѣстечкѣ, съ правой стороны, впадаетъ въ Припеть рѣка Ушъ. Пограничность этого мѣстечка, между двумя различными народами, какъ бы подтверждается самымъ названіемъ Чернобыль, ибо названіе это нѣкоторые писатели производятъ отъ черной (въ черныхъ одѣяніяхъ и черныхъ шапкахъ) Руси, граничащей здѣсь съ Русью бѣлою (въ бѣлыхъ свиткахъ и шапкахъ). Чернобыль существовалъ уже въ 1193 году. (I). Стрежевъ, въ 2 верстахъ отъ Чернобыля, съ остатками фундаментовъ древняго зданія и большимъ количествомъ кургановъ (LX, стр. 144—146). Стрежевъ упоминается въ лѣтописи подъ 1129 годомъ.

На Припети: Городище на возвышенности, омываемой во время половодія Днѣпромъ и Припетію; признаки древняго города.

Между рѣками Тетеревомъ и Ушомъ: Волчково, при вершинѣ ручья Бобра, впадающаго въ Ушъ, въ 2 верстахъ видны окопы и насыпи, и отрывается много костей (LX, стр. 160). Иванковъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Тетерева; замокъ, откапываются оставы (LX, стр. 156.—LVI, стр. 40—41). Приборскъ, на лѣвомъ высокомъ берегу Тетерева; въ урочищѣ «Труба»—городище, обнесенное валомъ

и поросшее вѣковыми дубами; другое урочище называется «могильнымъ» (LX, стр. 155). Оране, село на лѣвомъ гористомъ берегу Тетерева. Оране значитъ вспаханное поле. Близъ села высокій курганъ, особой формы, и ниже по рѣкѣ, въ 2 верстахъ, городокъ (LX, стр. 119.—LVI, стр. 39, 40). Подолъ или Фрузиновка, въ 2 верстахъ ниже Оранаго, на берегу Тетерева; тутъ лежатъ 35 могилъ, весьма малыхъ, полуразрушенныхъ и совершенно особеннаго устройства (LX, стр. 120.—LVI, стр. 39). На этихъ, можетъ быть, мѣстностяхъ откроютъ слѣды древлянскихъ могилъ: это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Фондуклей прямо говоритъ, что курганы въ Оранѣ и въ Подолѣ или Фрузиновкѣ не могутъ быть отнесены къ тремъ разрядамъ обыкновенныхъ могилъ Кіевской губерніи.

Е.—Поляне.—Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ сказано о поселеніи Полянъ по берегу Днѣпра (П. С. Л. I. 3, 4, 5): «Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне.... Поляномъ же, жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки». Кромѣ того, въ лѣтописи и у Константина Багрянороднаго встрѣчается еще болѣе точное указаніе при перечисленіи главныхъ городовъ Полянъ (Шафарикъ, Слав. Древн. Т. II, кн. 1): Вышгородъ, Βουσεγραδε, Кіевъ, Κιόβα или Σαμβάτος, Витичевъ, Βιτετζέβη, и Родня на Днѣпрѣ; близъ Кіева: Бѣлгородъ на Ирпени и Василевъ на Стугнѣ. По самому положенію этихъ городовъ видно, что первоначальныя жилища Полянъ не шли на сѣверъ выше устья р. Ирпени, а на югъ—далѣе устья рѣки Рось. Попытки, сдѣланныя Кіевскою Коммиссіею (LV; LIX) надъ системою кургановъ кіевскихъ и васильковскихъ, могли бы привести къ окончательному выводу, но, къ сожалѣнію, раскопки доселѣ слишкомъ еще малочисленны въ сравненіи съ многочисленностію племенъ, которыя переходили по этимъ мѣстностямъ или поселялись на нихъ. Но любопытно замѣтить, что народы позднѣйшіе уважали могилы своихъ предшественниковъ, и даже свои могилы располагали вблизи древнѣйшихъ могилъ. Такимъ образомъ, курганъ Перепятиха, съ слѣдами скиѳской или греко-скиѳской эпохи, былъ окруженъ могилами совершенно другаго времени и другаго народа (LV, стр. 16). Такое же различіе было замѣчено и г. Волошинскимъ при раскопкахъ, въ 1854 году (LIX), на Бѣлокняжескомъ полѣ: онъ разрылъ тринадцать могилъ и даже между ними нашелъ различіе въ погребальныхъ обрядахъ.

Ж.—Радимичи и Вятичи.—Радимичи и Вятичи происходили, по народному преданію, сохраненному въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, отъ племени Ляховъ (П. С. Л. I, 5, 6) и поселились: Радимичи на рѣкѣ Сожѣ, а Вятичи на Окѣ. Но такъ какъ эти свѣдѣнія не довольно точны

въ отношеніи къ топографіи и слишкомъ неопредѣленны, то надо пополнить ихъ другими показаніями лѣтописи.

Такъ какъ Радимичи въ 984 году были разбиты Владиміровымъ воеводою Вольчьимъ-Хвостомъ, который ихъ «сътрѣте» на рѣкѣ Пищанѣ (нынѣ ручей Пещанъ въ Старобыховскомъ уѣздѣ, въ 6 верстахъ отъ Пропойска впадаетъ въ Сожу), то видно что они жили отъ устья Пещани вверхъ до истоковъ Сожи, слѣдовательно въ уѣздахъ: Старобыховскомъ, Чериковскомъ и Мстиславскомъ, Могилевской губерніи, и въ Краснинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи.

О Вятичахъ сказано, что они жили по рѣкѣ Окѣ, но Ока была уже заселена у устья своего въ Волгу Муромою; слѣдовательно Вятичи не могли распространить свои поселенія далѣе Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи, уже занятаго выселками Мери, какъ можно судить по названіямъ Мерлево и Мерлиновки, рѣки Нерской и Нересты (LIII, стр. 642). Слѣдуя по теченію Оки, надо искать первоначальныя жилища Вятичей въ уѣздахъ: Тарускомъ (село Вятское на рѣчкѣ Старкѣ), Калужскомъ, Перемышльскомъ, Лихвинскомъ, Бѣлевскомъ и до Болховскаго, Орловскаго и Кромскаго, откуда вытекаетъ Ока.

З.—Бужане и Дулебы.—Первоначальныя поселенія Бужанъ и Дулебовъ опредѣлены въ лѣтописи столь же неудовлетворительно, какъ и жилища предшествующихъ двухъ племенъ. Мы знаемъ изъ лѣтописи (П. С. Л. I, 5), что Бужане «зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне. . . . Дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне». Какъ видно, Бужане поселились на берегахъ западнаго Буга (Шафарикъ. Т. II, кн. 1, стр. 191) и, по догадкѣ Карамзина (Т. I, прим. 70), получили названіе Волынцевъ отъ города Волыни, находившагося между Владиміромъ и Львовымъ, въ 20 верстахъ отъ Владиміра Волынскаго, при впаденіи рѣчки Гучвы въ западный Бугъ съ восточной стороны. На этомъ мѣстѣ сохранились: городокъ и множество кургановъ внутри вала (L.—III; Т. 1, статья Ходаковскаго).

Племена неславянскія.

К.—Весь.—(П. С. Л. I, 5.) Слова: «На Бѣлѣ озерѣ сѣдятъ Весь» не требуютъ дальнѣйшаго поясненія.

Л.—Меря.—О жилищахъ Мери на Ростовскомъ и Клещинѣ озерахъ см. Труды перваго съѣзда (II, стр. 632—852).

М.—Мурома.—(П. С. Л. I, 5.) «По Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемиси свой языкъ, Мордва свой языкъ». Городъ Муромъ на Окѣ, вблизи отъ устья рѣчки Теши, служитъ доселѣ воспоминаніемъ о первыхъ обитателяхъ этихъ мѣстностей, а потому согласно съ лѣтописью, надо искать курганы Муромы отъ город[illegible] Мурома до Волги, вдоль Оки. Вѣроятно только въ послѣдствіи, пр[illegible]

расширенія выселковъ Мери, Мурома была отодвинута до устья Клязьмы, такъ что курганы отъ устья Клязьмы до Мурома могутъ содержать признаки только позднѣйшаго времени.

Объ остальныхъ племенахъ (напримѣръ Уличи, Тиверцы, Хорваты и пр.) въ лѣтописи находится свѣдѣнія, еще менѣе точныя въ топографическомъ отношенія, чѣмъ о Бужанахъ, Дулебахъ и нѣкоторыхъ другихъ. Отличительный характеръ ихъ могилъ тогда только опредѣлится, когда будутъ основательно изслѣдованы первоначальныя поселенія 13 племенъ, выше описанныхъ. Тогда, получивъ вѣрныя данныя для сравненія могилъ и погребальныхъ обрядовъ, можно будетъ, съ успѣхомъ, расширить кругъ изысканій на все пространство, которое было занято позднѣйшими выселками первоначальныхъ насельниковъ и такимъ образомъ опредѣлить мѣста поселенія и тѣхъ племенъ, о которыхъ недостаетъ въ лѣтописи точныхъ свѣдѣній.

Наконецъ пятый и послѣдній существенный признакъ, характеризующій народность могилъ, составляютъ:

5.—Предметы, находимые въ могилахъ.—Между предметами, находимыми въ могилахъ, необходимо съ строгою критикою сдѣлать выборъ и отличить предметы, занесенные торговлею, отъ предметовъ, принадлежащихъ мѣстному производству. Только эти послѣдніе могутъ указать на народность могилы. Даже между мѣстными произведеніями различныхъ племенъ намъ могутъ служить существенными признаками только тѣ, которые имѣютъ особый отпечатокъ, переходящій даже иногда въ особый стиль, съ совершенно своебразнымъ характеромъ. Для примѣра приведемъ бронзовыя пряжки Мерянъ съ лошадиными головами, съ плетенками и бубенчиками, или треугольной формы съ подвѣсками (LIII.—Табл. XXV). Вообще, мы указали, при обсужденіи торговли Мери съ народами сосѣдними, нѣсколько примѣровъ такихъ издѣлій, несомнѣнно принадлежащихъ къ работѣ художниковъ извѣстнаго племени и сдѣланныхъ или подъ вліяніемъ особаго религіознаго вѣрованія, или вслѣдствіе мѣстнаго обычая (ibidem. II, стр. 721—724). Такіе предметы могутъ очень вѣрно руководить изслѣдователя. Они, хотя иногда и встрѣчаются въ могилахъ другихъ самыхъ ближнихъ народовъ, но попадаются тутъ какъ самыя рѣдкія исключенія, доказывая уже этимъ однимъ, что принадлежатъ къ случайнымъ, а не къ существеннымъ принадлежностямъ такихъ могилъ.

Окончивъ обозрѣніе признаковъ какъ существенныхъ, такъ и второстепенныхъ, мы должны указать теперь на результатъ, полученный изъ раскопокъ, сдѣланныхъ доселѣ въ Россіи. Для полученія этого вывода мы собрали всѣ напечатанныя свѣдѣнія о раскопкахъ и находкахъ; сверхъ того, благодаря содѣйствію В. Г. Тизенгаузена и П. И. Лерха, мы вос-

пользовались и такими свѣдѣніями, которыя не были еще напечатаны, и такимъ образомъ составили почти полную литературу раскопокъ и находокъ во всѣхъ губерніяхъ. Но не смотря на все это, мы видимъ, что кромѣ незначительныхъ раскопокъ Ходаковскаго у Новгорода и старой Ладоги, кромѣ попытокъ Кіевской Коммиссіи надъ многочисленными курганами кіевскими и васильковскими, кромѣ нашихъ изслѣдованій въ губерніяхъ Владимірской и Ярославской и кромѣ малочисленныхъ раскопокъ у Искорости, всѣ остальныя раскопки не коснулись тѣхъ именно мѣстностей, на которыя мы указали, какъ на самыя важныя для опредѣленія народности могилъ. Слѣдовательно, при явномъ недостаткѣ вѣрно направленныхъ изысканій, мы можемъ сказать, что только нѣкоторыя, самыя малочисленныя раскопки, о которыхъ говорено выше, могутъ дѣйствительно указать на народные обряды и особенности погребальныхъ обрядовъ извѣстныхъ племенъ. Другія же раскопки, большею частію случайныя, составляютъ доселѣ только неясный матеріалъ, требующій дальнѣйшаго разъясненія отъ научныхъ изслѣдованій:

Наконецъ, изъ всего сказаннаго мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

1.—При изслѣдованіи кургановъ какъ славянскихъ, такъ и неславянскихъ племенъ, необходимо производить раскопки на мѣстахъ первоначальнаго ихъ поселенія, указанныхъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ; тогда только мы получимъ нѣсколько положительныхъ и вѣрныхъ данныхъ, которыя послужатъ исходною точкой для сравнительной археологіи могилъ.

2.—Для опредѣленія признаковъ, на которыхъ можно основать отличія могилъ одного племени отъ другаго, необходимо критически разграничить признаки существенные отъ признаковъ второстепенныхъ.

3.—Всѣ доселѣ сдѣланныя раскопки кургановъ, за исключеніемъ вышеприведенныхъ случаевъ, не обслѣдовали именно тѣ мѣста, которыя одни могутъ раскрыть отличительные признаки племенъ, населявшихъ Русь, а потому и полученные результаты не могли быть удовлетворительными.

Въ заключеніе мы просимъ всѣхъ, занимающихся отечественною археологіею, провѣрить нашъ бѣглый очеркъ отличительныхъ признаковъ могильныхъ насыпей и сообщить намъ свое мнѣніе о тѣхъ добавленіяхъ, которыя, по мѣстнымъ изслѣдованіямъ, могутъ послужить къ указанію народности могилъ. Мелкія подробности, иногда весьма существенныя для пріурочиванія могилъ, могли легко ускользнуть при бѣгломъ обзорѣ, между тѣмъ какъ на нихъ именно могутъ указать мѣстные археологи, занимающіеся изслѣдованіемъ кургановъ.

ПЕРЕЧЕНЬ ПОСОБІЙ

КЪ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬѢ.

I. М. Рудневъ, Статистическія свѣдѣнія о Новгородской губ. Новгородъ, 1866.

II. И. Н. Трое сутокъ въ Новгородѣ. СПБ. 1842.

III. Русскій историческій сборникъ, III, кн. 2.

IV. Bulletin scientifique publ. par l'Acad. I. de S. Petersb. I, № 18.

V. Обозрѣніе писцовыхъ книгъ. Москва, 1841.

VI. Временникъ Общ. Ист. и Др. 1850. VIII. Бѣляевъ, Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика.

VII. Тамъ же, 1852. XV. Бѣляевъ, Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика въ Новгородъ.

VIII. Записки Имп. Географическаго Общ. 1853. VIII. К. А. Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ.

IX. Записки и Труды Общ. Ист. и Др. I, стр. 114. К. Ѳ. Калайдовичъ, Розысканіе о пришествіи Рюрика въ Ладогу.

X. Тамъ же, стр. 145. К. Ѳ. Калайдовичъ, Краткій чертежъ народовъ Славянскихъ, обитавшихъ на мѣстахъ нынѣшней Россіи до пришествія русскихъ князей въ Новгородъ.

XI. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, LVII, II, стр. 157—190. Бѣляевъ, Города на Руси до Монголовъ,

XII. Сынъ Отечества 1862. XVII. Воскресное прибавл. Рюриково городище въ Новгородѣ.

XIII. Сѣверная почта, №№ 104, 112, 118, 132, 145, 174, 187. Новгородскія письма.

XIV. Новгородскія Губернскія Вѣдомости, 1863, №№ 38, 43. Поденная записка о работахъ, произведенныхъ при раскопкѣ древняго зданія на улицѣ Рогатской въ Новгородѣ.

XV. Тамъ же, 1856, №№ 18, 19, 24, 26, 27. Извлеченія изъ замѣчаній академика Эйхвальда.

XVI. Журн. Мин. Народн. Пр. 1856, XC, VII, стр. 31—33. Объ археологическомъ описаніи Новгорода, Купріянова.

XVII. Памятная книжка Новгородской губерніи на 1858 г.

XVIII. Новгородскія Губерн. Вѣдомости, 1859, № 45. О кладахъ.

XIX. Записки Имп. Академіи Наукъ. Томъ X. Рупрехтъ, Геоботаническія изслѣдованія о черноземѣ.

XX. Извѣстія Импер. Археологическаго Общества, II.

XXI. А. М. Сементовскій, Памятники старины Витебской губерніи. СПБ. 1867.

XXII. Труды Общ. Ист. и Др. V, стр. 131—162. Митр. Евгеній, Лѣтопись древняго Славяно-русскаго княжескаго города Изборска, съ видомъ Изборска.

XXIII. Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ 1851, № 2. О древнихъ могилахъ въ Витебской и Псковской губерніяхъ. Рецензія въ Журн. Мин. Нар. Пр. LXX, VI, 169 (1851, Янв.—Мартъ).

XXIV. Журн. Мин. Нар. Пр. LXXVI, VII, 93. Изъ Виленскихъ Губ. Вѣдомостей 1852, № 32, Г. Говорскаго, Археологическія изслѣдованія въ окрестностяхъ Полоцка.

XXV. Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи 1863 г. (Августъ), стр. 122—140. Г. Говорскаго, Археологическія розысканія въ окрестностяхъ Полоцка.

XXVI. Витебскія Губ. Вѣдомости, 1863, № 4. А. Сементовскаго, Замѣтки для археологіи.

XXVII. А. М. Сементовскаго, Памятная книжка Витебской губерніи 1864, СПБ.

XXVIII. М. Цебриковъ, Смоленская губернія. СПБ. 1862.

XXIX. Памятная книжка Смоленской губерніи на 1858 г.

XXX. Списки населенныхъ мѣстъ. XLIII. Тверская губер. СПБ. 1862.

XXXI. Аѳан. Шафонскаго, Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе. Кіевъ, 1851.

XXXII. С. Ларіоновъ, Описаніе Курскаго намѣстничества. М. 1786.

XXXIII. Труды Курскаго Губерн. Статист. Комитета. Выпускъ первый. Курскъ, 1863. Статья А. Дмитрюкова была первоначально напечатана въ Истор.-Статист. и Географ. журналѣ (М. 1827. III, стр. 146.—1828. II, стр. 215)

XXXIV. Временникъ. XVI. Смѣсь, стр. 68, съ 2 таблицами.

XXXV. Черниговскій листокъ. Двѣ могилы, И. Кулжинскаго. 1863, № 11.

XXXVI. Н. Маркевичъ, О народонаселеніи Полтавской губерніи. Кіевъ, 1855.

XXXVII. Черниговскія губерн. Вѣдомости 1856 г., № 48. О могилахъ и курганахъ близь села Плоскаго, Нѣжинскаго уѣзда, священника Стефановскаго.

XXXVIII. Тамъ же, № 15. О памятникахъ древности Новыхъ-Млиновъ Сосницкаго уѣзда.

XXXIX. Тамъ же, 1857, № 38. Чертова ножка, Милорадовича.

XL. Курскія Губерн. Вѣдомости 1857, № 25. Первобытныя славянскія племена въ городѣ Корочѣ, кн. Н. Голицына.

XLI. Филаретъ, Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи. М. 1852.

XLII. Н. Т. Шулешкинъ, Курская губернія, въ изд. Генер. Штаба.

XLIII. Записки Имп. Археол. Общества по Отдѣленію Русск. Древностей, I, IV, стр. 3.

— Зеленскій, Минская губернія, СПБ. 1864, 2 части.

XLIV. Мозырщина, въ Архивѣ Калачова, кн. III, стр. 105.

XLV. Турчиновичъ, Обозрѣніе Исторіи Бѣлоруссіи.

XLVI. Шпилевскій, Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю.

XLVII. Графъ К. Тышкевичъ.

XLVIII. Журналъ Przyjaciel ludu, 1843.

XLIX. Вѣстникъ Западной Россіи, 1865. Историко-статистическое описаніе Минской епархіи.

L. Барсовъ, Матеріалы для историч. географ. словаря. Вильна, 1865.

LI. Древняя Исторія Волынской губерніи, сочиненная гр. Іоанномъ Потоцкимъ, переводъ Степана Руссова. СПБ. 1829.

LII. Ст. Руссовъ, Волынскія Записки. СПБ. 1809. 8.

LIII. Труды Перваго Археологическаго съѣзда. М. 1871, 2 книги съ атласомъ.

LIV. Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи. СПБ, 1868. 4 выпуска, рисунки художника Струкова, въ листъ.

LV. Древности, изданныя временною Коммиссіею для разбора древнихъ Актовъ. Кіевъ, 1846. 3 выпуска въ листъ.

LVI. Фундуклей, Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ. Кіевъ, 1848. 4°.

LVII. Журн. М. Н. Пр. LXXXVI. Май VII, стр, 69. Копенковатскія древности.

LVIII. Тоже LXXXV. VII. стр. 70. Древности Кіевскія ст., Волошинскаго.

LIX. Рапорты Волошинскаго 1854 года графу Л. А. Перовскому о раскопкахъ въ Кіевской губерніи (въ Археологической Коммиссіи).

LX. Похилевичъ, Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи. Кіевъ, 1864.

LXI. Университетскія Кіевскія извѣстія за 1866 годъ. Клады, разсмотрѣнные въ Мюнцъ-кабинетѣ Университета Св. Владиміра съ 1836 по 1866 годъ, статья г. Сурашкевича; рецензія въ Археолог. вѣстникѣ, стр. 41.

ВОПРОСЪ О НАРОДНОСТИ ДРЕВНИХЪ ДАКОВЪ.

Д. И. Иловайскаго.

Длинный спиральный рельефъ знаменитой Траяновой колонны, изображая войны Траяна съ Даками, представляетъ богатый матеріалъ для знакомства съ бытовыми чертами этого загадочнаго народа. Есть ученые, которые хотятъ видѣть въ немъ нашихъ соплеменниковъ, т. е. древнихъ Славянъ. Если бы такое предположеніе оправдалось, наука славянскихъ древностей разомъ пріобрѣла бы чрезвычайно важныя данныя для характеристики нашего быта и нашей исторіи въ эпоху столь отдаленную. Но, къ сожалѣнію, я не вижу достаточныхъ основаній для этого предположенія.

Чтобы опредѣлить народность Даковъ, необходимо разсматривать ее въ связи съ настоящими Румынами или Валахами. Всѣ писатели согласны въ томъ, что Валахи суть потомки Даковъ, которые, послѣ завоеванія Дакіи Траяномъ, подверглись романизаціи, такъ какъ многіе римскіе колонисты были высланы въ эту страну. Хотя имя Валаховъ встрѣчается въ литературѣ довольно поздно, напримѣръ у византійскихъ историковъ не ранѣе XII вѣка, но и потомъ оно долго употребляется въ перемежку съ именемъ Дакіи. Слѣдовательно, опредѣляя народность Даковъ, мы въ то же время рѣшаемъ вопросъ о національности Румыновъ. Не забудемъ при этомъ однако, что румынская народность болѣе сложная, чѣмъ дакійская, вслѣдствіе многихъ позднѣйшихъ примѣсей; но дѣло въ томъ, какой этнографическій элементъ въ ней основной или преобладающій?

Относительно Даковъ существуютъ три главныя мнѣнія: одни считаютъ ихъ Ѳракійскимъ племенемъ, другіе Германскимъ, третьи Славянскимъ. Разсмотримъ вкратцѣ каждое.

Мнѣніе о ѳракійскомъ происхожденіи Даковъ беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ тожество ихъ съ дунайскими Гетами, и за тѣмъ для подкрѣпленія своей теоріи приводитъ историческія свидѣтельства, собственно относящіяся къ Гетамъ. Но, вопервыхъ, существованіе Ѳракійскаго племени, какъ особой группы индоевропейскихъ народовъ,

особиться отъ нихъ и сохранить свой романскій типъ посреди стольких народныхъ движеній и завоеваній, которымъ подвергалась Дакія въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ. Румыны сохранили свою особность, не смотря даже на то обстоятельство, что они въ теченіе многихъ вѣковъ жили почти одною политическою жизнію съ дунайскими Славянами или съ Болгарами. Этою общею жизнію объясняется, почему византійскіе историки молчатъ о Дакахъ или Валахахъ съ VI вѣка по XII. Этимъ объясняется православіе Румыновъ, принятое вѣроятно изъ Византіи вмѣстѣ съ дунайскими Славянами, и наконецъ господство у нихъ славянской письменности до XVII вѣка включительно. И все-таки румынскій народъ не слился съ славянскимъ и сохранилъ твою отдѣльность. Наконецъ, если бы славянскій элементъ былъ въ немъ господствующимъ, то какимъ образомъ Славяне сами себя назвали Влахами?

Усомнившись въ состоятельности упомянутыхъ теорій относительно дакійской народности, я задалъ себѣ вопросъ: не была ли она кельтическаго или гальскаго происхожденія? Тутъ представилось нѣсколько соображеній, которыя заставили меня остановиться на этомъ вопросѣ.

Первый и очень важный по моему мнѣнію фактъ, это—имя Влахи или Валахи. Извѣстно, что Славяне и Нѣмцы такъ называли Галловъ. Самое имя Валахи есть только видоизмѣненіе имени Галловъ или Валловъ (что Галлы или Гаэлы мѣстами называли себя Валлы и Веллы, на это указываютъ имена Валлиса, Валлонской провинціи и т. п.). Римлянъ и вообще Итальянцевъ Славяне назвали Влахами, потому что вся сѣверная Италія была заселена гальскими народами. Обращу при этомъ вниманіе на имя главнаго героя и царя дакійскаго Декебала или Декевала. Вторая половина имени не представляетъ ли аналогіи съ нашими Святославами, Болеславами, Вячеславами и пр., въ которыхъ окончаніе: славъ указываетъ на ихъ народность. По всей вѣроятности Славяне издревле называли Даковъ Влахами; это имя позднѣе вошло въ письменность и мало-по-малу вытѣснило прежнее имя Дакіи.

Второе, не менѣе важное обстоятельство касается вообще состава романскихъ языковъ. Замѣчательно, что романскіе языки и романскія національности образовались преимущественно на кельтской почвѣ. Не говоря о Франціи и Италіи, значительная часть Испаніи также была заселена Кельтскимъ племенемъ. Обратимъ вниманіе и на слѣдующій фактъ. Нигдѣ, напримѣръ, славянское населеніе, находившееся подъ вліяніемъ латинской цивилизаціи, не дало въ результатѣ романской народности, то есть романскаго языка. Такъ Славяне, безспорно съ глубокой древности жившіе въ Иллиріи и находившіеся къ Римлянамъ

гораздо ближе чѣмъ Даки, имѣвшіе среди себя колонистовъ не въ меньшемъ числѣ,—эти Славяне не обратились въ романскую народность. То же можно сказать о Германскомъ племени. Изъ всѣхъ народовъ, покоренныхъ Римлянами, Кельты оказались наиболѣе воспріимчивы по отношенію къ латинской цивилизаціи и латинскому языку. Изъ всѣхъ главныхъ племенъ, населившихъ Европу, кельтскій языкъ показалъ наименьшую степень живучести. Я предложилъ бы филологамъ изслѣдовать именно этотъ фактъ въ связи съ вопросомъ о языкѣ Румыновъ.

Въ вопросахъ о родствѣ народовъ самую главную цѣнность представляютъ конечно данныя филологическія. Затѣмъ уже слѣдуютъ, какъ доказательства, факты собственно историческіе, бытовые и т. д. Въ пользу кельтическаго происхожденія Даковъ говорятъ и соображенія, основанныя на историческихъ свидѣтельствахъ о разселеніи и движеніяхъ кельтскихъ народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они издревле жили по верхнему и среднему Дунаю. Извѣстны ихъ движенія съ запада на востокъ, между прочимъ на Балканскій полуостровъ и даже въ малую Азію. Шафарикъ указываетъ на присутствіе кельтскихъ народовъ въ странахъ прикарпатскихъ, каковы напр. Скардиски, Певкины и др. (отъ имени Певкиновъ производятъ названіе Буковины). Весьма возможно, что Даки именно принадлежали къ этимъ Кельтамъ, поселившимся въ странѣ между Дунаемъ и Карпатами и отрѣзаннымъ потомъ отъ своихъ западныхъ соплеменниковъ народами славянскими и германскими. А та область, въ которой развилась эта кельто-румынская народность и уцѣлѣла посреди великихъ бурь въ первую половину среднихъ вѣковъ,—та область была, конечно, по преимуществу гористая Седмиградія.

Если мы обратимся къ наружности и обстановкѣ Даковъ, по скольку онѣ намъ извѣстны изъ рельефа Траяновой колонны, а также къ свидѣтельствамъ объ ихъ нравахъ, то не найдемъ ничего такого, что противорѣчило бы предполагаемому кельтскому происхожденію. Нѣкоторыя черты изъ характера Румыновъ даже весьма напоминаютъ галльскій типъ (впечатлительность, непостоянство и пр.)

Укажу еще на одно обстоятельство. Нѣкто Авреолъ, римскій полководецъ въ III в. по Р. Х., носитъ прозваніе Кельта; а между тѣмъ по своему происхожденію онъ былъ пастухъ изъ Дакіи (Стриттеръ, Dacica, 491 и 493).

ПРОТОКОЛЫ

ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

№ 61. 1870 года, мая 8-го дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: А. Н. Аѳанасьева, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, В. Н. Виноградскаго, князя А. Г. Гагарина, Н. П. Розонова, В. Е. Румянцова, Д. П. Сонцова, графа М. В. Толстаго, М. М. Фомина, барона Д. О. Шеппинга и секретаря Общества К. К. Гёрца.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Читано отношеніе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 24 апрѣля 1870 года, за № 86, въ которомъ оно, увѣдомляя о предстоящемъ въ 1871 году юбилеѣ 25-лѣтняго своего существованія, вмѣстѣ съ тѣмъ доводитъ до свѣдѣнія, что съ Высочайшаго соизволенія имѣетъ быть въ этомъ году, а именно зимою 1871 г., открытъ въ С.-Петербургѣ второй археологическій съѣздъ. Сообщая о семъ, Императорское Русское Археологическое Общество, приглашаетъ Московское Археологическое Общество содѣйствовать предстоящему съѣзду и проситъ назначить трехъ депутатовъ въ предварительный комитетъ, который соберется въ С.-Петербургѣ 16 ноября настоящаго года.

Общество, выслушавъ это отношеніе, постановило выборъ депутатовъ въ предварительный комитетъ отложить до ближайшаго засѣданія Общества осенью 1870 года.

3. Читано письмо г. московскаго городскаго головы отъ 5-го мая 1870 года, за № 1178, въ которомъ онъ, сообщая о назначеніи г. Мартынову пособія въ 1000 р. сер. на продолженіе его изданія «Москва», имѣющаго

в) Отъ д. чл. Д. И. Иловайскаго: кусокъ свинцовой кровли съ церкви Св. Варвары XVI вѣка, отрытый въ курганѣ близъ Смоленска, и три гвоздя оттуда же.

в) снимками:

а) Отъ дѣйств. чл. Н. А. Артлебена: снимокъ съ изображенія крылатаго центавра, находящагося на бронзовыхъ дверяхъ Троицкаго собора въ Успенскомъ монастырѣ въ г. Александровѣ, Владимірской губерніи, исписанныхъ въ лѣто 6844 повелѣніемъ боголюбиваго Архіепископа Новогородскаго Василія, и снимокъ съ фабричныхъ знаковъ бумаги, можетъ быть, XIV—XV вѣка.

б) Отъ чл. кор И. А. Голышева: два литографическихъ снимка съ курганныхъ вещей, найденныхъ въ Меленковскомъ уѣздѣ.

с) книгами:

а) Отъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Комитета за 1869 г., прочтенный секретаремъ Комитета А. Сементовскимъ. Витебскъ, 1870 г.

б) Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета: Протоколы засѣданій Совѣта и приложенія къ нимъ, 1870 г., №№ 1 и 2. Харьковъ, 1870 г.

в) Отъ Ученаго Эстонскаго Общества: Sitzungsberichte за 1869 годъ. Дерптъ, 1870 г.

г) Отъ дѣйств. члена Ф. К. Бруна въ Одессѣ: Одесское Общество исторіи и древностей, его записки и археологическія собранія. Одесса, 1870 г.

д) Отъ чл. кор. А. А. Хованскаго въ Воронежѣ: Филологическія записки на 1870 г. Воронежъ.

е) Отъ дѣйств. чл. Э. И. Эйхвальда: Nils von Nordenskiold und Alexander von Nordmann, nach ihrem Leben und Wirken. St. Petersburg, 1870.

ж) Отъ дѣйств. чл. графа де Вогюэ въ Парижѣ: La stèle de Mesa, roi de Moab. Par Ch. Clermont-Ganneau. Paris, 1870.

з) Отъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ: Чтенія на 1870 г. Москва.

и) Отъ чл. кор. П. С. Ефименко: О Ярилѣ, языческомъ божествѣ русскихъ Славянъ. СПБ., 1869 г. и Заволочская Чудь. Архангельскъ, 1869 г.

і) Отъ г-на Одебеско: Notice sur les antiquités de la Roumanie. Paris, 1868 г.

к) Отъ Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ: Mélanges gréco-romains. Tome II, livr. 3. Tome III, livr. 1. St. Petersburg, 1866 и 1869.

л) Отъ Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Нижегородскій Сборникъ, издаваемый А. С. Гацисскимъ. Нижній Новгородъ, 1870 г.

м) Отъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Труды Комитета, выпускъ VIII. Владиміръ, 1870 г.

н) Отъ дѣйств. чл. графа Е. П. Тышкевича: Einige Wörte zur Erklärung der im Mitauschen Museum aufbewahrten alterthümlichen Siegelstempel. Riga, 1870.

о) Отъ Юго-славянской Академіи Наукъ въ Загребѣ: Rad, книги XI и XII, 1870; Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, vol II, Zagreb, 1870; Stari Pisci Hrvatski, kn. II, 1870; Starine, kn. II, 1870.

п) Отъ дѣйств. чл. Фр. Миклошича въ Вѣнѣ: Vita sancti Methodii, Vindobonae, 1870; O Slovima; Marija kéi Angjelinina, Zagreb, 1870.

р) Отъ Королевскаго Общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ: Aarböger 1869, III et IV Hefte, et 1870, I Hefte; Tillaeg, Aargang 1869, Kiob. 1870; Mémoires, 1869.

с) Отъ чл. кор. И. А. Голышева: Древности Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ Владиміръ, 1870 (съ атласомъ).

т) Отъ дѣйств. чл. барона Б. В. фонъ-Кёне: Le temple de Jupiter Capitolin; Medaillon Peters des Grossen: Nekrolog Sabatier und Vossberg; Der Tempel des capitolinischen Jupiter.

у) Отъ чл. кор. М. М. Фомина: Starozytna polska. Warschawa, 1844.

ф) Отъ Директора Моск. Румянц. Музея В. А. Дашкова: Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго. Москва, 1870 г.

х) Отъ дѣйств. чл. Д. П. Сонцева: О каменномъ вѣкѣ. Москва, 1870 г.

ц) Отъ Императорскаго Новороссійскаго Университета: Записки Университета, томъ IV, выпуски 1—6. Одесса, 1870 г.

ч) Отъ предсѣдателя Общества графа А. С. Уварова: Отчетъ о 13-мъ присужденіи наградъ графа Уварова.

ш) Отъ Императорской Археологической Коммиссіи: Отчетъ Коммиссіи за 1868 и 1869 г., съ атласомъ in fol.

щ) Отъ члена кор. Н. П. Розонова: Исторія Московскаго Епархіальнаго Управленія, часть II, книга 2-я.

ъ) Отъ члена. кор. А. Н. Неустроева въ С. Петербургѣ:

a. Энциклопедическій лексиконъ, составленный русскими учеными и литераторами. СПБ. 1861—63 г., 6 т.

b. Степанова и Григоровича, Въ память столѣтняго юбилея Имп. воен. орд. св. Георгія. СПБ. 1869 г.

c. Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина. М. 1857.

d. Ханыкова, Русскія былины. М. 1860 г., 1 т.

e. Классена, Новые матеріалы для древнѣйшей исторіи Славянъ вообще и Славянъ Руссовъ. М. 1854—61 г., 3 т.

f. Турчиновича, Обозрѣніе исторіи Бѣлорусской съ древнѣйшихъ временъ. СПБ. 1857 г., 1 т.

g. Шульгина, Происхожденіе казачества на южномъ рубежѣ Руси. СПБ. 1842 г., 1 т.

h. Историческая записка, читанная въ Московскомъ Университетѣ по случаю столѣтняго юбилея. М. 1858 г.

i. Описаніе римскія Ватиканскія церкви св. Петра и Казертскаго дворца. СПБ. 1776 г.

k. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellshafts. Dorpat, 1842—1352.

l. Langlois, Essai historique et descriptif sur la peinture sur verre. Rouen, 1832.

m. Arn. Joseph, Beschreibung zum der K. K. Münz-und Antiken-Cabinette gehörigen Statuen, etc. Wien, 1856.

n. Worsaae, Gjenswar paa Hr. Prof. Steenstraps. yderligere Bemaerkninger imod Tvedelingen af steenalderen. Kiobenhavn, 1852.

o. Worsaae, om Tvedelingen af steenalderen. Kiob. 1862.

p. Bock, der Adler-Ornat im Domschatze zu Brixen.

q. Catalogus codicum Bibliothecae Imp. publicae, de Muralto. Petr. 1840.

r. Tobien, die Prawda Russkaja, das aelteste Rechtsbuch Russlands. S. P. 1844.

s. Mémoires de l'Academie Jmperiale des Sciences 1835.

t. Peignot, Dictionnaire historique et bibliographique abrégé des personnages illustres, etc. Paris, 1822.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

4. Секретарь доложилъ о поступленіи слѣдующихъ статей:

а) Отъ члена кор. И. Д. Мансветова: Омофоръ.

б) Отъ дѣйств. чл. В. Г. Тизенгаузена: 1) Описаніе развалинъ церкви св. Георгія, открытой въ Кубанской области, между Бѣлорѣченской и Ханской станицами; 2) Древности, найденныя близь г. Спасска (Казанской губ.); 3) О мѣстоположеніи города Танаиса, изъ рукописей покойнаго П. Буткова.

в) Отъ дѣйств. чл. барона Б. В. фонъ-Кёне: Храмъ Юпитера Капитолійскаго по монетамъ.

г) Отъ дѣйств. чл. П. И. Савваитова: Реестръ пожиткамъ царедворца Василія Карамышова, поставленнымъ для храненія въ Волоколамскомъ Возмицкомъ монастырѣ.

д) Отъ чл. кор. Н. П. Розонова: Древніе и другіе особо примѣчательные предметы въ приходскихъ церквахъ города Москвы.

е) Отъ дѣйств. чл. Д. В. Разумовскаго: Рукописи графа А. С. Уварова. Описаніе нотныхъ безлинейныхъ и линейныхъ рукописей.

Опредѣлили: передать статьи въ редакціонный комитетъ.

5. Секретарь представилъ гг. членамъ только-что вышедшій первый выпускъ III-го тома Трудовъ Общества, съ атласомъ рисунковъ, изготовленнымъ и отпечатаннымъ на счетъ А. И. Хлудова, которому Общество за этотъ даръ постановило изъявить глубочайшую свою благодарность.

6. Г. предсѣдатель заявилъ гг. членамъ, что по случаю предстоящаго открытія засѣданій предварительнаго комитета втораго Археологическаго съѣзда въ С. Петербургѣ, Обществу необходимо избрать трехъ де-

путатовъ для присутствованія на совѣщаніяхъ предварительнаго комитета. Большинствомъ голосовъ избраны: графъ А. С. Уваровъ, В. Е. Румянцовъ и Д. И. Иловайскій.

7. Дѣйств. чл. Н. А. Поповъ сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о состояніи археологическихъ знаній въ настоящее время въ Константинополѣ, Букарестѣ и Бѣлградѣ, къ коимъ онъ имѣлъ случай присмотрѣться во время своего лѣтняго путешествія по Европейской Турціи, Румыніи и Сербіи. Съ наибольшею подробностью онъ остановился на церковныхъ древностяхъ, хранящихся въ публичныхъ музеяхъ румынскихъ княжествъ, при чемъ замѣтилъ, что почти всѣ церковныя вещи въ этомъ музеѣ: старинныя одежды, иконы, сосуды, богослужебныя книги принадлежатъ къ древностямъ славянскимъ, но до сихъ поръ не описаны, и едва ли будутъ когда либо описаны румынскими учеными, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и относятся къ весьма давнему времени, такъ какъ только съ конца XVII вѣка греческое вліяніе стало утверждаться въ румынской церкви. Кромѣ того, Н. А. Поповъ сообщилъ свѣдѣнія о знатокѣ придунайскихъ древностей, маіорѣ Димитріѣ Папазоглу, который имѣетъ въ Букарестѣ свой собственный археологическій музей, состоящій изъ 20-ти отдѣленій, съ весьма значительнымъ числомъ предметовъ. Этотъ археологъ принадлежитъ къ числу самыхъ усердныхъ отыскивателей всякихъ древностей, разсыпанныхъ по обоимъ берегамъ Дуная, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстенъ какъ авторъ слѣдующихъ сочиненій: 1) Guide du voyageur de Séverin a la Mer Noire, ou description historique, politique et commerciale des deux rives du Danube, d'apres tous les documents anciens et modernes; 2) Muzeul Papazoglu. Bucurese, 1865 г. (описаніе собственнаго музея, на румынскомъ языкѣ) и нѣсколькихъ атласовъ, изъ коихъ наиболѣе замѣчателенъ Atlas geographique districtuel de la Roumanie B. 1869 г., въ 18 листахъ. Въ настоящее время маіоръ Папазоглу приготовляетъ археологическій атласъ Румынскихъ княжествъ.

8. Дѣйств. чл. К. И. Невоструевъ, избранный въ члены статистическаго комитета въ Симбирскѣ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе комитета на надгробный камень съ монгольскою надписью, найденный въ Симбирскѣ. Священникъ Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, села Рѣпьевки, Архангельское тожъ, Валентинъ Умовъ, сообщилъ г. Невоструеву извѣстіе о найденномъ близь его сельской церкви надгробномъ татарскомъ памятникѣ, съ надписью, и вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ ему точный снимокъ съ надписи, которую мѣстные Татары разобрать не могли. Она можетъ быть прольетъ свѣтъ на исторію Волжско-Болгарскаго или Казанскаго, здѣсь бывшаго, царства. По предложенію г. предсѣдателя, снимокъ съ надписи отправленъ для прочтенія въ С.-Петербургъ къ дѣйств. чл. Академику В. В. Вельяминову-Зернову.

За тѣмъ К. И. Невоструевъ представилъ гг. членамъ на разсмотрѣніе часть металлическаго круга, выпаханнаго въ полѣ крестьяниномъ, въ 14 верстахъ отъ города Сингилея, близь деревни Елауръ. Кругъ этотъ былъ

присланъ въ Общество протоіереемъ Симбирской губерніи, города Сингилея Ксенофонтомъ Базилевскимъ. Это былъ цѣльный кругъ и хорошо отполированъ, но по невѣжеству разбитъ на части и обезображенъ. Г. предсѣдатель призналъ его за обломокъ бактріанскаго зеркала. Вмѣстѣ съ тѣмъ присланы были девять серебряныхъ и двѣ мѣдныя монеты, найденныя также въ окрестностяхъ города Сингилея и селъ Бехтяшки и Кріушъ.

9. Г. предсѣдатель изложилъ свои изслѣдованія надъ памятниками Равенны, сдѣланныя въ теченіе настоящаго лѣта. Церковь, извѣстная теперь подъ именемъ S. Apollinare Nuovo, выстроенная Θеодорикомъ въ началѣ VI вѣка, вѣроятно для аріанскихъ епископовъ, посвящена была св. Мартыну, и получила, сверхъ того, отъ богатаго внутренняго устройства прозваніе: S. Martino in coelo aureo. Эта церковь, на которую Θеодорикъ потратилъ больше богатства чѣмъ на отдѣлку остальныхъ церквей Равенны, считалась его дворцовою церковью и примыкала къ самому дворцу. Изучая расположеніе церкви, гр. Уваровъ убѣдился, что надо искать слѣды Θеодорика за алтарною частью S. Apollinare, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся сады и виноградники. Желая произвести раскопки на этомъ мѣстѣ, гр. Уваровъ вошелъ въ соглашеніе съ владѣльцемъ этихъ садовъ, и послѣ двухдневной работы открылъ основанія двухъ комнатъ съ великолѣпными половыми мозаиками, на которыхъ лежала золотая монета Θеодорика. Собравъ на мѣстѣ много фотографій Равенны, предсѣдатель заявилъ, что приготовилъ описаніе христіанскихъ памятниковъ Равенны.

10. По случаю предстоящаго археологическаго съѣзда въ С. Петербургѣ были предложены вопросы, могущіе послужить предметомъ обсужденія петербургскаго съѣзда отъ имени Московскаго Археологическаго Общества. Г. секретарь высказалъ мысль, что всѣ съѣзды должны имѣть большее или меньшее единство въ своихъ изслѣдованіяхъ; нерѣшенные вопросы на одномъ съѣздѣ могутъ быть окончены на другомъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы не возникало новыхъ вопросовъ, даже по новымъ отраслямъ, такъ какъ иной городъ можетъ представить бо́льшія преимущества въ той отрасли, которой другой съѣздъ не можетъ и затронуть. Въ такомъ положеніи находится восточный отдѣлъ археологіи въ Петербургѣ, совершенно невозможный въ Москвѣ. Всѣ члены согласились въ томъ, что съѣзды могутъ быть соединяемы такою мыслью, какъ внутреннею связью, и археологическіе труды по затронутымъ вопросамъ обогатятъ науку. И. Д. Мансветовъ предложилъ вопросъ о костюмахъ, какъ особенно неразработанный и долженствующій интересовать археологовъ. Онъ указалъ на Траянову колонну въ Римѣ и на сходство изображенныхъ на ней костюмовъ Даковъ съ костюмомъ Скиθовъ. Д. И. Иловайскій поддерживалъ эту мысль. Г. предсѣдатель обратилъ вниманіе на вопросъ о сохраненіи памятниковъ старины, недостаточно обслѣдованный на первомъ съѣздѣ. Секретарь Общества предложилъ на будущемъ съѣздѣ продолжать пренія о русской архитектурѣ XII вѣка. Г. предсѣдатель, разсказавъ о видѣнной имъ въ Даніи надписи въ честь

датскаго короля XI вѣка, впервые употребившаго кирпичъ въ постройку, возбудилъ вопросъ: когда у насъ на сѣверѣ начали строить изъ кирпича вмѣсто камня и дерева. Вопросъ остался при разнообразныхъ догадкахъ. Гг. присутствующіе члены обѣщали представить разные вопросы для обсужденія на второмъ археологическомъ съѣздѣ.

11. Предложенъ былъ на критическое обсужденіе Общества въ археологическомъ отношеніи планъ новой думы, архитектора Рѣзанова, присланный въ Общество при письмѣ московскаго городскаго головы. Общество съ сочувствіемъ отнеслось къ такому знаку вниманія князя В. А. Черкасскаго къ археологической наукѣ и съ любопытствомъ разсмотрѣло проэктъ зданія новой думы, возложивъ на своего г. предсѣдателя сообщить г. городскому головѣ мнѣніе Общества о достоинствахъ этого плана.

12. Избраны единогласно въ члены-корреспонденты Общества:

а) Хлудовъ Алексѣй Ивановичъ, въ Москвѣ.

б) Папазоглу Димитрій, въ Бухарестѣ.

№ 63. 1871 года, февраля 9 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Д. П. Сонцева, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, А. Н. Афанасьева, Н. П. Бочарова, А. А. Гатцука, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Калачева, П. И. Мельникова, А. А. Мартынова, Н. А. Попова, А. Н. Попова, Н. П. Розонова, графа М. В. Толстаго, М. М. Фомина, Барона Д. О. Шеппинга, и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1-е. Товарищъ предсѣдателя довелъ до свѣдѣнія Общества, что протоколъ предыдущаго засѣданія не могъ быть изготовленъ и представленъ къ подписанію за болѣзнію секретаря Общества К. К. Герца.

2. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ пожертвованій книгами:

а) Отъ Казанскаго Университета: Извѣстія и ученыя записки Университета 1868 года, вып. III, IV, V, VI.

б) Отъ Тульскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Памятная книжка Тульской губерніи на 1871 г.

в) Отъ Московскаго Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: Чтенія за іюль и сентябрь 1870 г., кн. 3-я.

г) Отъ Южно-Славянской Академіи въ Загребѣ: Rad, кн. XIII, 1870 года.

д) Отъ той же Академіи. Dvie Sluzbe rimskoga obreda za svetkovinu swetih Cirila u Metuda, izd. Jvan Bercic. 1870.

е) Отъ Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета: Памятная книжка Якутской области на 1867 г. СПБ, 1869.

ж) Отъ Кіевской Духовной Академіи: Труды Академіи за ноябрь 1870 г.

з) Отъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Дополнительный листъ къ отчету о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Комитета за 1869 г.

и) Отъ дѣйствительнаго члена А. А. Хованскаго: издаваемыя имъ Филологическія записки, г. 9-й, выпускъ IV, 1870 г. Воронежъ.

і) Отъ дѣйствительнаго члена графа М. В. Толстаго: изданные имъ Разсказы изъ Исторіи Русской Церкви кн. 1—4. (въ 2 том.) М. 1870 г.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую признательность Общества.

3. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Императорской Археологической Коммиссіи и гг. членовъ: Бруна, Потебни, Голышева, Лѣствицына и Игнатьева увѣдомленія о полученіи ими 3-го вып. II т. и 1 вып. III т. Трудовъ Моск. Археол. Общества.

б) Письмо чл.-кор. Игнатьева, въ которомъ онъ, извѣщая Общество о своемъ намѣреніи сдѣлать на свой счетъ нѣсколько раскопокъ кургановъ въ предѣлахъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства, проситъ, чтобы Общество замѣнило выданное ему въ 1865 году свидѣтельство на производство раскопокъ новымъ.

Опредѣлили: выслать Р. Г. Игнатьеву просимое имъ свидѣтельство.

4. Товарищъ предсѣдателя предложилъ назначить день для предстоящаго годоваго засѣданія, въ которомъ должны быть произведены выборы должностныхъ лицъ Общества.

Опредѣлили: на основаніи § 16 Устава Общества имѣть годовое засѣданіе для производства выборовъ 17-го текущаго февраля.

5. Товарищъ предсѣдателя объяснилъ, что расходы, требующіеся на изданіе въ свѣтъ Трудовъ Общества, на содержаніе предоставленнаго во владѣніе его дома и уплату лежащаго на немъ долга съ процентами, на пересылку въ разныя мѣста его корреспонденціи, книгъ и вещей, на канцелярскія и другія надобности, далеко превышаютъ скудныя денежныя средства, состоящія въ распоряженіи Общества, и въ виду этого предложилъ обсудить мѣры къ усиленію денежныхъ средствъ Общества.

Опредѣлили: 1) пригласить гг. дѣйствительныхъ членовъ, избранныхъ на основаніи §§ 4 и 5 Устава Общества, поспѣшить взносомъ состоящей за ними денежной недоимки, и 2) отнестись къ предсѣдателю Общества графу А. С. Уварову съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя ходатайство объ испрошеніи Московскому Археологическому Обществу ежегоднаго денежнаго пособія отъ казны, которое обезпечило бы дальнѣйшее его существованіе и дало ему возможность продолжать принятые имъ на себя ученые труды.

6. Товарищъ секретаря довелъ до свѣдѣнія Общества, что со времени открытія въ прошедшемъ году, съ Высочайшаго соизволенія, подписки на сооруженіе памятника первому русскому книгопечатнику Ивану Ѳедоровичу начали поступать въ Археологическое Общество отъ разныхъ мѣстъ и лицъ по-

жертвованія на этотъ предметъ, которыя и записывались имъ въ особую денежную книгу на приходъ. Такихъ пожертвованій по настоящее время поступило на сумму 1125 руб. 69 коп., изъ нихъ 1033 руб. 66½ коп. внесено для храненія и приращенія процентовъ, срокомъ на одинъ годъ, въ Московскій купеческій банкъ, а остальные 92 руб. 2½ коп. состоятъ налицо.

№ 64. 1871 года, марта 11 дня. Протоколъ экстреннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А.С. Уварова и въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Аѳанасьева, А. В. Брыкина, В. М. Ведрова, А. А. Гатцука, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Закревскаго, А. А. Мартынова, К. И. Невоструева, Н. А. Попова, Н. П. Розонова, Д. П. Сонцева, А. И. Хлудова, Д. О. Шеппинга, М. М. Фомина и товарища секретаря Общества В. Е. Румянцова. По случаю неприбытія достаточнаго числа дѣйствительныхъ членовъ въ засѣданія 17 и 24 февраля, Общество постановило, въ экстренномъ засѣданіи 11 марта, произвести, на основаніи § 15 Устава какъ годичные выборы, такъ и выборы новыхъ членовъ, и при этомъ обсудить предложенія, заявленныя въ этихъ двухъ засѣданіяхъ.

1. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ дѣйствительнаго члена А. Потебни: Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ, 1871 года.

б) Отъ Общества доисторической археологіи въ Болоньи: Boni, sulle terre Mare Modenesi. 1870 г.

в) Отъ дѣйствительнаго члена П. А. Лавровскаго: Сербско-Русскій словарь. СПБ. 1870 г.

г) Отъ дѣйствительнаго члена П. С. Казанскаго: Историко-статистическое описаніе Костромскаго первокласнаго каѳедральнаго Ипатіевскаго монастыря. Кострома, 1870 г.

д) Отъ Императорской Академіи наукъ: Русская историческая библіографія, годъ седьмый, 1861 г. СПБ, 1870 г.

е) Отъ члена Общества Н. П. Розонова, изданная имъ: Исторія московскаго епархіальнаго управленія, ч. III, кн. 1.

ж) Изъ Дерпта: Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 1870 г.

з) Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, 6 Band 1 и 2 Heft. Dorpat, 1870 г.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность.

Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ члена-корреспондента священника А. И Свирѣлина извѣщеніе о полученіи имъ 3-го выпуска II т. и 1-го выпуска III т. Трудовъ Археологическаго Общества.

б) Отъ Учредителя Якутской публичной библіотеки М. А. Шестакова письмо, въ которомъ, извѣщая о крайней недостаточности средствъ для надлежащаго укомплектованія новооткрытой имъ публичной библіотеки въ Якутскѣ, проситъ Московское Археологическое Общество помочь ему въ этомъ полезномъ предпріятіи пожертвованіемъ своихъ изданій, при чемъ надѣется, что и гг. члены Общества не откажутъ пожертвовать въ означенную библіотеку свои ученые труды.

Опредѣлили: выслать въ Якутскую публичную библіотеку изданія Общества по одному экземпляру и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить гг. членамъ Общества, не пожелаютъ ли и они сдѣлать отъ себя какія либо книжныя пожертвованія для той же библіотеки.

2. Въ виду возникающихъ разнаго рода вопросовъ по хозяйственной части опредѣлено образовать особый хозяйственный комитетъ, который долженъ состоять изъ гг. предсѣдателя Общества или его товарища, казначея, секретаря и библіотекаря. За тѣмъ, кромѣ поименованныхъ лицъ, присутствуетъ въ комитетѣ смотритель дома Археологическаго Общества.

3. Товарищъ секретаря сообщилъ, что редакція Русскихъ Вѣдомостей изъявила готовность печатать безвозмездно на столбцахъ этой газеты всѣ объявленія отъ Общества, а равно и протоколы его засѣданій или тѣ извлеченія изъ нихъ, какія Общество признаетъ нужнымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія. Опредѣлили: изъявить редактору Русскихъ Вѣдомостей благодарность Общества.

4. Гг. члены А. А. Гатцукъ и баронъ Д. О. Шеппингъ заявили, что по ихъ мнѣнію настоящій Уставъ Археологическаго Общества требуетъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ измѣненій и дополненій. Эти измѣненія и дополненія были прослушаны въ Обществѣ, которое постановило: предоставляя всѣмъ членамъ Общества право заявлять свое мнѣніе объ Уставѣ онаго, просить ихъ переслать эти заявленія къ секретарю Общества съ тѣмъ, чтобы всѣ различныя мнѣнія были обсужены въ одномъ экстренномъ засѣданіи, будущею осенью.

5. Членъ П. И. Мельниковъ выразилъ мнѣніе, что для доставленія желающимъ средствъ ознакомиться ближе съ памятниками древности и открытіями въ области археологической науки было бы полезно, при предстоящей въ будущемъ году политехнической выставкѣ, устроить особый отдѣлъ выставки археологической. А. Н. Андреевъ заявилъ, что независимо отъ этого было бы полезно открыть при Археологическомъ Обществѣ постоянную выставку памятниковъ древности. Для разработки вышеизложенныхъ предложеній и для изысканія мѣръ къ приведенію ихъ въ исполненіе, положено составить особую коммиссію, въ члены которой избраны: Д. И. Иловайскій, П. И. Мельниковъ, А. А. Мартыновъ, В. Е. Румянцовъ, Д. П. Сонцевъ, А. И. Хлудовъ и графъ А. С. Уваровъ.

6. Д. И. Иловайскій предложилъ открыть при Обществѣ публичныя чтенія по предметамъ Археологіи. Всѣ члены, выразивъ полное свое сочувст-

віе къ сдѣланному Д. И. Иловайскимъ предложенію, препоручили коммиссія, избранной для обсужденія вопроса о выставкѣ, имѣть это предложеніе въ виду для возможно-скорѣйшаго его осуществленія. При этомъ высказано желаніе, чтобы лекціи начались будущею осенью, и слѣдующіе члены: Д. И. Иловайскій, Н. В. Закревскій, А. А. Гатцукъ, В. Е. Румянцовъ, Н. А. Поповъ, А. Н. Аѳанасьевъ и графъ А. С. Уваровъ изъявили готовность прочесть рядъ лекцій по той программѣ, которая выработается коммиссіей.

7. Д. членъ Д. О. Шеппингъ предложилъ Обществу открыть въ своей средѣ, по примѣру другихъ ученыхъ обществъ, спеціальныя отдѣленія по разнымъ отраслямъ археологической науки и, въ видѣ перваго опыта, составить особое отдѣленіе для изслѣдованія мѣстности Москвы и ея окрестностей въ археологическомъ отношеніи. Первымъ трудомъ подобнаго отдѣленія была бы подготовка библіографіи Москвы; со временемъ же, при несомнѣнномъ сочувствіи къ этой мысли многихъ москвичей и при ихъ посильныхъ пожертвованіяхъ, можно было бы основать въ домѣ Общества музей древностей и библіотеку, спеціально относящіеся къ Москвѣ и ея уѣздамъ. Весьма вѣроятно, что и сама Городская Дума встрѣтила бы сочувственно такое предпріятіе и что зародышъ музея, основаннаго почти съ тожественною цѣлію при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, могъ бы также впослѣдствіи быть переданъ на храненіе Общества.

Д. Членъ Н. П. Бочаровъ при этомъ замѣтилъ, что мѣстный Московскій Музей, основанный при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, по своему историко-статистическому характеру, долженъ заключать въ себѣ не одни только памятники древняго быта Москвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлую массу предметовъ, относящихся къ ея современной жизни, къ ея промысламъ, торговлѣ и проч., и потому совершенно чуждыхъ археологической наукѣ. Такимъ образомъ, при поступленіи въ завѣдываніе Археологическаго Общества, этотъ музей необходимо долженъ бы былъ подвергнуться раздробленію, отдѣливъ отъ себя все современное, что̀ не желательно.

Опредѣлили: принять настоящія заявленія къ свѣдѣнію.

8. Д. членъ А. А. Гатцукъ выразилъ мнѣніе, что для Общества было бы полезно принять на себя изданіе литографскимъ и хромолитографскимъ способомъ иконъ и народныхъ картинъ, при чемъ присовокупилъ, что предпріятіе это, начатое въ небольшихъ размѣрахъ, не потребуетъ какихъ либо значительныхъ затратъ, и что веденіе этого дѣла, съ пользою для Общества, онъ могъ бы взять на себя.

По поводу этого заявленія д. членъ Н. В. Закревскій замѣтилъ, что отъ подобной операціи одна изъ самыхъ обширныхъ типографій потерпѣла, какъ ему достовѣрно извѣстно, громадный убытокъ, и что, сверхъ того, предпріятіе такого рода, какъ чисто коммерческое, несогласно съ характеромъ и назначеніемъ Археологическаго Общества.

Опредѣлили: принять то и другое заявленіе къ свѣдѣнію.

9. Согласно предложенію д. члена Общества К. И. Невоструева постановлено: елабужскому 2-й гильдіи купцу Ивану Васильевичу Шишкину,

протоіерею Симбирской губ., города Сенгилея, Ксенофонту Степановичу Базилевскому, священнику Самарской губ., Ставропольскаго уѣзда, села Рѣпьевки, Архангельское тожъ, Валентину Умову и елабужскимъ 1-й гильдіи купцамъ: Дмитрію Ивановичу и Ивану Дмитріевичу Стахѣевымъ, за содѣйствіе, оказанное ими К. И. Невоструеву въ изслѣдованіи древностей въ г. Елабугѣ, выразить письменно искреннѣйшую благодарность Общества.

10. Дѣйствительный Членъ Д. П. Сонцевъ представилъ изъ своей коллекціи на разсмотрѣніе Общества древнюю печать новгородскаго архіепископа, при слѣдующемъ объясненіи: «Мы знаемъ, что съ XVI столѣтія было принято архіепископами Новгорода изображать на своихъ печатяхъ благословляющую руку, съ надписаніемъ своего титула и имени; но во времена болѣе отдаленныя, при грамотахъ новгородскихъ владыкъ, встрѣчаются печати съ изображеніемъ Богоматери съ превѣчнымъ Младенцемъ на персяхъ. Таковы напр. печати при грамотахъ архіепископовъ: Ѳеоктиста (1305 и 1308 г.), съ надписью на оборотной сторонѣ: «Феклистъ Архіепископъ Новгородскій» (Собр. гос. грам. I, стр. 7, 12, 15), Давида (тамъ же, стр. 16), Алексѣя (тамъ же, стр. 22), и даже при грамотѣ 1580 года, данной монастырскимъ вотчинамъ архіепископомъ Александромъ. Предлагаемая печать моего собранія имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе Божіей Матери въ фелонѣ, съ поднятыми вверхъ руками и съ Младенцемъ на персяхъ; на оборотѣ этой печати осьмиконечный крестъ, съ правой стороны котораго изображено копье, съ лѣвой трость, а у подножія мертвая голова, эмблема побѣды надъ смертію. Печать эта не имѣетъ подписи, но по своимъ изображеніямъ совершенно тожественна съ печатью новгородскаго архіепископа Евѳимія (бывшаго новгородскимъ владыкою съ 1423 по 1429 годъ), которая привѣшена къ грамотѣ, данной по благословенію владыки Евѳимія посадникомъ Дмитріемъ Васильевичемъ и всѣми старыми посадниками, тысячскимъ Михаиломъ Андреевичемъ и всѣми старыми тысячскими, боярами, житьими людьми, купцами и всѣмъ Господиномъ Великимъ Новгородомъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ, Сергіеву монастырю въ Моховцѣ, въ утвержденіе за нимъ разныхъ преимуществъ по уплатѣ повинностей и торговлѣ (см. Зап. Импер. Археол. Общ. т. VII, стр. 13). При этой грамотѣ нѣтъ подписей, но привѣшено 8 печатей, а именно: съ лѣвой стороны печать Евѳимія съ вышеупомянутыми изображеніями, за тѣмъ 7 печатей: посадника Дмитрія, тысячскаго Михаила и пяти концовъ Великаго Новгорода. Эти послѣднія пять печатей важны для археологіи при рѣшеніи спорнаго вопроса о Новгородскихъ концахъ. Снимки съ нихъ напечатаны въ томъ же VII т. Запис. Импер. Археолог. Общ. на стр. 13. На первой изъ означенныхъ пяти печатей изображенъ на лицевой сторонѣ человѣкъ съ копьемъ въ правой рукѣ и со щитомъ въ лѣвой, на оборотѣ надпись: печать Людина конца. На второй—Святитель Николай, съ надписью на оборотѣ: печать Св. Никол. (это печать Неревскаго конца). На третьей—также Св. Николай; съ правой стороны его—слова: Агіосъ, съ лѣвой: Никол., на оборотѣ надпись: Святаго Николы въ

Загородском конце. На четвертой—шестиконечный крест; вокруг его надпись: Печать Онтоновская (т. е. Антоніева монастыря), на обороте Божія Матерь, обращенная влѣво, съ поднятыми руками; это печать **Плотницкаго** конца. На пятой изображены, на одной сторонѣ крестъ съ надписью вокругъ: Печать **Словянскаго** конца, на другой—святой въ вѣнцѣ, по сторонамъ надпись: Павелъ Исповѣдникъ».

11. Д. П. Сонцевъ заявилъ, что А В. Брыкинъ отказывается баллотироваться на будущее время въ должность казначея Общества. Вслѣдствіе этого Общество постановило: а) благодарить А. В. Брыкина за долголѣтнее и усердное исполненіе должности казначея Общества и внести это въ протоколъ; б) имѣть въ виду это заявленіе при предстоящихъ выборахъ должностныхъ лицъ; в) просить А. В. Брыкина представить отчетъ за прошедшій 1870 годъ и сдать всѣ денежныя суммы и документы новому казначею, который имѣетъ быть избранъ въ настоящемъ засѣданіи.

12. За тѣмъ избраны большинствомъ голосовъ:

а) Въ дѣйствительные члены: Дашковъ Василій Андреевичъ, Бартеневъ Петръ Ивановичъ, **Мартыновъ** Алексѣй Александровичъ, **Хлудовъ** Алексѣй Ивановичъ, **Розоновъ** Николай Павловичъ, **Фоминъ** Матвѣй Матвѣевичъ, **Поповъ** Андрей Николаевичъ.

б) Въ члены-корреспонденты: священникъ Николай Гавриловичъ **Богословскій**, секретарь Новгородскаго Статистическаго Комитета.

13. На основаніи § 15 Устава произведены выборы должностныхъ лицъ; избраны: предсѣдателемъ графъ А. С. Уваровъ, товарищемъ предсѣдателя Д. П. Сонцевъ, секретаремъ К. К. Гёрцъ, товарищемъ секретаря В. Е. Румянцовъ; членами редакціоннаго комитета: Н. А. Поповъ, А. Н. Аѳанасьевъ, Н. В. Калачевъ; казначеемъ А. И. Хлудовъ; библіотекаремъ и хранителемъ музея баронъ Д. О. Шеппингъ.

14. Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель предложилъ назначить обыкновенное засѣданіе на 16 число марта и спросилъ—какіе члены Общества желаютъ сдѣлать сообщенія. Предложеніе это было принято, при чемъ изъявили желаніе сдѣлать сообщенія: Д. И. Иловайскій, о нѣкоторыхъ вопросахъ для втораго Археологическаго Съѣзда; архимандритъ Амфилохій, о надгробныхъ надписяхъ въ Даниловомъ монастырѣ; Д. П. Сонцевъ, о миѳическихъ изображеніяхъ на русскихъ памятникахъ; В. Е. Румянцовъ, о новыхъ документахъ для исторіи дома Археологическаго Общества; графъ А. С. Уваровъ, о вліяніи византійской иконописи на миніатюры въ чешскихъ рукописяхъ.

№ 65. 1871 года, марта 16 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова и въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, В. М. Ведрова, Д. И. Иловайскаго, А. А. Мартынова, П. И.

Мельникова, Н. А. Попова, Н. П. Розонова, Д. П. Сонцова, М. М. Фомина и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

2. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи въ Общество слѣдующихъ приношеній.

а) книгами:

а) Отъ Харьковскаго Университета: Протоколы Совѣта Университета, №№ 3 и 4, 1870 г.

б) Отъ дѣйствительнаго члена доктора Гревингка: Zur Kenntniss der Liv-Est-Kurland und einigen Nachbargegenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. 1871, Dorpat.

в) Отъ члена корреспондента А. А. Хованскаго: Филологическія записки, г. 9-й, вып. V, 1870 г.

г) Отъ Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Ангорскіе пороги, изъ записокъ Д. Д. Ларіонова.

в) рукописями:

Отъ члена корреспондента П. С. Ефименко изъ Холмогоръ:

а) Басня о курѣ и лисицѣ, XVIII в.

б) Разнаго рода старинныя повѣсти того же времени.

в) Двѣ тетради, заключающія въ себѣ переводные рыцарскіе романы, того же времени.

г) Опись ризницы перваго холмогорскаго архіепископа Аѳанасія, конца XVII вѣка.

д) Карта лубочной печати прошлаго столѣтія, раскрашенная, подъ названіемъ: Космограѳія.

в) вещами:

а) Отъ чл. кор. П. С. Ефименко 5 серебряныхъ денежекъ, съ изображеніемъ птицы и надписью: «Гдрь Іоанъ», и 3,—съ изображеніемъ всадника и надписью «Князъ велики Іванъ»; одна мѣдная монета, судя по изображенію на ней слона, восточнаго происхожденія; мѣдное грудное украшеніе и перстень, служившій вмѣстѣ и печатью.

3. Препровождая поименованныя рукописи и вещи, П. С. Ефименко въ письмѣ своемъ объясняетъ, что первая изъ доставленныхъ имъ рукописей—Басня о курѣ и лисицѣ—найдена священникомъ Куростровскаго прихода между разными бумагами, въ числѣ которыхъ были рукописи, наприм. житія святыхъ, переписанныя рукою Ломоносова. Что касается до Космограѳіи, то подобныя карты нерѣдко встрѣчаются у обывателей Холмогорскаго уѣзда, служа не только украшеніемъ избъ, но и источникомъ, изъ котораго крестьяне черпаютъ свои географическія свѣдѣнія. Наконецъ, разныя металлическія вещи найдены имъ на сѣверозападѣ отъ г. Холмогоръ, въ двухъ верстахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности находился Иванъ-погостъ, упоминаемый въ

Уставѣ Святослава Ольговича 1138 года и принадлежавшій къ числу превыхъ русскихъ поселеній на крайнемъ сѣверѣ, а потомъ Ивановскій посадъ, въ которомъ, между прочимъ, жили англійскіе и голландскіе купцы. Теперь тутъ нѣтъ никакого жилья. Ежегодные разливы рѣки Курополки (рукавъ Двины), подмывающей постоянно берегъ, снесли большую часть той мѣстности, на которой былъ расположенъ Ивановскій посадъ, а пожары докончили дѣло его уничтоженія. Сохранились только незначительные слѣды, свидѣтельствующіе о томъ, что здѣсь было заселенное мѣсто, именно искусственныя земляныя возвышенія, остатки бывшаго укрѣпленія, которое находилось на томъ мѣстѣ, гдѣ Курополка соединяется подъ прямымъ угломъ съ рѣчкой Падерой или Падракурьей. Кромѣ того, изъ обрывовъ подмываемаго берега часто торчатъ бревна, остатки жилищъ, а также гробы и человѣческіе скелеты бывшаго Ивановскаго кладбища. Гробы состоятъ по большей части изъ выдолбленныхъ колодъ и выложены берестою. На томъ именно мѣстѣ, гдѣ находилось кладбище, и около него, находятъ вымываемыя водою старинныя вещи: монеты русскія и иностранныя, кресты, пуговицы, серебряные схваты и крючки, серьги, цѣпочки, перстни, подковки, которыя приколачивались къ каблукамъ сапогъ, и пр. Иногда мелкія серебряныя монеты, отыскиваемыя здѣсь, находятся въ берестяныхъ коробочкахъ и въ большомъ количествѣ, иногда отдѣльными экземплярами въ самыхъ гробахъ. Народъ поэтому говоритъ, что прежде старики съѣдали старинныя копѣечки въ кашѣ, или тайно закапывали ихъ въ коробочкахъ въ землю, не желая оставить въ наслѣдство потомству. Разсказываютъ еще, что изъ города въ нѣкоторыя ночи бываютъ видны на Падерѣ горящія свѣчки, золотые пѣтухи и пр., какъ вообще на мѣстахъ, гдѣ предполагаютъ существованіе кладовъ. Какъ монеты, такъ и другіе предметы отыскиваются городскими мальчиками весной, когда спадаетъ вода, и продаются мѣстнымъ купцамъ и другимъ лицамъ; отъ нихъ-то и добыты корреспондентомъ упомянутыя выше вещи.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ за доставленныя ими приношенія и свѣдѣнія глубочайшую благодарность.

3. Сверхъ того въ Общество поступили слѣдующія бумаги:

а) Отъ гг. дѣйствительнаго члена В. А. Дашкова и члена корреспондента Димитрія Папазоглу письма съ изъявленіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Общества.

б) Отъ фотографа Казанскаго Университета г. Локке письмо, въ которомъ онъ изъявляетъ желаніе сдѣлать для Общества фотографическіе снимки съ развалинъ Болгаръ.

Опредѣлили: выразить г. Локке глубочайшую благодарность Общества и просить о доставленіи обѣщанныхъ снимковъ.

4. Предсѣдатель представилъ рисунокъ древней панагіи, присланный д. ч. Н. А. Артлебеномъ, находящейся въ соборѣ города Зарайска. На одной сторонѣ панагіи — изображеніе Спасителя съ предстоящими, а на другой —

Александра Великаго съ грифонами, какъ на Димитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, что, по замѣчанію нѣкоторыхъ гг. членовъ, служитъ новымъ подтвержденіемъ мысли, развитой графомъ А. С. Уваровымъ на первомъ археологическомъ съѣздѣ, о вліяніи романскаго искусства на сѣверно-русскую архитектуру и орнаментовку въ XII столѣтіи.

5. Г. предсѣдатель представилъ кальку, снятую въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ, съ головы Спасителя на мозаикѣ въ алтарной части этого храма. Какъ извѣстно, церковь св. Виталія была окончена и освящена въ 547 году, слѣдовательно мозаика этого храма принадлежитъ къ древнѣйшимъ и самымъ замѣчательнымъ памятникамъ этого искусства.

6. Г. предсѣдатель передалъ на обсужденіе Общества предложеніе г. Дегена, что въ видахъ сообщенія бо́льшаго интереса памятникамъ московской древности, а вмѣстѣ и пособія къ знакомству съ русскою исторіею, въ особенности для лицъ, имѣющихъ мало случаевъ къ ея изученію, было бы полезно выставить при московскихъ церквахъ надписи, объясняющія время ихъ постройки, событія, по случаю которыхъ онѣ выстроены, кѣмъ, при какомъ князѣ или царѣ и проч. Это казалось бы особенно не лишнимъ въ будущемъ 1872 г., когда въ Москву съ разныхъ сторонъ Россіи прибудетъ не мало народу, по поводу открытія политехнической выставки.

По обсужденіи этого предложенія, опредѣлили: отнестись къ мѣстному епархіальному начальству, не признаетъ ли оно возможнымъ принять съ своей стороны мѣры къ приведенію въ исполненіе вышеизложенной мысли, польза которой для науки неоспорима, и при этомъ присовокупить, что Московское Археологическое Общество изъявляетъ полную готовность содѣйствовать въ этомъ предпріятіи своими разысканіями и сообщить всѣ добытыя имъ свѣдѣнія, относящіяся къ разъясненію исторіи московскихъ церквей.

7. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи отъ чл. кор. К. Г. Евлентьева статьи, назначаемой имъ для археологическаго словаря, подъ заглавіемъ: Библіографическій Указатель сочиненій о г. Псковѣ и его памятникахъ.

8. Д. И. Иловайскій изложилъ изустно свои мысли и соображенія по вопросу, который онъ имѣетъ въ виду предложить на обсужденіе 2-го Археологическаго съѣзда, именно по вопросу о народности древнихъ Даковъ, а вслѣдъ за тѣмъ доставилъ и письменное изложеніе своего сообщенія.

9. Архимандритъ Амфилохій прочиталъ свою статью о надгробныхъ памятникахъ иновѣрцевъ, найденныхъ имъ въ Московскомъ Даниловѣ монастырѣ подъ основаніями монастырскихъ башенъ, при чемъ представилъ сдѣланные имъ бумажные снимки съ надгробныхъ надписей.

10. Товарищъ секретаря В. Е. Румянцовъ прочиталъ извлеченія изъ статьи, доставленной Н. П. Розоновымъ подъ названіемъ: Матеріалы для иторіи дома Московскаго Археологическаго Общества, на Бересневкѣ, и присовокупилъ нѣсколько собственныхъ дополнительныхъ примѣчаній.

Опредѣлили: доставленныя гг. Евлентьевымъ, Иловайскимъ, архимандритомъ Амфилохіемъ, Розоновымъ и Румянцовымъ статьи передать въ редакціонный комитетъ.

11. Д. П. Солнцевъ предложенное имъ сообщеніе о миѳическихъ изображеніяхъ на русскихъ памятникахъ отложилъ до будущихъ засѣданій Общества.

12. Въ заключеніе г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества о своихъ занятіяхъ въ Прагѣ въ свою послѣднюю заграничную поѣздку и показалъ фотографическіе снимки съ миніатюръ въ чешскихъ рукописяхъ отъ XI до XVII вѣка. Вся эта коллекція фотографій, состоящая изъ 400 снимковъ, пріобрѣтена имъ въ Прагѣ. По недостатку времени г. предсѣдатель успѣлъ ознакомить присутствующихъ только съ 7-ю рисунками, относящимися къ XI, XII и XIII столѣтіямъ и показывающими наглядно постепенный переходъ византійскаго стиля въ романскій.

№ 66. 1871 года, мая 30 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова и въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. В. Брыкина, А. А. Гатцука, Н. В. Закревскаго, А. А. Котляревскаго, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, Н. П. Розонова, Д. П. Сонцева и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній:

А) книгами:

а) Отъ члена корреспондента: В. А. Прохорова издаваемыя имъ «Древности», выпускъ 1-й.

б) Отъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Отчетъ Общества за 1870 г. и 2-е изданіе Указателя Музея Общества.

в) Отъ члена-корреспондента К. Г. Евлентьева, изданныя имъ брошюры: Книги псковитина посадскаго торговаго человѣка Сергѣя Иванова, сына Паганкина; Археологическая записка о Паганкиныхъ; Хронологическій указатель статей, касающихся Псковской губерніи, помѣщенныхъ въ неофиц. части Псковск. Губ. Вѣдомостей за все время изданія ихъ, т. е. съ 1838 г. по 1869 г.; два экземпляра рисунка дома Паганкиныхъ въ Псковѣ.

г) Отъ Владимірскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Труды Комитета, выпускъ 8-й; Указатель достопамятностей г. Владиміра, соч. Тихонравова, 1870 г. и Протоколъ засѣданія 22-го февраля 1871 г.

д) Отъ Нижегородскаго губернскаго Статистическаго Комитета: Протоколы засѣданій 22 марта и 30 апрѣля 1870 г.

е) Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ: Чтенія 1870 года, книга 4.

ж) Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета: Протоколы засѣданій Совѣта за 1870 годъ, №№ 5, 6 и 7 й.

з) Отъ Дирекціи Національнаго Музеума въ Загребѣ въ Кроаціи: Westnik Narodnoga Muzeja v Zagrebu za godinu 1870, v Zagrebu, 1871.

и) Отъ Южнославянской Академіи: Rad, knjiga XIV, v Zagrebu, 1871.

і) Отъ Эстонскаго ученаго Общества въ Дерптѣ: Sitzungsberichte der gelehrten esthnischen Gesellschaft zu Dorpat, 1870; Verhandlungen der gelehrten esthnischen Gesellschaft zu Dorpat, 6 B, 3 и 4 Heft, Dorpat, 1871.

к) Отъ дѣйствительнаго члена А. А. Котляревскаго: Archeologische Späne von prof. Kotlarewsky, Dorpat, 1871.

л) Отъ члена корреспондента В. И. Лѣствицына: отдѣльно изданная имъ статья изъ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1871 г. подъ заглавіемъ: Предстоящая ученая экспедиція въ Ярославскую губернію.

в) рукописями и снимками:

а) Отъ чл. кор. П. С. Ефименко изъ Холмогоръ: Списаніе о чернодневіи (въ копіи) и старинное рукописное изображеніе на открытомъ листѣ Соломоновой печати, по мѣстамъ раскрашенное. Такія изображенія, по объясненію П. С. Ефименко, служатъ въ тамошнемъ народѣ амулетами. Присланный экземпляръ отличается отъ обыкновенныхъ изображеній тѣмъ, что при немъ находится толкованіе Льва, царя греческаго, состоящее въ приведеніи вокругъ печати различныхъ текстовъ Свящ. Писанія, начинающихся тѣми буквами, которыя входятъ въ составъ текста самой печати.

б) Отъ члена корреспондента Голышева: Переводъ иконы Единороднаго Сына Божія и снимокъ съ иконы, такъ называемой, 12-ти лихорадокъ.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

3. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Редакціи издаваемаго въ С.Петербургѣ журнала: Гражданское торговое право—предложеніе взаимнаго обмѣна изданіями.

Опредѣлили: увѣдомить редакцію о согласіи Общества на предложенный обмѣнъ.

б) Отъ калужскаго губернатора отношеніе, въ которомъ, препровождая 6 серебряныхъ денежекъ изъ числа найденныхъ калужскими жителями въ Ильинскомъ оврагѣ, проситъ увѣдомить, съ возвращеніемъ самыхъ монетъ: къ какой эпохѣ онѣ принадлежатъ и заслуживаютъ ли почему-либо вниманія.

По осмотрѣ этихъ монетъ, опредѣлили: возвратить ихъ съ увѣдомленіемъ, что всѣ онѣ выбиты въ царствованіе Михаила Өеодоровича и не принадлежатъ къ числу рѣдкихъ.

в) Отъ московскаго оберъ-полиціймейстера увѣдомленіе, что въ домѣ Воскресенскаго подворья, находящемся но углу Ильинской улицы и Черкасскаго переулка, открыто при раскопкѣ земли 4 каменныхъ гроба; на двухъ

изъ нихъ находятся надписи славянскими буквами, а отъ 2-хъ остальныхъ видны оконечности плитъ.

Опредѣлили: благодарить г. Оберъ-полиціймейстера за сообщенное имъ свѣдѣніе.

г) Отъ г. Министра народнаго просвѣщенія увѣдомленіе, что Государь Императоръ, удостоивъ благосклонно принять поднесенный имъ 12-го мая Его Императорскому Величеству, доставленный предсѣдателемъ Московскаго Археологическаго Общества, экземпляръ изданнаго Обществомъ сочиненія подъ заглавіемъ: Иванъ Ѳедоровичъ, первый русскій книгопечатникъ,— Высочайше повелѣть соизволилъ: благодарить г. предсѣдателя и Московское Археологическое Общество.

д) Отъ него же г. Министра народнаго просвѣщенія и отъ гг. членовъ корреспондентовъ: А. Н. Неустроева и А. А. Хованскаго: увѣдомленія о полученіи ими 3-го вып. 2 тома Трудовъ Общества.

е) Отъ дѣйствительнаго члена К. Н. Тихонравова: извѣщеніе, что въ маѣ мѣсяцѣ онъ будетъ имѣть полную возможность отправиться въ Ярославскую губернію для производства раскопокъ, порученныхъ ему Археологическимъ Обществомъ. При этомъ извѣщеніи приложено въ подлинникѣ предписаніе на его имя начальника Владимірской губерніи, въ коемъ объясняются причины, замедлившія исполненіе г. Тихонравовымъ возложеннаго на него порученія отъ Общества.

Опредѣлили: принять заявленіе г. Тихонравова къ свѣдѣнію.

4. Товарищъ секретаря доложилъ о доставленіи въ Общество слѣдующихъ статей:

а) Отъ члена корреспондента И. А. Голышева: Матеріалы для исторіи иконописанія.

б) Отъ чл. кор. П. С. Ефименко: Старинныя гребенки въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи.

Опредѣлили: передать присланныя статьи въ редакціонный комитетъ.

5. Г. предсѣдатель заявилъ, что при обширности въ настоящее время археологической литературы, при множествѣ матеріаловъ и изслѣдованій, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ, часто рѣдкимъ или малоизвѣстнымъ, было бы въ высшей степени полезно предпринять такое изданіе, которое служило бы отдѣльнымъ сборникомъ археологическихъ матеріаловъ, и предложилъ Обществу принять мѣры для исполненія этого предпріятія.

Опредѣлили: 1) предпринять изданіе отдѣльнаго сборника археологическихъ матеріаловъ подъ названіемъ «Археологическая библіотека», и 2) поручить исполненіе этого изданія д. ч. А. А. Котляревскому, уполномочивъ его къ издержкамъ какъ по части печати, такъ и по части другихъ необходимыхъ по этому дѣлу отношеній.

6. Предсѣдатель Общества прочиталъ сообщеніе о Петросскомъ кладѣ, состоявшемъ изъ многихъ замѣчательныхъ предметовъ древняго искусства, случайно отрытыхъ въ 1837 году въ Валахіи, близъ горы Ис-

трицы, въ приходѣ Петроссы, и съ того времени не перестававшихъ обращать на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей.

Опредѣлили: передать означенное сообщеніе въ редакціонный комитетъ.

7. Дѣйств. членъ А. А. Котляревскій сообщилъ новое свидѣтельство англійскаго лѣтописца Вильгельма Мальмесбюри о поклоненіи Свантовиту у балтійскихъ Славянъ. Свидѣтельство это пополняетъ любопытными чертами извѣстный разсказъ Саксона Грамматика, и тѣмъ важнѣе для науки славянскихъ древностей, что цѣлымъ вѣкомъ старше его, т. е. принадлежитъ къ началу XII вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. Котляревскій представилъ объясненіе народнаго сказанія о томъ, что будто бы Велеты или Вильцы съѣдаютъ своихъ престарѣлыхъ родителей. Сказка эта въ первый разъ появляется у Ноктера (XI в.) и, нѣтъ сомнѣнія, возникла по смѣшенію собственнаго имени: Велеты съ нарицательнымъ: Велетъ, Волотъ—великанъ, людоѣдъ; поддерживалась же она дѣйствительнымъ обычаемъ—предавать смерти престарѣлыхъ людей.

8. Дѣйствительный членъ архимандритъ Амфилохій прочиталъ составленное имъ описаніе Струмницкаго самодревнѣйшаго Октоиха, юсоваго письма, XI вѣка, изъ собранія Гильфердинга, теперь принадлежащаго А. И. Хлудову. Глубокую древность этого Октоиха авторъ доказываетъ филологическими и палеографическими данными, при чемъ представилъ на разсмотрѣніе снимки съ двухъ страницъ этой рукописи.

9. Дѣйствительный членъ В. Е. Румянцовъ сообщилъ свѣдѣнія о двухъ древнихъ могильныхъ камняхъ, найденныхъ при копаніи рва для построекъ на землѣ, принадлежащей московскому Богоявленскому монастырю. Камни эти имѣютъ продолговатую четыреугольную форму. На поверхности ихъ изсѣчены вглубь слѣдующія надписи вязью; на первомъ: «лѣта ҂зрві (1604 г.) мѣсяца Октября въ 14 д. на память преподобныя матери нашея Параскевы преставися рабъ Божій Кондратъ, а прозвищо Розгилдей Григорьевъ Любучеи»; на другомъ: «лѣта ҂зркг (1615 г.) Іюня въ ӗ день на память иже во стыхъ отца нашего Никифора патріарха Царя-града преставися рабъ Божій Афанасій Анофреевъ сынъ Козлитиновъ, во иноцехъ Аверкей». Надписи на обоихъ камняхъ окружены орнаментами одинаковаго рисунка,—перевивающимися линіями въ видѣ жгута; въ головахъ виденъ полукругъ, состоящій изъ такихъ же орнаментовъ, въ срединѣ котораго изсѣчено подобіе звѣзды съ изгибающимися лучами. На стѣнкахъ камней по всѣмъ 4-мъ сторонамъ находятся высѣченныя углубленія въ видѣ полукруглыхъ нишей, стоящихъ рядомъ. При этомъ представлены были и рисунки съ этихъ камней.

Затѣмъ В. Е. Румянцовъ сообщилъ о двухъ каменныхъ гробахъ, найденныхъ въ землѣ подъ домомъ Воскресенскаго подворья, находящагося въ Москвѣ на Ильинкѣ. Эти гробницы, высѣченныя изъ цѣльнаго бѣлаго камня и гладко обтесанныя, имѣютъ видъ продолговатыхъ четыреугольныхъ ящиковъ, которые съуживаются въ ногахъ, а въ головахъ имѣютъ довольно большой полукруглый выступъ для помѣщенія головы покойника.

Обѣ покрыты сверху гладкими каменными плитами, на которыхъ высѣчены надписи вязью. На одной изъ нихъ видны слова: «лѣта ҂зрлв (1626 г.) Декабря въ день преставися рабъ Божій Иванъ Ѳедосеевъ сынъ Юдинъ преданъ въ семъ гробѣ»; далѣе: «Московскій гость». На другой надписано: «лѣта ҂зрми (1640 г.) Генваря въ ӏі день преставися рабъ Божій Григорій Ивановичъ Юдинъ». Въ самыхъ гробницахъ не найдено ничего, кромѣ пепла и костей; только въ первой изъ нихъ оказался въ головахъ, въ особо высѣченномъ маленькомъ углубленіи, пузырекъ изъ зеленаго стекла въ видѣ кубика, вѣроятно бывшій съ соборованнымъ масломъ. Рисунки съ этихъ гробницъ также сняты и представлены. Подлѣ нихъ находятся подъ стѣною еще двѣ подобныя гробницы, отъ которыхъ видны только края верхнихъ плитъ. Гробницы эти вѣроятно принадлежатъ также членамъ фамиліи Юдиныхъ, во владѣніи которыхъ первоначально было и самое это подворье, пожертвованное потомъ, при патріархѣ Никонѣ, Воскресенскому монастырю вдовою Ивана Юдина, Оксиньею Ѳедоровою.

10. Дѣйст. членъ А. А. Мартыновъ прочиталъ проэктъ, о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ древностей, назначаемый имъ для представленія второму археологическому съѣзду.

При обсужденіи этого проэкта, предсѣдатель замѣтилъ, что прежде всего необходимо привести, по возможности, въ извѣстность эти памятники, а для этого было бы полезно: 1) отнестись къ эпархіальнымъ начальствамъ съ просьбою, чтобы они пригласили настоятелей монастырей и приходскихъ церквей къ сообщенію свѣдѣній о всѣхъ имѣющихся у нихъ древностяхъ; 2) просить также губернскіе статистическіе комитеты, чтобы они сообщали археологическимъ обществамъ свѣдѣнія какъ объ извѣстныхъ имъ древностяхъ, такъ и о собирателяхъ древностей.

Опредѣлили: принять предложеніе г. предсѣдателя къ исполненію, а затѣмъ дальнѣйшее обсужденіе проэкта г. Мартынова возобновить въ слѣдующее засѣданіе.

№ 67. 1871 года, октября 3 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, Н. А. Артлебена, А. В. Брыкина, Н. П. Бочарова, В. М. Ведрова, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, А. П. Клачкова, В. И. Лѣствицына, П. И. Мельникова, А. А. Мартынова, И. Д. Мансветова, К. И. Невоструева, И. С. Некрасова, А. Н. Попова, Н. П. Розанова, протоіерея Д. В. Разумовскаго, Д. П. Сонцева, графа М. В. Толстаго, А. И. Хлудова, барона Д. О. Шеппинга и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1. По совершеніи молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Августѣйшему Покровителю Московскаго Археологическаго Общества, Государю Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему дому, предсѣдателю и членамъ Общества, предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью.

«Мм. гг! Открывая сегодня засѣданіе въ новомъ домѣ, дарованномъ Государемъ Императоромъ, намъ прежде всего слѣдуетъ вспомнить благосклонныя слова Всемилостивѣйшаго указа. Въ немъ изображено, что Государь Императоръ, желая способствовать успѣшной дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества, жалуетъ ему въ собственность древній домъ, находящійся на Берсеневкѣ. Столь милостивое вниманіе къ нуждамъ Общества еще болѣе значительно для насъ по мысли, высказанной въ указѣ 28 ноября,—что Московское Археологическое Общество, принявъ домъ, жалуемый Государемъ для общественной пользы, обязано заботиться о сохраненіи характера и архитектуры сего зданія, составляющаго замѣчательный памятникъ зодчества XVI вѣка. Такая забота Августѣйшаго Монарха о сохраненіи памятника родной старины тѣмъ болѣе для насъ дорога, что исполненіе ея поручено Московскому Археологическому Обществу, и сверхъ того, эта забота доказываетъ Его желаніе, чтобы памятники древности сохранялись безъ измѣненій и поврежденій подъ наблюденіемъ Археологическаго Общества. Послѣ такого заявленія намъ остается только желать, чтобы мѣра, принятая относительно древняго дома на Берсеневкѣ, была распространена на всѣ остальные памятники, которые по значенію своему должны быть ограждены отъ поврежденія или совершенной погибели. Еще разъ повторяю, что забота Государя о древнемъ русскомъ памятникѣ даетъ намъ отрадную надежду, что наконецъ настанетъ время спасенія всѣхъ памятниковъ нашей старины. Будемъ надѣяться, что наши древности, не разрушенныя Татарами и другими иноплеменниками, устоятъ теперь и противъ всякаго посягательства незнанія и невѣжества. Но для этого необходимо, чтобы и археологическія общества заботились съ своей стороны о цѣлости нашихъ памятниковъ. Этотъ вопросъ былъ уже поднятъ на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, и вы помните, мм. гг., съ какимъ живымъ участіемъ онъ обсуждался. Каждый членъ съѣзда приносилъ свои жалобы на разрушеніе памятниковъ, каждый предлагалъ мѣры для сохраненія ихъ; но вопросъ былъ слишкомъ важенъ для отечественной археологіи, чтобы немедленно получить удовлетворительное разрѣшеніе. Поэтому его поставили однимъ изъ первыхъ вопросовъ для втораго археологическаго съѣзда. Будемъ надѣяться, что онъ теперь разрѣшится съ полнымъ успѣхомъ, и что при этомъ археологическія общества получатъ то значеніе, которое имъ принадлежитъ. Эта задача тѣсно связана съ успѣхомъ археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, а потому, готовясь ко второму съѣзду, мы должны, мм. гг., живымъ нашимъ участіемъ въ немъ вызвать потребность третьяго и послѣдующихъ съѣздовъ.

Сегодня мы перенесли наши засѣданія въ новое помѣщеніе, въ которомъ по прежнему будемъ изучать и изслѣдовать наши отечественныя древности, какъ мы это дѣлали въ продолженіе семи лѣтъ. Достигли ли мы въ эти семь лѣтъ цѣли, къ которой стремились, принесли ли мы пользу той наукѣ, которой служимъ,—вотъ вопросы, на которые не намъ предоставлено отвѣчать. Но, съ своей стороны, мы можемъ только припомнить, что въ эти

семь лѣтъ сдѣлано нашимъ Обществомъ. Оно издало два тома своихъ Древностей и первые два выпуска третьяго; оно напечатало, сверхъ того, два тома Описанія Кіева Н. В. Закревскаго съ атласомъ, а теперь кончаетъ изданіе Трудовъ перваго археологическаго съѣзда, которое будетъ состоять изъ 115 листовъ текста и атласа въ 44 таблицы. Всѣ эти изданія были возможны только при дѣятельномъ участіи нашихъ членовъ, а потому позвольте мнѣ, мм. гг., хотя бѣгло, перечислить вамъ всѣ статьи и изслѣдованія, которыя были намъ доставлены и которыя уже отчасти напечатаны въ нашихъ изданіяхъ (слѣдуетъ перечисленіе 152 сочиненій шестидесяти членовъ, кромѣ изслѣдованій самого предсѣдателя).

Упомянувъ здѣсь только о статьяхъ и изслѣдованіяхъ, я не могъ перечислить многихъ любопытныхъ и драгоцѣнныхъ свѣдѣній, поступившихъ со всѣхъ концовъ Россіи и весьма важныхъ для мѣстной археологической топографіи. Я также не упомянулъ о сочиненіяхъ, рукописяхъ и памятникахъ, присланныхъ въ Общество, которые современемъ составятъ любопытный музей отечественныхъ древностей. Какъ музей нашъ, такъ и наша библіотека, благодаря заботамъ и усердію хранителя ихъ барона Д. О. Шеппинга, приведены въ порядокъ, и къ одному изъ будущихъ выпусковъ нашихъ Древностей можно будетъ уже приложить каталогъ нашей библіотеки.

Собравшись сегодня въ первый разъ послѣ лѣтнихъ вакацій, вспомнимъ объ утратѣ нашихъ членовъ, которыхъ мы лишились въ это короткое время. Предоставляя другимъ подробно изложить объ ученыхъ трудахъ Ал. Ник. Аѳанасьева и Ник. Вас. Закревскаго, упомяну только о томъ живомъ участіи, которое они постоянно принимали въ занятіяхъ Общества. Ихъ дѣятельность и заслуги слишкомъ важны; они оставили по себѣ незабываемые слѣды. Оба, какъ будто предчувствуя свою кончину, спѣшили закончить труды, которымъ посвятили всю свою жизнь. Закревскій въ своемъ Описаніи Кіева собралъ все что̀ читалъ, все что̀ изслѣдовалъ о немъ, и на каждомъ шагу лично провѣрялъ замѣчанія своихъ предшественниковъ. Описаніе это сдѣлалось какъ бы энциклопедіей кіевскихъ древностей. Аѳанасьевъ, всецѣло посвятившій себя изслѣдованію миѳологическихъ воззрѣній Славянъ на природу, успѣлъ предъ кончиною издать свой трудъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ полное разъясненіе древнихъ преданій и вѣрованій. Мы потеряли также нашего члена корреспондента Петра Ильича Гундобина,—того скромнаго, но ревностнаго любителя старины, который принесъ столько памятниковъ древности въ даръ нашему Обществу. Изъ иностранныхъ нашихъ членовъ мы лишились Іоанна Эразма Воцеля въ Прагѣ, и послѣднее его сочиненіе о древностяхъ чешскихъ достойно увѣнчало труды славянскаго археолога. Еще годъ тому назадъ, я долго бесѣдовалъ съ Воцелемъ и откровенно высказался противъ его мнѣнія объ отличительныхъ признакахъ славянскихъ могилъ. Почтенный археологъ съ живостію возражалъ на мои замѣчанія и все повторялъ, что только ученыя изслѣдованія въ Россіи могутъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ.

Послѣ этихъ печальныхъ воспоминаній, обратимся, мм. гг., къ радостной вѣсти, полученной изъ Кіева. Сентября 6-го нашъ дѣйствительный членъ М. А. Максимовичъ праздновалъ юбилей своей пятидесятилѣтней ученой дѣятельности. Такъ какъ мы сегодня собрались въ первый разъ послѣ лѣтняго перерыва нашихъ занятій, то не могли участвовать въ праздникѣ нашего дорогаго сочлена, а потому позвольте мнѣ, мм. гг., отъ вашего имени поздравить маститаго археолога, который столько лѣтъ трудится для пользы науки. Недавно еще онъ писалъ мнѣ, что намѣревается основать въ Кіевѣ Археологическое Общество.

Я старался, мм. гг., обозрѣть какъ дѣятельность нашего Общества, такъ и труды всѣхъ его членовъ. Если что ускользнуло изъ моей памяти, прошу васъ извинить этотъ пропускъ, и какъ говорили наши дѣды, — «оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите, исправливая Бога дели, а не кляните».

Въ заключеніе имѣю честь предложить вамъ, мм. гг., въ сей торжественный для насъ день отправить телеграмму Августѣйшему Покровителю нашего Общества, Государю Наслѣднику Цесаревичу, и просить Его Высочество повергнуть предъ Государемъ Императоромъ чувства вѣрноподданнической нашей благодарности за Всемилостивѣйше пожалованный намъ древній домъ.

Предложеніе г. предсѣдателя было всѣми членами Общества принято съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и вслѣдъ за тѣмъ отправлена въ Ливадію нижеслѣдующая телеграмма:

«Ваше Императорское Высочество! Московское Археологическое Общество, открывая нынѣ, по совершеніи молебствія, въ первый разъ свое засѣданіе въ древнемъ домѣ, Высочайше ему пожалованномъ, считаетъ своею священною обязанностію почтительнѣйше просить Ваше Высочество, какъ своего Покровителя, принести Его Императорскому Величеству глубочайшую благодарность Общества за его Всемилостивѣйшій даръ».

2. Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, всѣми присутствующими членами принято отправить къ М. А. Максимовичу нижеслѣдующую телеграмму:

«Московское Археологическое Общество, послѣ лѣтняго перерыва своихъ занятій, собравшись въ первое засѣданіе, привѣтствуетъ васъ, почтеннаго сочлена своего, съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ полезной и разнообразной дѣятельности на поприщѣ наукъ, и вполнѣ увѣрено, что по мысли вашей вскорѣ устроится и въ Кіевѣ общество археологическое.»

3. Товарищъ секретаря прочелъ и поднесъ г. предсѣдателю адресъ отъ членовъ Общества нижеслѣдующаго содержанія:

«Господину Предсѣдателю Московскаго Археологическаго Общества графу Алексію Сергіевичу Уварову.

Со дня основанія Московскаго Археологическаго Общества, въ продолженіе семи лѣтъ, вы несли на себѣ званіе его предсѣдателя. Этотъ періодъ времени для ученаго Общества нельзя назвать продолжительнымъ; между тѣмъ Археологическое Общество своими изданіями успѣло

сдѣлать многое для науки отечественныхъ древностей. Такимъ счастливымъ успѣхомъ оно обязано исключительно вамъ. Своими учеными трудами, своею энергическою дѣятельностью и щедрыми пожертвованіями вы поставили его на почетное мѣсто въ средѣ русскихъ ученыхъ обществъ. Ходатайству вашему Общество обязано и тѣмъ, что ему Всемилостивѣйше пожалованъ древній домъ, сегодня освященный.

Празднуя нынѣ освященіе этого дома, Московское Археологическое Общество не могло не вспомнить всѣхъ заслугъ, оказанныхъ вами ему и наукѣ. Члены его сочли нравственною своею обязанностію торжественно принести Вашему Сіятельству изъявленіе глубочайшей своей признательности за все то, что вами сдѣлано на пользу науки о русской старинѣ».

4. Г. предсѣдатель графъ А. С. Уваровъ, выразивъ свою благодарность членамъ Общества, сказалъ, что безъ ихъ содѣйствія онъ не могъ бы сдѣлать ничего полезнаго для науки отечественныхъ древностей и для Московскаго Археологическаго Общества, и что на будущее время онъ, видя такое участіе, не остановится ни предъ какими трудами и жертвами.

5. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія Общества.

№ 68. 1871 года, октября 21 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Н. П. Бочарова, А. Н. Веселовскаго, А. А. Гатцука, Д. И. Иловайскаго, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, К. И. Невоструева, Н. П. Розонова, Д. П. Сонцева, барона Д. О. Шеппинга и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній.

а) книгами:

а. Отъ Археографической Коммиссіи:

a) Лѣтописи по Ипатьевскому списку.

b) Повѣсти временныхъ лѣтъ, по Ипатьевскому списку.

c) Матеріалы для историко-географическаго атласа въ Россіи.

d) Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, т. II.

e) Лѣтописи занятій Археолог. Коммиссіи за 4 года (1867—1870).

б. Отъ Кіевской Духовной Академіи: Труды Академіи, августъ 1871 года.

в. Отъ Императорскаго Харьковскаго Университета: «Протоколы засѣданій Совѣта Университета 1870 г., въ 2-хъ книгахъ, №№ 8 и 9.

г. Отъ Нижегородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Засѣданія Комитета 1-го и 16-го іюня 1871 года, въ 2-хъ брошюрахъ.

д. Отъ Псковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Псковскій статистическій Сборникъ на 1871 годъ.

е. Отъ г. Felice Finzi изъ Флоренціи: б) Mito e religione nella etnologia.

ж. Отъ д. члена К. И. Невоструева: Исторія города Елабуги, соч. Ив. Шишкина, Москва, 1871 г.

з. Отъ д. члена К. Н. Тихонравова:

a) Брюсовъ Календарь, изд. 1785 г.

b) Приходорасходная книга Суздальскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря 1687 года (рукопись).

c) Городъ Владиміръ въ началѣ XVIII столѣтія, соч. К. Тихонравова (извлечено изъ № 15 Влад. Губ. Вѣдомостей 1871 года).

d) Указатель достопамятностей города Владиміра-Клязменскаго, составл. К. Тихонравовымъ, 1870 г.

e) Некрологъ члена корреспондента Общества П. И Гундобина, напечатанный въ № 15 Влад. Губ. Вѣдомостей.

f) Отъ Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ—IV т. изданныхъ ею актовъ.

в) вещами:

Отъ д. члена Д. О. Шеппинга: древняя кольчуга, найденная Воронежской губ., Острогожскаго уѣзда, на хуторѣ Развилки.

в) фотографическими снимками:

Отъ члена-корреспондента Папазоглу изъ Молдавіи: снимокъ съ предполагаемаго изображенія Клеопатры.

Опредѣлили: изъявить жертвователямъ глубочайшую благодарность Общества.

3) Г. предсѣдатель доставилъ въ Общество два снимка съ каменнаго топора, шлифованнаго, принадлежащаго ко второму періоду каменнаго вѣка. Топоръ этотъ найденъ въ Порѣчьѣ, на гористомъ берегу рѣки Иночи въ слоѣ песку, подъ слоемъ глины, въ октябрѣ 1871 года. За тѣмъ предсѣдатель обратилъ вниманіе гг. членовъ на слѣдующее извѣстіе, напечатанное въ № 284 С.Петербугскихъ Вѣдомостей, 15 (27) октября 1871 г.

«Близь Тарнова (въ Галиціи) открыта мѣстность, на которой, повидимому, происходилъ въ отдаленныя времена ожесточенный бой. Мѣстность эта въ окружности простирается до $^3/_4$ квадратной мили (около 28 квадратныхъ верстъ). Найденные трупы вооружены деревянными, насаженными кремнемъ, палицами и кожаными щитами. Они остались на побоищѣ въ томъ положеніи, какъ пали во время боя, и надъ ними образовался въ теченіе многихъ вѣковъ толстый слой песку, который впослѣдствіи, въ теченіе многихъ столѣтій, дѣйствіемъ геологическихъ факторовъ (вѣтра и т. п.), постепенно уменьшался, пока наконецъ дошелъ до minimum, такъ что теперь обнаружились находившіеся подъ нимъ трупы, со всею ихъ обстановкой. По мѣрѣ появленія надъ поверхностью земли и соприкосновенія съ воздухомъ, все, какъ люди, такъ и оружіе, превращается въ пепелъ. Это любопытное и, можетъ быть, единственное въ своемъ родѣ явленіе относится, по всей вѣроятности, къ каменному періоду...

«Назначена особая коммиссія для изслѣдованія этого явленія на мѣстѣ».

Г. предсѣдатель предъявилъ два сообщенія, присланныя въ Общество: одно отъ Антонія Росси изъ Маркоска въ Далмаціи съ приложеніемъ реестра средневѣковыхъ монетъ и медалей; другое отъ Антикварія Старгарота изъ Берлина съ реестромъ различныхъ книгъ. Въ томъ и другомъ сообщеніи предлагается, не пожелаетъ ли кто пріобрѣсть покупкою означенныя въ реестрахъ монеты, медали и книги.

Опредѣлили: принять заявленія г. предсѣдателя и присланныя сообщенія къ свѣдѣнію.

4. Отъ члена корреспондента Р. Г. Игнатьева прислано отношеніе, въ которомъ онъ извѣщаетъ Общество, что благодаря содѣйствію Тобольскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, онъ успѣлъ собрать свѣдѣнія о тамошнихъ древностяхъ и сдѣлать археологическое описаніе нѣсколькихъ мѣстностей въ Курганскомъ округѣ, Тобольской губерніи, каковое описаніе, вмѣстѣ съ находками древностей, будетъ доставлено въ Московское Археологическое Общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ Р. Г. Игнатьевъ прислалъ слѣдующія статьи для археологическаго словаря 1): **Княжескій курганъ** Оренбургской губерніи и 2) **Царевъ курганъ** Тобольской губерніи, присовокупивъ, что онъ надѣется доставить и еще нѣкоторыя статьи для словаря и другихъ изданій Археологическаго Общества.

Опредѣлили: выразить чл. кор. Р. Г. Игнатьеву глубочайшую благодарность Общества, а присланныя имъ статьи передать въ редакціонный комитетъ.

5. Г. предсѣдатель представилъ отъ имени д. чл. В. Г. Тизенгаузена рисунки древнихъ вещей, сдѣланные академикомъ Ѳ. Г. Сонцевымъ, съ предложеніемъ Обществу издать ихъ, если оно пожелаетъ, и два рисунка съ изваянія мужской или женской головы, найденнаго Астраханской губерніи, Царицынскаго уѣзда, въ дачахъ крестьянъ слободы Капустина Яра, вѣсомъ 1/2 фунта.

Опредѣлили: выразить благодарность В. Г. Тизенгаузену, а рисунки г. Сонцева передать въ редакціонный комитетъ.

6. Г. предсѣдатель роздалъ гг. членамъ отпечатанные экземпляры проэкта А. А. Мартынова о мѣрахъ для сохраненія памятниковъ древности. При этомъ Д. П. Сонцевъ прочелъ свое мнѣніе противъ 4 параграфа проэкта, по которому должность блюстителей древнихъ памятниковъ считается въ государственной службѣ съ присвоенными ей правами и преимуществами. Въ обсужденіи проэкта принимали участіе гг. члены: баронъ Д. О. Шеппингъ, А. А. Гатцукъ, П. И. Мельниковъ и Д. И. Иловайскій.

Опредѣлили: принять заявленныя по поводу представленнаго проэкта мнѣнія къ свѣдѣнію.

7. Товарищъ секретаря заявилъ, что въ то время, когда археологическія общества и съѣзды изыскиваютъ мѣры къ сохраненію древнихъ памятниковъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, памятники эти сокрушаются безпощадно въ самой Москвѣ. Такъ, нынѣшнимъ лѣтомъ сломанъ домъ XVII столѣтія, принадлежащій Николоберсеневской церкви и находившійся въ сосѣдствѣ

съ самымъ домомъ Археологическаго Общества. Было покушеніе также сломать извѣстную церковь Грузинской Божіей Матери въ Китаѣ городѣ, близь Варварскихъ воротъ; но къ счастію, это покушеніе не исполнилось, благодаря печалованію любителей старины.

Г. предсѣдатель замѣтилъ, что въ виду продолжающихся разрушеній древнихъ памятниковъ онъ признаетъ необходимымъ открыть въ изданіяхъ Общества особый отдѣлъ подъ названіемъ: Археологическій Синодикъ, въ который должны заноситься извѣстія о каждомъ погибшемъ памятникѣ древности. Это, по его мнѣнію, можетъ послужить и къ охраненію самыхъ памятниковъ, внушая къ нимъ большее уваженіе.

Предложеніе это было принято всѣми гг. членами сочувственно.

8. Членъ Общества И. Д. Мансветовъ предложилъ нѣсколько замѣчаній относительно древняго византійскаго царскаго орната и его отношенія къ русскому великокняжескому и царскому одѣянію, на основаніи древнихъ живописныхъ изображеній.

9. Г. предсѣдатель предложилъ на разсмотрѣніе членовъ фотографіи, снятыя въ церкви S. Apollinare Nuovo въ Равеннѣ. Этотъ храмъ, выстроенный Θеодорикомъ въ VI столѣтіи, украшенъ былъ мозаиками въ томъ же столѣтіи, въ высшей степени любопытными въ отношеніи византійской иконографіи и въ отношеніи также изображеній дворца Θеодорика и вида гавани города Классисъ.

№ 69. 1871 года, ноября 17 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, Н. П. Бочарова, В. М. Ведрова, В. А. Дашкова, Д. И. Иловайскаго, И. Д. Мансветова, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, К. И. Невоструева, Д. В. Разумовскаго, Н. П. Розонова, графа М. В. Толстаго и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами.

а) Отъ д. члена Д. В. Разумовскаго: Церковное пѣніе въ Россіи, выпускъ второй и выпускъ третій и послѣдній.

б) Отъ члена-корреспондента А. М. Сементовскаго: Художественно-археологическая выставка 1871 года въ гор. Витебскѣ.

3. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи отъ члена-корреспондента А. М. Сементовскаго записки слѣдующаго содержанія:

«Въ Апрѣлѣ 1871 года Витебское Благотворительное Общество устроило въ Витебскѣ художественно-археологическую выставку. Какъ секретарь Общества и одинъ изъ главныхъ виновниковъ учрежденія выставки, я принималъ самое живое участіе въ ея устройствѣ, имѣя при этомъ въ виду, въ

интересахъ отечественной археологіи, попытаться собрать, по возможности, археологическія богатства Витебской губерніи, разсѣянныя между мѣстными любителями и знатоками археологіи и собирателями всякой старины или вообще рѣдкостей. Насколько цѣль моя была достигнута, Московское Археологическое Общество изволитъ усмотрѣть изъ препровождаемаго описанія выставки (стр. 22—25). Мнѣ кажется, что учрежденіе археологическихъ выставокъ, если не въ каждой губерніи, то въ каждой части Имперіи, имѣвшей особую историческую судьбу, или рѣзко отличающейся въ этнографическомъ отношеніи, могло бы быть весьма полезнымъ для отечественной археологіи, въ особенности еслибы въ выставкахъ этихъ принимали участіе наши археологическія общества: благовременнымъ командированіемъ для участія въ устройствѣ ихъ опытнѣйшихъ въ нумизматикѣ и вообще археологіи членовъ своихъ, назначеніемъ наградъ (медалей) за лучшія коллекціи, учрежденіемъ во время выставки чтеній и т. п. Я убѣжденъ, что прими въ этомъ дѣлѣ на себя починъ Московское Археологическое Общество, на зовъ его съ полною готовностію откликнулись бы не только стастистическіе комитеты,—эти пока еще единственные резервуары всевозможныхъ свѣдѣній, относящихся къ губерніи,—но и земскія учрежденія и учебныя вѣдомства. Примкнуло бы также къ этому дѣлу Императорское Географическое Общество съ его отдѣлами, да вѣроятно не отшатнулось бы и духовенство. Я убѣжденъ, что губерніи Западно-Двинскаго бассейна, и даже одна только Бѣлоруссія, доставили бы на археологическую выставку богатый запасъ всевозможныхъ древностей; тутъ была бы пища не только для археологіи, исторіи, этнографіи, но и вообще для естествовѣдѣнія. Высказывая мою мысль объ учрежденіи мѣстныхъ археологическихъ выставокъ, я прошу Московское Археологическое Общество подвергнуть ее обсужденію, и какое бы ни было постановленіе по этому предмету Общества, напечатать его вмѣстѣ съ моимъ письмомъ и выпиской изъ описанія Витебской художественно-археологической выставки и древностей».

По обсужденіи этой записки, постановлено: благодарить члена-корреспондента А. М. Сементовскаго за сдѣланное имъ сообщеніе и просить, чтобы онъ принялъ на себя трудъ, на сновaніи уже сдѣланнаго имъ опыта по учрежденію археологической выставки въ Витебскѣ, составить болѣе подробную программу для устройства мѣстныхъ археологическихъ выставокъ вообще, съ указаніемъ на мѣста наиболѣе для нихъ удобныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить свои соображенія о томъ, какія лица или учрежденія могли бы принять починъ въ такихъ предпріятіяхъ; и наконецъ, предполагая, что подобныя выставки не могутъ окупиться сборомъ съ посѣтителей,—изъ какихъ источниковъ могли бы, по его мнѣнію, быть произведены и покрыты необходимые на ихъ устройство расходы. Что же касается до Московскаго Археологическаго Общества, то оно съ своей стороны не можетъ отказать въ содѣйствіи, по мѣрѣ своихъ средствъ, подобнымъ предпріятіямъ, польза которыхъ для распространенія въ обществѣ научныхъ свѣдѣній такъ очевидна.

4. Читано отношеніе г. Оберъ-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстаго на имя предсѣдателя, въ которомъ предложены на обсужденіе Общества составленные архитекторомъ Чичаговымъ проэкты плана и фасада для возстановленія въ первоначальномъ видѣ Правильной и Книгохранительной палатъ XVII столѣтія, находящихся во флигелѣ внутри двора Московской Синодальной Типографіи. По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ при разсмотрѣніи означенныхъ проэктовъ гг. членами: графомъ А. С. Уваровымъ, А. А. Мартыновымъ и В. Е. Румянцовымъ, древнія типографскія палаты составляли въ началѣ дѣйствительно два отдѣльныя, хотя и примыкавшія одно къ другому зданія, какъ и значится въ приложенномъ рисункѣ; но по соображенію съ документами, относящимися къ этимъ палатамъ, въ проэктѣ фасада должны быть сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, именно въ устройствѣ слуховыхъ и нижнихъ оконъ, крыши, гребней и въ рисункѣ наружнаго каменнаго входа съ лѣстницами вверхъ.

Опредѣлили: препроводить сдѣланныя замѣчанія на благоусмотрѣніе г. Оберъ-прокурора, при чемъ выразить Его Сіятельству глубочайшую признательность Общества за его просвѣщенную заботливость о сохраненіи памятниковъ отечественной древности.

5. Доложено отношеніе Вятскаго губернатора съ препровожденіемъ на разсмотрѣніе Общества 3-хъ старинныхъ монетъ, выбитыхъ при царяхъ: Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Алексіѣ Михаиловичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ. Объясняя, что эти монеты найдены вмѣстѣ съ другими такими же (въ количествѣ 393-хъ экземпляровъ) Харинской волости, Глазовскаго уѣзда, крестьяниномъ С. Варанкинымъ близь деревни, въ землѣ, г. Губернаторъ предлагаетъ—не пожелаетъ ли Общество пріобрѣсти всѣ монеты или часть ихъ для себя.

Опредѣлили: благодарить Вятскаго губернатора за сдѣланное имъ сообщеніе и увѣдомить, что пріобрѣтеніе для себя этихъ монетъ, какъ не составляющихъ особенной рѣдкости, Общество не находитъ нужнымъ.

6. Д. членъ баронъ Д. О. Шеппингъ представилъ составленный имъ каталогъ библіотеки Московскаго Археологическаго Общества и приложенныя къ нему desiderata.

Опредѣлили: благодарить Д. О. Шеппинга за исполненый имъ трудъ и передать каталогъ для употребленія въ библіотеку Общества.

7. Въ виду приближающагося открытія 2-го археологическаго съѣзда въ С.Петербургѣ и одновременно съ нимъ празднованія двадцатипятилѣтія со времени основанія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, г. предсѣдатель предложилъ представить С. Петербургскому Обществу поздравительный адресъ.

Опредѣлили: поручить гг. депутатамъ поднести С.Петербургскому Археологическому Обществу привѣтственный адресъ.

8. Читаны замѣчанія на проэктъ А. А. Мартынова о мѣрахъ къ сохраненію древнихъ памятниковъ, представленныя гг. членами: А. Н. Веселовскимъ, барономъ Д. О. Шеппингомъ, Н. П. Розоновымъ и П. И. Мель-

никовымъ. По обсужденіи этихъ замѣчаній и послѣ общихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ нихъ г. предсѣдателемъ, опредѣлено: передать означенныя замѣчанія г. предсѣдателю для соображеній при докладѣ проэкта о сохраненіи памятниковъ на 2-мъ археологическомъ съѣздѣ.

9. Гг. члены: К. И. Невоструевъ, графъ А. С. Уваровъ и П. И. Мельниковъ предложили избрать въ члены корреспонденты елабужскаго купца Ивана Васильевича Шишкина, автора исторіи города Елабуги, оказавшаго К. И. Невоструеву весьма важное содѣйствіе въ его розысканіяхъ о городищахъ Волжско-Болгарскаго царства, въ особенности о Елабужскомъ Чертовомъ городищѣ и Ананьинскомъ могильникѣ.

Опредѣлили: по неприсутствію въ настоящемъ засѣданіи надлежащаго числа дѣйствительныхъ членовъ, требуемаго Уставомъ для выборовъ, отложить баллотировку до будущаго засѣданія.

№ 70. 1872 года, января 18 дня. Протоколъ экстраординарнаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, А. Н. Андреева, Н. П. Бочарова, А. В. Брыкина, В. Н. Виноградскаго, В. А. Дашкова, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, А. А. Мартынова, П. И. Мельникова, К. И. Невоструева, Н. П. Розонова, Д. П. Сонцова, барона Д. О. Шеппинга и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложено о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами:

а) Отъ Кіевской Духовной Академіи: Труды Академіи, 3 книги: сентябрь, октябрь и ноябрь за 1871 годъ.

б) Отъ Харьковскаго Университета: Извлеченіе изъ Отчета Университета за 1870 годъ, Протоколы Совѣта 1871 г., № 1 и 2, и сочиненіе г. В. Шецля объ именахъ числительныхъ въ индо-европейской отрасли, ихъ развитіи и отношеніи къ числительнымъ другихъ отраслей.

в) Отъ Императорской Археологической коммиссіи: Отчетъ за 1869 годъ.

г) Отъ члена А. А. Хованскаго: издаваемыя имъ Филологическія записки, т. IV, 1871 г.

д) Отъ Тульскаго Статистическаго Комитета: Отчетъ о дѣятельности его за 1868—1870 гг.

е) Отъ Нижегородскаго Статистическаго Комитета: Засѣданія комитета въ апрѣлѣ и іюнѣ 1871 г.

ж) Отъ Казанской Духовной Академіи: Православный Собесѣдникъ за сентябрь и октябрь 1871 г., 2 книги.

з) Отъ Московскаго Императорскаго Общества исторіи и древностей Чтенія 1871 г., кн. 3, іюль и сентябрь.

и) Отъ дѣйствит. члена А. Н. Бестужева Рюмина: Русская исторія, т. I.

і) Отъ д. члена Д. В. Полѣнова: Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія, часть II, и Библіографи-

ческое обозрѣніе трудовъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

к) Отъ дѣйствит. члена А. А. Мартынова: 17 Памятныхъ книжекъ за 1851 1852, 1854—1868 гг.

л) Отъ члена корреспондента Папазоглу изъ Бухареста: 16 изданныхъ имъ брошюръ и таблицъ (карта Дуная, карта горъ, карта Бухарестской желѣзной дороги, генеральный планъ столицы, планъ центра столицы, планъ Траянова моста, портретъ императора Траяна, Исторія Румыніи, путеводитель по Дунаю, путеводитель по Бухаресту, Исторія Бухареста, Катихизисъ солдата, Музей Папазоглу).

м) Отъ Кавказкаго Статистическаго Комитета: Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, съ просьбою о высылкѣ въ комитетъ изданій Московскаго Археологическаго Общества.

Опредѣлили: изъявить жервователямъ глубочайшую благодарность Общества и выслать въ Кавказскій Статистическій Комитетъ III т. Трудовъ Моск. Археологическ. Общества.

3. Доложено о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ дѣйствит. члена Жана Батиста де-Росси изъ Рима изъявленіе благодарности за высылку ему диплома на званіе дѣйствительнаго члена Московскаго Археологическаго Общества.

б) Отъ члена корреспондента Папазоглу изъ Бухареста письмо, въ которомъ проситъ о высылкѣ ему членскаго диплома отъ М. А. Общества и сообщаетъ извѣстіе о сдѣланныхъ имъ въ послѣднее время пріобрѣтеніяхъ для своего древлехранилища, каковы: камень темнокраснаго цвѣта съ рельефнымъ изображеніемъ бюста императрицы Юліи, супруги Септимія Севера, превосходной работы; клинокъ древней сабли безъ надписи и найденная въ Кагулѣ сабля съ ножнами и рукоятью въ видѣ лошадиной головы; на клинкѣ ея слѣдующія русскія надписи: «да здравствуетъ Царь Петръ; Богъ и отечество».

Опредѣлили: выслать члену корреспонденту Папазоглу просимый имъ дипломъ.

в) Отъ г. В. Фонъ Бургфельда: сообщеніе о курганѣ Городищѣ, находящемся Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, въ с. Мосаловѣ. Этотъ курганъ вышиною до $2^1/_2$ саженъ, шириною и длиною въ 16 саженъ, имѣетъ форму четвероугольника, котораго края округлены; онъ лежитъ у рѣчки Вепреи. Мѣстное преданіе говоритъ, что здѣсь жилъ разбойникъ Кудеяръ съ своею дружиной; иные впрочемъ относятъ его ко временамъ монгольскаго, другіе литовскаго нашествія. Разсказываютъ, что внутри кургана находятся разные ходы и скрытъ кладъ. Подобные толки въ народѣ побудили г. Бургфельда сдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ поверхностный опытъ разысканія въ курганѣ. И дѣйствительно, съ восточной стороны, у рѣчки, откопанъ былъ узкій проходъ, простирающійся саженъ на 12 и выложенный камнями огромной величины, но противоположный конецъ его не отысканъ. При раскопкахъ попадались кости, кучи золы и угля,

черепки и обдѣланные камешки, изъ числа коихъ нѣкоторые и доставлены г. Бургфельдомъ въ Общество. Обращаетъ на себя вниманіе и площадка кургана, на которой, при удареніи тромбовкой, по мѣстамъ слышенъ звукъ, свидѣтельствующій о пустотѣ внутренности. При этомъ заявленіи г. Бургфельдъ проситъ Общество сообщить ему свои условія для производства дальнѣйшихъ раскопокъ въ курганѣ.

Опредѣлили: благодарить г. Бургфельда за доставленныя имъ свѣдѣнія, и увѣдомить, что Общество при удобномъ случаѣ не оставитъ безъ вниманія сдѣланнаго имъ сообщенія.

4. Отъ. Н. Я. Аристова изъ Варшавы присланы: Матеріалы для исторіи цѣнъ въ Россіи 1690 г., изъ рукописнаго дѣла о Ѳ. А. Шакловитомъ, и для археологическаго словаря объясненіе словъ: воръ, воровъ.

Опредѣлили: присланныя статьи передать въ редакціонный комитетъ.

5. Г. предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія гг. членовъ слѣдующее:

а) Въ день открытія 2-го археологическаго съѣзда въ С.Петербургѣ депутатами Московскаго Археологическаго Общества поднесенъ былъ Императорскому Русскому Археологическому Обществу поздравительный адресъ по случаю совершившагося 25-ти лѣтія со времени его основанія.

б) Проэктъ о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ древности, обсуждавшійся въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, былъ доложенъ 2-му археологическому съѣзду въ С.Петербургѣ.Съѣздъ постановилъ учредить особую коммиссію для сохраненія и приведенія въ извѣстность существующихъ памятниковъ древности, и представить объ этомъ установленнымъ порядкомъ на Высочайшее разсмотрѣніе.

в) По опредѣленію Московскаго Археологическаго Общества было предположено во время политехнической выставки устроить выставку археологическую въ залахъ кремлевской Троицкой башни, принадлежащихъ Дворцовому архиву. Вслѣдствіе сношенія предсѣдателя Общества съ г. Министромъ Императорскаго Двора сдѣланъ былъ объ этомъ запросъ г. Есипову, завѣдывающему Дворцовымъ архивомъ. Мѣстное начальство архива отвѣчало, что оно признаетъ возможнымъ уступить для выставки залы Троицкой башни, но за исключеніемъ нижняго этажа. Переписка по этому дѣлу продолжалась до декабря прошедшаго года, когда по краткости времени уже не представлялось возможнымъ начать приготовленія къ выставкѣ, вслѣдствіе чего и предпріятіе это должно было остаться безъ исполненія.

6. Согласно постановленію, состоявшемуся въ засѣданіи 11-го марта 1871 года, приступлено къ пересмотру существующаго устава Общества. По обсужденіи измѣненій, предложенныхъ нѣкоторыми изъ членовъ, опредѣлили: оставить настоящій уставъ безъ измѣненій, прибавивъ къ нему только дополнительный параграфъ, по которому Обществу было бы предоставлено право открывать, по своему усмотрѣнію, публичныя лекціи подъ своею отвѣтственностію, не испрашивая на то каждый разъ особаго разрѣшенія.

7. Избраны:

а) Въ дѣйствительные члены: Бѣляевъ Иванъ Дмитріевичъ.

б) Въ члены корреспонденты: Шишкинъ Иванъ Васильевичъ.

8. Согласно предложенію г. предсѣдателя опредѣлили, чтобы на будущее время предлагаемы были къ избранію въ число членовъ Общества только тѣ изъ ученыхъ, которые благоволятъ представить Обществу свои археологическіе труды.

9. Дѣйствительные члены: графъ А. С. Уваровъ, архимандритъ Амфилофій и В. Е. Румянцовъ предложили къ избранію въ число дѣйствительныхъ членовъ по § 7-му члена корреспондента Ивана Даниловича Мансветова.

№ 71. 1872 года, февраля 14 дня. Протоколъ обыкновеннаго засѣданія Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, въ присутствіи гг. членовъ: архимандрита Амфилохія, В. Н. Виноградскаго, В. А. Дашкова, А. Н. Попова, Н. А. Попова, Н. П. Розонова, графа М. В. Толстаго, А. И. Хлудова и товарища секретаря В. Е. Румянцова.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

2. Товарищъ секретаря доложилъ о поступленіи слѣдующихъ приношеній книгами.

а. Отъ дѣйств. члена А. И. Хлудова:

a) Собраніе сочиненій В. М. Ундольскаго въ одной книгѣ.

b) Воспоминанія, бесѣды и иныя сочиненія Игумена Павла (прусскаго), изд. 2-е, 1871 г.

c) Выписки изъ старописьменныхъ, старопечатныхъ и другихъ книгъ, свидѣтельствующія о святости церкви. Сдѣланы А. Н. Озерскимъ; въ 2 частяхъ, 1862 г.

б. Отъ дѣйств. члена А. А. Мартынова:

a) Высочайше утвержденное положеніе о крестьянахъ.

b) Журналы: День за 1863, 1864, 1865 гг., Московскій Вѣстникъ за 1859, 1860 гг., Современная Лѣтопись за 1865, 1870 и 1871 г. и Сынъ Отечества за 1857 г.

3. Доложено о поступленіи слѣдующихъ бумагъ:

а) Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: изъявленіе благодарности за присылку отъ Московкаго Археологическаго Общества депутаціи съ поздравительнымъ адресомъ, по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея Общества.

б) Отъ библіотекаря Общества барона Д. О. Шеппинга: извѣщеніе объ отъѣздѣ его за границу на продолжительное время, съ просьбою поручить завѣдываніе библіотекою другому лицу.

Опредѣлили: до предстоящаго избранія библіотекаря поручить завѣдываніе библіотекою товарищу секретаря.

4. Доложено о поступленіи слѣдующихъ статей.

а) Отъ Н. Я. Аристова изъ Варшавы: матеріалы для археологическаго словаря: объясненіе словъ: 1, рогатка, рогулька; 2) Колодо, колодка, колодица, 3) воры, и продолженіе выписокъ изъ дѣла о Шакловитомъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи цѣнъ въ Россіи въ концѣ XVII вѣка.

б) Отъ дѣйств. члена П. И. Савваитова: матеріалы для словаря древнихъ русскихъ иконописцевъ, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія о 40 иконописцахъ.

5. Дѣйств. членъ В. Н. Виноградскій сдѣлалъ обзоръ сочиненія о чешской архитектурѣ Б. Грюбера и статьи М. Гуаланда объ Аристотелѣ Фіораванти, при которой напечатано и письмо послѣдняго изъ Московіи.

6. Дѣйств. членъ архимандритъ Амфилохій прочиталъ свою статью о внутреннемъ расположеніи монастырскаго храма, построеннаго въ 1025—43 г. Алексіемъ, патріархомъ константинопольскимъ; по его уставнику въ славянскомъ переводѣ XII вѣка, хранящемуся въ московской Синодальной библіотекѣ.

Опредѣлили: передать прочитанную статью въ редакціонный комитетъ.

7. Г. предсѣдатель Общества изложилъ подробно содержаніе статьи члена корреспондента П. С. Ефименко: Старинныя гребенки въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, присланной въ прошедшемъ году и бывшей на разсмотрѣніи редакціоннаго комитета. Форма этихъ гребенокъ, имѣющихъ сверху полукругъ съ кружкомъ, по обѣимъ сторонамъ котораго двѣ конскія головы, на рукояти—нѣсколько круглыхъ отверстій, а внизу—зубцы въ видѣ лучей, имѣетъ тѣсную связь съ древнѣйшими миѳическими вѣрованіями Славянъ и другихъ народовъ. По объясненію автора, полукругъ съ кружкомъ означаетъ солнце на небесномъ сводѣ, а конскія головы, обращенныя въ разныя стороны—двѣ зари, утреннюю и вечернюю. Подобныя изображенія видны и на пряжкахъ, найденныхъ графомъ А. С. Уваровымъ въ мерянскимъ могилахъ. Конская голова служила у многихъ народовъ символомъ солнца—источника теплоты и плодородія, и потому пользовалась особымъ уваженіемъ. Такія гребенки носились на поясѣ. Объясняя за тѣмъ важное и благотворное значеніе, какое имѣлъ поясъ у тѣхъ же народовъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что ношеніе на поясѣ такой гребенки считалось вдвойнѣ благодѣтельнымъ талисманомъ.

Опредѣлили: напечатать статью П. С. Ефименко въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества.

8. Читанъ адресъ Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу, посланный отъ имени Московскаго Археологическаго Общества г. предсѣдателемъ, съ просьбою оградить отъ разрушенія древнія стѣны московскаго Китай-города, о сломкѣ которыхъ частная спекуляція внесла нынѣ проэктъ въ Московскую городскую думу.

9. Предсѣдатель Общества выразилъ мысль, что по важности для науки курганныхъ раскопокъ и въ виду возрастающаго числа дѣятелей для такого рода предпріятій, необходимо составить руководство для раскопокъ въ курганахъ и для производства въ нихъ съ пользою археологическихъ изысканій.

Опредѣлили: просить г. предсѣдателя принять на себя трудъ по составленію такого руководства.

10. Г. предсѣдатель Общества заявилъ, что при предполагаемомъ въ Кіевѣ 3-мъ археологическомъ съѣздѣ было бы желательно устроить выставку древностей, находящихся въ славянскихъ земляхъ, откуда имѣется въ виду пригласить къ участію въ этомъ съѣздѣ любителей археологіи. Для этого слѣдовало бы заблаговременно обратиться въ тамошнимъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, а также и къ извѣстнымъ собирателямъ древностей, съ просьбою доставить къ съѣзду имѣющіеся въ ихъ распоряженіи памятники древности до конца XIV столѣтія, а равно доставить фотографическіе снимки съ тѣхъ древнихъ вещей, которыя не могутъ быть присланы въ подлинникѣ. Опредѣлили: просить дѣйств. члена Н. А. Попова, какъ секретаря Славянскаго комитета, принять на себя сношеніе по этому предмету съ извѣстными ему учеными обществами и археологами въ славянскихъ земляхъ.

11. Дѣйств. члены: графъ А. С. Уваровъ, Н. А. Поповъ и В. Е. Румянцовъ предложили къ избранію.

а) Въ дѣйствительные члены:

Доктора философіи Юрія Даничича, 1-го секретаря Южно-славянской Академіи.

б) Въ члены корреспонденты: Анну Михайловну Раевскую и Александра Алексѣевича Васильчикова.

12. Баллотировка предложеннаго къ избранію въ дѣйствительные члены И. Д. Мансветова, по неприсутствію въ настоящемъ засѣданіи надлежащаго числа членовъ, требуемаго уставомъ для выборовъ, отложена до будущаго засѣданія.

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВѢЙШІЯ ИЗДАНІЯ ПО АРХЕОЛОГІИ ВЪ 1872 ГОДУ.

Отчетъ Импер. Археологической Коммиссіи за 1869 г.

Тоже Compte-rendu.

Guhl E. und W. Koner. Das Leben der Griechen und Römer. 3 Aufl. in 12 Lief. Berlin, Weidmann.

Iconographische Encyclopedie der Wissenschaften und Künste. Ein Ergänzungswerk zu jedem Conversations-Lexikon. 2 Aufl. 500 Tafel in Stahlst. Holzschn. u. Lith. Leipzig.

Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae regiae Monacensis. München.

Kirchhoff A. Nachträgliche Bemerkungen zu der Abhandlung über die Abfassungszeit des Herodotischen Geschichtswerkes. Berlin. Dümmler's Verlag in Comm.

Lieblein J. Hieroglyphisches Namen-Wörterbuch genealogisch und alphabetisch geordnet. Nach den ägyptischen Denkmälern herausgegeben.

Тоже на франц. Dictionnaire de noms hiéroglyphiques en ordre généalogique et alphabétique. Publié d'après les monuments égyptiens. 2 (Schluss) Lieferung. Leipzig, Heinrich's Verl.

Marcellini Ammiani, Rerum gestarum libri qui supersunt. Franc. Eyssenhardt recensuit; editio minor. Berlin, Vahlen.

Marquardt Ioach. und Theod. Mommsen. Handbuch der römischen Alterthümer. 1 Band. Leipzig, Hirzel.

Kraus, D. Fr. Xav. Roma sotterranea. Die römischen Katakomben. Eine Darstellung der neuesten Forschungen. 1 Lief. Freiburg, B. Herder.

Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. Herausgegeben von. Dr. Herm. Luchs. 2 Band (Jahrgang 1870). Breslau, Trewendt.

Toeppen, Dir. Dr. M. Elbinger Antiquitäten. Ein Beitrag zur Geschichte des städtischen Lebens im Mittelalter. 2 Heft. Danzig, Bertling.

Dobbert, Dr. Ed. Die Darstellung des Abendmahls durch die byzantinische Kunst. Leipzig, Seemann.

Friederichs, Prof Dr. C. Berlin's antike Bilderwerke, II. Geräthe und Bronzen im alten Museum. A u. d. T. Kleinere Kunst und Industrie im Alterthum. Düsseldorf, 1871, Buddeus.

Grueber Bernh. Die Kunst des Mittelalters in Boehmen. Nach den bestehenden Denkmalen geschildert. Herausgegeben mit Unterstützung des K. K. Ministerium's für Cultus und Unterricht, von der K. K. Central-Commission für Erhaltung der Baudenkmale. 1. Theil. Der romanische Styl, beiläufig von 1070—1230. 3 Lief. Wien, Gerold's Sohn in Comm.

Heydemann H. Humoristische Vasenbilder aus Unteritalien. Nebst einer lith. Tafel (in Gr. Fol.). Berlin, Hertz in Comm.

Katalog, illustrirter, der Ornamentstich-Sammlung, des K. K. Museums für Kunst und Industrie. 4. Novemb. 1871. Lex. 8. Wien, Gerold's Sohn.

Leitner Quirin. Die Waffensammlung des österreichischen Kaiserhauses im K. K. Artillerie Arsenal-Museum in Wien. Mit Zeichnungen von J. G. Fahrnbauer, C. Mangold, C. Boschinger etc. Gr. Fol. 3—15. (Schluss-) Lieferung. Wien, 1867—1870, Martin.

Lepsius, C. R. Über einige aegyptische Kunstformen und ihre Entwickelung. Berlin, Dümmler's Verlag in Comm.

Prachow, Hadrian. Antiquissima monumenta Xanthiaca, gr. Fol. (7 photolith. Taf. mit 1 Blatt Text). St. Petersburg. (Wien, Gerold's Sohn).

Renard, Prof. Camille. Album der Archäologie, album archéologique. A—D und G. Lüttich, Claesen, cart.

Sacken, Vice-Dir. Dr. Ed. Frhr. v. Die antiken Bronzen der K. K. Münz und Antiken Cabinetes in Wien, beschrieben und erklärt. 1. Theil. Die figuralischen Bildwerke classischer Kunst. Mit 54 Tafeln (in Kupferst.). Gr. Fol. Wien, Braumüller.

Ulrichs, Ludw. Die Anfänge der griechischen Künstlergeschichte. 2 Heft. Würzburg, Stahel.

Boeckh's, Aug. Gesammelte kleine Schriften. 6 Band. A. u d. T. Akademische Abhandlungen vorgetragen in den Jahren 1836—1858 in der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, nebst einem Anhang epigraphische Abhandlungen enthaltend. Herausgegeben von Ernst Bratuscheck und Paul Eichholtz. Gr. 8. Leipzig, Teubner.

Heitz Dr. Ernst. Die öffentlichen Bibliotheken der Schweiz im Jahre 1868. Тоже по франц. Les bibliothéques publiques de la Suisse en 1868. Basel. (Schweighauser).

Lepsius, C. R. Die Metalle in den ägyptischen Inschriften. Mit 2 Tafeln. Gr. 4. Berlin, Dümmler's Verlag in Comm.

Pfizmaier, Dr. A. Kunstfertigkeiten und Künste der alten Chinesen. Gr. 8. Wien, 1871, Gerold's Sohn in Comm.

Desbassayns de Richemont, Graf. Die neuesten Studien über die römischen Katakomben. Mit einem Briefe des Cav. G. Baron de Rossi. Gr. 8. Mainz, Kirchheim.

Keller, Rect. Dr. O. Vicus Aurelii oder Oehringen zur Zeit der Römer. Mit einer Karte, 2 Plänen, 2 Phototypien, 52 Lithographien und einigen Holzschn. Gr. 4. Bonn, A. Marcus in Comm.

Neumann Jos. Beschreibung der bekanntesten Kupfer-Münzen. 30 u. 31 Heft. Gr. 8. Prag (Grégr & Dattel).

Zapp, Dr. Geschichte der deutschen Frauen. Vier Vorträge gehalten in Berlin im Winter 1870. 2 Aufl. Berlin, Henschel.

Bock, Canon. Dr. Fr. und. Vic. M. Willemsen. Die mittelalterlichen Kunst- und Reliquien-Schätze zu Maestricht, aufbewahrt in den ehemaligen Stiftskirchen des heiligen Servatius und Unserer Lieben Frau daselbst, archäologisch und historisch beschrieben und durch 66 Holzschn. erläutert. Köln und Neuss, Schwann.

Bode, Dr. W. Zusätze und Berichtigungen zu Burckhardt's Cicerone. Gr. 8. Leipzig, Seemann.

Friedlaender J. Koenigliche Museen. Das Münzkabinet. Geschichte und Anordnung, Verzeichniss der in den Schautischen ausgelegten Auswahl von Münzen und Medaillen. Berlin 1871. (Calvary et C°).

Kraus, Prof. Dr. Fr. X. Das Spottcrucifix vom Palatin und ein neuentdecktes Graffito. Gr. 8. Freiburg in B., Herder.

Overbeck, Johs. Atlas der griechischen Kunstmythologie. Mit Unterstützung des Königl. Sächs. Ministeriums des Cultus und öffentlichen Unterrichts. (In 10 Lief). 1. Lief. Imp—Fol. Leipzig, Engelmann.

Prosch, E. Die plastischen Werke der grossherzoglichen Kunstsammlung zu Schwerin nach ihrem Jnhalt und ihrer künstlerischen Bedeutung erläutert. Schwerin, Stiller in Comm.

Schwendener, Prof. Dr. S. Aus der Geschichte der Culturpflanzen zwei Vorträge gehalten in der Schweiz und herausgegeben unter gefälligen Mitwirkung der Herren Prof. E. Desor. L. Hirzel, G. Kinkel, etc. 10 Heft. Gr. 8. Basel, Schweighauser.

Wuttke, Heinr. Geschichte der Schrift und des Schriftthums von den rohen Anfängen des Schreibens in der Tatuirung bis zur Legung elektromagnetischer Drähte. 1 Band. Gr. 8. Leipzig, E. Fleischer.

Corpus inscriptionum latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae, ed. Vol. V. Fol. Berlin, G. Reimer.

Drygas, Ant. De jure imaginum apud Romanos. Dissertatio inauguralis. Gr. 8. Halis (Posen, Richter).

Eisenlohr, Doc. Dr. Aug. Der grosse Papyrus Harris. Ein wichtiger Beitrag zur aegyptischen Geschichte, ein 3000 Jahr altes Zeugniss für die mosaische Religionsstiftung. Leipzig, Heinrich's Verl.

Herbst, Dr. Über Festungen und Festungskrieg der Griechen von den ältesten Zeiten bis auf die Schlacht bei Chäronea. Gr. 4. Stettin (Berlin, Calvary et C°).

Petiscus A. H. Der Olymp oder Mythologie der Griechen und Römer. Mit Einschluss der ägyptischen, nordischen und indischen Götterlehre. 16 Aufl. Mit 89 erläuternden Abbildungen und Holzschnitten. Gr. 8. Leipzig, Amelang.

Radloff, Dr. W. Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe. 1 Abtheilung. Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens. 4 Theile. Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und tümenischen Tartaren. Lex. 8. St. Petersburg. Leipzig, Voss.

Schrader, Kirchen R., Prof. Dr. Eberh. Die Keilinschriften und das alte Testament. Nebst chronologischen Beilagen, einem Glossar, Registern und 2 lithogr. Karten. Gr. 8. Giessen, Ricker.

Schrader, Kirchen R. Prof. Dr. Eberh. Die assyrisch-babylonischen Keilinschriften. Kritische Untersuchung der Grundlagen ihrer Entzifferung. Nebst dem babylonischen Texte der trilinguer Jnschriften in Transcription sammt Übersetzung und Glossar. Mit einer lithogr. Tafel. Gr. 8. Leipzig, Brockhaus Sort. in Comm.

Stoll, Prof. H. W. Die Götter und Heroen des klassischen Alterthums. Populäre Mythologie der Griechen und Römer. 2 Bände. 4. Auflage. Leipzig, Teubner.

Anzeiger für die schweizeriche Alterthumskunde. Jndicateur d'antiquitées suisses. Jahrgang 1872. 4 Numern. Mit Steintafeln und Beilagen. Gr. 8. Zürich, Herzog.

Curtius, Ernst. Beiträge zur Geschichte und Topographie Kleinasiens (Ephesos, Pergamon, Smyrna, Sardes) in Verbindung mit den Herren Maj. Regely Bau-R. Adler, Dr. Hirschfeld und Dr. Gelzer herausgegeben. Gr. 4. Mit 6 Steintafeln. Berlin, Dümmler's Verlag in Comm.

Frind, Canon. Ant. Die Kirchengeschichte Boehmens im Allgemeinen und mit besonderer Beziehung auf die Leitmeritzer Diöceze. 3 Band. Die Kirchengeschichte Boehmens in der Husitenzeit. Mit einer Copie der Karte Boehmens von Nic. Claudianus. Gr 8. Prag. Temsky.

Jversen, J. Beitrag zur russischen Medaillenkunde. 160 bisher unedirte, Privat Personen ertheilte Medaillen. Gr 8. Mit einer Steintafel. St. Petersburg. (Haessel).

Его же. Medaillen auf die Thaten Peter des Grossen. Gr. 4, mit 12 Steintafeln. St. Petersburg. (Haessel).

Monumenta Germaniae historica inde ab anno Christi usque ad annum 1500 auspiciis Societatis aperiendis fontibus rerum Germanicarum medii aevi edidit Geo. Heinr. Pertz. Diplomatum tomus I et Scriptorum tom. XXII. Fol. Hannover, Hahn (Diplomatum I, Legum I—IV, Scriptorum I—XII und XVI—XXII).

Sonnenschein, C. F. La tradition de Tell d'après les recherches critiques des historiens contemporains. Gr. 8. Dresden 1871, Schöpff.

Spörri, Pred. Dr. Herm. Über den Cultus der Madonna. Vortrag. Gr. 8. Hamburg, Seippel et Leopoldt.

Vámbéry, Prof. Herm. Geschichte Bochara's oder Transnoxaniens von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Deutsche Original-Ausgabe. 2 Bände. Gr. 8. Stuttgart, Cotta.

Vögelin, Prof. S. Denkmäler der Weltgeschichte in malerischen Original-Ansichten in Stahlstich. Geschichtlich und kunsthistorisch beschrieben. 15—18 Lief. Gr. 4. Leipzig, Seemann.

Barbier de Montault. Die Mosaiken im Münster zu Aachen. Aus dem französischen übersetzt von And. Hub. Körner. Nebst 6 Holzschnitten. Gr 8. Köln und Neuss, Schwann.

Baudenkmale, mittelalterliche aus Schwaben. 8 Supplement zu dem Werke: Kunst des Mittelalters in Schwaben. Gr. Fol. Stuttgart, Ebner & Seuber. In Mappe.

Köhler, Carl. Die Trachten der Völker in Bild und Schnitt. Eine historische und technische Darstellung der menschlichen Bekleidungsweise von den ältesten Zeiten bis ins 19 Jahrhundert, und zugleich ein Supplement zu allen vorhandenen Kostümwerken für darstellende Künstler, Maler, Kostümiers etc. Mit zahlreichen planotypisch ausgeführten Jllustrationennach Original-Zeichnungen des Verfassers. 2—4 Heft. Lex. 8. Dresden, Expedition der europäischen Modenzeitung.

Lenz, G. F. Die Museen, Gemälde-Gallerien und Kunstschätze Berlins. Auszug aus dem Handbuch für Reisende, Führer durch Berlin. 16. Berlin, G. F. Lenz.

Pervanoglu, P. Das Familienmahl auf altgriechischen Grabsteinen. Eine archäologische Untersuchung. Mit einer lithogr. Tafel. Gr. 8. Leipzig, Engelmann.

Rosen, Karl. Beiträge zur rügisch-pommerschen Kunstgeschichte. 1 Heft. Dänemarks Einfluss auf die früheste christliche Architektur des Fürstenthum Rügen, der Jnsel und des Festlandes. Gr. 8. Greifswald. (Bindewald).

Serben, die, an der Adria, ihre Typen und Trachten. 6 Lief in Fol. (5 Chromolithogr.). Leipzig, Brockhaus.

Valentin, Veit. Die hohe Frau von Milo. Eine ästhetische Untersuchung. Mit 4 lithogr. Tafeln zum Theil geometrischen Zeichnungen. Jmp.—4. Berlin, G. Reimer. cart.

Haupt, Jos. Über das mittelhochdeutsche Arzneibuch des Meisters Bartholomäus. Lex.—8. Wien, Gerold's Sohn in Comm.

Jirecêk. Jos. Konst. Bibliographie de la littérature bulgare moderne 1806—1870. Hoch 4. Bieha (Prag, Temsky).

Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg depuis sa fondation. 1 partie. Publications en langues étrangères. Gr. 8. St. Petersbourg. Leipzig, Voss.

Vorträge öffentliche, gehalten in der Schweiz. 11 u. 12 Heft. Gr. 8. Basel, Schweighauser.

Wackernagel. Kleinere Schriften. 1 Band. Abhandlungen zur deutschen Alterthumskunde und Kunstgeschichte. Mit einer lithogr. Tafel (in Fol.). Gr. 8. Leipzig, Hirzel.

Calvary's philologische und archäologische Bibliothek. 22—24 Lief. Berlin, Calvary et C°.

Cassel, Paulus, Esmun. Eine archäologische Untersuchung aus der Geschichte Kanaans. Gr 8. Gotha, Schlössmann.

Conze, A. Über griechische Grabreliefs. Mit 2 Tafeln. Lex. 8. Wien, Gerold's Sohn in Comm.

Dümichen, Prof. Dr. Johs. Über die Tempel und Gräber im alten Aegypten, und ihre Bilderwerke und Jnschriften. Lex. 8. Strassburg, Trübner.

Eichhoff, K. Über die Blutrache bei den Griechen (30 Seiten). Duisburg. Ewich.

Forbiger, Conrekt. em. Dr. Alb. Hellas und Rom. Populäre Darstellung des öffentlichen und häuslichen Lebens der Griechen und Römer. 1 Abtheilung. Rom im Zeitalter der Antonine. 2 Band. Gr. 8. Leipzig, Fues.

Gerlach, Prof. Fr. Dor. Griechischer Einfluss in Rom im 5. Jahrhundert, der Stadt. Mit Anhang. Die Censur des Appius Claudius Caecus. Gr. 8. Basel, Schneider.

Gilbert, Dr. Otto. Die Festzeit der attischen Dionysien. Gr. 8. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.

Gubernatis, Prof. Angelo. Zoological mylhology or the legends of animals. 2 vols. Gr. 8. London. Leipzig, Brockhaus' Sort. in Com.

Kirchhoff. A. Nachträgliche Bemerkungen zu der Abhandlung über die Abfassungszeit der Herodotischen Geschichtswerkes. Jmp. 4. Berlin, Dümmler's Verlag in Comm.

Philosophie, die, der griechischen Mythologie und die Entdeckung der Bedeutung der Gottheiten und Mythen. Gr. 8. Elberfeld, Fröhling.

Preller, L. Griechische Mythologie. 1 Band. Theogonie und Götter. 3 Aufl. von E. Plew. Gr. 8. Berlin, Weidmann.

Beulé, M. Die römischen Kaiser aus dem Hause des Augustus und dem Flavischen Geschlecht. Deutsch bearbeitet von Subrekt. Dr. Ed. Doehler. 1 Bändchen. Augustus, seine Familie und seine Freunde. Gr. 8. Halle, 1873, Buchhandlung des Waisenhauses.

Girgensohn, Dr. J. Kritische Untersuchungen über das VII Buch der historia Polonica des Dlugosch. Gr. 8. Göttingen, Peppmüller.

Tylor, Edward, B. Die Anfänge der Cultur. Untersuchungen über die Entwickelung der Mythologie, Philosophie, Religion, Kunst und Sitte. Jns Deutsche übertragen von J. W. Spengel und Fr. Poske. 2 Bände. Leipzig 1873. C. F. Winter.

Gregorovius, Ferd. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter vom 5 bis zum 16 Jahrhunderte. 8 (Schluss-) Band. Stuttgart, Cotta.

Siebigk, Geh. Archiv-R. Ferd. Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland 1744—1745. Eine historische Skizze. 8. Dessau 1873, Barth.

Wollschlaeger, C. S. Handbuch der vorhistorischen, historischen und biblischen Urgeschichte. Gr. 8. Oberhausen, 1873, Spaarmann.

Chwolson, Prof. D. Die semitischen Völker. Versuch einer Charakteristik. Gr. 8. Berlin, E. Duncker,

Lomer, Heinr. Verbreitung der Pelzthiere auf unserer Erdoberfläche. Gr. 8. Leipzig, Heinrich's Verl. in Comm.

Orts-Repertorium des Herzogthums Kärnten. Auf Grundlage der Volkszählung vom 31 December 1869 bearbeitet. Gr. 8. Wien, Gerold's Sohn.

Ortschafts-Verzeichniss, alphabetisches, für die Provinz Preussen. 4. Königsberg, P. Hartung.

Orts-Verzeichniss, vollständiges, des Markgrafenthums Mähren. Auf Grundlage der Volkszählung vom 31 December bearbeitet. Mit einem alphabetischen Index aller Ortschaften mit deutschen und böhmischen, und böhmischen und deutschen Benennung. Gr. 8. Brünn, Buschak & Jrrgang.

Stangl, Chrysostomus. Reisebilder aus Aegypten, Palaestina und Constantinopel zur Belehrung und Unterhaltung. Freiburg in Br., Herder.

Heydemann, H. Die Vasensammlungen des Museo Nazionale zu Neapel. Mit 22 lithogr. Tafeln. Gr. 8. Berlin, Reimer.

Hassler. Prof. Dr. K. D. Ulms Kunstgeschichte im Mittelalter. Mit zahlreichen Holzschnitten und 6 Bildtafeln. Gr. 4. Stuttgart, Ebner et Seubert.

Kekulé, Rhard. Das akademische Kunstmuseum zu Bonn. Mit 3 Tafeln in Steindruck. Gr. 8. Bonn, Weber.

Kraus, Prof. Dr. F. X. Die christliche Kunst in ihren frühesten Anfängen. Gr 8. (Mit 45 Holzschnitten und 8 Holzschnitttafeln). Leipzig, Seemann.

Mithoff, H. Wilh. H. Kunstdenkmale und Alterthümer im Hannoverschen. 2 Band. Fürstenthümer Göttingen und Grubenhagen nebst dem Hannoverahischen Theile des Harzes und der Grafschaft Hohnstein. Mit lithogr. Abbildungen auf Taf I—VII und mit Holzschnitten. Gr. 4. Hannover, Helwing.

Philippi, Adf. Über die römischen Triumphalreliefe und ihre Stellung in der Kunstgeschichte. Vorgelegt von Overbeck. Mit 3 Taf. hoch 4. Leipzig, Hirzel.

Richter, Dr. J. Paul. Christliche Architektur und Plastik in Rom vor Constantin dem Grossen. Ein kunstgeschichtliches Essai. Gr. 8. Jena, Fr. Frommann.

Schaefer. Hofr. Dr. G. Die Denkmäler der Elfenbeinplastik des grossherzoglichen Museums zu Darmstadt in kunstgeschichtlicher Darstellung, hoch 4. Darmstadt, Klingelhöffer.

Übersicht, kurze, der kunst-und kulturgeschichtlichen Sammlungen im Besitze von Christian Hammer in Stockholm. Berlin, Calvary & C°.

Weiss, Herm. Kostümkunde (III. Abschn.), Handbuch der Geschichte der Tracht und der Geräthe vom 14 Jahrh. bis auf die Gegenwart. Mit Jllustrationen. 11—14 Lief. Gr. 8. Stuttgart, Ebner et Seubert.

Müller Max. Essays. 3 Band. Beiträge zur Litteraturgeschichte, Biographik und Alterthumskunde. Mit einem Anhang: Briefe von Bunsen an Max

Müller, aus den Jahren 1848—1859. Jns Deutsche übertragen von Fel. Liebrecht. Gr. 8. Leipzig, Engelmann.

Sepp, Prof. Dr. Jerusalem und das heilige Land. Pilgerbuch aus Palaestina, Syrien und Aegypten. Mit 500 Jllustrationen und einer Karte von Palästina. 2 Aufl.1 Lief. Schaffhausen, Hurter.

Яковлевъ, Влад. Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ. СПБ. 1872. 8.

Гаркави, А. Я. О первоначальномъ обиталищѣ Семитовъ, Индо-европейцевъ и Хамитовъ. СПБ. 8. 1872.

Генъ, Культурныя растенія и домашнія животныя. Историко-лингвистическій очеркъ. СПБ. 8. 1872.

Прозоровскій, Д. Коллекція хранящихся въ И. Академіи Художествъ гравюръ на мѣди и рѣзьбы на деревѣ, съ изображеніемъ медалей, историческихъ событій и гербовъ. СПБ. 8. 1872.

Галлерея исторіи живописи въ Импер. Эрмитажѣ. СПБ. 1872. 8.

Кочубинскій, Александръ. Сношенія Россіи при Петрѣ Великомъ съ южными Славянами и Румунами. М. 8. 1872.

Опоковъ, З. Князь А. М. Курбскій. Кіевъ, 1872. 8.

Леонидъ, архим. Историческое описаніе Борисовской Тихвинской дѣвичей пустыни. М. Изд. Общ. Ист. и Др. 8. 1872. 2 портр. и 2 рис.

Ламбинъ. Русская историческая библіографія. Годъ восьмой, 1862. СПБ. 1872. 8.

Агеевъ. Краткій указатель достопримѣчательностей большаго Кремлевскаго дворца въ Москвѣ. М. 12 д. 1872.

Фрикенъ, А. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искуства. Ч. I. Изд. Солдатенкова. М. 8 д. 1872.

Ровинскій, Д. Словарь русскихъ гравировальныхъ портретовъ. СПБ. 8 д. LVI+236 стр. 1872.

Безсоновъ, П. Прасковья Ивановна, графиня Шереметева. Ея народная пѣсня и родное ея Кусково (съ портретомъ) М. 8 д. 1873.

Оленинъ, А. Н. Археологическія письма къ Н.И. Гнѣдичу. СПБ. 8 д. 1872.

Балашевъ, А. А. Альбомъ рисунковъ русско-византійскаго стиля. М. 1872.

Колтыпинъ, П. Свѣдѣнія о жизни Благовѣрной Вел. Княгини Анны Кашинской. СПБ. 1872.

Никольскій, К. Объ антиминсахъ православной русской церкви. СПБ. 1872 (съ рисунками антиминсовъ).

Струковъ, Д. О древне-христіанскихъ памятникахъ въ Крыму. М. 1872.

Московская Космодаміанская, что въ старой Кузнецкой, церковь. М. 8. 1872.

Сягаевъ. Описаніе иконы преп. Сильвестра, Обногскаго чудотворца, а также жизни угодника Божія, мѣста, гдѣ почиваютъ его мощи, и чудесъ, съ приложеніемъ молитвъ угоднику Божію. М. 8. 1872.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

Абросимовъ Христофоръ, Полякъ, серебряныхъ дѣлъ мастеръ 2-й статьи, 1660—1664. Зап. Имп. Археол. Общ. V, 110.

Зав.

Августъ, мѣсяцъ. Осьмой мѣсяцъ въ году назывался Серпень. Изображеніе августа мѣсяца въ видѣ дѣвы, держащей въ лѣвой рукѣ снопъ, а въ правой пукъ зелени—въ рукописи XVIII вѣка. Подпись: «Шестый мѣсяцъ Августъ надниМъ стоитъ звѣзда могучая дѣва, имѣющая подсобою звѣздъ 17». Рук. гр. Уварова, 434.

Гр. У.

Авдей, каменный мастеръ, упоминается при постройкѣ Даніиломъ города Холма или Хелма (Люблинской губерніи) въ 1223 году. Подъ 1259 годомъ разсказывается не только о построеніи города, но также и о сооруженіи каменной церкви Св. Іоанна Златоустаго. О дверяхъ храма сказано, что онѣ сдѣланы были изъ бѣлаго камня галицкаго и изъ мѣстнаго зеленаго камня (Холъмскымъ тесанымъ) «узоры тѣ—нѣкимъ хытрецемъ Авдьемъ»; слѣдовательно Авдей не занимался простою каменною работою, а ваяніемъ узоровъ изъ камня (П. С. Л. II, 196). Холмъ или Хелмъ городъ Люблинской губерніи, царства Польскаго, принадлежалъ къ Волынской области (Барков. Геогр. Словарь. П. С. Л. VII, 241).

Гр. У.

Авдій пророкъ, по греческому подлиннику (Didron, Manuel, p. 133) пишется: «волосы сѣдые; говоритъ: въ этотъ день, сказалъ Господь, я уничтожу мудрецовъ Идумеи». По русскимъ подлинникамъ изображеніе Авдія описывается подробнѣе: «Авдій пророкъ иже предвори рожество Христово во лѣты 800 ноября въ 9 день; сѣдъ аки Мина мученикъ; риза пророческая дичь, исподъ лазорь». Рукопись 1658 года, Собр. гр. Увар., 496; Миніатюрное изображеніе въ ростъ въ Менологіумѣ Импер. Василія (изд. Ватикан. I, p. 198).

Гр. У.

Авраамовъ Гришка, серебряникъ 1687 г. Зап. Имп. Арх. Общ. Ѵ, 110.

Авраамовъ Петръ, серебряникъ 1678 г. Зап. Имп. Арх. Общ. Ѵ, 110.

Авраамовъ Семенъ, серебряникъ 1678—1681 г. Зап. Имп. Арх. Общ. Ѵ, 110.

Агафоновъ Иванъ, серебряныхъ дѣлъ чеканщикъ, города Юрьева Повольскаго; въ 1653 г. чеканилъ оклады въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Зап. Имп. Арх. Общ. Ѵ, 110.

Зав.

Агіевъ Григорій, Вологодскій изографъ, второй половины XVII столѣтія. См. Сергіевы.

П. Савв.

Ἀκακία, Acacia—палочка, выдолбленная и наполненная землею или пескомъ. Императоры Византійскіе, при церемоніяхъ, держали эту палочку въ лѣвой рукѣ, какъ бы для напоминанія о смерти и о ничтожествѣ земной власти. Ducange, Dissert. de inferior. aevi numism. (ed. Didot, 1850, VII, p. 153).

Албазинъ городокъ, построенный Ерофеемъ Хабаровымъ въ 1651 году на Амурѣ и въ послѣдствіи покинутый русскими поселенцами. Описаніе развалинъ и исторіи Албазина въ статьѣ Д. Романова, въ Спб. Академ. Вѣдомостяхъ 1857, №№ 269 и 270.

Гр. У.

Алейдархъ Павелъ, Нѣмецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ; въ 1633 году дѣлалъ корону и царскую шапку. Зап. Имп. Арх. Общ. Ѵ, 111.

Алексѣевъ Дмитрій, серебряникъ, въ 1630 году дѣлалъ раку къ мощамъ царевича Димитрія. Зап. Имп. Арх. Общ. Ѵ, 110.

Алексѣевъ Филька, ученикъ серебряныхъ дѣлъ мастерства 1687 г. Зап. Имп. Арх. Общ. V, 110.

Алексѣй Старый, писецъ въ Псковѣ въ 1563 году. Почеркъ его мелкій, но четкій, скорописный. Востоковъ, Оп. Рум. Муз., стр. 89.

Зав.

Алексѣй (Алекса) градорубъ; подъ 6784 (1276) посылается княземъ Владиміромъ Васильковичемъ для отысканія удобнаго мѣста по рѣкѣ Лоснѣ (Льстнѣ), на которомъ выстроенъ былъ городъ Каменецъ-Литовскій (Гродненской губерніи). «И посла Володиміръ мужа хитра, именемъ Алексу, иже бяше при отцѣ его многы городы рубя, и посла и Володиміръ съ тоземьци въ челнохъ возверхъ рѣкы Лосны, абы кдѣ изнайти таково мѣсто городъ поставити»...... «и улюби (Володиміръ) мѣсто то надъ берегомъ рѣкы Лысны, и отереби е и потомъ сруби на немъ городъ и нарче имя ему Каменецъ, зане бысть земля камена» (П. С. Л. II, 206—207).

Гр. У.

Алексій Псковитинъ, словомый Малый, мужъ благочестивъ и богобоязливъ, иконописецъ XVI столѣтія. Въ 1521 году онъ написалъ образъ Успенія Пресвятыя Богородицы въ церковь Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, какъ значится въ монастырскомъ лѣтописномъ сборникѣ (Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. VIII, смѣсь, стр. 50).

Сав.

Амагиль или Омаглъ. Въ Выходахъ Царей (стр. 258, 286, 340) упоминается, «цѣпь съ амагилью», и Строевъ принимаетъ это выраженіе за эмаль или амаль. И. Е. Забѣлинъ (Зап. Имп. Арх. Общ. V, 86, 103) доказываетъ примѣрами, что амагиль означаетъ фляжку или натруску, носимую государями на перевязяхъ во время пути. «Омагиль серебрена невеличка, травы рѣзаны казанскіе, золочены, на покрышкѣ въ гнѣздѣ камень червецъ. Амагиль бархатъ зеленъ, низанъ жемчугомъ кафимскимъ по счету 712 зеренъ, а въ перевези 70 запонокъ золотыхъ съ финифты, а въ нихъ по 7 яхонтиковъ; да у ней же пугвица зеленая финифтная» (Описаніе царск. казны 1611 года).

Зав.

Амвономъ въ древнихъ церквахъ восточныхъ и западныхъ называлась возвышенная трибуна или каѳедра, предназначаемая для чтенія Апостола и Евангелія во время службы, а также для произнесенія проповѣдей и провозглашенія разныхъ церковныхъ постановленій. Амвоны были, по

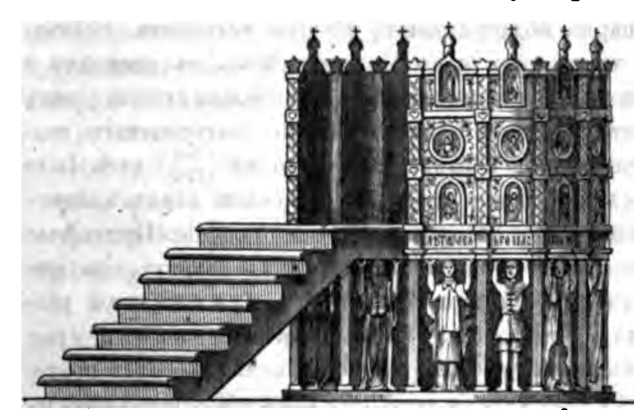
формѣ своей, прямоугольные съ боковыми входами, круглые и многогранные; по матеріалу—каменные, или мраморные, украшенные барельефами, и деревянные рѣзные, покрытые металлическими листами и узорами. На возвышенную площадку амвона входили по ступенямъ, которыя иногда устраивались по обѣ стороны амвона; въ послѣднемъ случаѣ одинъ всходъ служилъ для чтенія Апостола, а другой—Евангелія; для чтенія того и другаго ставились и особые амвоны по правую и по лѣвую сторону алтаря. Примѣры подобныхъ амвоновъ извѣстны: VI вѣка въ церкви Св. Духа въ Равеннѣ; XI в. въ Ахенскомъ соборѣ, устроенный императоромъ Генрихомъ II-мъ: XII и XIII в. въ базиликахъ святыхъ Климента и Панкратія въ Римѣ. Въ XIV в. амвоны этого рода на западѣ выходятъ изъ употребленія и замѣняются въ готическихъ церквахъ довольно высокимъ балкономъ, съ двумя всходами, помѣщаемымъ въ восточной аркѣ квадрата, образуемаго пересѣченіемъ продольнаго и поперечнаго нефовъ; названіе этого балкона во французскихъ церквахъ—jube происходитъ отъ произносимой передъ началомъ чтеній формулы jube Domine dicere... У Павла Силентіарія находятъ свѣдѣніе о роскошно устроенномъ амвонѣ храма Св. Софіи въ Константинополѣ; объ немъ упоминаетъ и русская лѣтопись при разсказѣ о разореніи Константинополя, въ 1204 г., латинскими крестоносцами: «внидоша (Фрязи) во Св. Софію и одьраша двери и разсѣкоша онболъ окованъ бяше вси серебромъ» (П. С. Л., т. III, стр. 28). Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что и въ русскихъ церквахъ, съ древнихъ временъ, были въ употребленіи богато отдѣланные амвоны; такъ въ Ипатьевской лѣтописи сказано, что вел. кн. Андрей Боголюбскій въ церкви своей во Владимірѣ, онболъ отъ злата и серебра устрои. Очевидно, что это краткое свѣдѣніе относится къ особаго устройства амвону, на которомъ могли имѣть мѣсто дорогія украшенія, неудобопримѣнимыя къ нашимъ амвонамъ настоящаго времени.

Болѣе подробное свѣдѣніе имѣется объ амвонѣ, устроенномъ въ 1533 году новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ, который, какъ говоритъ лѣтопись, «постави въ соборной церкви во св. Софеи, во великомъ Новѣгородѣ, амбонъ вельми чуденъ и всякіе лѣпоты исполненъ. Святыхъ на немъ отъ верха въ три ряды тридесять, на поклоненье всѣмъ православнымъ христіаномъ; а по всему амбону рѣзью и различными подзоры и златомъ лиственнымъ преизящно украшенъ и удивленія исполненъ; а отъ земля амбону устроены яко человѣчки древяные дванадесять, и всякими вапы украшены и во одежахъ, и со страхомъ яко на главахъ держатъ сію святыню, вельми лѣпо видѣти» (П. С. Л., т. VI, стр. 291).

Подъ это описаніе въ точности подходитъ хранящійся въ главѣ Новгородскаго Софійскаго собора памятникъ старины, рисунки котораго помѣщены въ VI Отдѣленіи «Древностей Россійскаго Государства», на листахъ 27, 28 и 29. Не смотря на очевидную тожественность съ описаннымъ въ лѣтописи Макаріевскимъ амвономъ, сохранившійся въ Новгородѣ памятникъ

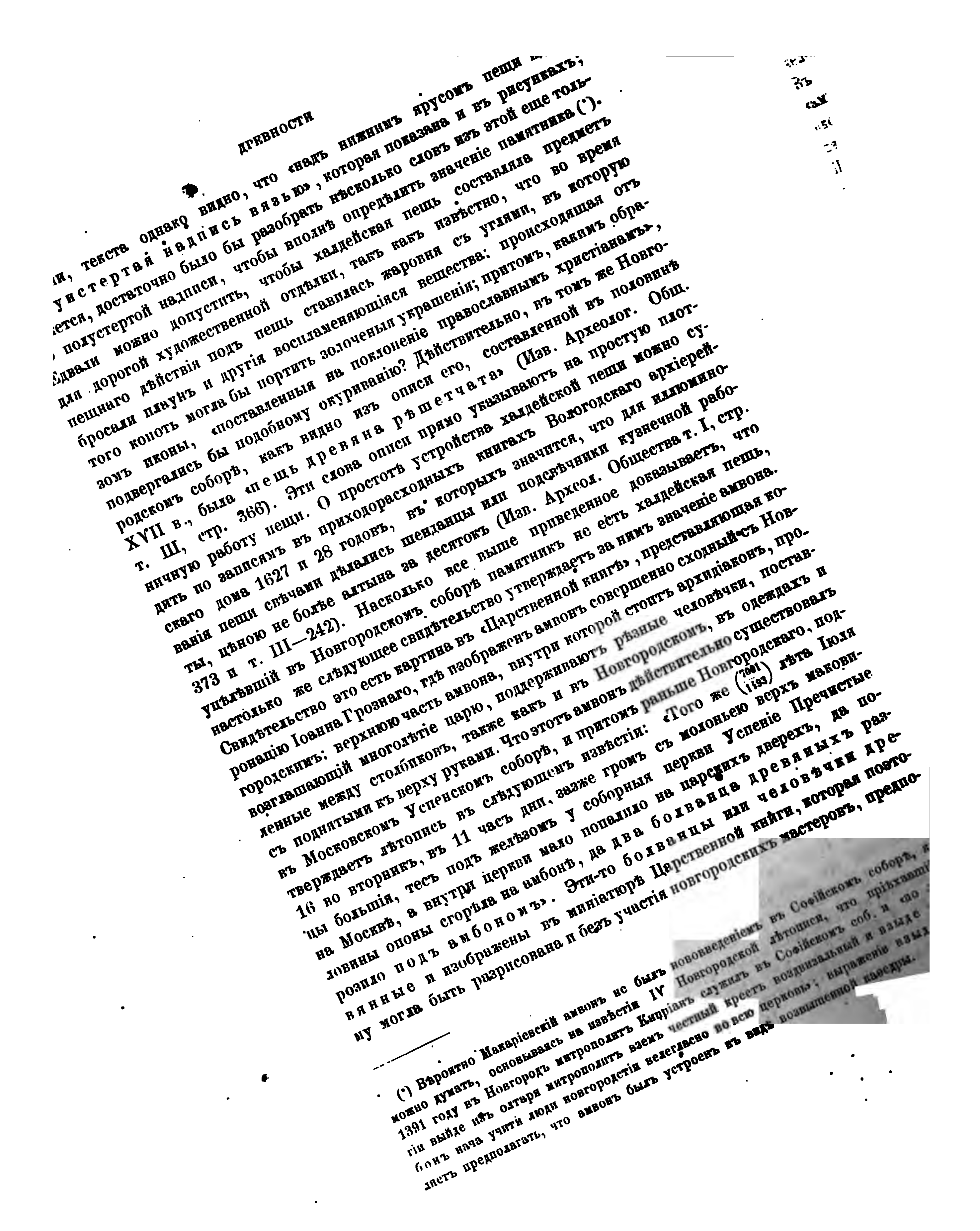
названъ въ текстѣ Древностей халдейской пещью, почему тамъ и говорится только объ обрядѣ пещнаго дѣйствія, а на лѣтопись, вполнѣ объясняющую представленный въ рисункахъ предметъ, никакого указанія не сдѣлано. Протоіерей Соловьевъ (Описаніе Новг. Софійскаго собора, СПБ. 1858 года), называя памятникъ также халдейской пещью, описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «пещь круглая, вышиною $3^1/_4$ аршина, въ діаметрѣ $2^3/_4$ арш., состоитъ изъ 12 столбиковъ, утвержденныхъ на кругломъ основаніи и продолжающихся во всю вышину пещи. Между столбиками внизу поставлено по одному рѣзному человѣку въ одеждѣ, съ поднятыми кверху руками; на рукахъ и на головахъ сихъ человѣковъ утвержденъ кругъ изъ брусьевъ шириною побольше $^1/_4$ аршина; на сихъ брусьяхъ поставлены продольныя доски числомъ 10; на каждой доскѣ было по три рѣзныхъ святыхъ въ круглыхъ и продолговатыхъ рамкахъ. Изображеній святыхъ въ настоящее время (1858 г.) уже нѣтъ, а видны только мѣста (рамки?), на которыхъ они находились. Столбики и доски обложены мелкою рѣзьбою вызолоченною; на столбикахъ, по мѣстамъ, есть рѣзные херувимы».

Архимандритъ Макарій (Археологич. описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ, Москва, 1860 года) повторяетъ то же описаніе, съ тою лишь разницею, что у него рѣзные человѣки названы пророками. Изъ описаній видно, что такъ называемая пещь внизу имѣетъ 12 граней съ 12 человѣками, вверху же только 10 съ 30 образами; ясно что мѣсто, гдѣ недоставало двухъ верхнихъ граней, составляло промежутокъ, служившій входомъ внутрь амвона, на помостъ, настланный на брусчатомъ кругѣ, поддерживаемомъ человѣчками. Ко входному верхнему промежутку вѣроятно приставлялись ступеньки.



Приводя выписанный выше текстъ лѣтописи, протоіерей Соловьевъ и архимандритъ Макарій заключаютъ: первый, что лѣтописный амвонъ «есть или донынѣ (1858 г.) сохранившаяся пещь, или подобный этой пещи амвонъ, который въ соборѣ не сохранился; второй, что «хотя въ лѣтописи амвонъ и не названъ халдейской пещью, но описаніе его весьма близко подходитъ къ оставшейся пещи».

Текстъ «Древностей Р. Г.» имѣетъ значительную разницу съ позднѣйшими описаніями; въ немъ сказано, что «пещь имѣетъ видъ осмиугольной храмины въ 4 яруса съ дверями, безъ крыши, величиной въ ростъ человѣка» ($3^1/_4$ аршина?); о «человѣкахъ древяныхъ» говорится, что это можетъ быть Халдеи». Но изъ этого, не согласнаго съ другими опи-



…ли, текста однако видно, что «надъ нижнимъ ярусомъ пещи в…
…у стертая надпись вязью», которая показана и въ рисункахъ;
…ется, достаточно было бы разобрать нѣсколько словъ изъ этой еще толь-
…полустертой надписи, чтобы вполнѣ опредѣлить значеніе памятника (*).
Едвали можно допустить, чтобы халдейская пещь составляла предметъ для дорогой художественной отдѣлки, такъ какъ извѣстно, что во время пещнаго дѣйствія подъ пещь ставилась жаровня съ углями, въ которую бросали плаунъ и другія воспламеняющіяся вещества: происходящая отъ того копоть могла бы портить золоченыя украшенія; притомъ, какимъ образомъ иконы, «поставленныя на поклоненіе православнымъ христіанамъ», подвергались бы подобному окуриванію? Дѣйствительно, въ томъ же Новгородскомъ соборѣ, какъ видно изъ описи его, составленной въ половинѣ XVII в., была «пещь древяна рѣшетчата» (Изв. Археолог. Общ. т. III, стр. 366). Эти слова описи прямо указываютъ на простую плотничную работу пещи. О простотѣ устройства халдейской пещи можно судить по записямъ въ приходорасходныхъ книгахъ Вологодскаго архіерейскаго дома 1627 и 28 годовъ, въ которыхъ значится, что для иллюминованія пещи свѣчами дѣлались шенданцы или подсвѣчники кузнечной работы, цѣною не болѣе алтына за десятокъ (Изв. Археол. Общества т. I, стр. 373 и т. III—242). Насколько все выше приведенное доказываетъ, что уцѣлѣвшій въ Новгородскомъ соборѣ памятникъ не есть халдейская пещь, настолько же слѣдующее свидѣтельство утверждаетъ за нимъ значеніе амвона. Свидѣтельство это есть картина въ «Царственной книгѣ», представляющая коронацію Іоанна Грознаго, гдѣ изображенъ амвонъ совершенно сходный съ Новгородскимъ: верхнюю часть амвона, внутри которой стоитъ архидіаконъ, провозглашающій многолѣтіе царю, поддерживаютъ рѣзные человѣчки, поставленные между столбиковъ, также какъ и въ Новгородскомъ, въ одеждахъ и съ поднятыми къ верху руками. Что этотъ амвонъ дѣйствительно существовалъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, и притомъ раньше Новгородскаго, подтверждаетъ лѣтопись въ слѣдующемъ извѣстіи: «Того же ($\frac{7001}{1493}$) лѣта Іюля 16 во вторникъ, въ 11 часъ дни, зазже громъ съ молоньею верхъ маковицы большія, тесъ подъ желѣзомъ у соборныя церкви Успеніе Пречистые на Москвѣ, а внутри церкви мало попалио на царскихъ дверехъ, да половины опоны сгорѣла на амбонѣ, да два болвана древяныхъ разрозлило подъ амбономъ». Эти-то болванцы или человѣчки древянные и изображены въ миніатюрѣ Царственной книги, которая посто-му могла быть разрисована и безъ участія новгородскихъ мастеровъ, предпо-

(*) Вѣроятно Макаріевскій амвонъ не былъ нововведеніемъ въ Софійскомъ соборѣ, к… можно думать, основываясь на извѣстіи IV Новгородской лѣтописи, что пріѣхавші… 1391 году въ Новгородъ митрополитъ Кипріанъ служилъ въ Софійскомъ соб. и «по… гіи выйде изъ олтаря митрополитъ вземъ честный крестъ воздвизальный и выйде… бонъ нача учити люди новгородстія велегласно во всю церковь»; выраженіе выш… зляетъ предполагать, что амвонъ былъ устроенъ въ видѣ возвышенной каѳедры.

лагаемаго Ѳ. И. Буслаевымъ (*), по сходству изображеннаго въ картинѣ амвона съ новгородскимъ. Въ описи Московскаго Успенскаго собора 1627 г. упоминается амвонъ съ рѣзной деревянной вызолоченной сѣнью, съ изображеніями владычныхъ праздниковъ и святыхъ; подъ словомъ сѣнь, кажется, нужно разумѣть здѣсь верхнюю часть амвона, поддерживаемую человѣчками (Записки для обозрѣнія русскихъ древностей, стр. 29). Въ описной книгѣ Вологодскаго Софійскаго собора 1663 г. записано: «амвонъ рѣзанъ по дереву, золоченъ золотомъ и серебромъ сусальнымъ, около амвона 12 образовъ Праздниковъ Владычныхъ (какъ и въ Москвѣ) пядницъ, средніе поля рѣзные на золотѣ; да на столпницахъ 14 образовъ Пророковъ, а 4 образа Пророковъ отняты, и тѣ образы въ соборной же церкви». Здѣсь, должно быть, верхняя часть поддерживалась столбцами. Изъ предъидущаго можно заключить, что амвоны устроивались въ нашихъ церквахъ по общепринятому образцу, и потому были болѣе или менѣе сходны между собою. О мѣстѣ, гдѣ находился амвонъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, есть указаніе въ Чиновникѣ патріарха Іоакима, гдѣ записано, что въ 1675 году 4 октября, въ день крещенія царевны Ѳеодоры Алексѣевны, «на литургіи Великій Государь стоялъ у лѣваго столпа подлѣ царицина мѣста близъ обвона». Въ описаніи Успенскаго собора, издан. въ 1783 году протоіереемъ Л. Левшинымъ, говорится, что во время обряда «Православія» протодіаконъ, взявъ благословеніе архіерея, отходитъ на амвонъ, поставленный на лѣвой сторонѣ у крылоса, гдѣ поютъ соборные священники, и кличетъ вѣчную память поименно кому надлежитъ, и проч. Итакъ существованіе амвоновъ-трибунъ въ нашихъ церквахъ продолжалось до XVIII вѣка, и можетъ быть, что такіе памятники уцѣлѣли, подобно новгородскому, и въ другихъ мѣстахъ, и вмѣстѣ съ свѣдѣніями изъ церковныхъ описей, чиновниковъ и т. п. послужатъ къ болѣе полному объясненію этой принадлежности старинныхъ церквей.

Артл.

Амосовъ Ортюшка, Новгородецъ, серебреникъ; чеканилъ въ 1653 году оклады въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Зап. Имп. Арх. Общ. V, — III.

Зав.

Ананія, преподобный, иконописецъ Антонія Римлянина монастыря; скончался 17 іюля 1521 года. Въ новгородскихъ лѣтописцахъ онъ упоминается между новгородскими святыми. Ист. Рос. Іер., III, 128.

Сав.

[illegible]

[illegible], т. II, стр. 311.

Андреевъ Афанасій, золотарь, 1682 г. Зап. Имп. Общ. V, Ш.

Андреевъ Иванъ, иноземецъ, взятъ изъ Полоцка въ 1660 г; въ 1661 сдѣлалъ серебряную мису 1660—1664 г. Зап. Имп. Арх. Общ. V, Ш.

Андреевъ Микула, иноземецъ, изъ учениковъ пожалованъ въ мастера въ 1680 г., дѣлалъ канитель, звѣздки и всякое канительное дѣло. Зап. Имп. Арх. Общ. V, Ш.

Андреевъ Родіонъ, Казанецъ, 1-й статьи 1653 г. серебряникъ. Зап. Имп. Арх. Общ. V, III.

Андрей Мѣдянинъ, упоминается въ 1547 г., Новгородецъ. П. С. Лѣт. Ш, 153.

Андрей, переводчикъ бѣлорусскій Іоанна Дамаскина. Востоковъ, Оп. Рум. Муз. 241, 242.

Андрей, писецъ Евангелія 1408 года. Востоковъ, Опис. Рум. Муз. 196.

Зав.

Арефіевъ Стефанъ, Московскій иконникъ XVI—XVII столѣтія. Въ 1600 году онъ вмѣстѣ съ другими иконниками украшалъ настѣннымъ письмомъ Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ. См. Савинъ Өедоръ.

Сав.

Арсеній, іеромонахъ, писецъ Евсевія Дубенскаго, уставомъ южнаго письма. Онъ же игуменъ монастыря Честнаго Креста въ Дубнѣ городѣ, принадлежавшемъ кн. Острожскому. Сосуды и книги, данные имъ въ монастырь. Востоковъ, Опис. Рум. Муз. 188, 189.

Гр. У.

Арсеній, іеродіаконъ, Черниговецъ. Въ дѣлахъ Московскаго Печатнаго двора XVII вѣка онъ называется «пунсоннаго и форменнаго дѣла мастеромъ и словолитцемъ» (Расход. кн. Печ. прик. 1685 г., № 85, л. 368), т. е. онъ умѣлъ вырѣзывать стальныя обронныя буквы или пунсоны (отъ италіанск. punzone), пробивать ими на мѣдныхъ брусочкахъ углубленія или матрицы и устроивать желѣзныя складныя формы, при помощи которыхъ отливаются въ матрицы металлическія буквы, употребляемыя для книгопечатанія. Арсеній прибылъ въ Москву около 1685 года изъ Чернигова, гдѣ уже давно существовала славяно-русская типографія, въ которой вѣроятно онъ и выучился своему мастерству. Въ Москвѣ онъ жилъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ и исполнялъ для Печатнаго двора разныя пунсонныя и словолитныя работы; такъ 17 ноября 1685 года онъ «уговорился прописные евангельскіе азбуки пунсоны, 41 слово, вырѣзать на стали вновь и пробить на мѣди матрицы тожъ число и привести ихъ къ литью къ старой

формѣ евангельской азбуки добрымъ мастерствомъ; а рядилъ отъ того дѣла, отъ пунсона и отъ материцы, отъ слова по рублю по десяти алтынъ» (тамъ же, л. 315 об.). Сверхъ того онъ вырѣзалъ пунсоны и пробилъ матрицы съ приводкою ихъ «къ формѣ новой большой евангельской азбуки» (Кн. Печ. прик. съ выписками о ново-вышедшихъ книгахъ съ 197 по 205 г. № 41, л. 6). Большая евангельская азбука устроена была Арсеніемъ для напрестольнаго Евангелія большаго формата, напечатаннаго въ 1689 году въ количествѣ только 150 экземпляровъ (тамъ же, л. 43). Этотъ самый шрифтъ употребленъ былъ потомъ для печатанія подобнаго же Евангелія, изданнаго при императрицѣ Елисаветѣ въ 1759 году. Пунсоны и матрицы, устроенные первоначально для этой азбуки Арсеніемъ, сохранились и до сихъ поръ въ Московской Синодальной типографіи. Это видно изъ сличенія буквъ, нынѣ отливаемыхъ въ эти матрицы, съ тѣми, которыми напечатано Евангеліе 1689 года: тѣ и другія буквы во всѣхъ своихъ очертаніяхъ совершенно тожественны. Тотъ же Арсеній устроилъ другую славянскую азбуку, полууставную, средняго размѣра, употребляемую и теперь въ московской церковной печати подъ именемъ Арсеньевской (тамъ же, л. 158: «отъ рѣзи новыхъ пунсоновъ и ими отъ пробивки новыхъ же материцъ Черниговцу іеродіакону Арсенію 107 рублевъ съ полтиною»; далѣе «отъ чищенья новой арсеньевской азбуки» и проч.). Въ Словарѣ дух. писат. устройство этой азбуки приписано неправильно извѣстному справщику Арсенію Греку (см. это имя). Мастеръ Арсеній Черниговецъ первый началъ въ Москвѣ употреблять для отливки типографскихъ литеръ особый сплавной металлъ, извѣстный подъ названіемъ гарта; до того времени эти литеры отливались изъ одного олова, безъ всякой другой примѣси (слич. Царск. 434). Составленіе гарта старинные мастера обыкновенно держали въ тайнѣ; изъ расходной книги 1686 года, № 85, л. 368, видно, что для сплава гарта Арсеній употреблялъ свинецъ, о прочихъ металлахъ сказано только глухо: «составъ». — «Старцу Арсенію, черниговскому словолитцу, отъ составу 4-хъ пудъ свинца въ гартъ 4 рубли за ево работу, да составу къ тѣмъ четыремъ пудомъ изошло у нево, старца Арсенія, по цѣнѣ на 3 рубли». Гартъ, впрочемъ, окончательно заступилъ мѣсто олова въ московскомъ словолитвѣ только съ начала прошедшаго столѣтія, именно со времени прибытія (въ 1707 г.) на Печатный дворъ голландскихъ типографщиковъ, выписанныхъ Петромъ Великимъ. Одинъ изъ нихъ, словолитецъ Антонъ Демей, употреблялъ для сплава гарта тѣ же самые металлы, которые идутъ въ составъ его и теперь, а именно: свинецъ и антимоній; см Расх. кн. 1707—1709 гг. № 69, л. 132: «1709 г. Іюля въ 13 д, иноземцу словолитцу Антону Сергѣеву ради гартоваго составу отпущено ему свинцу, да антимоніи». Къ этимъ металламъ нынѣшніе словолитцы прибавляютъ, для лучшей плавки, небольшое количество олова.

Рум.

Архангельская Губернія. Списокъ статей, помѣщенныхъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, съ начала изданія ихъ (въ 1838 году):

1838 года.

О грамотахъ и другихъ актахъ, отысканныхъ въ архивѣ Архангельскаго Губернскаго Правленія.—Соч. Карла Горегляда (№ 19—30).

1839 года.

Признаки древности Холмогоръ. Соч. І. Варовчикова (№ 15).

Емецкій острогъ. Соч. Флегонта Вальнева (№ 19—21).

Остатки укрѣпленій въ городѣ Холмогорахъ. Соч. І. Варовчикова (№ 23).

О мѣновой торговлѣ съ Норвегіею. Вардегусъ, соч. Ф. Вальнева (№ 36 и 37).

Въ 1840, 1841 и 1842 годахъ не было.

1843 года.

Двинскіе Воеводы. Θ. М. Апраксинъ. 1 Варовчикова (№ 3).

Сѣверная торговля въ древности. Выписка изъ журнала «Маякъ», І. Варовчикова. (№ 18—20).

Спасская пустыня. Соч. І. Варовчикова (№ 27).

Очеркъ крестьянскихъ обычаевъ по рѣкѣ Вагѣ въ Архангельской губерніи. М. Заринскаго (№ 29—32 и 34).

Историческія и статистическія свѣдѣнія о Сумскомъ посадѣ. Соч. Валеріана Чернышева (№ 46).

Монастырь св. Архангела Михаила въ Архангельскѣ. Соч. В. Чернышева (№ 51).

Замѣчательные пожары, опустошавшіе Архангельскъ. Соч. В. Чернышева (№ 52).

1844 года.

Основаніе города Архангельска и Таможенный Замокъ. Соч. В. Чернышева (№ 14—16).

Окрестности Архангельска. Соч. І. Варовчикова (№ 30).

Грамота Петра Великаго 2 февраля 1700 года Баженинымъ, первымъ русскимъ кораблестроителямъ въ Архангельскѣ (№ 32).

Поѣздка на Печору. В. Латкина (№ 35—37).

Плаваніе по Пукшенгѣ—Двинской. Топографа Васильева (№ 38).

Вавчуга. Соч. В. Чернышева (№ 39 и 40).

Нѣчто о Двинскихъ посадникахъ. Соч. І. Варовчикова (№ 49).

1845 года.

О древности и происхожденіи названія города Холмогоръ. Соч. И. Никольскаго (№ 3).

Догадка о происхожденіи слова: Колмогоры. Павла Базилевскаго (№ 15).
Сюзьма, деревня Архангельскаго уѣзда. А. Журавлева (№ 17 и 18).
Набѣги Новгородцевъ на Двинскую страну. Соч. І. Варовчикова (№ 19).
Каѳедральный соборъ въ Архангельскѣ. В. Чернышева (№ 20).
Пустозерскъ. В. Чернышева (№ 22).
Красногорскій Монастырь. В. Чернышева (№ 23).
Лявленскій приходъ. Соч. В. Чернышева (№ 28).
Спасопреображенскій соборъ въ городѣ Холмогорахъ. В. Чернышева (№ 29).
Сѣверъ Европейской Россіи (№ 34).
Архіерейскій домъ въ Архангельскѣ. В. Чернышева (№ 44).
Соловецкій монастырь (№ 45).
Онежскій Крестный монастырь. И Никольскаго (№ 46 и 47).
О бывшей разработкѣ слюды въ Архангельской губерніи. П. Кузмищева (№ 46).
Одежда русскихъ торговыхъ гостей XVII вѣка. З—каго (№ 47).
Веркольскій монастырь. М. Заринскаго (№ 49).
Купчая на окрестности Архангельска, XV вѣка, съ примѣчаніями М. Заринскаго (№ 52).

1846 года.

Холмогорскій дѣвичій монастырь. В. Чернышева (№ 3).
О Соловецкомъ Монастырѣ. А. Сафронова (№ 5 и 6).
Кудеси или колдовство самоѣдъ (№ 6).
Новая земля. М. Заринскаго (№ 7).
О Помытчикахъ (ловцахъ кречетовъ) Журавлева (№ 8 и 9).
Ротта или присяга самоѣдовъ (№ 11).
О распространеніи христіанства въ предѣлахъ Архангельской губерніи. М. Заринскаго (№ 12).
О церквахъ города Шенкурска. М. Заринскаго (№ 14 и 15.
О торговомъ пути отъ города Кеми до С.-Петербурга, или отъ Бѣлаго до Балтійскаго моря. Хромцова (№ 17).
Объ актахъ, хранящихся въ архивѣ Шенкурскаго собора. Сообщ. М. Заринскимъ (№ 19 и 20).
Петръ Козмичъ Пахтусовъ, путешественникъ на Новую землю. Изъ Петерб. Вѣд. (№ 20).
Двѣ грамоты о землѣ, принадлежащей Архіерейскому дому, бывшему въ Шенкурскѣ. Сообщены М. Заринскимъ (№ 21).
Новодвинская крѣпость. В. Чернышева (№ 22).
Городъ Кола. Изъ путевыхъ записокъ Пастора Адольфа Пепцеліуса (№ 23).
Ижма (селеніе Мезенскаго уѣзда). М. Истомина (№ 24).
Грамота Царя Ѳеодора Алексѣевича Каргопольскому Воеводѣ Салтыкову, 1682 года. Сообщ. П. Ѳ. Кузмищевымъ (№ 29).

1847 года.

1848 года.

Перечень Важескихъ воеводъ. М. Заринскаго (№ 2).

Ненокскій посадъ, селеніе Солза и ловъ морскаго звѣря бѣлуги (№ 5 и 6).

Тарханная грамота Соловецкому монастырю (№ 7).

Ягъ-Мортъ (чудское преданіе). Истомина. (№ 8).

Матеріалы для исторіи Архангельскаго порта. Кузмищева (№ 14, 15, 23, 34, 36, 39, 41, 48, и 49).

Кожеозерскій монастырь (№ 37 и 38).

Традескантъ старшій въ 1618 году въ Архангельскѣ (№ 40 и 41).

Выписки изъ архива Архангельскаго Губернскаго Правленія (№ 44, 45, 46 и 47).

1849 года.

Надписи на портретахъ и гробницахъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ, погребенныхъ въ Холмогорскомъ Преображенскомъ соборѣ (№ 23 и 24).

Собраніе особенныхъ словъ Архангельской губерніи. Кузмищева (№ 25—28).

Троицкій Кузнечевскій приходъ. Заринскаго (№ 29 и 30).

Примѣты, которымъ вѣрятъ жители Холмогорскаго уѣзда. Базилевскаго (№ 31).

Очерки Архангельска и его окрестностей. Истомина.

Матеріалы для исторіи Архангельскаго порта. Кузмищева (№ 38, 39—45).

О бытіи графа Ангальта въ Архангельскѣ. И. Л. (№ 41).

Полуостровъ Канинъ. Савельева (№ 41).

Грамота Пертоминскому преображенскому монастырю (№ 46).

1850 года.

Листки изъ журнала Богославскаго (№ 5).

Изслѣдованіе сообщенія рѣки Индиги съ рѣкою Печорою. Крузенштерна (№ 48).

Перечень двинскихъ воеводъ, 1584—1707 г. Заринскаго (№ 49).

Образъ жизни Мезенскихъ самоѣдовъ. Архимандрита Веніамина (№ 50 и 51).

1851 года.

Описаніе историко-статистическое города Холмогоръ. Базилевскаго (№ 1—4).

Островъ Калгуевъ въ промышленномъ отношеніи. (№ 10).

Описаніе историко-статистическое Холмогорскаго уѣзда. Базилевскаго. (№ 17—26).

Грамота Царя Михаила Θеодоровича Юрьегорской Демьяновской пустынѣ. Заринскаго (№ 31).

е акты. Кузмищева (№ 39 и 40).

Жалованная грамота Царя Михаила Өеодоровича Николаевскому Корельскому монастырю. Заринскаго (№ 41).

1852 года.

Описаніе рѣки Сѣверной Двины въ Архангельской губерніи. Черепанова (№ 1—7).

Историко-статистическое описаніе Николаевскаго Корельскаго третьеклассная монастыря (№ 9—11).

Хронологическій указатель актовъ Николаевскаго Корельскаго монастыря (№ 15, 17, 18 и 19).

Физическія и нравственныя свойства Зырянъ. Михайлова (№ 20 и 21).

Домашній и семейный бытъ Зырянъ. Михайлова (№ 22 и 23).

Онежскій уѣздъ (№ 23—28).

Городъ Онега, (№ 30 и 31).

Первое пребываніе Петра Великаго въ Архангельскѣ. Чернышева (№ 40).

Юридическіе акты Соловецкаго монастыря XVII вѣка (№ 42).

Кемскій уѣздъ. Заринскаго (№ 44—49).

1853 года.

Городъ Кемь. Заринскаго (№ 1—3).

Памятники Финской и Мордовской старины въ Архангельской губерніи. Богославскаго (№ 46).

Архангельскія народныя пѣсни. Богославскаго (№ 18).

Очерки Финскаго Сѣвера Россіи (№ 19—24).

Янтарь Сѣвернаго Океана. Заринскаго (№ 35).

Грамоты помытчикамъ Пинежскаго уѣзда (№ 40 и 41).

Собраніе особенныхъ словъ Архангельской губерніи (№ 43—51).

1854 года.

Нѣсколько словъ о народныхъ пѣсняхъ. С. С. (№ 4).

Описаніе трехъ путей изъ Россіи въ Швецію, составленное въ 1701 году (№ 6—8).

Поѣздка въ Соловецкій монастырь въ 1853 г. Истомина (№ 27—30).

О Соломбальскомъ морскомъ Преображенія Господня соборѣ (№ 44).

1855 года.

Печорскій край и рѣка Печора (№ 14 и 15).

Описаніе г. Пинеги. Поромова (№ 50).

1856 года.

Описаніе г. Колы—егоже. (№ 34 и 35).

О церкви Воскресенія Христова въ Архангельскѣ. Михайлова (№ 24).

Красногорскій монастырь—егоже (№ 33).

1858 года.

Историческій взглядъ на руду Мезенскаго уѣзда. Заринскаго (№ 5).
Историческое обозрѣніе Шенкурскаго уѣзда. Тустановскаго (№ 6—8).
Описаніе г. Мезени. Поромова (№ 17 и 18).
Описаніе Мезенскаго уѣзда. Поромова (№ 20—24).
Описаніе Архангельскаго уѣзда. Его же (№ 16 и 27).
Описаніе г. Холмогоръ, съ очеркомъ древней исторіи Двинскаго края. Соколова (№ 29—25).
Историческіе очерки г. Холмогоръ. Базилевскаго (№ 11—13).

1859 года.

Историко-статистическое обозрѣніе г. Архангельска. Пилацкаго (№ 24).

1860 года.

Путевыя замѣтки. К. Сибирцева (№ 48 и 49).

1861 года.

Первыя извѣстія Англичанъ объ Архангельскомъ краѣ. М. Истомина (№ 3).
Русскіе замѣчательные люди изъ уроженцевъ Архангельской губерніи (№ 4, 6, 7, 8 и 10).
Кола. Соловцова (№ 29, 30 и 31).
Поной. Его же (№ 32, 33, 34 и 35).
Топозерскій скитъ (№ 36 и 37).
Айновы острова (№ 39).
Фильманы (№ 39).
Имандра (№ 40).
Торасъ—острова (№ 42).
Святой носъ (№ 43).
Гаврилово (№ 44 и 45).
Каменный погостъ (№ 46 и 47).
Очеркъ Печенги (№ 49, 50, и 1862 г. № 9).

1862 года.

Архангелогородская старина. Истомина (№ 35 и 36).
Село Целезеро. Свящ. Терентіева (№ 37).
Народные обычаи въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Базилевскаго (№ 42).
Замѣтка о нравахъ и народныхъ обычаяхъ въ г. Холмогорахъ. Анциферова (№ 45).

1863 года.

Опись устьевъ р. Печоры, въ 1821—1823 г. М. Истомина (№ 6).
Архангельскъ и его жители. Н. Воронина (№ 11).
Историко-статистическое описаніе Куйской церкви и прихода. Свящ. Терентіева (№ 38 и 39).
Очерки Кемскаго уѣзда. К. Сибирцева (№ 51 и 52).

1865 года.

Архангельскъ въ 1765 году. Записка Архангелогородскаго губернатора д. с. с. Козмина и свѣдѣніе объ Архангельскѣ, взятое изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1769 г. (№ 1).

Грамота москов. патріарха Іоакима о сборѣ таможенныхъ пошлинъ, 1681 г. Сообщена П. С. Ефименко (№ 7).

Жалованныя грамоты царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича, данныя въ 1615 и 1665 годахъ крестьянамъ Комаровымъ на деревню Пожарище. Сообщены П. С. Ефименко (№ 8).

Списокъ статей, помѣщенныхъ въ Арх. Губ. Вѣдомостяхъ, по части исторіи, географіи, этнографіи и статистики губерніи, съ начала изданія ихъ въ 1838 году по 1 января 1865 г. Чубинскаго (№№ 9 и 10).

Старинное преданіе. Шелонина (№ 12).

Программа археологическихъ изслѣдованій и записка для обозрѣнія русскихъ древностей (№№ 15—17 и № 25).

Описаніе Архангельской губерніи, сочиненіе Антона фонъ Пошмана, въ видѣ прибавленій (при №№ 32—52).

1866 года.

Описаніе Архангельской губерніи, сочиненіе Антона фонъ Пошмана (въ прибавленіяхъ къ №№ 1, 8, 9—12, 19—28, 40—49).

Отчетъ о дѣятельности Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1865 годъ. П. Чубинскаго (№№ 2 и 3).

Заклинанія въ Сумскомъ посадѣ, Кемскаго уѣзда, А. К. Шешенина (№ 4).

Примѣты жителей Кемскаго уѣзда. А. Шишелова (№ 6).

Матеріалы для статистики Арх. губерніи.—Сообщеніе Сибири съ Европой и открытіе порта на р. Печорѣ. М. Вальнева (№№ 16—18).

Матеріалы для этнографіи: „Отпускъ пастуха скотъ пасти", изъ Онежскаго уѣзда, с. Лямца (№ 35).

Историко-этнографическіе очерки Сумскаго посада въ Кемскомъ уѣздѣ. А. Шешинина (№№ 42—45, 47 и 50).

Матеріалы для статистики. Онежскіе лѣсопильные заводы (№ 42).

За 1867 и 1868 годы.

Извлеченіе изъ отчета коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края:

Географическое положеніе Печорскаго края. № 22-й, 1868 г.

Въ Запечорьи. В. Таратина. № 31, 34 и 90-й, 1868 г.

Югорскій шаръ. Священника Зуева.

Путь изъ Архангельска въ Ижму чрезъ Сольвычегодскъ на Печору. Ф. Бѣлинскаго.

Статистическіе и естественно-историческіе очерки выселковъ по р. Ижмѣ. № 69, 70 и 71-й, 1867 г. Свящ. І. Елеазаровскаго.

Историческая замѣтка. Пр. Иванова. № 33-й, 1868 г.

Сѣверо-Екатерининскій путь. П. Чубинскаго. № 68 и 71-й, 1867 г.

Нынѣшнее состояніе инородцевъ Архангельской губерніи.

Этнографія Лопарей. Свящ. Г. Терентіева № 2-й, 1868 г.

Къ вопросу о Лопаряхъ. Ефименко. № 5-й, 1868 г.

Сумскій посадъ. М. Петрова. № 60, 61, 62 и 63-й 1868 г.

Сказаніе о Топозерскомъ скитѣ. Ив. Прушакевича. № 63-й, 1868 г.

Организація Соловецкаго монастыря въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ. Сырцова. № 68-й, 1867 г.

Сѣкирная гора. І. Сырцова. № 80-й, 1867 г.

Могила князя В. В. Голицына въ Красногорскомъ монастырѣ. Пр. Иванова. № 79-й, 1868 г.

Старовѣрческое преданіе, Св—ова. № 21-й, 1868 г.

Холмогорскіе черти. № 27-й, 1868 г. П. Ефименко.

Этнографическій очеркъ свадьбы крестьянъ въ Лямецкомъ приходѣ. № 28 и 29-й, 1868 г.

Заволоцкая чудь. П. Ефименко. №№ 88, 89 и 90-й, 1868 г. (Статья продолжается).

Икота, недугъ Архангельской губерніи. Свящ. І. Елеазаровскаго. №№ 77, 79, 81, 83, 85 и 87-й, 1868 г.

Статистическія данныя о числѣ больныхъ икотою и калѣкъ Архангельской губерніи. № 77-й, 1868 г.

Юридическіе обычаи Шенкурскаго уѣзда, Тулгасскаго прихода. Свящ. Макарова. №№ 42, 43, 44, 45 и 46-й, 1868 г.

Присловья о жителяхъ и мѣстностяхъ Архангельской губерніи. П. Ефименко. №№ 67, 69 и 71-й, 1868 г.

О китоловствѣ. № 49-й, 1867 г. П. Ефименко.

Колонизація сѣверо-западной части Мурманскаго Россійскаго берега. П. Чубинскаго. №№ 38, 41 и 42-й, 1867 г.

Доманикъ и нефть на Ухтѣ. П. И—ва. № 2-й, 1868 г.

Солевареніе въ Архангельской губерніи. П. Чубинскаго. №№ 15, 16 и 17-й, 1867 г.

Нѣмая торговля на Сѣверѣ въ древности. № 1-й, 1868 г.

Дѣти богомольцы и училище для нихъ въ Соловецкомъ монастырѣ. І. Сырцова. №№ 23 и 24-й, 1868 г.

Протоколы Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета.

Журналы Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета.

Отчетъ о дѣятельности архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1866 г., составилъ П. Чубинскій. №№ 2, 3, 4 и 5-й. 1867 г.

Програма для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ, изданная Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. №№ 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, 1868 г.

Заволочье отъ начала Новгородскаго господства на Сѣверѣ до паденія независимости Новгорода. П. Коноплина. №№ 74 и75-й, 1867 г.

Вопросы о Чуди. П. Ефименко. № 18-й, 1868 г.

Село Устьцыльма. №№ 25, 26 и 27, 1868 г.

Дѣло изъ архива Московской дворцовой конторы за 1740 годъ, № 9-й, 1868 г. Тустановскаго.

Крестьянскіе дѣловые древніе акты. Пр. Иванова № 48-й, 1868 г.

Нѣсколько имущественныхъ актовъ крестьянъ Ломоносовыхъ. П. Ефименко. № 4-й, 1868 г.

Родъ крестьянъ Головиныхъ. П. Ефименко. № 28-й, 1868 г.

Ѳ. И. Шубной. Пр. Иванова. № 21-й, 1868 г.

Библіографическая замѣтка. П. Ефименко. № 12-й, 1868 г.

Преподобный Елеазаръ, положившій начало житію на Анзерскомъ островѣ и основавшій Анзерскій скитъ. І. Сырцова. №№ 74, 76 и 77-й, 1867 г.

Аѳанасій, игум. Высоцкаго Серпуховскаго монастыря, 1392 г. отшелъ на безмолвіе въ Царь-градъ. Въ 1401 г. списалъ и составилъ книгу: Око церковное. Востоковъ, Опис. Рум. М. 517, 711. Аѳанасій, настоятель (см. вопросы Кипріяну митр.), не тотъ ли же игуменъ Аѳанасій? (тамъ же 39).

Било (прибавленіе). Путеш. арх. Антонія, стр. 34: «А колокола не держатъ во святѣй Софѣи (въ концѣ XII вѣка), но билцо мало въ руцѣ держа, клеплютъ на заутрени; а на вечерни не клеплютъ; а по инымъ церквамъ клеплютъ и на обѣдни и на вечерни; било же держатъ по ангелову ученію, а въ колокола латыни звонятъ».

Гр. У.

Бить въ блюдо—древній обычай. Въ грамотѣ великаго князя Мстислава, сына Мономаха, данной имъ, безъ означенія года, новгородскому Юрьеву мужскому монастырю на земли и судныя пошлины, есть приписка сына его Всеволода Мстиславича, гдѣ читаемъ: «и язъ Всеволодъ, сынъ Мстиславль, далъ есть блюдо сребренно святому Георгеви, и велѣлъ есть бити въ него на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаетъ». Эта грамота на пергаментѣ, съ печатію, изображающей святаго великомученика Георгія, и серебряное блюдо съ изображеніемъ того же святаго хранятся въ новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ.

Мстиславъ Владиміровичъ былъ прежде княземъ Новгородскимъ, а потомъ великимъ княземъ Кіевскимъ съ 1123 по 1132 годъ. Въ этомъ 1132 году онъ умеръ, а грамота писана уже отъ имени великаго князя, значитъ она дана и вмѣстѣ съ блюдомъ между 1123 и 1132 годами. Грамота эта—самый древній дошедшій до насъ письменный актъ; но здѣсь мы узнаемъ и обы-

чай бить въ блюдо за монастырскою трапезой, когда обѣдаетъ игуменъ или настоятель. Обычай этотъ, конечно занесенный изъ Византіи, вѣроятно строго соблюдался въ древнемъ Новгородѣ, можетъ быть даже и не при однихъ монастырскихъ, но и великосвѣтскихъ обѣдахъ; такъ во 2-й Новгородской лѣтописи, въ сказаніи о построеніи Рождественскаго Михалицкаго или Милотковскаго монастыря, 1199 года упоминается о богородицкой просфорѣ на какомъ-то обѣдѣ, но не монастырскомъ. Обѣдъ, трапезованіе, имѣли у нашихъ предковъ значеніе религіозное; такъ голосъ народа упрекалъ Лжедимитрія за то, что онъ запретилъ священникамъ благословлять и кропить св. водой царскія яства за царскимъ столомъ.

Обычай бить въ блюдо заключался въ томъ, что передъ настоятелемъ, или даже можетъ быть замѣняющимъ сіе мѣсто старшимъ лицемъ въ монастырѣ, становили блюдо съ кушаньемъ. Послѣ обыкновенныхъ молитвъ и благословенія трапезы настоятель ударялъ три раза въ край или ободъ блюда, тогда всѣ садились за столъ и начинали ѣсть. Этотъ же условный знакъ—троекратный ударъ въ блюдо ложкой или чѣмъ либо—означалъ перемѣну кушанья или окончаніе обѣда. Такъ это дѣлается и теперь вездѣ въ монастыряхъ, но удары въ ободъ блюда замѣняются уже колоколомъ, въ который звонитъ настоятель или заступающее его старшее лицо.

Р. Игн.

Божонка, божейка, божница. Подъ 1109 г. «Преставися Евпракси, дщи Всеволожа (великаго князя Кіевскаго), мѣсяца іулія въ 10 день; и положена бысть въ Печерьскомъ манастырѣ у дверій, яже къ угу (т. е. внѣ церкви, близъ южныхъ дверей, слѣдовательно на погостѣ между большою церковію и трапезою, гдѣ теперь лежатъ тѣла Кочубея и Искры). И сдѣлаша надъ нею божонку (божницу, часовню), идѣже лежить тѣло ея» (Лаврентьевск. лѣт., стр. 121). Карамзинъ думаетъ, что она была второю супругою нѣмецкаго императора Генриха IV, извѣстною подъ именемъ Пракседы (Истор. Гос. Росс., издан. 6-е, Т. II, примѣч. 157).— Въ Ипатіевской (Кіевской) лѣтописи подъ 1161 г. сказано: «И съвкупився Изяславъ (Давидовичъ, кн. Черниговскій, на Ростислава Михаила кн. Кіевскаго) съ Всеволодичема, и съ Олгомъ, и съ Половци, и поиде за Вышегородъ къ божници, ту бо бяше и Днѣпръ сталъ (февраля 7-го), а индѣ не сталъ бяше никдѣже; ту же перешедше Днѣпръ у боженки, и поиде полки къ Кыеву, и, пришедше, сташа на болоньи» (стр. 89). Подъ 1146 г.: «и паки совокупившеся вси Кыяны у Туровы божници, и послаша по Игоря» (Ипатіевск., стр. 22).

Божницы или часовни ставятъ тамъ, гдѣ нѣтъ церквей; ихъ ставятъ и надъ могилами усопшихъ, украшаютъ иконами, отсюда: божница.

Н. Закр.

Божница—богадѣльня, страннопріимница или странноприіимный домъ, ξενών. Въ путешествіи арх. Антонія (стр. 156) сказано: «въ бозницѣ (по новгородскому нарѣчію вм. божницѣ) святаго Самсона».—Въ лѣтописяхъ (Лаврент. I, 137; Ипатьевск. II, 34) сказано подъ 1147 годомъ, при описаніи убіенія Игоря Ольговича, что по убіеніи его: «повелѣ Лазарь взяти Игоря и понести и въ церковь Св. Михаила, въ Новгородскую божницу, и ту положивши и во гробъ». Отсюда узнаемъ, что при Новгородской божницѣ или богадѣльнѣ находилась особая церковь Св. Михаила; самая же богадѣльня находилась въ Новгородскомъ концѣ города, который Закревскій (Описаніе Кіева, стр. 585) предполагаетъ на Подолѣ. Подобныя богадѣльни часто строились въ Царьградѣ со временъ Константина Великаго; онѣ бывали рзличныя: однѣ, для стариковъ, назывались γηροκομεῖα; другія или странноприіимные дома назывались πανδοχεῖον; эти послѣднія богадѣльни могли иногда помѣщать и до ста человѣковъ (Krause. Die Byzantiner, p. 28). Слово божница встрѣчается въ лѣтописи еще разъ, по поводу того же самаго происшествія, подъ 1146 годомъ (Ипат. II, 22): «и пакы скопишася вси Кіяне у Туровы божницы», т. е. Кіевляне собрались на вѣче у Туровой божницы. Закревскій (тамъ же, стр. 848) указываетъ на различныя мнѣнія о Туровой божницѣ. Въ прологѣ (Макарій, Ист. рус. церкви I, 37—38) Румянц. музея стоитъ: «идѣже и нынѣ есть церкви св. мученику у Турова». Въ Степен. книгѣ добавлено: «церковь во имя св. мученика Турова». Иные полагали, что урочище Туръ получило названіе отъ истукана Тура, другіе—отъ какого-нибудь строителя Тура, а Закревскій намѣкаетъ на бога Торъ. Слово Туровъ, происходя отъ Туръ (ταῦρος, ταῦρος βοῦς) быкъ, волъ, служило къ обозначенію мѣста, гдѣ продавался рогатый скотъ,—бычачій или воловій рынокъ. Кіевскій рынокъ, вѣроятно, устроенъ былъ по образцу такого же рынка въ Царьградѣ, гдѣ онъ назывался Forum bovis, рынкомъ быка, туровымъ рынкомъ или просто быкомъ, туромъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: περὶ βοὸς ἀγορὰν ἤτοι πρὸς βοοῦ τὸν τόπον (Jannes Tzetzes Chil IX.—C. 277); ἐν τῇ καμάρα τοῦ βοός (Georgius diaconus. C. XXVII); наконецъ у Кедрина (anno XXXV Justiniani) упоминается о притворахъ тура, πυλεῶνας τοῦ βοός (Banduri, Const. christ lib. I, p. 69). У византійскихъ писателей этотъ рынокъ постоянно называется туромъ или быкомъ. Въ 480 году, отъ землетрясенія, повалилась статуя Θеодосія Великаго на турѣ (εἰς κίονα τοῦ ταύρου). Императоръ Анастасій велѣлъ въ 506 году отлить собственную, колосальную статую и поставилъ у тура, возлѣ статуи Θеодосія Великаго. Подъ 495 годомъ сказано, что народъ сжегъ обоихъ тирановъ: Стефана и Θеодота близь быка (καὶ εἰς τὸν βοῦν); (Muralt. Chronol. Byzant., p. 96, 120, 319; Cedrenus (ed. 1729), pag. 279, 349). Тотъ же воловій рынокъ упоминается въ житіи Святой Θеодосіи (Савваитовъ, Путеш., стр. 124). Въ Римѣ находился такой же рынокъ: forum boarium. Отсюда слѣ-

дуетъ, что божница у Турова, вѣроятно, означала богадѣльню у Турова рынка или у Тура.

Гр. У.

Борисъ, вологодскій иконописецъ второй половины XVII столѣтія. Онъ, вмѣстѣ съ Іоанномъ, написалъ для Спасо-Нуромскаго монастыря (нынѣ приходская церковь въ Грязовецкомъ уѣздѣ): въ 1682 году—образъ Происхожденія честныхъ древъ Животворящаго креста, и въ 1688 году—образъ преподобнаго Сергія Нуромскаго, какъ видно изъ слѣдующихъ надписей—на первомъ образѣ: «Изволеніемъ Божіимъ и содѣйствіемъ Пресвятаго Духа написася сія святая икона лѣта 7190 іюля 24 дня, по вѣрѣ и по обѣщанію Вологжанъ посадцкихъ людей, серебрянаго всего ряду седѣльцовъ, на память святыхъ князей Бориса и Глѣба, изуграфми Іоанномъ и Борисомъ въ славу Богу». На другомъ образѣ, вверху, по сторонамъ главы преподобнаго: «Образъ преподобнаго отца нашего Сергія Обнорскаго и Нуромскаго, Вологодскаго новаго чудотворца»; а внизу: «Лѣта 7196 году напасася сія святая икона іюля въ 28 день при игуменѣ Гавріилѣ, по обѣщанію Вологодскихъ посадскихъ людей, старосеребряниковъ и всего серебрянаго ряду лавочныхъ седѣльцовъ, и всего промыслу серебреники поставили и богоустроили на память св. Апостолъ Прохора, Никанора и Одигитріи изуграфми Іоанномъ и Борисомъ въ славу».

Сав.

Бѣдынъ. Слово это занесено въ словарѣ Востоковымъ изъ пролога XV вѣка. Предположеніе составителя словаря, что оно означаетъ надгробный памятникъ, опровергаетъ А. А. Котляревскій въ своемъ сочиненіи: «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ». Послѣдній признаетъ, что слово «бѣдынъ» означаетъ надстройку надъ могилою и корнемъ своимъ имѣетъ—буд. А между тѣмъ въ пергаменномъ прологѣ XIV вѣка Сѵнодальной типографской библіотеки, подъ № 368, въ томъ же сказаніи о успеніи св. Ольги. отрывокъ, приведенный Востоковымъ, читается нѣсколько иначе: «и призвавъши сына своего Святослава заповѣда іемоу погрестися съ землею ровно, а могылы не соути, ни тризны творити, ни дына дѣати» (158 стр.). Такимъ образомъ въ самомъ раннемъ снимкѣ сказанія о успеніи св. Ольги встрѣчается слово—дынъ, а не бѣдынъ. Само собою ясно, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе чтенію болѣе ранняго и притомъ пергаменнаго списка. Что существовали также и другіе ранніе списки, въ которыхъ было слово—дынъ вмѣсто—бѣдынъ, на это указываютъ тѣ отрывки въ житіи Константина Муромскаго, сохранившіеся въ спискахъ XVI вѣка, въ которыхъ, при описаніи древнерусскаго погребальнаго обряда, говорится: «ни дыни (иногда дымы) дѣяху». Изъ этихъ указаній XIV и XVI вѣка вытекаетъ, что корнемъ этого слова не можетъ оставаться—буд.

Если же мы возмемъ отрывки изъ прологовъ XIV и XV вѣка, то въ словахъ: бъдынъ и дынъ мы будемъ имѣть одинаковые суффиксы. Принимая же слово дынъ за однозначащее съ тынъ, мы можемъ остаться при томъ же мнѣніи, которое высказано г. Котляревскимъ о словѣ бъдынъ, какъ означающемъ какую-то постройку; но будетъ ли это надстройка на самой могилѣ, какъ полагаетъ г. Котляревскій, или тынъ вокругъ могилы? Въ томъ же прологѣ XIV вѣка встрѣчается и слово «тынъ», означающее мѣсто застроенное или огороженное: «си блжнаа ѡльга родомь пльсковъі тъіни», почему довольно трудно признать дынъ и тынъ имѣющими одно и то же значеніе. Списки же XVI вѣка житія Константина Муромскаго и на память приведенный г. Погодинымъ отрывокъ изъ пролога своимъ окончаніемъ слова «дыни, дымы, бды» не предполагаютъ суффикса: инъ въ окончаніи этого слова; потому невольно является предположеніе, не имѣетъ ли это слово болѣе близкаго соотношенія съ словомъ дына (dyna), которое Linde приводитъ въ своемъ словарѣ и которое означаетъ крики радости и веселья при музыкѣ, какъ припѣвъ къ пѣснямъ: «aj dyna, aj dyna, aj dyna» (1 т., стр. 84), что также можетъ имѣть отношеніе къ древнерусскому погребальному обряду. Такъ какъ это объясненіе стоитъ въ противорѣчіи съ чтеніемъ по двумъ болѣе раннимъ спискамъ, то мы ставимъ его только какъ вопросъ, всегда не лишній тамъ, гдѣ мало данныхъ для изслѣдователя.

Ив. Некр.

Вапъ, отъ греческаго βαφή, краска, но собственно означаетъ макать въ краску, и отъ того вапъ и вапы вѣроятно употреблялось, по преимуществу, для красокъ, разведенныхъ на водѣ и клеѣ. Такимъ образомъ изъ Путешествія арх. Антонія видно, что вапы могли стираться (стр. 83): «и Павелъ преже Христа написалъ, со драгимъ каменьямъ и со жемчюгомъ, вапы стеръ на одномъ мѣстѣ».

Гр. У.

Вассіанъ, племянникъ Іосифа Волоколамскаго, сперва инокъ, потомъ епископъ Коломенскій, иконописецъ второй половины XV столѣтія. Онъ, вмѣстѣ съ «изящными и хитрыми въ Русской землѣ иконописцы, паче же рещи живописцы»: Діонисіемъ и дѣтьми его Владиміромъ и Ѳеодосіемъ, старцемъ Паисіемъ и братомъ своимъ Досиѳеемъ, росписывалъ каменную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, построенную преподобнымъ Іосифомъ въ Волоколамскомъ монастырѣ въ 1485 году (Рукоп. жит. преп. Іос. Волокол. Ср. сказ. о Рус. и Слав. свв., изд. Археогр. Ком., ч. I. СПБ. 1868 г., стр. 72, 73).

Владиміръ, сынъ Діонисія, иконописецъ второй половины XV столѣтія. См. Вассіанъ.

Воробьевъ Ѳедоръ, Савинъ сынъ, иконописецъ оружейной канцеляріи. Въ 1722 году 2 іюля онъ вѣнчался въ церкви Воскресенія Христова, что на Васильевскомъ островѣ (въ С. Петербургѣ), съ дочерью подьячаго государственной коллегіи Добавочной конторы Ивана Трифонова, дѣвкою Прасковьею (Метрич. кн. Спб. дух. конс. № 1). Иконописныя работы Воробьева, относящіяся къ 1729 году, находятся въ С. Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ.

Сав.

Воръ, ворóкъ. Этимъ именемъ въ старое время означалась ограда изъ жердей. Въ сказаніи о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба 1115 г. выражено такъ: «Взяша раку Борисову, и въставиша и на возила, и поволокоша ужи князи и бояре».... Духовенство шло впереди; «а княземъ за ракою идущимъ межи вóромъ; и не бѣ лзѣ везти отъ множества народа, поламляху вóръ» (Ипат. 6). Значитъ, несли въ то время вокругъ святыни и знатныхъ лицъ огорожу изъ жердей, чтобы защитить ихъ отъ сильнаго стеченія и давки народа. Слово ворóкъ доселѣ употребляется въ Тамбовской и Орловской губ. въ значеніи древняго названія забоя, подъ которымъ разумѣется загонъ или мѣсто обнесенное тонкими бревешками, куда загоняютъ скотъ. Въ народномъ языкѣ сл. заворъ значитъ то же что̀ заборъ, тынъ. По крайней мѣрѣ такъ можно заключать изъ сопоставленія разныхъ заговоровъ (Изд. Геогр. Общ. I, 7 и др). То же нужно замѣтить и о словѣ проворы, подъ которымъ разумѣется огорожа полей, что̀ ясно видно изъ стиха о грѣшницѣ, которая каялась, между прочимъ, въ потравѣ чужаго хлѣба:

«Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ поляхъ душа много хаживала,
Проворы въ поляхъ порасклaдывала,
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повытравливала
И добрыхъ людей оголаживала».

Отъ корня сл. воръ происходятъ: затворъ, притворъ и т. п. Не одинаковыя ли слова: воръ и боръ?

Воры—загорожа изъ жердей. Въ 1407 г. Псковичи узнали, что Нѣмцы вошли въ ихъ область, «и усрѣтоша ихъ на броду у Выбута, а броды вси бяху затворены вóрами, и стояша поганіи ту 4 дни, и многажды хотяху пребрести рѣку—и не возмогоша» (2 Пск. 20). Слово: затворъ означаетъ ограду изъ досокъ, которая употреблялась при осадѣ крѣпостей; такъ Нѣмцы въ 1369 г. подступили подъ г. Изборскъ «со многимъ запасомъ замышленій своихъ, съ порокы великими, и съ грады и затворы» (I Пск. 213). Затворы иногда означаютъ торговыя лавки; въ 1175 г. Ярославъ «попрода весь Кіевъ, Латину и затворы и гость» (Лавр. 156). Какъ слово затворъ, такъ и заборъ употреблялись въ смыслѣ заставы, гдѣ собирались торговыя пошлины: «а проѣдетъ мытъ, а мытника у за-

боpу не будетъ, ино промыты нѣтъ» (А. Эксп. I, № 14, стр. 10; Собр. Гос. грам. II, №№ 11 и 12; Ист. Гос. Рос. V, пр. 349). Притворомъ называлась входная комната у церкви или у часовни (Лавр. 99—110; 3 Новг. 239). Сл. заборона значитъ то же что ограда крѣпости (П. С. Л., IV, 71 подъ 1375 г.). Слова: дворъ и ворота имѣютъ корнемъ сл. воръ.

Арист.

Градъ, садъ. κῆπος, отсюда градарь, садовникъ, κηπουρός. Село то же что поле, ἀγρός; «и той монастырь грады и селы (садами и полями) и златомъ богатѣе инѣхъ всѣхъ монастырей во Царьградѣ». Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія 116.

Гр. У.

Григорьевъ Өедоръ, Вологодскій изуграфъ второй половины XVII столѣтія. См. Сергіевы.

Даніилъ Черный, священноинокъ, спостникъ и учитель Андрея Рублева, по выраженію Іосифа Волоколамскаго, «чудный и пресловущій иконописецъ» своего времени. Какъ учитель, такъ и ученикъ имѣли благочестивый обычай «чювьственное око всегда възводити ко еже отъ вещныхъ вапов̂ъ, написанымъ образомъ Владыкы Христа и Пречистыя Его Матере и всѣхъ святыхъ, яко и на самый праздникъ Свѣтлаго Въскресенія на сѣдалищихъ сѣдяща и предъ собою имуща всечестныя и божественныя иконы, и на тѣхъ неуклонно зряща божественныя радости и свѣтлости исплъняху; и не точію на тый день тако творяху, но и въ прочая дни, егда живописательству не прилежаху» (Сказ. о Рус. и Слав. Свв., изд. Археогр. Ком., ч. I, стр. 258). Даніилъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Рублевымъ, росписывалъ въ Троицкомъ монастырѣ стѣны Троицкой церкви, устроенной надъ гробомъ преподобнаго Сергія (Историч. Опис. Святотр. Серг. лавры. М. 1857, стр. 14) и въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ—стѣны Спасской церкви (Ист. Рос. Іер. VI, 192).

Діонисій Глушицкій, по словамъ житія его, «имяше художество живописца—писаше иконы, и млатобійца бяше, и спириды (одежды) дѣлаше». Онъ возобновилъ опустѣвшій монастырь на Святой-Лукѣ, построивъ здѣсь церковь во имя Николая Чудотворца; основалъ монастыри: Покровскій на Глушицѣ, Іоаннопредтеченскій на Сосновцѣ и Леонтія Ростовскаго на Глушицѣ же; церкви: Воскресенія Христова, въ 18-ти верстахъ къ югу отъ Покровскаго монастыря, внизъ по р. Глушицѣ, и Николая Чудотворца на р. Двиницѣ. Всѣ строенные имъ монастыри и церкви были украшены иконами его работы, отличительный пошибъ которой сохранилъ всѣ черты письма Андрея Рублева—чрезвычайно строгій рисунокъ. Еще въ недавнее время при гробницѣ Діонисія (въ Сосновскомъ монастырѣ) находилось нѣсколько рѣзныхъ образовъ, рѣзанныхъ самимъ преподобнымъ

(Ист. Рос. Іер. III, 703); изъ нихъ теперь хранится въ ризницѣ монастырской только одинъ образъ «Одигитріи», хорошаго искусства (Рус. Ѳив. на сѣв. СПБ. 1855, стр. 126). Преподобный Діонисій скончался 1 іюня 1437 года. Изъ написанныхъ имъ образовъ доселѣ извѣстны: 1) «Деисусъ», принесенный въ даръ Спасо-Каменному монастырю углицкимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ, сыномъ Великаго князя Василья Васильевича Темнаго (Ист. Рос. Іер. IV, 336); 2) «изображеніе Серафима» — въ Сосновскомъ Глушицкомъ монастырѣ (тамъ же III, 703); 3) «образъ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго», написанный еще при жизни чудотворца Кирилла, въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ (Описн. кн. Кирил. мон. 1668 г. ркп. л. 11—13; см. Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I, переч. засѣд. за 1851 г., стр. 39—41); 4) «образъ Успенія Пресвятой Богородицы» — въ томъ же монастырѣ (Описн. кн. Кирил. мон., ркп. л. 102 и слѣд.); 5) «образъ преподобнаго Димитрія Прилуцкаго» — въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ (Акт. Археогр. Эксп. II, № 99); 6) «образъ Успенія Пресвятой Богородицы» — въ Семигородной пустыни (Ист. Рос. Іер. VI, 83); 7) «образъ Іоанна Предтечи въ дѣяніи» — въ Илатовской Іоаннопредтеченской церкви (Опис. Семигор. Усп. пуст., изд. 2, Вологда, 1870, стр. 4 и 5).

Діонисій, «изящный и хитрый въ Русской землѣ иконописецъ, паче же рещи живописецъ» второй половины XV столѣтія. См. Вассіанъ.

Сав.

Дно, церковный помостъ. Сахаровъ, Сказанія Рус. народа, т. II кн. VIII, стр. 52: «ровно со дномъ рекше помостомъ церковнымъ». Арх. Антоній: «бываетъ же тогда плачь и умиленіе и смиреніе велико отъ всего народа не токмо днѣ во св. Софіи, но и на палатахъ». Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія.

Гр. У.

Досиѳей, племянникъ Іосифа Волоколамскаго, иконописецъ второй половины XV столѣтія. См. Вассіанъ.

Сав.

Зегаръ. Слово Zegar — съ польскаго языка, означаетъ часы; оно принесено южнорусскими учеными въ Москву и ими почти исключительно употреблялось. По смерти Епифанія Славинецкаго 1676 г., между его вещами отмѣченъ «зегаръ малый, въ сребрѣ оправленный, со ланцушкомъ сребренымъ же, цѣною двадесять рублевъ». Это означаетъ, что карманные часы съ серебряной цѣпочкой стоили 20 руб., или на наши деньги около 50 руб. (Чт. Общ. Ист. и Древ. 1846 г. № IV. Смѣсь 72).

Аристъ.

Иванъ, «церковный росписникъ» XIV столѣтія. Въ Новогородскій пожаръ 14 іюня 1385 года онъ сгорѣлъ въ Павловѣ монастырѣ (Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 92). Работы его неизвѣстны.

Игнатій, старецъ Симонова монастыря, подвизавшійся здѣсь съ св. Іоною, «иже тогда бяше младъ, послѣди же бысть митрополитъ» московскій; иконникъ первой половины XV столѣтія (Сказ. о Рус. и Слав. Свв., изд. Археогр. Ком., ч. I, стр. 246; Степ. кн. II. И. Г. Р. V, прим. 292).

Исаакій, Гречанинъ, по повелѣнію новгородскаго архіепископа Василія, въ 1338 году расписывалъ каменную Входоіерусалимскую церковь, построенную этимъ владыкою въ Новгородѣ, на томъ мѣстѣ, «гдѣ теремецъ былъ» (Слов. историч. о свв. СПБ. 1862, стр. 48; сл. Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, 77 и 78).

Іоаннъ, Вологодскій иконописецъ второй половины XVII столѣтія. См. Борисъ.

Сав.

Калики, καλίκιοι, σανδάλια, calcei, caligae, башмаки, обувь, «и срачица Господня, платъ телный, и лентій и калиги Господня». Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія 96.

Гр. У.

Карповъ Семенъ, Вологодскій изуграфъ второй половины XVII столѣтія. См. Сергіевы.

Сав.

Катапезма или катапетазма; этими словами арх. Антоній называетъ и надпрестольную сѣнь, κιβώριον, и завѣсу, παραπέτασμα, βῆλον, употребляя впрочемъ и это послѣднее названіе. Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія, стр. 73.

Керемида, κεραμίς, глина, черепица, также сосудъ глиняный, корчага: «и керемидѣ двѣ». Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія, 89.

Гр. У.

Кипріанъ, иконописецъ первой половины XVI столѣтія. Въ Сборникѣ, принадлежавшемъ Е. В. Трехлѣтову, находится слѣдующая запись: «Въ монастырской вотчинѣ, въ Ильинской пустынѣ, въ храмѣ святаго пророка Иліи, назади образа ево подписано сице: А ся икона написана мѣсяца июня лѣта 7037 г., поставленіе Симеона старца; а писалъ Киприянъ иконникъ, при великомъ князе Василие Івановиче, при епископе Алексѣе Великопермскомъ и Вологодцкомъ».

Клюсовъ Иванъ Ильинъ, Тотемскій иконописецъ второй половины XVII столѣтія. Въ 1699 году онъ написалъ крестъ въ часовню Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря, какъ значится въ надписи на этомъ крестѣ: «Лѣта 7207 июля в' 18. построенъ сей крестъ в' часовню Спаса-Суморина монастыря, при архимандрите Іоне с' братіею, а писалъ сей крестъ Тотменинъ иконописецъ Ивашко Ильинъ сынъ Клюсовъ».

Сав.

Колода, колодка, колодица. Колодой назывался толстый отрубокъ дерева, колодье; этимъ же именемъ называлось ходячее орудіе, назначаемое для пресѣченія побѣга преступникамъ. Оно употреблялось до послѣдняго времени въ самомъ грубомъ и первоначальномъ видѣ. Обыкновенно брали толстое бревно, раскалывали его клиньями пополамъ, вырубали двѣ небольшія выемки въ обѣихъ половинахъ для помѣщенія ногъ, такъ чтобы нельзя было вытащить лапы. Вложивъ ноги преступника, дерево соединяли, потомъ просверливали дыры по обоимъ концамъ и наглухо заколачивали клиньями, а въ усовершенствованномъ видѣ—оба конца запирали замками, иногда же просто скручивали концы веревками. У Татаръ въ древнее время колода надѣвалась и на руки и на шею; такъ они держали Вел. кн. Михаила Ярославича Тверскаго 1318 г. «Въ недѣлю повелѣніемъ беззаконныхъ възложиша колоду велику отъ тяжка древа на выю святому... И егда беззаконніи стражи въ нощи забиваахy въ той же колодѣ святѣи руцѣ его; но никако озлобляемъ, пояше Псалтырь непрестанно... И рече окаянный Кавгадый: поддержите ему древа сего, да не отягчаютъ ему плеща, и тако единъ отъ предстоящихъ за нимъ подъимъ держаше древо» (П. С. Лѣт. V, 210—12). Подобнымъ же образомъ устроивались колодочки для содержанія ловчихъ птицъ; въ Словѣ о Задонщинѣ говорится: «Уже бѣлозерстіи соколы и ястреба хваруются (порываются) отъ златыхъ колодицъ изъ камена града Москвы» (Временникъ XIV).—Отъ слова колода происходитъ названіе колодникъ въ смыслѣ арестанта, а также и въ значеніи плѣнника (Ипат. подъ 1170 и 1256 г.). Балтійскіе Славяне держали своихъ плѣнныхъ въ колодкахъ и въ погребахъ (Житіе Оттона, начала XII в.) Словомъ колода иногда означался лафетъ или ложа пушки; такъ въ 1463 г. при осадѣ Новаго Городка Нѣмецкаго (Нейгаузена), Псковичи «пустиша большою пушкою на городокъ, и колода вся изломалася, и желѣза около разорвашася, а пущича вся цѣла» (Псковск. лѣт.). Употреблялось это слово и въ значеніи заставы или шлагбаума; по мирному договору со Псковомъ Юрьевцы обязались «во Псковъ корчмы не возити, ни торговати, ни колоды у костра не держати» (Пск. лѣт. подъ 1474 г.).

Арист.

Ксилолой. ξυλαλόη, ἀγάλλοχον, lignum aloës, алойное дерево, алой. «И егда внидетъ царь во церковь ту, тогда понесутъ подъ исподъ много ксилолоя, темьяна и кладутъ на угліе и исходитъ воня проходы тѣми во церковь на воздухъ». Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія 93—94.

Гр. У.

Куть, куть, кутница, лавка, лава,—мѣсто или лавка для сидѣнія подъ краснымъ окномъ дочерей хозяина. Это названіе и теперь еще сохранилось у крестьянъ во многихъ мѣстахъ Россіи. Въ то время, когда невѣстѣ

расплетаютъ косу, она садится подъ окномъ или становится между окномъ и печью и начинаетъ съ плачемъ причитывать:

Я кого вскричу, кого взгаркаю
Къ себѣ въ куть, да на навѣсу?
Ужъ я вскричу, ужъ я взгаркаю
Мою родимую матушку:
Ты приди моя родимая матушка
Ко мнѣ въ куть, да на навѣсу!

Приходитъ мать и начинаетъ расплетать косу, подруги невѣсты ей помогаютъ. Только тамъ не упоминается о кутѣ, если коса расплетается свахой или же невѣста сирота.

Кутней называлась восточная шелковая ткань: кизылбашская, бухарская, индійская, вавилонская и турская; какія это были ткани—подробности намъ неизвѣстны, и мы должны отыскивать указанія лишь въ описяхъ имуществъ (Зап. для обоз. рус., древ. изд. Имп. Арх. Общ. 70—71).

Въ древнемъ Псковѣ была даже башня кутная, кутня, какъ это можно видѣть изъ псковскихъ лѣтописей (Пол. соб. Рус. Лѣт. т. IV и V; Карамз. Ист. Госуд. Рос. V, пр. 254, 386; VI, пр. 629). Откуда же произошло названіе? Не отъ того ли, что въ башнѣ было большое красное окно, а подъ окномъ лавка для сидѣнія, или же близь этой башни (и она была въ кремлѣ) продавались шелковыя ткани—кутни, конечно узорчатыя, или же сама башня была снаружи украшена узорчатыми карнизами или прилѣпами, или же башня была узорчата, раскрашена разными колерами? За неимѣніемъ никакихъ данныхъ о башнѣ кутной въ древнемъ Псковскомъ кремлѣ, почему она такъ называлась, и какая это была башня, намъ остаются одни предположенія.

Р. Игн.

Маковъ Гавріилъ Дмитріевъ, зодчій, Тверитянинъ; построилъ въ 1567 г. каменную церковь въ Свинскомъ или Свѣнскомъ Успенскомъ монастырѣ въ Орловской губерніи, близь г. Брянска (Матеріалы для Статист., стр. 180). Въ Памятной книжкѣ Тверской губ. за 1862 г. (стр. 110) предполагается, что тотъ же Маковъ выстроилъ въ Твери въ 1564 году церковь Троицкую, что за Тьмакою.

Малый алтарь. Въ Паломникѣ новгородскаго архіепископа Антонія малымъ алтаремъ называется діаконикъ или сосудохранительница (διακονικόν, σκευοφυλάκιον). Савваитовъ, стр. 56.

Гр. У.

Меркурій, протопопъ московскаго Благовѣщенскаго собора, духовникъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и кажется царевны Софіи Алексѣевны.

Протопопъ Меркурій 27 января 1689 года вѣнчалъ ц. Петра Алексѣевича съ Авдотьею Θеодоровной Лопухиной (Древ. Рус. Вивл. XI, ст. 194); во время послѣдняго стрѣлецкаго бунта царевна Софія посылала протопопа Меркурія къ Петру въ Троицкую Сергіевскую Лавру, чтобы онъ склонилъ Петра къ миру съ ней. Но Меркурій, прибывъ въ Лавру, остался при царѣ. (Устр. Ист. Петра В., т. II, стр. 16). Вотъ все, что мы знаемъ о духовникѣ Петра Великаго; въ археологическомъ же отношеніи прот. Меркурій оставилъ по себѣ отчасти память дарами въ церковь св. Великомученика Димитрія въ Новгородѣ, что даетъ поводъ думать—не былъ ли Меркурій уроженцемъ Новгорода и даже священникомъ и нынѣ существующей тамъ церкви св. Великомуч. Димитрія въ Славнѣ. Церковь эта построена въ 1380 году въ честь ангела в. к. Димитрія Донскаго. Въ Дмитріевской церкви хранятся дары прот. Меркурія: блюдо, сосуды, ковчегъ и кадило серебряныя съ вычеканенными надписами: ҂ЗРЛ года мая въ днь сие блюдо (или сей потиръ дискосъ и т. д) далъ въ церковь св. Великомученика Димитрія въ Славнѣ, что въ великомъ Новгородѣ, ихъ царскихъ Величествъ духовникъ, большаго Благовѣщенскаго собора, что на сѣнехъ, въ великомъ царствующемъ градѣ Москвѣ, протопопъ Меркурій». У Меркурія былъ сынъ Яковъ, сначала ключарь Московскаго Успенскаго собора, потомъ монахъ бывшаго Спасо-Суморина Коломенскаго монастыря подъ именемъ Іоны. О. Іона пожертвовалъ сюда двѣ книги: Тріодь постную и Псалтирь слѣдованную въ листъ, московской печати 1693 года, подписавъ на оборотѣ 1 листа собственноручно такъ: «Лѣта ҂ЗСАІ Января въ Ї днь далъ двѣ книги сию Тріодь да Псалтирь совослѣдованный с Москвы большаго Успенскаго собора ключарь Іяковъ во иноцѣхъ иеромонахъ Іона по себѣ и по своихъ умершихъ родителехъ». Въ другой строкѣ: «помяни Господи рабъ своихъ протопопа Меркурія», и затѣмъ слѣдуетъ рядъ мужскихъ и женскихъ именъ; всѣ они наиболѣе священники, монахи и монахини, на полѣ же надписано: «рода протопопа Меркурія, ихъ царскихъ Величествъ духовника». Обѣ эти книги съ таковыми подписями хранятся въ уфимскомъ Успенскомъ мужескомѣ монастырѣ, куда по указу императора Павла I въ 1799 году передана утварь уничтоженнаго коломенскаго Спасо-Суморина монастыря.

Р. Игн.

Одежды русскихъ женщинъ. 1) Опашенъ—женская одежда, съ пуговицами отъ верху до низу; она дѣлалась преимущественно изъ сукна яркихъ цвѣтовъ; рукава этого убора были длинные, доходили до пятъ; пониже плеча дѣлались прорѣзы, черезъ которые продѣвались руки, остальная же часть рукава висѣла. Вокругъ шеи былъ на опашнѣ воротникъ, обыкновенно бобровый, который покрывалъ грудь, плечи и спину; по подолу этотъ уборъ окаймлялся другою матеріей, вышиваемой узорами, шелкомъ и золотомъ (Olear. 183, Carlis 333).

2) Тѣлогрѣй—женская одежда, имѣющая мало разницы въ покроѣ отъ опашня: въ плечахъ она дѣлалась уже, а въ подолѣ шире; рукава были въ немъ длинные и спереди разрѣзъ, который застегивался пуговицами. Тѣлогрѣй украшался золотымъ шитьемъ и окаймлялся металлическимъ кружевомъ. Зимніе тѣлогрѣи. подбивались куницами и соболями (Достоп. Кремля. Оп. Шуи. Olear.).

3) Лѣтникъ—тоже женская одежда, съ длинными и широкими рукавами, которые вышивались жемчугомъ и золотомъ, накапками. Подолъ обшивался другою матеріею, золотой тесмою, снуркомъ или бахрамой; спереди дѣлался разрѣзъ, который застегивался до самой шеи пуговками; около шеи онъ плотно сходился шейнымъ ожереліемъ, тесмою, наиболѣе чернаго цвѣта, украшенной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Это шейное ожереліе пристегивалось къ лѣтнику пуговицами. Зимой лѣтники подбивались мѣхомъ и назывались кортелями (Olear. Доп. къ Акт. Ист. Оп. Шуи. Carlis).

4) Вошвы—вшитыя мѣста изъ другихъ матерій на одеждахъ; онѣ украшались разными изображеніями: фигуръ, травъ, звѣрей, и накладывались вдоль разрѣзовъ тѣлогрѣи и лѣтниковъ.

5) Приволока, или подволока—мантія изъ шелковой матеріи (*), носимая женщинами поверхъ одежды: она украшалась золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; цвѣта была наиболѣе червчатаго или бѣлаго. Подволоки надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ.

Д. Сонц.

Оскѣпъ или проскѣпъ. Въ Суздальской лѣтописи, въ повѣствованіи объ усмиреніи Ростовской области (1071 года) Яномъ, сыномъ Вышаты, сказано, что Янъ велѣлъ бить волхвовъ: «и потергати брадѣ ею. Сима же «тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ» (П. С. Л. I, стр. 76). 1123 г. «поѣха Ярославъ (Святополчичь) преѣхати отъ города (Володимеръ «Волынскій), и бывшу ему въ увозѣ, идѣже Ляха та ловяшета его, съсу«нувшася въ увозъ пободоста и оскепомъ, и едва умьчаша еле жива суща, и на ночь умре» (П. С. Л. II, 9). 1231 г.: «сулици его кровави сущи «и оскепещю изсѣчену отъ ударенья мечеваго»; Погодинъ (Замѣч. и Изслѣд. VII, стр. 248) полагаетъ, что сулица тоже, что оскѣпъ; но сулицею невозможно было бы убить Ярослава; употребленъ глаголъ: пободать, слѣдовательно Ярослава проткнули острымъ орудіемъ.

Гр. У.

Ослопъ—палка толстая и длинная, деревянная или желѣзная, которая употреблялась въ судебныхъ поединкахъ или полѣ, по опредѣленію суда,

(*) Преимущественно изъ болѣе легкихъ матерій.

въ случаѣ личныхъ обидъ, какъ это можно видѣть изъ Судебника (см. Судеб. изд. Строев. стр. 14). Въ концѣ XVI вѣка судебныхъ поединковъ кажется уже не было; въ народѣ же осталась и теперь пословица, говорящая противъ судебныхъ поединковъ, въ которыхъ древняя Русь видѣла судъ Божій; народъ говоритъ: «Ослопъ не Господь, ослопина не судобина». Слово ослопъ—палка или дубина—считается браннымъ.

Ослопная свѣча означаетъ церковную свѣчу, не поставляемую въ подсвѣчникъ, но выносимую въ рукахъ во время выходовъ большаго и малаго и чтенія Евангелія на литургіи, и во время кажденій дьякономъ на всенощномъ бдѣніи. Ослопною называлась она потому, что имѣетъ подобіе палки и къ тому несравненно тоньше мѣстной свѣчи. Въ древней Русской Вивліоѳикѣ, при описаніи церковныхъ празднествъ и крестныхъ ходовъ (при описаніи послѣднихъ часто), встрѣчается выраженіе: ослопныя свѣчи. И теперь еще въ крестныхъ ходахъ, отправляемыхъ изъ московскаго большаго Успенскаго собора, носятся дьяконами двѣ свѣчи въ рукахъ безъ подсвѣчниковъ, и притомъ витыя и изъ желтаго воска; по всему вѣроятію, это-то и есть упоминаемыя въ описаніи древнихъ крестныхъ ходовъ «ослопныя свѣчи».

Р. Игн.

Паисій, старецъ, «изящный и хитрый въ Русской землѣ иконописецъ, паче же рещи живописецъ» второй половины XV столѣтія, вмѣстѣ съ другими иконописцами расписывалъ каменную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, построенную преподобнымъ Іосифомъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. См. Вассіанъ.

Сав.

Пермь и Пермская губернія. Библіографія.

Pallas. Neue nordische Beitrage (съ 1781 до 1793 года).

D. Johann Georg Gmelius. Reise durch Sibirien 1752. Геттингенъ. 4 тома. О Пермскомъ краѣ въ I (стр. 103—125) и въ IV (стр. 245—574) описаніе Долматовскаго монастыря и Пыскорскаго монастыря, Екатеринбурга и окрестностей.

Палласъ. P. S. Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des russichen Reiches 1771—1776 г. Три тома въ пяти частяхъ; русскій переводъ Ѳ. Туманскаго и В. Зуева, въ С.Петербургѣ, 1773—1778 г. Свѣдѣнія о Пермской губерніи заключаются преимущественно въ I книгѣ 2-й части; приложена карта Пермской и Оренбургской губерніи.

Рычковъ. Журналъ или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. 2 части, СПБ. 1770—1772 г. Съ особенными подробностями описываются чудскія городища, нѣсколько рисунковъ которыхъ приложено къ книгѣ.

Н. С. Поповъ. Хозяйственное описаніе Пермской губерніи. СПБ. 1811—1813 г. 3 части.

Его же: Замѣчанія о Пермской губерніи въ Казанскихъ Извѣстіяхъ профессора Кондырева съ 1811 по 1821 годъ.

1812 г. Изъ Перми, Попова. О Древностяхъ Пермской губерніи.

" " " " Историческія свѣдѣнія о Долматовѣ и статистическія данныя.

Казанскія Извѣстія. 1811—1821 г. Профессора Кондырева.

1812 г., № 23. Изъ Верхотурья. О церковныхъ достопамятностяхъ въ верхотурскомъ Троицкомъ соборѣ.

1813 г. № 13. Историческое извѣстіе о городѣ Екатеринбургѣ.

1816 г. № 19. Суворова, Описаніе Кунгурской пещеры.

В. Н. Берхъ Письмо къ одному знаменитому любителю русской исторіи о слѣдахъ русскихъ древностей въ Пермской губерніи. Сынъ Отечества, 1819 г. № 18. Написано, вѣроятно, къ графу Румянцову о городѣ Соликамскѣ, о прежнемъ его состояніи, о постепенномъ его упадкѣ, о Чердынѣ, волости Бондюжской и Ныробской, чудскомъ городищѣ близь Чердыни, Уралѣ.

Его же: Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія древностей. 1821 г. СПБ.

Erdmann, D-r J. Fr. Beiträge zur Kenntniss des Jnnern von Rüssland. 3 B. 1 B. Dorpat, 1822; 2 u. 3 B. Leipzig, 1825—1826 г.

Статистическое описаніе Пермской губерніи, въ журналѣ М. Гаврилова 1825 г., ноябрь (Историческій, статистическій и географическій журналъ). Статья въ 1824 году представлена Александру I при его посѣщеніи Перми; стр. 98 о камняхъ.

A. Rh. Kupffer. Voyage dans l' Oural entrepris en 1828. Paris 1833, avec atlas.

Ermann Adolph, Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828—1829 und 1830. Berlin 1833, 1835 и 1838. О Пермской губерніи въ 1 части.

Въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ съ 1839 года:

1855 г., № 28. Нѣсколько словъ о древностяхъ, находимыхъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ округѣ Нижнетагильскихъ заводовъ Иродіона Рябова. Къ этой статьѣ рукописный атласъ, въ листъ, изъ 12 таблицъ, отмѣченъ рукою Иродіона Рябова 1838 г. Февраля 19-го, въ библіотекѣ П. И. Лерхе. Атласъ посвященъ Вас. Егор. Раеву.

1858 г., №№ 3—14. Описаніе мужескаго Долматовскаго Успенскаго монастыря и бывшаго къ нему приписнымъ женскаго Введенскаго монастыря.

1841 г., №№ 1—3, 7. Очеркъ исторіи Пермскаго края.

1846 г., № 3, 7. Біармія—Пермь. Древнѣйшія времена, и подъ властію Новгородцевъ.

1856 г., № 11. Путевыя замѣтки отъ Каменскаго завода до Перми, составленныя въ 1853 году. Зырянова.

1857 г., №№ 23—25. Матеріалы для исторіи Пермскаго края.

1856 г. № 5—8 } Священника Александра Луканина, Городъ Соликамскъ
1858 г. №40—49 } въ историческомъ и археолог[illegible]

1855 г., № 47—51, 1856 г., № 1—4. А. Теплоухова, Лѣсохозяйственное описаніе Чердынскаго уѣзда.

Zirrener. Beschreibung des Gouvernem. Perm. Leipzig, 1861 г.

Мельниковъ. Отечественныя Записки 1841 г., томъ XVIII, смѣсь, стр. 63—66.

Савельевъ. О Пермской губерніи въ археологическомъ отношеніи. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1852 г., кн. 7.

Савельевъ. Мухамеданская Нумизматика.

Матеріалы для статистики Россійской Имперіи. 1841 г., 2 кн.

Вѣстникъ Имп. Рос. Географическаго Общества 1853 г., кн. V. Записка о городѣ Шадринскѣ.

Древняя Россійская Идрографія, стр. 157.

Г. И. Спасскій. Книга Большаго Чертежа.

Фишеръ. Исторія Сибири, стр. 120.

Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири, 1846 г.

Описаніе мужскаго Долматовскаго Успенскаго монастыря и бывшаго приписнымъ къ нему женскаго Введенскаго монастыря. Пермь, 1858 г. (вѣроятно отдѣльный оттискъ изъ губ. вѣдомостей того же года).

Н. Самойловъ. Историческое описаніе Долматовскаго Успенскаго мужскаго монастыря, состоящаго въ Пермской губерніи. М. 1830 г., 12.

Записки С. Петерб. Археологическаго Общества, Т. III.

Макарій. Памятники древности въ Пермской губерніи (въ Запискахъ). I укрѣпленія, II городища, III горы, камни и пещеры, IV мѣста побоищъ, V находки вещами.

Описаніе серебрянаго сосуда, найденнаго въ 1846 г. близь Камы, въ селеніи гр. Строгонова, вмѣстѣ съ сассанидскими монетами V и VI вѣка. Bulletin histor. phylolog. de l' Academie, t. IV, № 11, p. 161—163.

Спасскій. Сибирскій Вѣстникъ.

Пермскій сборникъ. Повременное изданіе. Книжка первая. М. 1859 г.

1. Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края, А. Крупенина.

113. Преданіе объ Улугуйской крѣпости. Зырянова, съ планомъ.

116. Деревня Соликамскаго края въ XVI в. Свящ. И. Словцова.

124. Сапца и позмогъ. Свящ. И. Словцова.

130. Замѣтка о курганахъ въ Шадринскомъ уѣздѣ. А. Зырянова.

132. Замѣтка о пермскихъ древностяхъ. С. Ешевскаго, съ 4 таблицами.

Смѣсь: 1. Очеркъ югозападной половины Шадринскаго уѣзда. Свящ. Тихона Успенскаго.

Книжка вторая. М. 1860 г.

35. Пермскія древности въ Лазаревскомъ институтѣ, съ 3 табл. С. Ешевскаго.

[illegible] серебряная чаша. S.

Отд. II. 1. Матеріалы для описанія быта Пермяковъ. Рогова.

Отд. IV. 1. Отъ Чердыня до Ныроба (съ 5 рисунками). Изъ путевыхъ замѣтокъ Вагнера.

21. Мурзинская гора и окопы на ней. А. Зырянова.

Въ приложеніи три Указателя статей о Перми.

Гр. У.

Петровъ Тимоѳей, Вологодскій изуграфъ второй половины XVII столѣтія. См. Сергіевы.

Сав.

Пещера Пр. Ѳеодосія Печерскаго. Извѣстно, что правая сторона отъ г. Кіева, по теченію р. Днѣпра, чрезвычайно возвышенна и гориста. Впрочемъ хребетъ этихъ горъ отъ Кіева до м. Триполья, продолжающійся верстъ на 50, расположенъ не у самаго русла рѣки. Отъ Кіева до названнаго мѣстечка, по теченію этой рѣки, раскинута ровная песчаная плоскость, усѣянная вѣковыми и молодыми соснами и разными другими лѣсными деревьями. Гористый хребетъ вдался вправо и находится на разстояніи отъ рѣки на 1, 2, 3 и болѣе верстъ. Онъ имѣетъ красивый видъ и весь усаженъ рукою природы разнымъ лѣснымъ, то возвышеннымъ, то мелкимъ, деревомъ. Между сосновымъ лѣсомъ и хребтомъ горъ пролегаетъ широкое, топкое болото, на которомъ индѣ ростетъ лѣсное густое дерево, а индѣ собирается въ обиліи (въ сухое лѣто) сѣно. Но подъ горою, между деревьями, пролегаетъ дорога, ведущая изъ города Кіева въ разныя села и деревни, выгодно расположенныя на перешейкѣ горъ, раздѣленныхъ утесами и изгибами ихъ. Всѣ эти мѣста, какъ-то: лѣса и болота, села и деревни состоятъ въ настоящее время подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ Палаты государственныхъ имуществъ. Между ними, впрочемъ, значительная часть земли и лѣса принадлежитъ, какъ и въ прежнее время, владѣнію Кіево-Печерской лавры, Братскаго и Флоровскаго (дѣвичьяго) монастырей. Въ давнія времена, говорятъ, самыя села этихъ земель и жители ихъ были во владѣніи монастырей; нѣкоторыя изъ нихъ обязаны даже своимъ началомъ настоятелямъ тѣхъ монастырей. Такъ село Ѳеодосовка, отстоящее отъ Печерской части г. Кіева въ 15 верстахъ, по преданію, основано преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ, отъ имени коего и получило свое названіе. Старожилы увѣряютъ, что на мѣстѣ этого села находилось хозяйство Кіево-Печерской Лавры, коей начальникомъ въ свое время былъ преп. Ѳеодосій. Сей преподобный Печерскій, для посѣщенія хозяйства основанной имъ обители, проходилъ тѣми лѣсами и дебрями, въ густотѣ коихъ лежитъ и теперь путь изъ г. Кіева въ с. Ѳеодосовку, или просто Ходосовку.

По пути въ с. Ѳеодосовку, можно сказать,—на половинѣ пути отъ г. Кіева, есть урочище, называемое Гадюча. Эта лѣсная мѣстность въ на-

стоящее время принадлежитъ Кіево-Братскому мужескому монастырю. Здѣсь, въ ущеліи хребта Днѣпровскихъ горъ, есть источникъ, который почти незамѣтенъ. При немъ устроена насыпная, усаженная вербами, плотина, удерживающая воду въ одинаковомъ положеніи. Ниже его, у самой дороги, монастырскій огородъ съ немногими плодовитыми деревьями; выше его, на равнинѣ, достопримѣчательная монастырская пасѣка; на лѣвой сторонѣ, смотря на востокъ,—два пчельника, въ коихъ складываютъ пасѣку на зиму. Выше этихъ пчельниковъ есть пещера, основаніе коей, по преданію, принадлежитъ преп. Ѳеодосію Печерскому. Пещера эта, при входѣ, слишкомъ узка, низка и тѣсна. Входъ въ нее началъ уже обрушиваться; но внутри она совершенно цѣла и крѣпка. Внутренность ея просторна, длинна и имѣетъ нѣсколько поворотовъ, въ коихъ видны мѣста, съ одной стороны какъ бы для молитвы, а съ другой для отдохновенія. Есть въ ней мѣста и для поставки гробовъ или усыпальницъ. Въ ней находится одинъ только обветшалый образъ, стоящій въ ископанномъ какъ бы нарочито мѣстѣ. Въ минувшее время пещера была поддерживаема заботливостію ректора Духовной Академіи и настоятеля Братскаго монастыря архимандрита Иннокентія; послѣ его она остается какъ бы въ забвеніи. Въ настоящее время посѣщаютъ ее очень немногіе богомольцы и поклонники кіевскихъ пещеръ. Дорожный путь, ведущій мимо ея въ г. Кіевъ, самый малый и неудобный; по немъ ѣздятъ и ходятъ жители здѣшнихъ только селъ и деревень. Прохожихъ немного, а заходящихъ въ эту пещеру еще менѣе. Во время управленія Братскимъ монастыремъ архимандрита Иннокентія она привлекала къ себѣ довольно поклонниковъ, нарочито пріѣзжавшихъ или приходившихъ изъ г. Кіева и другихъ мѣстъ, кто изъ любопытства, а кто по памяти и уваженію къ тому мѣсту, гдѣ уединялся и молился пр. Ѳеодосій.

Замѣчательна же эта пещера собственно тѣмъ, что пр. Ѳеодосій, будучи начальникомъ Кіево-Печерской обители, посѣщая мѣста, принадлежащія сей обители, самъ ископалъ, какъ увѣряетъ преданіе, эту пещеру, приходилъ и уединенно въ ней молился. Послѣ его приходили и молились въ ней иноки разныхъ обителей. Это можно видѣть и теперь изъ нѣкоторыхъ надписей на стѣнахъ этой пещеры, въ коихъ означено время и мѣсто стоянія и моленія такого-то инока, монаха, мірянина и т. п. Надписи эти темны и неразборчивы; но нѣкоторыя изъ нихъ, по своему содержанію, не лишены интереса.

I. Антон.

Подголовокъ или подголовошникъ, сундучекъ съ покатой крышкой, какъ бываетъ у конторки, чтобы удобнѣе класть его подъ головы, подъ подушку, съ цѣлью предосторожности отъ похищенія. Онъ дѣлался изъ дерева, преимущественно дубоваго, обивался желѣзомъ и запирался на замокъ. Въ такихъ сундучкахъ хранили деньги, драгоцѣнныя вещи и до-

кументы. У богатыхъ и торговыхъ людей въ старинное время они встрѣчаются часто: въ наказной памяти 1639 г., по жалобѣ Англичанъ, при обыскѣ табаку на Вологдѣ, правительство желало знать: «у сундуковъ и у подголовшниковъ замки перепортили ли и печати порвали ли, русскіе дозорщики? (Акт. Юрид. стр. 369). Въ переписной книгѣ домовой казны патріарха Никона 1658 г. означено: «Подголовокъ дубовой, порозжей, обитъ желѣзомъ; подголовочекъ съ розными письмами, обитъ желѣзомъ» (Временн. кн. XV, отд. 2, стр. 114 и 115). Въ росписи келейной рухляди вологодскаго архіеп. Симона сказано: «400 рублевъ положены въ подголовке, да золотыхъ 700, въ томъ числѣ и двойные, положены в подголовке» (Лѣт. занятій Археогр. Ком. III, отд. 2, стр. 15). Такіе же подголовочные ящики мы видимъ въ употребленіи у аристократовъ XVIII столѣтія. Такъ въ описи отобранныхъ вещей 1728 г. у опальнаго князя А. Д. Меньшикова записанъ «подголовокъ дубовой, обитъ желѣзомъ бѣлымъ, а въ немъ: звѣзда алмазная ордена Св. Андрея» и проч. (Отеч. Зап. 1861 г. № 2. «Ссылка кн. Меньшикова», стр. 11).

Арист.

Пономаревъ Михайло Ивановъ, Вязниковскій посадскій человѣкъ, иконописецъ второй половины XVII столѣтія. Въ 1674 году онъ подрядился написать «самымъ добрымъ мастерскимъ письмомъ въ Суздальскій Покровскій дѣвичь монастырь въ соборную церковь поясъ мѣстныхъ иконъ: по правую сторону царскихъ дверей—образъ Спаса Вседержителя, сѣдяй на престолѣ, при главѣ Архангели; образъ Покрова Пречистыя Богородицы; образъ «Предста Царица», образъ Сошествія Святаго Духа; дверь южную съ сѣнью, а на дверяхъ написать Моvсея на горѣ Синайстей пріяща скрижали и Аарона держаща церковь, а на сѣни сіяніе лучами Божества изъ облака, во свѣтѣ голубь; а за южными дверьми—образъ преподобныя Евфросиніи Суждальской, а при немъ древа рябиновыя; а по лѣвую сторону царскихъ дверей—образъ Пречистыя Богородицы Одигитрія съ превѣчнымъ Младенцемъ, сѣдяй на престолѣ; образъ Происхожденія древъ Честнаго Креста; образъ Зачатія Святыя Анны, егда зачатъ святую Богородицу; образъ Іоанна и Ѳедора и Діонисія и Симона, Суждальскихъ чудотворцевъ; дверь сѣверную съ сѣнью, а на ней благоразумный разбойникъ, а на сѣни «Се Агнецъ Божій»; а за сѣверными дверьми—образъ преподобнаго Евфимія и преподобныя княгини Софіи, Суждальскихъ чудотворцевъ». Пономаревъ обязался «писать тѣ образы на своихъ деревьяхъ, своими красками и золотомъ и серебромъ, добрымъ мастерскимъ письмомъ; а у тѣхъ образовъ вѣнцы золотить двойнымъ золотомъ; а у ризъ зарукавьи и подольники и индѣ, гдѣ пригодится, писать по двойному жъ золоту; а въ ризахъ пробѣлы писать красками, какъ ведется; а лица писать вохрою доброю въ подобіе неединожды, а сурику ни въ которыхъ краскахъ не примѣшивать; а поля крыть вохрою жъ; а на деревцѣ по леквасу класть поволоки полот-

мяные на клею....А взяти ему за работу свою, по договору, за то иконное письмо и за золото и за серебро и за краски и за деревье—двадцать пять рублевъ» (Изв. Имп. Археолог. Общ. т. 1, СПБ. 1850. стр. 357—358).

Поповъ Василій Якимовъ; въ 1653 году написалъ образъ мученицы Параскевы въ Богородицерождественскую церковь Усть-Боровскаго села (въ Соликамскомъ уѣздѣ), какъ видно изъ слѣдующей надписи на этомъ образѣ: в҃ лѣто зрѯа҃ годꙋ построили сию ст҃ꙋю iконꙋ соликамско посацкие люди адрі ламионꙋ сн҃ сычевъ да рꙋси никифорꙋ сынъ. а писа василий якимовъ сн҃ поповъ.

Сав.

Потиръ (прибавленіе) святаго Өеодора Секіота, скончавшагося въ 3 годъ царствованія Иракліева (въ 613 году); хранился въ монастырѣ св. Георгія: «есть же ту и потырь его мраморянъ, ею же служилъ; и многа исцѣленія болнымъ отъ него бываютъ, піющимъ воду изъ потира». Въ житіи св. Өеодора (Чет. Минеи 22 Апрѣля) сказано о потирѣ: «бысть же потреба сосуда сребрянаго къ служенію божественныя литургія: ибо дотолѣ въ каменномъ мраморяномъ сосудѣ божественныя въ монастырѣ его совершахуся Тайны». Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія, стр. 131, пр. 175.

Прикупной «во прикупной рацѣ»—отъ купно, въ придѣльной, находящейся въ придѣлѣ, ἐν ἰδιαιτέρῳ παρεκκλεσίῳ. Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія 96.

Гр. У.

Псковъ. (Библіографическій указатель).

1) Историческое описаніе города Пскова и его древнихъ пригородовъ съ самаго ихъ основанія, заключающее въ себѣ многія достойныя любопытства происходимости, составленное изъ многихъ древнихъ лѣтописцевъ, надписей записокъ и Россійской Исторіи Николаемъ Ильинскимъ (въ шести частяхъ). Въ С.Петербургѣ, печатано въ типографіи Б. А. Гека, 1790 г.

2) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и. т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ. Издано Ө. Аделунгомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.Петербургъ. Печатано въ типографіи К. Крайя, 1827 года.

3) Исторія Княжества Псковскаго, съ присовокупленіемъ плана города Пскова (въ 4-хъ частяхъ). Кіевъ, въ типографіи Кіево-Печерской Лавры, 1831 года (сочиненіе митрополита Евгенія).

4) Указатель достопамятностей города Пскова, 1858 года, А. С. Князева.

5) Изслѣдованія времени основанія г. Пскова, Н. Иваницкаго. Псковъ, въ типографіи Губернскаго Правленія, 1856 года.

6) Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Соч. Н. Костомарова. С.Петербургъ, 1863 года.

7) Древнія укрѣпленія г. Пскова, историческое описаніе. Составилъ И. И. Василевъ.

8) Археологическія записки о Паганкиныхъ, К. Г. Евлентьева, дѣйствительнаго члена Псковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, члена сотрудника Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества и члена корреспондента Московскаго Археологическаго Общества. Псковъ, въ типографіи Губернскаго Правленія, 1870 года.

9) Военно-статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи, издаваемое по Высочайшему повелѣнію при 1-мъ отдѣленіи Департамента Генеральнаго Штаба, томъ III, часть 2-я. Псковская губернія. С. Петербургъ, въ типографіи Департамента Генеральнаго Штаба, 1852 года.

10) Разсказы изъ Русской Исторіи, соч. Ив. Бѣляева, книга 3-я. Исторія города Пскова и Псковской земли. Москва, 1867 г.

11) Краткое указаніе на Псковскія древности. Псковъ, въ типографіи Губернскаго Правленія, 1849 года.

12) Сборникъ чертежей Москвы, ея окрестностей и города Пскова XVII столѣтія (приложеніе ко II тому записокъ славяно-русскаго отдѣленія Археологическаго Общества). С.Петербургъ, въ типографіи J. Огризко, 1861 года.

13) Историческая достовѣрность сказанія Степенной книги о первоначальной святынѣ города Пскова, соч. профессора С.Петербургской семинаріи соборнаго іеромонаха Іосифа. С. Петербургъ, 1858 года.

14) Псковская лѣтопись, изданная на иждивеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, М. Погодинымъ. Москва, 1837 года.

15) Краткое историко-статистическое описаніе г. Пскова.

16) Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году. Издана по списку хранящемуся въ библіотекѣ князя М. С. Воронцова (Мурзакевичемъ). Одесса, 1847 года.

17) Изслѣдованіе Псковской судной грамоты 1467 года, Ѳ. Устрялова.

18) Систематическое изложеніе законовъ гражданскихъ, содержащихся въ Псковской судной грамотѣ. Разсужденіе И. Энгельмана. С.Петербургъ, 1855 года.

19) Псковъ (изъ XII книги Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1869 г.), сообщено Семевскимъ.

20) Исторія Пскова (862—1510), соч. князя Н. Н. Голицына (изъ Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. В. Калачевымъ, книга 5-я). С. Петербургъ, 1863 г. Неоконченное сочиненіе.

21) Исторія Государства Россійскаго, сочиненіе Н. М. Карамзина, изданіе пятое, въ трехъ книгахъ, заключающихъ въ себѣ двѣнадцать томовъ, съ полными примѣчаніями, украшенное портретомъ автора, гравированнымъ на стали въ Лондонѣ. Изданіе И. Эйнерлинга. С. Петербургъ, въ типографіи Эдуарда Праца, 1843 г. Печатано по Высочайшему повелѣнію.

22) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. Сергѣя Соловьева. Москва, 1857 года.

23) Псковскія Губернскія Вѣдомости за разные годы (съ 1838—1870 г.).

24) Повѣсть о прихожденіи Свѣйскаго кроля съ Нѣмцы подъ градъ Псковъ (изъ XII книги Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ (1869 г.): сообщено Семевскимъ).

25) Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII ст., составилъ К. Костомаровъ. Изданіе Николая Тиблена. С.Петербургъ, 1862 года.

26) Указатель статей, касающихся Псковской губерніи, помѣщенныхъ въ неофиціальной части Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за все время изданія ихъ, т. е. съ 1838 по 1869 годъ, составленъ К. Г. Евлентьевымъ.

27) Альбомъ акварельныхъ видовъ г. Пскова (не изданъ); составляетъ собственность вдовы Годовиковой.

28) Альбомъ литогравированныхъ видовъ замѣчательнѣйшихъ мѣстностей Псковской губерніи. Изданіе губернскаго землемѣра Иванова.

29) Псковскій Календарь на 1838 годъ (стѣнной) съ видомъ г. Пскова, его же.

30) Описаніе Іоанна-Предтечева Псковскаго монастыря.

31) Старо-Вознесенскій женскій монастырь въ г. Псковѣ, съ присовокупленіемъ статьи: «Игуменія Агнія». Издано въ пользу означеннаго монастыря (соч. князя Голицына). С.-Петербургъ, 1862 года.

32) Псковскій Спасо-Мирожскій третьеклассный монастырь, историко-статистическій обзоръ съ 1156 по 1868 г., составилъ И. И. Василевъ. Въ типографіи Губернскаго Правленія, 1868 года.

33) Историко-статистическое описаніе Псковскаго каѳедральнаго собора. Составлено инспекторомъ Псковской семинаріи Александромъ Князевымъ. Москва, въ типографіи Куликова и К-°, 1858 года.

34) Вѣра великой Праматери, украшенная благочестіемъ великаго Праправнука. Псковъ, въ типографіи Губернскаго Правленія (его же).

35) Въ прославленіе памяти Св. Благовѣрной великой княгини Ольги Россійской, А. Князева. Псковъ, 1868 года.

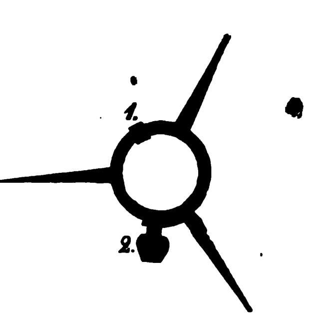
36) О крестныхъ ходахъ въ городѣ Псковѣ и его окрестностяхъ. Мѣстныя замѣтки соборнаго іеромонаха Іосифа. С.Петербургъ, 1858 года.

37) Святыни и древности Пскова, соч. графа М. Толстаго. Москва, въ Университетской типографіи, 1861 года.

38) Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіей, томъ четвертый. IV и V Новгородскія и Псковскія лѣтописи. С.Петербургъ, въ типографіи Эдуарда Праца, 1848 года.

К. Евл.

Рогатка, рогулька—старинное орудіе, которое употреблялось для наказанія или для пресѣченія побѣга преступникамъ. Въ одной разбойничей пѣсни воспоминаетъ молодецъ, пойманный сыщиками, о прежней разгульной свободной жизни, и прибавляетъ: «теперь сижу во неволюшкѣ, а на шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя» (Лѣт. литер. IV, 77). Въ позднее время, какъ мнѣ извѣстно, рогулька служила у нѣкоторыхъ строгихъ помѣщицъ средствомъ для наказанія провинившихся дворовыхъ дѣвушекъ, потому что она мѣшала ложиться спать. Устройство ея было такого рода: на желѣзномъ обручѣ, который назначался для обхватыванія шеи, сидѣли три рожка, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга; каждый рожокъ, длиною четверти въ полторы, къ концу съуживался и представлялъ остріе. Обручъ, шириною въ полвершка, съ одной стороны разгибался при посредствѣ шалнера; на одномъ концѣ снабженъ былъ пробоемъ на другомъ—отверстіемъ, которое накладывалось на него. Надѣтый на шею, онъ запирался замкомъ, и рогатку невозможно было снять, пока она была заперта. Лѣтъ 20 тому назадъ, я имѣлъ случай видѣть такую вещь въ с. Стеньшинѣ, Липецкаго у., Тамбовской губ. Форма ея была такого вида:



1. Шалнеръ, гдѣ разгибается обручъ.
2. Замокъ, гдѣ запирается рогатка.

Арист.

Романистъ, ῥωμανίσιον, запоръ, засовъ; у Дюканжа Glos. med. graeci.— пробой. «У царьскихъ дверей же (въ Св. Софіи) есть мѣдянъ романистъ, рекше наровъ, въ нюже замычютъ и заключиваютъ царскія двери». Савваитовъ, Путеш. арх. Антонія, стр. 69. П. И. Савваитовъ замѣчаетъ, что царскими дверьми, βασιλικαὶ πύλαι, назывались двери, ведущія изъ притвора въ церковь (Дюканжъ, Const. christ. lib. III, p. 24); теперь же это названіе усвоивается у насъ только большимъ или среднимъ дверямъ въ иконостасѣ. Тутъ же, стр. 83· «И егда же заутренюю пѣти хотятъ у св. Софѣи, прежде поютъ предъ царьскими дверьми во притворѣ, и вышедъ поютъ посредѣ церкви и двери отворятъ райскія и третьяя поютъ у олтаря».

Гр. У.

Рюгенъ. Schriften über Rügen.

1. Lemnius (Georg Christoph.). Disputationes duae de insula Rugia. Uitebergae, 1678. 4°.
2. Gebhardi (G. C.). Dissert. de Arnona et Uineta. Gryphiae, 1691. 8°.
3. Gebhardi (G. C.). De veterum Rugianorum religione, qua probatur, Corbejam fuisse matrem primae ecclesiae christ. in Rugia. Grgph. s. a. (16).

4. Bicrälii (J.). Sechs Bücher vom alten Pommerlande. Stettin u. Leipzig, 1723. 4°.

5. Wackenroders (F. H.). Altes und neues Rügen. Stralsund. 1723. 4°

6. Fabarii (J. D.) Nöthige Erläuterungen des alten und neuen Rügen. Stralsund, 1730. 4°.

7. Steinbrück (J. J.). Von dem Götzendienst in Pommern und Rügen. Stettin, 1793. 4°.

8. Gebhardi (L. A.). Geschichte des Reichs Rügen (Allgemeine Welthistorie Thl. 52). Halle, 1793. 4°.

9. Zöllners (J. P.). Reise durch Pommern nach der Jnsel Rügen. Berlin, 1797. 8°.

10. (Rellesal). Ausflucht nach der Jnsel Rügen. Berlin, 1797. 8°.

11. Nernst (Carl). Wanderungen durch die Jnsel Rügen. Düsseldorf, 1800. 8°.

12. Streifzüge durch das Rügenland von Jndigena (J. J. Grümbke). Altona, 1805. 8°.

13. D-r. Kerners. Reise nach der Jnsel Rügen im Sept. 1807. Jm Octoberheft der Nordischen. Miscellen von 1807.

14. Wadzecks Reise durch Pommern u Rügen Jn. Beilagen zu Wadzecks Berliner Wochenblatt. Jahrg. 1816. Berlin.

15. Zappe (Carl). Mitgabe nach Rügen. Strals. 1818. 8°.

16. Grümbke (Joh. Jac.). Neue u. genaue geographische-statistische-historische Darstellungen von der Jnsel u. dem Fürstenthum Rügen. 2 Thel. Berlin, 1819. 8°.

17. Sundine. Unterhaltungsblatt für Neuvorpommern und Rügen. Stralsund, 1828—1848. 4°.

18. Meinhold (Wilh.). Miniaturgemälde von Rügen u. Usedom. Greifswald, 1830. 1

19. Barthold (Tr. W.). Geschichte von Rügen u. Pommern. 4 Theile. Hamburg, 1839—45. 8°. (Der. I. Band behandelt mit ziemlicher Ausführlichkeit die archaeolog. Verhältnisse Rügens)..

20. Ball (Ernst). Die Jnsel Rügen. Reiseerinnerungen Schwerin i. J. (185.) 8°. (Recht gutes Buch).

21. Rasch. Ausflug nach der Jnsel Rügen. Leipzig, 1865. 8°.

22. Muller (Edwig). Die Jnsel Rügen. Reiseführer. Berlin, 1869. 12°.

Baier.

Савельевъ Петръ, Вологодскій изуграфъ второй половины XVII столѣтія. См. Сергіевы.

Савинъ Истома, государевъ иконописецъ первой половины XVII столѣтія. Имъ написаны для сольвычегодскаго Благовѣщенскаго собора двѣ иконы Божіей Матери—Владимірская и Донская: первая вышиною въ 9 и шириною въ 7 вершковъ; вторая вышиною въ $1^1/_4$ арш. и шириною въ 14 вершковъ. По краямъ ризъ этихъ иконъ вычеканены слѣдующія надпи-

си—на первой иконѣ: «Лѣта 7111 октября въ 1 день сей образъ написанъ бысть по обѣщанію и повелѣнію Петра Семеновича Строганова, рукою Государева иконописца Истомы Савина. А украся, симъ образомъ благословила Евдокія Нестеровна, жена Семена Аникіевича Строганова, сына своего Петра въ роды и роды и въ предыдущіе роды родовъ, на вѣки вѣковъ»; на другой иконѣ: «Сей образъ писанъ Истомою Савинымъ, иконописцемъ Государевымъ, по обѣщанію Семена Аникіева Строганова, и имъ же украшенъ». Первая изъ этихъ иконъ, со всѣми ея украшеніями, похищена изъ собора въ 1842 году.

Савинъ Назарій Истоминъ, государевъ иконописецъ XVII столѣтія. Имъ написанъ мѣстный образъ Царевича Димитрія, находящійся въ сольвычегодскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ. На задней сторонѣ образа сдѣлана слѣдующая надпись: «Лѣта 7130, по повелѣнію Андрея Семеновича Строганова, писанъ сей образъ государевымъ иконописцемъ Назаріемъ Истоминымъ сыномъ Савинымъ». Длина образа 2 арш. 2 верш., а ширина 1 арш. 1 верш. Драгоцѣнныя украшенія этого образа похищены изъ собора въ 1842 году.

Савинъ Яковъ, домовый живописецъ казанскаго митрополита Сильвестра (1725—1731 г.). Бывъ взятъ насильно, безъ вѣдома митрополита, къ губернатору Артемію П. Волынскому на дворъ посланными отъ него солдатами, «свѣтлицы подмазывалъ и всякую живописную работу отправлялъ многое время, а за работу ему платы ни мало не дано» (Донес. м-та Сильв. Св. Сѵноду, въ Отеч. Зап. 1859 г., стр. 510).

Савинъ Θедоръ, Московскій иконникъ послѣдней половины XVI и первой XVII столѣтій. Онъ, вмѣстѣ съ другими мастерами, украшалъ настѣннымъ письмомъ сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ, какъ видно изъ слѣдующей лѣтописной надписи на южной, западной и сѣверной стѣнахъ въ соборѣ: «Лѣта отъ сотворенія міра 7068 отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1560 г., индикта 3, мѣсяца... основанъ сей храмъ соборной каменной Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи и съ придѣлы у Соли Вычегодской на посадѣ, при благовѣрномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи, и при великомъ господинѣ Макаріѣ митрополитѣ Московскомъ и всея Россіи, и при архіепископѣ Никандрѣ Ростовскомъ.—Лѣта основанія міра 7092, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1584 г., индикта 12, мѣсяца іюля въ 9 день освященъ бысть храмъ соборной каменной Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи у Соли Вычегодской на посадѣ, при благовѣрномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Θеодорѣ Ивановичѣ всея Россіи, въ первое лѣто государства его, и при его благовѣрной княгинѣ Иринѣ Θеодоровнѣ всея Россіи, и при великомъ господинѣ Діонисіѣ митрополитѣ московскомъ и всея Россіи, и при архіепископѣ Евфиміѣ Ростовскомъ. А ставили сей храмъ своею казною Іоанникій Θедоровъ сынъ Строгановъ, и дѣти его: Яковъ, Григорій и Симеонъ, и его внучата: Максимъ Яковлевъ сынъ, да Никита

Григорьевъ сынъ, да Андрей и Петръ Семеновы дѣти Строгановы, и по себѣ на память и на поминокъ нынѣ и впредь.—Лѣта Отъ сотворенія міра 7108, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1600, индикта 13, маія въ 11 день у Соли Вычегодской на посадѣ соборной храмъ каменной Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы начатъ подписывати внутри и съ олтаря и съ придѣломъ Іоанна Богослова настѣннымъ письмомъ московскіе иконники Өедоръ Савинъ да Стефанъ Арефіевъ съ товарищи, и совершено того жъ лѣта августа въ 29 день, строеніемъ и повелѣніемъ Никиты Григорьева сына Строганова.—Лѣта отъ сотворенія міра 7109, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1601, индикта 14, мѣсяца сентября въ 28 день освященъ бысть храмъ соборной Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи у Соли Вычегодской на посадѣ въ другой рядъ, послѣ подписи настѣннаго письма въ церкви и въ олтарѣ для придѣлки престольныхъ и царскихъ дверей, при благовѣрной государынѣ царицѣ и великой княгинѣ инокинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ всея Россіи, и при благовѣрномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Өеодоровичѣ всея Россіи, въ третіе лѣто государства его, и при его благовѣрной государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Маріи, и при ихъ благородныхъ чадѣхъ: царевичѣ князѣ Өеодорѣ Борисовичѣ и царевнѣ княгинѣ Ксеніи Борисовнѣ, и при святѣйшемъ патріархѣ Іовѣ Московскомъ и всея Россіи, и при митрополитѣ Ростовскомъ Варлаамѣ».

Сергіевы, Ермолай и Яковъ, Вологодскіе изуграфы второй половины XVII столѣтія. Иконы, написанныя ими для вологодскаго Софійскаго собора, находятся нынѣ въ Богоявленской Раменской церкви Грязовецкаго уѣзда. На иконѣ, изображающей пророка Гада, находится слѣдующая надпись: «Лѣта 7195 году мѣсяца іюня въ 8 день, по благословенію преосвященнаго Гавріила, архіепископа Вологодскаго и Бѣлоезерскаго, и трудившимися Вологодскими изуграфы: Ермолаемъ и Яковомъ Сергіевы, да Григорья Агіева, Өедора Григорьева, Семена Карпова, Петра Савельева, Тимофея Петрова, во славу Богу».

Сав.

Синолой или силолои (ξύλον ἀλόη?)—восточное дерево, которое употреблялось въ древней Россіи на разныя издѣлія и на лѣкарства. Объ немъ записано въ посланіи новгородскаго владыки Василія слѣдующее: «Четыре рѣки идутъ изъ рая.... Нилъ же подъ Египтомъ, ловять въ немъ силолои» (П. С. Лѣтоп. VI, 87). Чтобы яснѣе понять это мѣсто, нужно обратиться за разъясненіемъ къ стариннымъ лѣчебникамъ; въ одномъ изъ нихъ, XVII стол., находимъ такой рецептъ: «У кого великій огнь въ очахъ. Синолой древо приходитъ изъ рѣки Нила, коя изъ рая идетъ во Египетъ,—а живетъ двои (т. е. дерево двухъ родовъ): единъ чернъ, а другой черленъ, и тотъ лутче (первый). Порохъ учинити въ немъ съ водою, пускай въ очи больные,—уздравливаетъ» (Лѣчебн. Московс. Синод. Библ. № 480 л.

44 об., рецептъ 27-й). Слѣдоват. здѣсь рѣчь идетъ о райскомъ деревѣ **красномъ и черномъ**, изъ котораго выдѣлывали въ Россіи кресты и цѣнили дорого. Въ духовномъ завѣщаніи Бѣлозерца, до 1570 г., означено: «взяти одинъ большой крестъ съ мощми у Веденья преч. Богородици на острову да поставити у Рожества, а другой крестъ **синолоенъ**, серебромъ обложенъ, оставити у Веденья» (А. Юрид. № 421, стр. 453). Другое названіе дерева **сикалой**, встрѣчающееся въ нашихъ памятникахъ, должно быть совершенно отличное отъ **синолоя**. Не потому ли оно иногда называется **кизиль**, что составляетъ переводъ греч. слова ξύλον? Даніилъ паломникъ (начала XII в.) дерево, растущее на берегахъ Іордана, считаетъ похожимъ на кустъ растенія **ксиляжь** (кисляжь, силязь); «но нѣсть наша лоза», т. е. не русская, «но инака, яко **ксиляжи** подобно есть». Это деревцо **кизиль** имѣетъ сходство съ кустами arbutus andrachnae, растущими въ изобиліи на берегахъ Іордана (Путеш. Даніила 1864 г., стр. 54, 61). О словѣ «**сикалой**» см. разъясненіе гр. Уварова въ Трудахъ Моск. Археол. Общ. т. I, 2, Матеріалы для Словаря, 72.

Арист.

Смирновъ Никифоръ, домовый иконописецъ казанскаго митрополита Сильвестра; извѣстенъ по донесенію м-та въ Сvнодъ (Отеч. Зап. 1859 г., стр. 506).

Соколовъ Аѳанасій Петровъ, Устюжскій иконописецъ второй половины XV столѣтія. Въ Троицкомъ Устьсысольскомъ соборѣ находится его работы мѣстный образъ Святой Троицы, съ изображеніемъ по сторонамъ страданій Спасителя; на этомъ образѣ сдѣлана слѣдующая надпись: «187 году октября 12 дня совершишася (sic) сия святая икона въ державѣ Московскаго государьства на Устьюге Великомъ а писалъ оустюжанинъ Афанасій Петровъ Соколовъ а за золото і за краски і за работу і за все взялъ пятнацеть рублевъ». Его же работы изображеніе чудесъ Пресвятой Богородицы, около иконы ея Владимірскія, находится въ иконостасѣ надвратной церкви Великоустюжскаго Архангельскаго монастыря; на задней сторонѣ этой иконы сдѣлана слѣдующая надпись: «Написанъ сей святый образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія въ лѣто 7070 мѣсяца мая въ 5 день въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ при державѣ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи и при митрополитѣ Афанасіи того же Богоспасаемаго града Москвы. Чудеса ея Пресвятыя Богородицы начаты писать 187 года ноября въ 20 день и совершены того же года апрѣля въ 17 день а писаны на Устюгѣ Виликомъ. Писавый сіи чудеса устюжанинъ Аѳанасій Петровъ Σоколоw по обѣщанію устюжанина Ивана Анисиѳорова Malcowa. А поставленъ во 190 году октября въ 22 день по обѣщанію того же боголюбца на Устюгѣ Великомъ въ дому Пресвятыя Богородицы чеснаго ея Введенія и собора Архистратига Божія Михаила и Гавріила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ и преподоб-

наго отца нашего Кипріана начальника монастыря сего, при архимандритѣ Іоасафѣ въ первое лѣто паствы его, въ честь и славу Пречистой Богородицѣ и на поклоненіе многочастному собранію и всему православному христіанству душевнаго ради спасенія и вѣчнаго поминовенія. Церкви святыхъ женъ мvроносицъ дьякъ JWAN Анисифоровъ сынъ по реклу Мальцовъ».

Соловьевъ Димитрій, иконописецъ Конторы строеній (метрич. кн. ц. Воскр. на. Вас. остр. 1727 г.; № 93, отд. 1, въ Спб. дух. конс.). Иконы работы его съ Матвеевымъ находятся въ С.Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ, въ церкви Сvмеона Богопріимца и въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ.

Стефановъ Яковъ, дворцовый живописецъ первой половины XVIII столѣтія (метрич. кн. Ямской ц. 1728 г., № 726, отд. 3, въ Спб. дух. конс.). Работы его неизвѣстны.

Сав.

Стоянье. Въ описаніи каменной церкви св. Іоанна, въ городѣ Холмѣ, Люблинской губ., сказано (П. С. Л. II. 196. 1259 г): «зданье же сѣ сице бысть: комары (арки) 4, съ каждаго угла преводъ, и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человѣцскихъ изваяно отъ нѣкоего хитреца». Слѣдовательно арки или комары упирались на стояньѣ или кронштейнѣ, сдѣланномъ въ видѣ человѣческой головы, какъ кронштейны въ романскихъ церквахъ. Преводъ?

Теремъ великій. «На той же на лѣвой странѣ горѣ у терема великаго сошита пазуха златомъ». Теремомъ великимъ называется здѣсь куполъ храма, θόλος τροῦλος. Пазуха—кривизна или навѣсъ свода, ниша, углубленіе. Савваитовъ, Пут. арх. Антонія, стр. 72.—Не названъ ли тутъ пазухою одинъ изъ двухъ обширныхъ сводовъ, которые простирались въ св. Софіи надъ восточною и надъ западною частью храма? См. Salzenberg. Agia Sophia. 4 кани золота или $16^1/_4$ пудовъ золота должны были покрыть обширное пространство.

Гр. У.

Терентій, пресвитеръ устюжскій, «хитръ живописецъ» XVI столѣтія. Онъ написалъ для Сольвычегодскаго Борисоглѣбскаго монастыря (нынѣ приходская церковь, болѣе извѣстная подъ именемъ церкви «Чудотворцевъ») образъ святыхъ Прокопія Устюжскаго и Варлаама Хутынскаго въ моленіи къ Господу Богу (Жит. Прок. Устюж. по моему сп., л. 234). Въ мѣстной лѣтописи годъ написанія этого образа означенъ 7052 (1544).

Сав.

Терентій Кириловъ, Серебряной Государевой Палаты мастеръ; въ царствованіе ц. Алексѣя Михаиловича имъ сдѣланы для Коломенскаго Спасо-

Сумориня монастыря потиръ, дискосъ и евангеліе, теперь хранящ:еся въ Уфѣ, въ Успенскомъ мужескомъ монастырѣ, куда они переданы въ 1798 году изъ уничтоженнаго Спасо-Суморина монастыря. На потирѣ и доскосѣ вычеканено: ро го мца октоврія въ а днь сіи стыя сосуды црковные далъ вкладу всемилости вому спсу вмонастыі что наколоне на посаде посадкої чля Іванъ Іяковлевъ снъ Поповъ по своіхъ родителей: сиї сосуды дела гдвъ серебрене полаты мастеръ терентеї кириловъ при архимандрите еустафіе. Евангеліе, окладъ котораго работанъ Кириловымъ,—въ $^1/_2$ л. московской печати 1647 года. Подробное описаніе этого Евангелія имѣется въ Археологическомъ Обществѣ: окладъ серебряный, вызолоченный, очень хорошей работы; на верхней доскѣ Воскресеніе Христово, 4 Евангелиста и 3 Святителя: Василій, Іоаннъ и Григорій Богословъ сдѣланы рельефно, и здѣсь же по краямъ идетъ надпись, что самое Евангеліе обложено и пожертвовано Спасо-Суморину монастырю въ томъ же году, какъ и сосуды и тѣмъ же коломенскимъ посадскимъ Поповымъ. На одной застежкѣ Евангелія (ихъ двѣ; онѣ и сосуды состоятъ изъ серебряныхъ вызолоченныхъ дощечекъ) вычеканено: сие стое евангиліе дѣлалъ гдрьвы серебреныя палаты мастер Терентій Кирилов· Вѣроятно подобныя работы Кирилова найдутся и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Р. Игн.

Тимоѳей, Ярославскій иконописецъ первой половины XVIII столѣтія. Въ одной рукописной книгѣ Владимірской Заоникіевой пустыни (въ Вологодскомъ уѣздѣ) записано, что 2 іюня 1717 года вологодскій епископъ Павелъ «призва къ себѣ Соѳейского своего собору священника Максима Яковлева и повелѣ ему написать на плащаницѣ образъ преподобнаго Іосифа; а града Ярославля иконописцу Тимоѳею повелѣ написать образъ съ чудотворныя иконы въ подобіе явленія ея, каковъ за Оникьевымъ стоитъ во святѣй церкви ея съ чудесы, во увѣреніе впредь будущему христіанскому роду, во славу и въ похвалу Божія Матери и Ея служителю новому чудотворцу Іосифу» (Приб. къ Волог. епарх. вѣдом. 1865 г. № 12, стр. 454).

Сав.

Трудоватица, больница, νοσοκομεῖον λωβοκομεῖον, nosocomium, valetudinarium,—отъ трудъ (тржди), болѣзнь, νόσος, morbus. Лука XIV, 2; Дѣян. XXVIII, 8; Востоковъ, Остром. Еван. л. 109: водьны тржда. «А за трудоватицахъ за Испигасомъ на горѣ святой». Савваитовъ, Путеш арх. Антонія, 163.

Гр. У.

Черный Леонтій, приказный въ Софійскомъ дому Новгородскаго митрополита Аѳеонія, бывшій прежде царскимъ иконописцемъ. Въ 1640 году онъ поновлялъ чудотворную икону Знаменія Пресвятыя Богородицы въ Нов-

городскомъ Знаменскомъ соборѣ (Грам. царя Мих. Өеодор. м-ту Аөөонію, 9 сент. 7149 г.).

Яковлевъ Максимъ, священникъ вологодскаго Софійскаго собора, иконописецъ первой половины XVIII столѣтія. См. Тимоѳей.

Сав.

Ярославская губернія. Библіографія.

1. Ярославскія Губернскія Вѣдомости, начавшіяся съ 1831 года.
2. Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости, начавшіяся съ 1859 года.
3. Родословіе Ярославскихъ князей, 1838 г.
4. Ярославскіе Сборники 1849 и 1850 гг. Двѣ книги, болѣе литературнаго содержанія, чѣмъ ученаго; впрочемъ есть нѣсколько статей историческихъ.
5. История Ярославля. Троицкаго, 1853 г.

(Древнія-Святыни Ростова-Великаго, какъ книгу столичную, ставлю въ скобкахъ).

6. Описаніе Рыбинска. Гумилевскаго, 1837 г.
7. Исторія Углича. Кисселя, 1846 г.
8 Описаніе Мышкина. Мечеходовскаго, 1861 г.
9. Описаніе Пошехонья. Мечеходовскаго, 1861 г.
10. Исторія Демидовскаго лицея. Гладкова, 1853 г.
11. Ростовскій уѣздъ. Хранилова, 1856 г.
12. О фабрикахъ и заводахъ Ярославской губ. Мейшена, съ промышленной картой, 1857 г.
13. Путеводитель по Ярославской губерніи. Ѳ. Никольскаго, 1859 г.
14. Хронологическій указатель іерарховъ Ростовскія и Ярославскія паствы. 1859 г. Арх. Нила.
15. Обзоръ историко-статистическій Ростовско-Ярославской епархіи. Крылова, 1861 г.
16. Церковно-археологическое описаніе Ярославля 1861 г.
17. Іерархи Рост.-Яросл. паствы. 1864 г.
18. Монастыри существующіе: Яковлевскій. Селецкаго, 1849 г.
19. » » » » Рождественскій въ Ростовѣ. Свящ. Аристарха Израилева, 1857 г.
20. » » » » Авраамієвъ-Богоявленскій. Арх. Іустина Охотина, 1862 г.
21. » » » » Спасскій Ярославскій. Арх. Нила, 1862 г.
22. » » » » Казанскій Ярославскій. Лебедева, 1862 г.
23. » » » » Толгскій Ярославскій. Крылова, 1860 г.
24. » » бывшіе. Воскресенскій на Обнорѣ. Крылова, 1860 г.
25. » » » » Смоленскій на бору. Крылова, 1860 г.
26. Памятная Книжка Ярославской губ. на 1862 г.
27. Труды Ярославскаго Статистическаго Комитета.

Курганы Ярославской губерніи, Мологскаго уѣзда.

A) Сицкіе курганы:

1)	Ильинская группа (лѣв. бер.)	3
2)	Кург. въ пустоши Иванищахъ (прав. бер.)	9
3)	Кург. подъ дер. Лопатьево (лѣв. бер.)	1
4)	Лопатинскія группы (лѣв. бер.)	10
5)	Лопатинскія группы (лѣв. бер.)	11
6)	Михалевская группа (лѣв. бер.)	62
7)	Игнатовская — — (— —)	8
8)	Семеновская (прав. бер.)	9
9)	Первая покровская (лѣв. бер.)	9
10)	Вторая покровская (— —)	3
11)	Торонковскій курганъ (прав. бер.)	1
12)	Первая Мерзлѣевская (лѣв. бер.)	11
13)	Вторая — — — (— —)	5
14)	Третья — — — (— —)	8
15)	Четвертая (Турбановская) (— —)	35
16)	Первая Губинская (— —)	6
17)	Вторая (— —)	7
18)	Одиночный кург. на р. Звѣрянѣ (— —)	1
19)	Одиночный кург. къ сѣв. отъ Губина (— —)	1
20)	Сущевская (— —)	3
21)	Берелевская (— —)	11
22)	Кург. у дер. Иванъ-Святой (— —)	1
		215.

B) Моложскіе курганы:

23)	Большая Владимірская (прав. бер.)	83
24)	Малая Владимірская (прав. бер.)	37
25)	Борисоглѣбскіе курганы (смыло) (прав. бер.)	10
26)	Боронишинскіе курганы (лѣв. бер.), распаханы	2
		132.

C) Себельскіе курганы:

27)	Чунинскій кург. (лѣв. бер.)	1
28)	Стройковскій кург. (правая сторона)	1
29)	Кург. въ пустоши Кесарихѣ (прав. ст.)	19
30)	Себельская группа (прав. бер.)	47
31)	Малая Кривцовская (на лѣв бер.)	2
32)	Большая Кривцовская (на лѣв бер.)	35
33)	Группа по лѣв. стор. дор. изъ Мусина (прав. ст.)	5
34)	Группа по прав. ст. дор. изъ Мусина (прав. ст.)	3
35)	Первая Каменковская (лѣв. бер.)	6
36)	Вторая — — — (— —)	4

37) Третья — — — (— —).	6
38) Горинская (прав. бер.)	11
39) Маниловская (прав. стор.).	6
	146.

Д) Курганы р. Лամы:

40) Яковлевская группа. . } лѣв. бер.	21—22
41) Лукинскіе курганы. . } лѣв. бер.	3
42) Абросовскій курганъ (лѣв. стор.)	1
	25—26.

Е) Курганы прочихъ мѣстностей:

43) Кург. въ 6 верстахъ отъ Коскова и 12 отъ Торонкова. .	10—12
44) Гребенинскіе курганы.	.
45) Кург. въ пуст. Лаѳутинъ мохъ.	.
46) Ѳедорковскіе курганы.	4
47) Волжскій курганъ.	1
48) Севастьяновскіе курганы.	2
49) Курганъ на ручьѣ Кудашъ.	1
	болѣе 20.

Итого около 540.

Перечень кургановъ прочихъ уѣздовъ Ярославской губерніи.

А) Ярославскій уѣздъ:

1. Тимеревская группа; находится въ 5 в. отъ города, по правую сторону московскаго шоссе, между деревнями: Зиновскою, Большимъ и Малымъ Тимеревымъ. Всѣхъ насыпей болѣе 150.

2. Заморинская группа; находится между селомъ Спасскимъ (въ 20 в. отъ города, между Суздальскимъ трактомъ и Которостью) и дер. Заморино. Болѣе 10.

3. Курганъ въ верстѣ отъ д. Булахово къ с. Никольскому на Бою.

4. Холмы по правую сторону шоссе: Николобойскій, Лаврентьевскій, Благовѣщенскій и Чудиновскій, образующіе почти равносторонній треугольникъ, ограничивающій площадь въ 35 квадр. в. На лѣвой сторонѣ шоссе холмы: Аѳимьинъ, Огаревъ, Творинскій, а село Творино находится въ 27 в. отъ Ярославля, въ 6 в. отъ села Огоревъ Холмъ и въ 2-хъ отъ Аѳимьина Холма (урочище).

В) Ростовскій уѣздъ:

1) Курганы на Сарѣ.

2) « « « вь лѣсу близь села Талицъ, въ 25 в. отъ Р.

3) « « « на лѣв. б. р. Нерли, на границѣ Рост. и Пересл. уѣзд. на 20 верстахъ.

4) « « « въ окрестностяхъ д. Дертниковъ.

5) « « « въ 3 в. отъ Петровска, по прав. стор. шоссе, числомъ 4.

6) « « « близъ села Деболы.
7) « « « близъ села Шугори.
8) « « « близъ села Пужболы.
9) « « « близъ села Шулепъ.

C) Угличскій уѣздъ:

1) Курганы близъ села Клементьева, около 70.
2) « « « близъ дер. Жуковой, числомъ 20.
3) « « « на ручьѣ Гремячъ.
4) « « « въ урочищѣ Семенковская Сѣчь.

D) Рыбинскій уѣздъ:

1) Курганы на р. Юхоти.
2) « « « около дер. Юрьевца и Рѣпищь.
3) « « « близъ села Михайла-Архангела, болѣе 20.
4) « « « близъ села Александрова Пустынь.
5) « « « близъ села Елохова.
6) « « « у большой дороги изъ Рыбинска въ Пошехонье, въ лѣсу.

E) Мышкинскій уѣздъ:

1) Курганы близъ Шестихинскаго погоста.

F) Пошехонскій уѣздъ:

1) Курганы близъ села Шуморова (въ 65 в. отъ уѣзднаго города).

G) Любимскій уѣздъ:

1) Курганы близъ погоста Пречистаго.
2) « « « близъ села Мечеходова.
3) « « « близъ села Корчкодамъ, числомъ 7.

H) Романовскій уѣздъ:

1) Курганы на лѣв. берегу Волги, противъ сельца Краснаго.
2) « « « близъ села Ратмирова.

В. Ласто.

Ѳалѣевъ Ѳедоръ Семеновъ, Калужанинъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія писалъ образа для Боголюбской церкви села Ползикова (въ 16-ти верстахъ отъ г. Черни), какъ видно изъ надписи церковной: «Лѣта 1731 году маія 30 дня почелась строитца каменная церковъ во имя Пресвятыя Богородицы Боголюбскія по обѣщанію господина столника Игнатья Андрѣева сына Ползикова, а по немъ дѣти ево стряпчего Григоря Ігнатьева сына Ползикова, а по Григори достроилъ сію церковъ і иконное писаніе і иконостасъ і всякую утваръ церковную братъ ево родної Левъ Ігнатьевъ сынъ Ползиковъ 1731 году в сентебре мѣсяце тогожъ году і освещена в ноемврі мѣсяце а преставися рабъ Божи Ігнатей 1707 году в марте въ 20 день а сынъ ево преставися рабъ Божи Грігорей 1731 году маия 29 дня. Писал сіи иконы калужени̅н Ѳеѡдѡръ Сумеѡнов снъ Ѳалѣевъ.

Ѳеодосій, сынъ Діонисія, иконописецъ второй половины XV столѣтія. См. Васcіанъ.

Сав.

Третій томъ Трудовъ Московскаго Археологическаго Общества въ 3-хъ выпускахъ, съ гравюрами и политипажами.

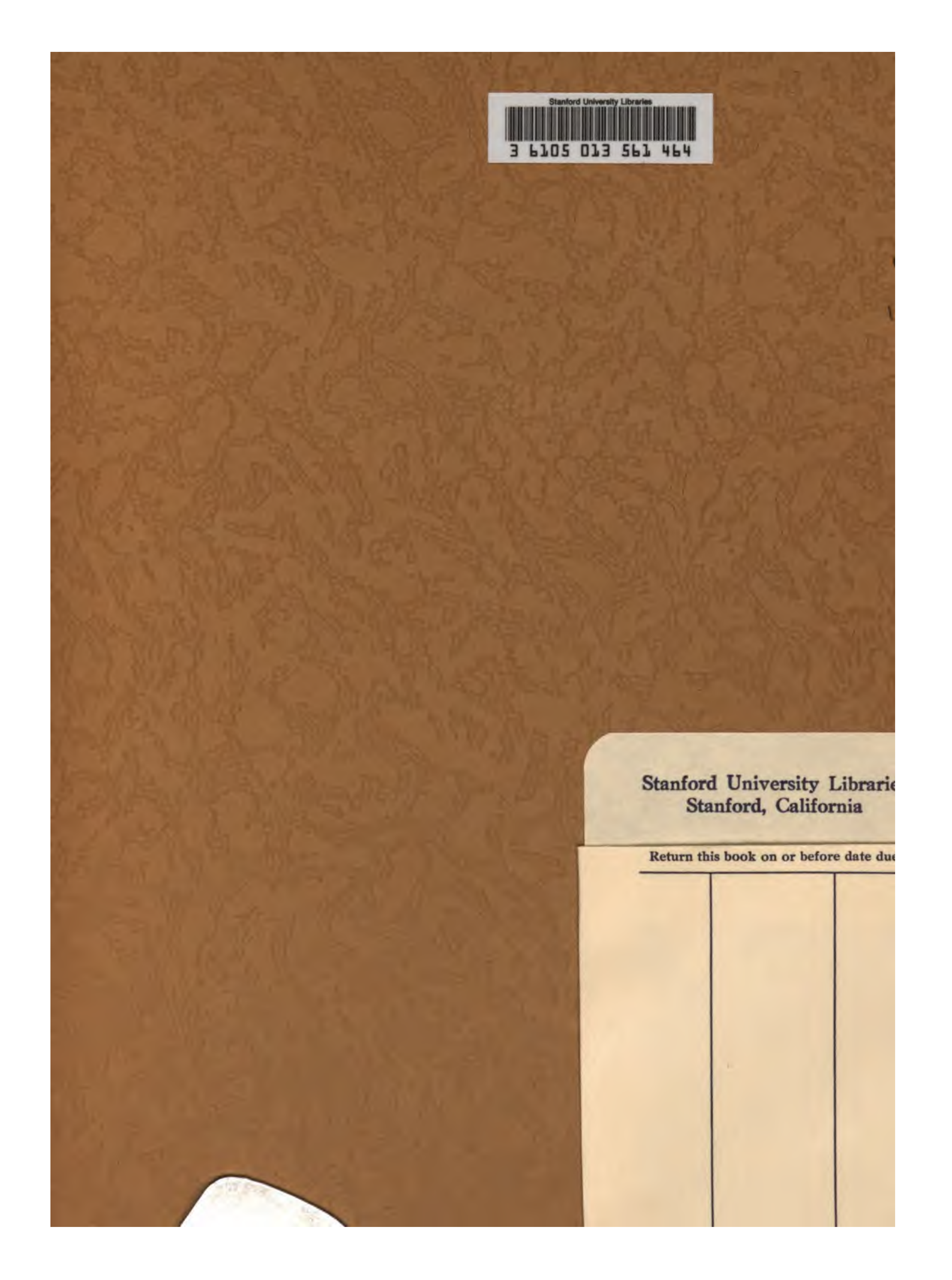
Цѣна третьяго выпуска 2 руб. сер.

Продается въ Москвѣ, въ книжныхъ лавкахъ Соловьева и Глазунова и въ собственномъ домѣ Общества, на Берсеневкѣ, у большаго каменнаго моста.

Тамъ же продаются слѣдующія изданія Общества:

1. Древности. Томъ I, выпускъ 1-й, цѣна 3 р. с.
2. — „ — „ Томъ I, выпускъ 2-й. цѣна 3 р. с.
3. — „ — „ Томъ II, выпускъ 1-й, цѣна 2 р. с.
4. — „ — „ Томъ II, выпускъ 2-й, цѣна 2 р. с.
5. — „ — „ Томъ II, выпускъ 3-й. цѣна 2 р. с.
6. — „ — „ Томъ III, выпускъ 1-й, цѣна 2 р. с.
7. — „ — „ Томъ III, выпускъ 2-й. цѣна 2 р. с.
8. Археологическій Вѣстникъ на 1867 г. 6 книжекъ. Цѣна 6 р. с.
9. Описаніе Кіева. Соч. Н. Закревскаго. 2 тома съ атласомъ. Цѣна 7 р. с.
10. Труды перваго археологическаго съѣзда, въ двухъ томахъ, съ атласомъ, цѣна 25 р. с.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.



Stanford University Libraries
3 6105 013 561 464
Stanford University Librarie
Stanford, California
Return this book on or before date du